

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2011

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки),
12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – президент АН РТ академик **А.М. Мазгаров**
Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
член-корреспондент АН РТ **Р.С. Хакимов**
Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
главный редактор издательства «Фэн» АН РТ,
кандидат исторических наук **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Кляшторный С.Г., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хасанова Г.М., кандидат филологических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор – 292-40-34

Зам. гл. редактора – 292-84-82

Ответ. секретарь – 292-15-64

E-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Редактор **А.Г. Аксенова**

Технический редактор

В.Н. Галкина

Переводчик *Д.К. Вахитова*

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Подписано в печать 14.04.2011.

Формат 70x108 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 500 экз.

Заказ 03-11/03-3.

Отпечатано в типографии «Логос».

420108, г.Казань, ул.Портовая, 25а

Тел.: (843) 231-05-46, 231-05-61

Факс (843) 231-08-71

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2011

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2011

7	Указ Президента Республики Татарстан о присуждении Государственных премий Республики Татарстан 2010 года в области науки и техники
11	Мазгаров А.М. Вклад в мировую копилку опыта и знаний
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	
15	Хакимов Р.С. Евразия: история будущего (отрывки)
32	Горбачев М.С. Причины общественно-политических изменений в СССР и курс на перестройку
39	Шаймиев М.Ш. Новая страница в истории Татарстана
46	Морозов О.В. Идеология обкома КПСС в годы перестройки
49	Мухаметшин Ф.Х. Значение законотворчества Верховного Совета Республики Татарстан для закрепления статуса Республики Татарстан
58	Паин Э.А. Федеративные отношения в 1990-е годы и их роль в укреплении целостности России
* * *	
63	Сергеева Г.И. Повышение эффективности государственной службы. Законодательные аспекты
71	Кондрашов В.П. Значение справедливости в социальной политике государства
79	Краснов А.В. Отдельные аспекты дуализма содержания санкций норм права
85	Насырова Л.Г. Тенденции развития нормативно-правового регулирования отношений в сфере использования иностранной рабочей силы на российском рынке труда
ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ	
90	Рыбаков С.В. К полемике о характере Великой Отечественной войны
97	Мальшева О.Л. Великая Отечественная война: на острие дискуссий
104	Кабирова А.Ш. Вклад Татарстана в Победу в Великой Отечественной войне: оценки и современные подходы (новейшая историография вопроса)
117	Кантор Ю.З. Территория «Остланд»: прибалтийская специфика (по материалам архивов России и стран Балтии)
125	Иванов А.А. Татарстан – один из тыловых арсеналов Победы
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	
133	Хайрутдинов Р.Р. Изучение, охрана и реставрация памятников Болгарского городища в 1930–1950-е гг.
146	Ситдиков А.Г., Валеев Р.Р., Шакиров З.Г. Археологические исследования в Болгаре и Свияжске в 2010 г.

* * *

153 **Аминева В.Р.** Фатих Амирхан и русская литература: типологические параллели

164 **Ибрагимов М.И.** Творчество Х.Такташа в контексте татарской и русской поэзии 1910–1920-х гг.: проблемы поэтики

НАУКА. ОБЩЕСТВО. ОБРАЗОВАНИЕ

173 **Махмутова А.Х.** Возрождение и развитие системы образования татар-мусульман в Волго-Уральском регионе в конце XVIII – начале XX вв.

195 **Исхаков Р.Р.** Школьное просвещение крещеных татар в XIX в.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

209 Памяти Камиля Ахметовича Валиева

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

211 **Коллектив.** Государственность Республики Татарстан: история и современность

211 **Коллектив.** Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья

212 **Коллектив.** Средневековые тюрко-татарские государства

213 **Коллектив.** Татарские мурзы и дворяне: история и современность

213 **Хамидуллин Л.Х.** Дэрдменд. В серии «История татар в лицах»

215 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

- 7 The decree of the President of Tatarstan on awarding the state prizes of Tatarstan Republic of 2010 in the field of science and technology
- 11 **Mazgarov A.M.** Contribution to the world's box of experience and knowledge

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF STATE STRUCTURING

- 15 **Khakimov R.S.** Eurasia: history of the future
- 32 **Gorbachev M. S.** Reasons of social and political changes in the USSR and the course for reformation
- 39 **Shaimiev M.Sh.** New page in the history of Tatarstan
- 46 **Morozov O.V.** Ideology of the regional committee of KPSS in the period of reformation
- 49 **Mukhametshin F.Kh.** Significance of lawmaking of Supreme Council of the Republic of Tatarstan for consolidation of the status of the Republic of Tatarstan
- 58 **Pain E.A.** Federative relations in the 1990s and their role in consolidation of Russia's integrity

* * *

- 63 **Sergeeva G.I.** Increase of the effectiveness of public service. Legislative aspects
- 71 **Kondrashov V.P.** Significance of justice in the social policy of the state
- 79 **Krasnov A.V.** Separate dualistic aspects of the sanction of legal proposition
- 85 **Nasyrova L.G.** Tendencies of the development of the normative legal regulation of the relations in the sphere of using foreign labor force in Russian labour-market

MONUMENTS OF THE GREAT VICTORY

- 90 **Rybakov S.V.** Polemics about the character of the Great Patriotic War
- 97 **Malysheva O.L.** Great Patriotic War: on the edge of discussions
- 104 **Kabirova A.Sh.** Contribution of Tatarstan to the victory in the Great Patriotic War: judgements and modern approaches (recent historiography of the question)
- 117 **Kantor Yu.Z.** «Ostland» territory: Baltic peculiarity (on the basis of archives of Russia and Baltic States)
- 125 **Ivanov A.A.** Tatarstan is one of the rear arsenals of Victory

CULTURAL HERITAGE

- 133 **Khairutdinov R.R.** Investigation, protection and restoration of the monuments of Bolgar site in 1930–1950
- 146 **Sitdikov A.G., Valeev R.R., Shakirov Z.G.** Archaeological investigations in Bolgar and Sviyazhsk in 2010

* * *

- 153 **Amineva V.R. F.** Amirkhan and Russian literature: typological parallels
 164 **Ibragimov M.I.** Creative activity of Khadi Taktash in the context of Tatar and Russian poetry of 1910-1920: problems of poetics

SCIENCE. SOCIETY. EDUCATION

- 173 **Makhmutova A.Kh.** Renaissance and development of the system of education among the Tatars-Moslems in the Volga Ural region at the end of the XVIII century beginning of XX centuries
 195 **Iskhakov R.R.** School enlightenment of christened Tatars in the XIX century

IN MEMORY OF THE SCHOLAR

- 209 In memory of Kamil Akhmetovich Valiev

NEW BOOKS. REVIEWS

- 211 **Group of authors.** Statehood of the Republic of Tatarstan: history and modernity
 211 **Group of authors.** Historical fates of the peoples of the Volga and Ural regions
 212 **Group of authors.** Medieval Turkic-Tatar States
 213 **Group of authors.** Tatar murzas and noblemen: history and modernity
 213 **Khamidullin L.Kh.** Derdmend. The series «History of the Tatars in personalities»

ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

**О присуждении Государственных премий Республики Татарстан
2010 года в области науки и техники**

Рассмотрев предложения Комиссии при Президенте Республики Татарстан по Государственным премиям Республики Татарстан в области науки и техники, **постановляю:**

за значительный вклад в развитие естественных, технических и гуманитарных наук, разработку и внедрение принципиально новых технологий, выдающиеся производственные результаты, полученные на основе внедрения достижений науки и техники, присудить Государственные премии Республики Татарстан 2010 года в области науки и техники и присвоить звание «Лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники»:

1. За работу «Органические производные фуллеренов – «строительные» блоки при создании наноматериалов для электроники и медицины»

Нуретдинову Ильдусу Аглямвичу, доктору химических наук, профессору, члену-корреспонденту Академии наук Республики Татарстан, заведующему лабораторией химии углеродных наноматериалов Института органической и физической химии им. А.Е. Арбузова Казанского научного центра Российской академии наук, руководителю работы;

Губской Валентине Петровне, кандидату химических наук, старшему научному сотруднику лаборатории химии углеродных наноматериалов Института органической и физической химии им. А.Е. Арбузова Казанского научного центра Российской академии наук;

Звереву Владиславу Васильевичу, кандидату химических наук, старшему научному сотруднику лаборатории оптической спектроскопии Института органической и физической химии им. А.Е. Арбузова Казанского научного центра Российской академии наук;

Романовой Ирине Петровне, доктору химических наук, ведущему научному сотруднику лаборатории металлоорганических и координационных соединений Института органической и физической химии им. А.Е. Арбузова Казанского научного центра Российской академии наук;

Фазлеевой Гузаль Мидихатовне, кандидату химических наук, научному сотруднику лаборатории химии углеродных наноматериалов Института органической и физической химии им. А.Е. Арбузова Казанского научного центра Российской академии наук;

Юсуповой Гульшат Гумаровне, кандидату химических наук, научному сотруднику лаборатории металлоорганических и координационных соединений Института органической и физической химии им. А.Е. Арбузова Казанского научного центра Российской академии наук;

Янилкину Виталию Васильевичу, доктору химических наук, старшему научному сотруднику лаборатории электрохимического синтеза Института органической и физической химии им. А.Е. Арбузова Казанского научного центра Российской академии наук.

2. За цикл работ «Взаимодействие оптического излучения с веществом: теория, эксперимент, приложения»

Салахову Мякзюму Хамимулловичу, доктору физико-математических наук, академику Академии наук Республики Татарстан, президенту Казанского (Приволжского) федерального университета, руководителю работы;

Гайнутдинову Ренату Хамитовичу, доктору физико-математических наук, профессору кафедры оптики и нанофотоники Казанского (Приволжского) федерального университета;

Гильмутдинову Альберту Харисовичу, доктору физико-математических наук, члену-корреспонденту Академии наук Республики Татарстан, министру образования и науки Республики Татарстан;

Камаловой Дине Илевне, доктору физико-математических наук, профессору кафедры оптики и нанофотоники Казанского (Приволжского) федерального университета.

3. За работу «Механизм сопряжения процесса циркуляции калия в растениях и поглощения воды корнем как основа приема повышения устойчивости сельскохозяйственных культур к засухе»

Зялалову Абдуллазяну Абдулкадыровичу, доктору биологических наук, главному научному сотруднику Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан;

Газизову Ильдару Сабировичу, кандидату биологических наук, начальнику отдела координации и развития научных исследований Министерства образования и науки Республики Татарстан.

4. За цикл работ «Химическая технология неорганических веществ»

Ахметову Тимерхану Габдулловичу, доктору технических наук, профессору, ведущему научному сотруднику ЗАО «Республиканский научно-производственный центр “Семрут”», руководителю работы;

Хацринову Алексею Ильичу, доктору технических наук, профессору, заместителю директора по научно-исследовательской работе федерального казенного предприятия «Государственный научно-исследовательский институт химических продуктов»;

Ахметовой Лилии Тимерхановне, кандидату химических наук, заместителю директора по науке ООО «Ант»;

Гайсину Ленару Гайнуловичу, кандидату технических наук, председателю Республиканского совета общества изобретателей и рационализаторов Республики Татарстан;

Ахметовой Резиде Тимерхановне, доктору технических наук, профессору кафедры технологии неорганических веществ и материалов Казанского государственного технологического университета.

5. За работу «Исследования и промышленная реализация комплекса технологических решений по повышению надежности промышленного транспорта нефти»

Амерханову Марату Инкилаповичу, кандидату технических наук, заведующему лабораторией повышения нефтеотдачи заводных пластов Татарского научно-исследовательского и проектного института нефти (ТатНИПИнефть), г. Бугульма, руководителю работы;

Ахметшину Раису Асылгараевичу, главному инженеру, первому заместителю начальника нефтегазодобывающего управления «Джалильнефть» ОАО «Татнефть», п. Джалиль Сармановского района;

Береговому Андрею Николаевичу, заместителю директора по проектированию, главному инженеру Татарского научно-исследовательского и проектного института нефти (ТатНИПИнефть), г. Бугульма;

Грицишину Сергею Николаевичу, начальнику технического отдела ОАО «Татнефть», г. Альметьевск;

Зиновьеву Владимиру Николаевичу, заместителю генерального директора по капитальному строительству ОАО «Татнефть», г. Альметьевск (посмертно);

Любецкому Сергею Владимировичу, заместителю начальника по капитальному ремонту и строительству скважин нефтегазодобывающего управления «Ленингорскнефть» ОАО «Татнефть», г. Лениногорск;

Фаттахову Рустему Бариевичу, кандидату технических наук, заведующему лабораторией систем промысловых коммуникаций и поддержания пластового давления Татарского научно-исследовательского и проектного института нефти (ТатНИПИнефть), г. Бугульма;

Шакирову Фариду Шафкатовичу, заведующему лабораторией техники и технологии защиты от коррозии Татарского научно-исследовательского и проектного института нефти (ТатНИПИнефть), г. Бугульма.

6. За работу «Инновационные, энергосберегающие технологии интенсивного испарения и электромагнитной активации в процессах добычи и переработки тяжелого нефтяного сырья»

Фахрутдинову Рево Зиганшиновичу, кандидату технических наук, профессору кафедры химической технологии переработки нефти и газа Казанского государственного технологического университета;

Диярову Ирику Нурмухаметовичу, доктору технических наук, профессору кафедры химической технологии переработки нефти и газа Казанского государственного технологического университета;

Кемалову Алимю Фейзрахмановичу, доктору технических наук, профессору кафедры химической технологии переработки нефти и газа Казанского государственного технологического университета;

Шляхтину Николаю Геннадиевичу, генеральному директору ООО «Энергосила», г. Нурлат;

Ягудину Шамилю Габдулхаевичу, кандидату технических наук, генеральному директору ОАО «Татнефтепром-Зюзеевнефть», Нурлатский район;

Кемалову Руслану Алимовичу, кандидату технических наук, доценту кафедры химической технологии переработки нефти и газа Казанского государственного технологического университета;

Ганиевой Тамилле Фатхиевне, кандидату химических наук, старшему научному сотруднику кафедры химической технологии переработки нефти и газа Казанского государственного технологического университета.

7. За цикл работ «Современные проблемы противодействия преступности и пути их решения»

Багаутдинову Флеру Нуретдиновичу, доктору юридических наук, члену-корреспонденту Академии наук Республики Татарстан, судье Конституционного суда Республики Татарстан.

8. За цикл работ «История татарского народа в контексте культуры мира с древнейших времен до современности»

Тагирову Энгелю Ризаковичу, доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой истории и политологии Казанского государственного финансово-экономического института.

Президент
Республики Татарстан

Р.Н. МИННИХАНОВ

Казань, Кремль
9 декабря 2010 года
№ УП- 797

ВКЛАД В МИРОВУЮ КОПИЛКУ ОПЫТА И ЗНАНИЙ

Республика Татарстан всегда отличалась высоким уровнем развития науки, образования и производства. Она обладает богатейшим научно-техническим потенциалом в лице высококвалифицированных ученых и специалистов, научные достижения и реальные производственные результаты которых вносят весомый вклад в мировую копилку научных знаний, отечественную промышленность и интеллектуально-духовную сферу жизни республики. Сегодня мы в очередной раз чувствуем лауреатов Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники, ведущее место среди премируемых работ занимают фундаментальные исследования в области нанотехнологий.

Высокой награды удостоены ученые Института органической и физической химии Казанского научного центра РАН И.А.Нуретдинов, В.П.Губская, В.В.Зверев, И.П.Романова, Г.М.Фазлеева, Г.Г.Юсупова, В.В.Янилкин за работу «Органические производные фуллеренов – «строительные» блоки при создании наноматериалов для электроники и медицины». Работа является многоплановым и оригинальным исследованием, выполненным в актуальной и стремительно развивающейся сегодня во всем мире области органической и физико-органической химии фуллеренов, которая ориентирована на получение современных лекарственных препаратов и технологически важных материалов.

Авторам удалось разработать новый подход к конструированию биологически активных соединений на основе фуллеренов, который заключается в сочетании в одной молекуле фрагментов, способных участвовать в подавлении развития раковых клеток по различным механизмам. Учеными института впервые были синтезированы наноразмерные нитроксидные метанофуллерены и на их основе получены оригинальные средства лечения лейкемии теплокровных, позволяющие излечить до 70 процентов животных, больных лейкемией Р-388.

Фундаментальные результаты, представленные в работе, открывают принципиально новые возможности для создания и реализации отечественных конкурентоспособных на мировом рынке химических технологий, получения широкого ассортимента полезных веществ и материалов.

По достоинству оценен цикл работ «Взаимодействие оптического излучения с веществом: теория, эксперимент, приложения», представленный сотрудниками кафедры оптики и нанофотоники Казанского федерального университета М.Х. Салаховым, Р.Х. Гайнутдиновым, А.Х. Гильмутдиновым и Д.И. Камаловой. Цикл посвящен исследованию и развитию одного из фундаментальных направлений современной физики и содержит четыре основных раздела, посвященных развитию оптических методов исследования атомных и молекулярных систем, включая обобщенную квантовую динамику, атомно-абсорбционную спектроскопию с пространственным разрешением, зондовую молекулярную спектроскопию и математическую обработку данных, получаемых в результате спектроскопического эксперимента.

Основные научные результаты исследования состоят в развитии аппарата математического описания нелокальных во времени взаимодействий, что существен-

но расширяет возможности квантовой механики и квантовой электродинамики; разработке новых подходов к математической интерпретации результатов спектральных исследований, основанных на решении некорректных обратных задач с использованием современных методов теории фракталов, мультиспектрального вейвлет-анализа и нейронных сетей; развитии математической модели формирования поглощающего слоя в электротермических атомизаторах атомно-абсорбционных спектрометров, позволившей корректно описать динамику процессов в них; развитии методов инфракрасной спектроскопии для изучения конформационной динамики в полимерных материалах и ряда других.

Следует отметить, что при несомненно фундаментальном характере проведенных исследований полученные результаты представляют большой интерес с прикладной точки зрения, поскольку развитые авторами методы изучения взаимодействия оптического излучения с веществом могут быть применены и применяются для получения новых знаний о структуре и свойствах атомных и молекулярных систем. Выполненные на высоком современном мировом уровне исследования позволили авторам создать атомно-абсорбционный спектрофотометр с пространственным разрешением, который запатентован не только в России, но также в США и Европе.

Государственной премией отмечена работа «Механизм сопряжения процесса циркуляции калия в растениях и поглощения воды корнем как основа приема повышения устойчивости сельскохозяйственных культур к засухе» ученых-биологов А.А.Зялалова и И.С.Газизова. Работа представляет собой ориентированное фундаментальное исследование, в результате которого открыт физиологический процесс, обеспечивающий корень растения дополнительной движущей силой поглощения воды, и разработан на этой основе технологический прием оптимизации водного обмена сельскохозяйственных культур, устраняющий негативное воздействие неглубокой засухи на их продуктивность.

Авторами экспериментально доказан ранее неизвестный физиологический процесс циркуляции в осевых органах растений значительного количества калия, сопряженного с поглощением воды корнем, и предложена новая разработка по борьбе с засухой. Практическая значимость состоит в надежности основы, простоте и технологичности приема производства процесса в условиях напряженности водного режима посева. На основе открытого физиологического процесса авторами были разработаны пути и конкретные рекомендации по повышению адаптивности сельскохозяйственных культур к типичным поздневесенним и раннелетним неглубоким засухам, причиняющим ежегодный ущерб растениеводству Татарстана.

Среди работ, удостоенных Государственной премии РТ, также достойное место занимает цикл работ «Химическая технология неорганических веществ» Т.Г.Ахметова, А.И.Хацринова, Л.Т.Ахметовой, Л.Г.Гайсина, Р.Т.Ахметовой. Исследование посвящено разработке научных основ технологии получения важнейших неорганических веществ (бария, магния, кальция, натрия, серы), выпускаемых предприятиями химической промышленности Татарстана и России и востребованных как на отечественном, так и на мировом рынке. Полученные авторами научные результаты являются основой конкретных технологий. Некоторые из них уже внедрены на действующих предприятиях и позволяют производить конкурентоспособную продукцию, отвечающую высоким требованиям современной промышленности, или могут быть применены при разработке технологий неорганических веществ в будущем.

Совместная работа специалистов ОАО «Татнефть» и ученых ТатНИПИнефть «Исследования и промышленная реализация комплекса технологических решений по повышению надежности промыслового транспорта нефти» (авторы:

М.И.Амерханов, Р.А.Ахметшин, А.Н.Береговой, С.Н.Грицишин, В.Н.Зиновьев, С.В.Любецкий, Р.Б.Фаттахов, Ф.Ш.Шакиров) посвящена созданию ресурсосберегающих технологий и направлена на внедрение в производство комплекса технических и технологических решений. Он включает методику выбора объектов под реконструкцию и капитальный ремонт, автоматизированную систему проектирования промысловых объектов, позволяющую существенно оптимизировать схемы прокладки трубопровода и организовать учет добываемой продукции. Авторами разработаны и внедрены принципиально новые ресурсосберегающие и экологически чистые технологии, прогрессивные материалы, которые по своим показателям находятся на уровне лучших мировых аналогов, в том числе комплекса технологических решений по оптимизации и повышению надежности нефтесбора. За счет этого комплекса количество отказов трубопроводов в системе промыслового нефтесбора снизилось с начала внедрения в 3,5 раза при уменьшении объемов капремонта до 9,5 раза. Общий экономический эффект от внедрения данных разработок превысил 2,8 млрд рублей.

Новаторский характер носит работа ученых Казанского государственного технологического университета «Инновационные, энергосберегающие технологии интенсивного испарения и электромагнитной активации в процессах добычи и переработки тяжелого нефтяного сырья» (авторы: Р.З.Фахрутдинов, И.Н.Дияров, А.Ф.Кемалов, Н.Г.Шляхтин, Ш.Г.Ягудин, Р.А.Кемалов, Т.Ф.Ганиева). Она направлена на решение актуальных для республики задач рационального использования углеводородных ресурсов, таких как природные битумы и сверхтяжелая нефть, а также повышение качества продукции нефтеперерабатывающих заводов.

В работе представлены разработки по созданию энергосберегающих технологий, позволяющих облегчить фракционный состав природных битумов и сверхтяжелых нефтей. Разработанная авторами технология процесса однократного испарения позволяет разделить нефтяное сырье с получением облагороженной (с улучшенными показателями качества) нефти, так называемой «синтетической нефти», и тяжелого остатка. При этом качество облагороженного сырья приближается к показателям качества девонских нефтей.

Разработана технология электромагнитной активации тяжелого нефтяного сырья с целью повышения дебита скважин до 10 процентов и увеличения выхода светлых фракций до 6 процентов и более. Достигнутый годовой экономический эффект от применения двухступенчатой электромагнитной активации нефтяного сырья на установке производительностью 80 000 тонн в год на производственной базе ОАО «Татнефтепром-Зюзеенефть» составляет 10 млн рублей.

Звания лауреата Государственной премии РТ в области науки и техники удостоен доктор юридических наук, член-корреспондент Академии наук РТ Ф.Н.Багаутдинов за цикл работ «Современные проблемы противодействия преступности и пути их решения». В цикле, включающем 10 работ, обобщен положительный опыт правоохранительных органов Татарстана по борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом оружия, финансовым мошенничеством и другими современными видами преступности. Автором обоснованы и сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, реализация которых способствует повышению эффективности работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью, улучшению криминогенной ситуации в республике, обеспечению безопасности граждан. Результаты научных исследований Ф.Н.Багаутдинова внедрены в практику работы правоохранительных органов Татарстана.

Высокой наградой отмечен и цикл работ «История татарского народа в контексте культуры мира с древнейших времен до современности» доктора исторических наук, профессора Э.Р.Тагирова. Исследования Э.Р.Тагирова вносят существенный

вклад в изучение многонациональной истории народов России, предлагают новое осмысление истории татарского народа как национальной составляющей мирового сообщества. Его работы посвящены непростым историко-философским вопросам формирования национально-государственного устройства Российской Федерации, разработке теоретико-методологических подходов к изучению феномена татарстанской модели федерализма. Они являются важным итогом комплексного изучения многих областей жизнедеятельности татарского народа. Их инновационность состоит в том, что они открывают новое миротворческое направление в исследовательской практике.

Завершая этот краткий обзор, сердечно поздравляю от имени президиума Академии наук Республики Татарстан всех лауреатов с высокой государственной наградой. Желаю крепкого здоровья и новых творческих свершений на благо нашей многонациональной республики.

*А.М. МАЗГАРОВ,
президент Академии наук РТ*

УДК 321; 323

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО (ОТРЫВКИ)

Р.С. Хакимов, директор Института истории Академии наук РТ

«Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

Лев Гумилев

Предисловие

О евразийстве, возникшем в 20-е гг. XX в., вспомнили вместе с «гласностью» после начала реформ М.С.Горбачева. В годы «перестройки» коммунистическая идеология сдавала позиции, а либерализм набирал обороты. Популярный лозунг «Иного не надо!», выдвинутый демократическим течением, отражал ожидания общества по выходу из состояния советского «застоя». Сегодня молодому поколению трудно объяснить, что такое «застой», ведь по многим показателям страна после стольких лет якобы грандиозных достижений пытается выйти на уровень прежних лет. Можно друг друга убеждать, что рыночные отношения лучше, чем социалистическая система централизованного управления, что демократия дает простор развитию личности, а граждане получили возможность выезжать в разные страны, но факт остается фактом – мощнейшая сверхдержава стала мировой страной.

Что лучше для человека? То, что получили сегодня, или то, что имели вчера? Написано немало книг, в которых доказывается неизбежность произошедшего в СССР. Даже коммунисты притихли, кто-то смирился со случившимся, другие приспособились к рыночным условиям и довольны коммунизмом в отде-

льно взятой семье. Либералы отчаянно оправдываются, поскольку их перспективы на политической арене плохо просматриваются. Но то, что случилось, не нуждается в оправдании. В этом нуждается будущее.

Отчего же страна взорвалась? Возможно, «застой» надоел, как некоторым сегодня надоела демократия. Известный американский философ Фрэнсис Фукуяма, рассуждая о мировой политике, говорит, что «люди устали жить в состоянии мира и процветания. Им необходимы новые организующие принципы»¹. Видимо, в СССР произошло что-то подобное. Конечно, интеллигенция СССР хотела больше свободы и открытости, среди элиты народов страны было недовольство национальной политикой, а простые люди устали от очередей, отсутствия жилья, неустраиваемости. В обществе не рассуждали о либерализме, демократии, а просто хотели перемен. Но наступило то, чего никто не ожидал – рухнула сверхдержава, а вслед за этим весь социалистический лагерь. Политическую атмосферу заполнили идеи демократии, рыночной экономики, возрождения национальных и религиозных традиций. Обанкротившийся коммунизм, привлекательная демократия, ностальгирующая религия, радужные национальные чувства – все

перемешалось в головах и вместо прежних ясных идеологических установок образовался сгусток из обрывков разнородных сюжетов. Люди какое-то время находились в ожидании лучшей жизни, а затем занялись обустройством быта.

Идейный вакуум не может продолжаться долго, общие ценности являются обручами, стягивающими общество в государственный организм. В отсутствии этих ценностей в любой стране начинается разложение.

Вопрос о естественности распада СССР неоднозначный. От ответа на него зависит понимание ситуации на евразийском пространстве. Для России Евразия всегда была территорией ее геополитических интересов. Сегодня она возвращается к положению времен Петра I. Выходы к морям затруднились (на Каспии с ее огромными запасами нефти надо решать вопросы со многими странами, а не только с Ираном, как это было раньше), в Прибалтике положение ослабло (потеряны порты в Прибалтике), на Черном море идет спор из-за Севастополя с Украиной. На западной границе сфера влияния резко сузилась. Страны бывшего социалистического лагеря в срочном порядке из Восточной Европы перекашиваются в Центральную Европу, заняв очередь для вступления в Евросоюз. Даже ближайшие «союзники» в лице Украины и Белоруссии держат дистанцию, предпочитая роль «буферной зоны» между НАТО и Российской Федерацией (РФ). Влияние страны на Кавказе резко ослабло. На юге у России неопределенность, а на севере — тундра.

Россия остается огромной страной по территории, но это скорее недостаток, чем преимущество. Ей приходится иметь дело с практически такими же по протяженности границами, как в бывшем СССР, но в худших экономических, демографических условиях. Экономический потенциал России резко уменьшился, при этом из-за отпадения более «теплых» республик страна стала еще более «северной», т.е. еще более «холодной», а значит затратной, освое-

ние Сибири и Севера приостановилось, протяженные и плохие дороги делают кооперацию внутри страны малорентабельной, что разрушает целостность экономики. К демографическому кризису добавился вопрос о миграционной политике и т.д. и т.п. Любители хвалиться самой большой территорией в мире не понимают, что размеры не определяют величие страны. Геополитическое, социально-экономическое положение России незавидное. А у слабой России будущее оказывается «темным».

Вызовы XXI в. требуют адекватных ответов со стороны российских политиков. США — монополист во внешней политике и с РФ считается только по вопросам стратегических вооружений, Европейский Союз экономически укрепляется и дела в Европе держит в своих руках, Юго-Восточная Азия давно вышла за рамки регионального фактора, экспансия Китая заставляет пересматривать с ней отношения даже ведущие государства мира. На старте мировой гонки находятся Индия, Иран. Все эти страны расположены вокруг России, так или иначе влияют на ее политику и экономику. Чем Россия ответит на эти вызовы? Она уже осталась рядовым агентом в международных отношениях, а в экономическом плане превратилась в экспортера сырья, а с такими в мире обращаются достаточно жестко. А.Арбатов пишет: «Среди западных политиков есть различные мнения относительно того, какая Россия им более выгодна. Но совершенно очевидно, что об интеграции с сырьевым придатком не может быть речи. У придатка берут нефть и газ, избегая при этом монопольной зависимости и отгораживаясь военно-политическим брандмауэром от непредсказуемости и неустойчивости авторитарного режима»². Высокотехнологичные отрасли России давно неконкурентоспособны, даже по сравнению с развивающимися странами. Постепенно Россия становится сырьевым придатком не только развитых стран, но и Китая, Юго-Восточной Азии. При этом, учитывая нестабильность ситуа-

ции в России, импортеры активно ищут альтернативные источники сырья.

Зависимость России от экспорта сырья будет расти. Причина кроется в общей политике, ориентированной не на развитие регионов, а закрепление их зависимости от федерального бюджета. В таком варианте субъекты федерации становятся заинтересованными не в использовании местного потенциала, а в наращивании поступлений из центра. Практика показывает, что доноров становится все меньше и меньше, а вместе с тем страна превращается в одного реципиента, зависящего от федеральной казны, которая, в свою очередь, зависит от цены на сырье. Бесспорно, «управляемость» страной растет, но вместе с этим на российском поле появляются новые игроки в лице госкорпораций. Они приобретают не только экономический, но и политический вес. Разве можно сравнить по значению для судеб страны «Газпром» или «Роснефть» с партией «Единая Россия»? Конечно, нет, это разные весовые категории. А другие партии и вовсе существуют для разнообразия. Партии становятся ненужными, да и народ как избиратель теряет значимость. В этой прочной на вид схеме есть один существенный изъян — ослабление регионов ведет к стагнации России, а вместе с усилением госкорпораций растет непредсказуемость политики. Логика требует децентрализации администрирования, без чего невозможно поставить на ноги регионы, но общая идеология ориентирована на усиление централизации и увеличение добычи сырья.

Вызовы времени вынуждают страны мира интегрироваться вокруг трех мощных центров торговли. Северная Америка и Латинская Америка заканчивают процесс объединения в общую торговую зону. Европейский Союз стал состоявшимся фактом. Азиатско-тихоокеанский регион формирует свою зону торговли вокруг Японии, Китая, Кореи, Тайваня, Сингапура, включая даже Индию, Австралию и Новую Зеландию. Три игрока будут определять будущее

планеты — объединенная Америка, объединенная Европа и Юго-Восточная Азия. Россия из этого процесса выпала, как и исламский мир. Экспортерам сырья нет потребности в создании торговых зон.

Сырьевая ориентация не может продолжаться долго, не только потому, что запасы уменьшаются. Есть и другая причина. Опора на экспорт сырья ведет к постепенному вырождению всех сфер жизни. «Сырьевые» страны не бывают развитыми, разве что в сфере разработки природных ресурсов. Для России работать на понижение интеллектуального уровня общества и технологическое отставание, значит идти против магистрального пути развития человечества. Регресс неизбежен.

Слабая Россия не имеет перспектив, а сильной за счет экспорта сырья она стать не сможет. Ей нужно искать свою нишу в мировой экономике. Евразия — возможный вариант для создания общего рынка и экономической кооперации.

Для оценки реальности евразийского союза следует ответить на вопрос естественности распада СССР. Если распад был неизбежен, то страны СНГ не будут стремиться к интеграции и Евразия останется всего лишь географическим понятием.

До сих пор идут споры о том, кто именно развалил СССР или почему Союз не мог сохраниться. Называются экономические причины, архаичность государственных структур, национальный фактор и т.д. Стивен Коэн в качестве главного фактора выдвигает роль лидеров М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. «Именно противоположные, — пишет он, — но симбиотически связанные воли двух экстраординарных политиков — экстраординарных еще и в том, что появились они в один и тот же исторический момент и в отдельности судьба каждого из них могла сложиться иначе, — и привели к концу Советского Союза»³. Автор особо отмечает, что неубедительными являются доводы о том, что систему «сгубил институт на-

циональных республик, поскольку их поведение обычно определяется поведением руководящих ими элит. Они не возмущались, когда в 1980-е гг. демократические реформы Горбачева постепенно подрывали их власть, и молчали, когда в августе 1991 г. московские путчисты грозили вернуть республики под жесткий контроль центра. На путь независимости они ступили лишь после того, как Ельцин в Москве проложил им дорогу⁴. Следует заметить, что далеко не все республики встретили свою независимость с энтузиазмом. По крайней мере, лидеры азиатских республик были уязвлены тем, что судьба СССР в Беловежской пуще решалась без них.

Национально-государственный принцип федерализма в СССР не был катализатором распада, но и не сдерживал развал государства. Правда заключается в словах Даниеля Элазара, который еще в советские времена сказал: «Единственная надежда для выживания СССР заключается в создании подлинного федерализма»⁵. Если бы СССР был настоящей федерацией, республики стали бы препятствием для роспуска страны.

Итак, для распада СССР не было роковых обстоятельств, существовал выбор между советским строем и возможностью трансформации общества, наподобие Китая. Проект Союзного Договора был достаточно хорошо продуман и устраивал большинство республик СССР, но общество захлестнули эмоции, а централизованные структуры не смогли (или не хотели) стать препятствием центробежным тенденциям.

Современное прочтение истории необходимо не только для России, но и для понимания путей возможной интеграции народов Евразии, что становится актуальным по политическим и экономическим соображениям. Освоение огромного азиатского рынка, строительство и обслуживание транспортных коридоров, проходящих из Европы через Россию и Казахстан в Китай, необходимость совместной борьбы с терроризмом и наркотрафиком, а также

другие интересы требуют выработки общих позиций. В этом деле могут помочь евразийские идеи. 26 мая 2006 года в лекции Н.А. Назарбаев особо подчеркнул, что евразийская идея сегодня имеет новое измерение: «Евразийство — это идея XXI века. Это идея будущего. Это алмаз в короне интеграционных процессов, которые требует сегодня глобализация. Есть критики этой идеи, но я считаю, что она осуществляется. Три практические вещи — ЕвразЭС, СВМДА и ШОС — это три составляющих будущего евразийства». И при этом, добавил он, — «этой идее нужна духовная, научная база»⁶. Идея евразийства жива и нуждается в новой интерпретации с позиций XXI в.

Евразийство выглядит как альтернатива уже исчерпавшим себя концепциям и оно, несмотря на спорные моменты, содержит ряд разумных идей, связанных с объяснением природы и истории российского сообщества; пониманием единства двух континентов Европы и Азии; ответственностью за ситуацию на постсоветском пространстве. Существует в евразийстве неприемлемое с позиций сегодняшнего дня утверждение о несовместимости цивилизаций Запада и Востока. При всем различии европейской и восточной культур нельзя принять идею столкновения цивилизаций, о чем сегодня модно рассуждать. Действительно, классические евразийцы достаточно убедительно продемонстрировали губительность романо-германского влияния на Россию, значение восточного, в частности, тюрко-татарского влияния на природу России, но в то же время опыт Евразии показывает, что благодаря кочевой цивилизации, Тюркским каганатам, Монгольской и Российской империям стало возможным соединение Востока и Запада. Именно это может стать ключевым направлением в евразийской политике.

После распада СССР возможность реализации евразийского проекта резко уменьшилась, поскольку реальная база Евразии разрушена, а СНГ это весьма

призрачный союз, похожий на «мягкий развод». Страны СНГ держат дистанцию с Россией, они, казалось бы, ближайšie союзники, не стали признавать Абхазию в качестве независимого государства. Возникает вопрос: кому нужна Евразия как союз? России? Тогда почему она собственными руками разрушила СССР? Странам СНГ? Но Украина и Грузия стремятся попасть в НАТО. Азербайджан все теснее сотрудничает с Турцией и Ираном. Туркмения избрала политику нейтралитета. Узбекистан по количеству населения стал самым крупным государством Центральной Азии, его вес и амбиции будут расти. Не случайно он лавирует между США и Россией. Казахстан быстро развивается как экономически, так и во внешнеполитическом плане. Армения ищет общий язык с Турцией, без чего у нее нет перспектив для развития. Страны СНГ различаются по интересам и культуре, с каждой из них у России есть какие-то застарелые проблемы. Общие интересы сводятся к вопросам снятия таможенных барьеров, укреплению безопасности перед угрозой терроризма, уничтожению наркотрафиков, миграционной политике. То, что осложняет отношения, — это усиление культурных различий, интересы мировых держав, укрепление исламского фундаментализма, близость Афганистана. Нужно хорошо постараться, чтобы евразийский проект состоялся.

В современной политике наблюдается странная противоречивая ситуация. С одной стороны, всячески превозносятся «петровское», т.е. как бы европейское начало и даже город Петербург в качестве «второй столицы», с другой — все это сопровождается критикой Запада. Такое противоречие существует только на первый взгляд. На самом деле Петр I никогда не нуждался в западных либеральных идеях, он в Европе искал оружие, технологию для строительства флота, систему организации централизованного государства. Ему не нужен был свободный народ, а потому он ужесточил крепостное право и меч-

тал лишь о такой России, которая стала бы активным агентом европейских дел. Ему Запад как таковой был не нужен, достаточно было создать устрашающую армию. Петр I точно так же повернулся бы лицом к Оттоманской империи, если бы увидел там то, что ему нужно, ведь он был не религиозен — православия терпеть не мог, протестантом не стал, а мусульман не любил из-за золотоордынского наследия, от которого старался избавиться всеми силами. Он к русским относился как к материалу для исполнения своих амбиций, в свое окружение на службу набирал иностранцев, среди которых немало было искателей наживы. Как пишет князь Н.С.Трубецкой, «знаменитые “птенцы гнезда Петрова” были большею частью отъявленными мошенниками и проходимцами, воровавшими несравненно больше прежних приказных. То обстоятельство, что, как с грустью отмечают русские историки, “у Петра не нашлось достойных преемников”, было вовсе не случайно: действительно — достойные русские люди и не могли примкнуть к Петру»⁷. Изображение Петра как прозападного политика ошибочно. Он, действительно, открыл «окно в Европу» и тем самым содействовал проникновению европейского влияния на умы, но это никак не входило в его планы, как и намерения Екатерины II, которая общалась с просветителями Европы для собственной забавы, ведь деспотию в стране она не ослабила.

Результат укрепления связей с Европой был двояким. «Правительству нравились из европейских идей только идеи империализма, милитаризма, воинствующего шовинизма и эксплуататорского капитализма, — пишет Н.С. Трубецкой. — Общество же прельщалось другими европейскими идеями — идеями либерализма, парламентаризма, народопрямства, разного вида свобод, социализма и т.д. Образовывались разные партии, каждая из которых желала переделать русский материал сообразно какой-нибудь одной из этих европейских идей, а не со-

образно с теми европейскими идеями, которые нравились правительству. По существу, между всеми этими партиями и правительством имелось глубокое сходство, одна основная общая черта: игнорирование живой индивидуальности России, взгляд на нее только как на бездушный материал, из которого предстоит создать здание, сообразное тем или иным чужим, европейским идеям»⁸. Как видим, в прозападном направлении присутствовало два течения: «петровское», как чисто имперское, и совсем другое – либеральное, причем в последнем случае не всегда присутствовало антирусское. Безусловно, критика России как отсталой («страна рабов, страна господ») была присуща всей интеллигенции, но по существу либеральное и русское начала вполне могли сочетаться. Пушкин – самый национальный писатель в русской культуре, был воспитан европейской, прежде всего, французской литературой. Пушкин писал Чаадаеву по-французски: «Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы. Он более близок мне, чем наш собственный». Французская культура воспринималась как цивилизация в отличие от всего российского, но при этом она стимулировала сугубо национальные чувства. Как писал один из поэтов допушкинской поры, «рукой победной, но в рабстве мы умами, клянем французов мы французскими словами».

«Брожение умов», вызванное либеральными течениями, породило замечательную плеяду выдающихся личностей, прославивших русскую культуру на весь мир. Политики, к сожалению, к этой плеяде не относятся. При всем блеске русской литературы, музыки, искусства политики были на редкость серыми и мелкими. В длинном списке «вершителей судеб» выделяются Иван Грозный, Петр I и Сталин – все деспоты с невиданным размахом. Чингизхан на их фоне просто меркнет своей психической уравновешенностью, а Батухан, как писали русские летописцы, истинный «саин», т.е. справедливый.

Противопоставление Востока и Запада, «московской» и «петровской» линий не объясняет всей сложности борьбы общественных сил в России. Критика евразийцами Европы как врага России слишком прямолинейна. Ущербность в подходах евразийцев в свое время тонко почувствовал Н.Бердяев, который писал: «В евразийстве есть элементы зловредные и ядовитые, которым необходимо противодействовать. Многие старые русские грехи перешли в евразийство в утрированной форме. Евразийцы чувствуют мировой кризис. Но они не понимают, что окончание новой истории, при котором мы присутствуем, есть вместе с тем возникновение новой универсалистской эпохи, подобной эпохе эллинистической. Ныне кончаются времена замкнутых национальных существований. Все национальные организмы ввергнуты в мировой круговорот и в мировую ширь. Происходит взаимопроникновение культурных типов Востока и Запада. Прекращается автаркия Запада, как прекращается и автаркия Востока»⁹. В словах Н.Бердяева много правды. Он многое предсказал из сегодняшнего дня. Его опасения, что евразийство «может обернуться русским фашизмом», заставляют задуматься над геополитической стороной этой концепции.

Сомнителен также вывод евразийцев о самодостаточности пространства Турана. Как раз дух Чингизхана, о чем они много и проникновенно писали, чужд какой-либо изоляции, он не противопоставляет, а соединяет Восток и Запад. Так было в средние века, тем более это присуще нашему времени. Н.Бердяев писал пророчески: «Тот духовный поворот, который я характеризую как переход от социалистического мироощущения к мироощущению космическому, будет иметь и чисто политические последствия и выражения. Будет преодолен социально-политический провинциализм. Перед социальным и политическим сознанием станет мировая ширь, проблема овладения и управления всей поверхностью земно-

го шара, проблема сближения Востока и Запада, встреч всех типов и культур, объединения человечества через борьбу, взаимодействие и общение всех рас. Жизненная постановка всех этих проблем делает политику более космической, менее замкнутой, напоминает о космической шире самого исторического процесса»¹⁰. Н. Бердяев раньше других почувствовал наступление эры глобализации.

Современное прочтение евразийства, исключаящее противопоставление Востока и Запада, склонность к преувеличению геополитического пространства как самодовлеющего фактора, учет наличия множества независимых государств на месте бывшего СССР, может сделать его перспективным мировоззрением, устраивающим как русских, так и другие народы, как демократов, так и живущих воспоминаниями о великой России.

Сегодня сильны антизападные настроения в стране. На самом деле, у России, как и у Запада, есть общий вектор истории — это признание свободы как самоценности. Иммануил Кант утверждал, что «история мира есть не что иное, как прогресс осознания Свободы». Конечный смысл истории, ее направленность в расширении свободы. Выжидали и прогрессировали те цивилизации, которые повышали степень свободы человека. У остальных была участь реликтовых культур. Свобода, в конечном счете, объясняет и экономическое, и техническое развитие. На какое-то время тиранические, деспотические режимы давали военные или экономические преимущества, но в долговременном масштабе политическая свобода предопределяет развитие духа, а свободный дух приводит к научным, техническим открытиям, повышает конкурентоспособность страны и народа. Преобразующий дух требует знаний и воли. Так было всегда. «Свобода, — пишет Джон Стюарт Милль, — есть единственный верный и неизменный источник всякого улучшения: там где существует свобода, там может быть столько же неза-

висимых центров улучшения, сколько индивидуумов»¹¹. К свободе стремятся все народы, все цивилизации, она выстрадана всем человечеством, а не только Европой. Крестовые походы, войны протестантов и католиков, Ренессанс и Просвещение, революции в Европе, Первая, Вторая мировые войны, антиколониальная борьба и т.д. Сколько судеб связано с этой борьбой за свободу. Трудно сказать, насколько философия либерализма обозначает конец истории, как утверждает Фрэнсис Фукуяма, но человечество пока не изобрело более всеобъемлющего мировоззрения. Идея либерализма снимает самые острые противоречия между культурами. «Политический либерализм в Англии, — пишет Фрэнсис Фукуяма, — положил конец религиозным войнам между протестантами и католиками, которые чуть не уничтожили страну в семнадцатом веке: с его появлением религия потеряла свое жало, потому что стала терпимой»¹². Либерализм — универсальная идея.

Главное препятствие на пути к свободе сам человек. Он жаждет свободы, но он же боится ответственности, а потому рано или поздно бежит от нее. Все это хорошо описал Ф. Достоевский в романе «Братья Карамазовы»: «Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга мечом. Они создали богов и зывали друг к другу: “Бросьте ваших богов и придите поклониться нашим, не то смерть вам и богам вашим!” И так будет до скончания мира, даже и тогда, когда исчезнут в мире и боги: все равно падут пред идолами... Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть». Фашизм стал реакцией на расширение свободы человека, чрезмерную ответственность, от которой человек бежал и искал успокоения совести в подчинении власти. Он готов принять любую идеологию, любые политические структуры и символы,

которые создают видимость смысла и вносят порядок. Чувство свободы захлестывает человека и он готов принять диктатуру. Этот феномен Эрих Фромм назвал «бегством от свободы»¹³. Эта внутренняя человеческая трагедия заложена в самом стремлении к свободе, но вектор истории неизменен, а значит и либерализм неизбежен. Весь вопрос заключается в том, чтобы найти собственный путь к свободе.

Как совместить расширение либеральных настроений в мире и неистребимый имперский инстинкт, характерный для России? В чем надежда? Евразия как союз государств и народов, как самостоятельная цивилизация может состояться только при равноправных и справедливых отношениях, что претит российскому сознанию. Не меньше проблем и в постсоветских республиках, как экономического, так и политического плана. Многие из стран СНГ не стремились к выходу из состава СССР, но, невольно оказавшись независимыми, не могут вернуться к прежним отношениям «старших» и «младших» братьев. Старая эпоха закончилась, а для выстраивания новых отношений нужны новые идеи, а главное — политическая воля.

Все евразийцы, несмотря на различия в подходах к отдельным вопросам, сходятся на том, что «становой хребет» Евразии — славяно-тюркское единство. «Если эта ось будет разрушена, — пишет А.Панарин, — цивилизационно насыщенное российское пространство станет “вакуумом”, куда устремятся силы, не связанные нормами и кодексами того общезития, которое сложилось в этом пространстве в течение многих веков. Это должны понять все: и русские, и нерусские»¹⁴. А.Панарин, который известен как философ православного толка и которого трудно заподозрить в симпатиях к тюркам, считает, что для русских нужен стратегический союз с мусульманами.

Постсоветское пространство может быть интегрировано только как Евразия, но это возможно только при стра-

тегическом союзе славянских, тюркских и других народов.

Идеологический надлом

Странная тишина наблюдается на идеологическом фронте. Нет борьбы с коммунистами, шельмования либералов, ни тебе предложений экзотических конструкций, вроде «лимоновцев», русских национал-социалистов, монархистов и анархистов. Нет дискуссий, нет критики руководства страны. Только советский период с жесткой цензурой был чем-то похож своей идейной серостью на сегодняшнюю картину. На рубеже тысячелетия после шумного периода «гласности» в условиях демократии источник идей иссяк.

Кризис российской общественной мысли налицо, но это связано не с отсутствием талантов, которые, кстати, охотно востребованы во многих странах мира. Дело совсем в другом. Обстоятельства требуют смены парадигмы мышления, а инерция мышления связана с идеологией расширения территории страны. Слишком серьезный исторический поворот совершила «Большая Россия» (СССР), расколовшись на самостоятельные государства. Россия всегда только расширялась. Даже после революционной катастрофы 1917 г., когда на месте царской России стали нарождаться независимые государства, территория была почти восстановлена с относительно небольшими потерями в лице Финляндии и Польши. А с возникновением социалистического лагеря сфера влияния СССР увеличилась. Казалось, ничто не остановит этот колонизаторский марафон, но Россия поперхнулась своим же геополитическим размахом. Государственная мощь стала слабостью, ибо приращение территорий не подкреплялось их обустройством.

Распад СССР обозначил не только территориальный, экономический, геополитический, но и идеологический кризис. Если территориальный распад остановился и, видимо, приобрел свои «естественные границы», то экономическая перестройка пока еще оконча-

тельно не определилась, геополитическая мысль мечется между иллюзиями о восстановлении статуса сверхдержавы и реалиями аутсайдера «восьмерки» и «двадцатки» самых влиятельных стран, а внешняя политика тем временем приобрела прагматически церемониальный характер. Хуже всего обстоит дело в идеологической сфере, где положение можно назвать катастрофическим. Отсутствие свежих идей подкрепляется критическим отношением общественного мнения к понятию «идеология». Поэтому ее заменили политтехнология и ПИАР, которые мало чем отличаются от обычной рекламы товаров и услуг.

Фактически кризис начался в начале XX в. Революция 1905 г. стала сигналом, требовавшим смены идеологических конструкций, но в ответ прозвучала монархическая реакция с ужесточением политического режима. Совершенно неудивительно, что в ответ вспыхнула еще одна революция 1917 г., которая сопровождалась сменой одной мессианской идеологии на новую – коммунистическую, но с той же парадигмой расширения территории.

Перестройку многие исследователи рассматривают как революцию, вызванную годами «застоя», результатом недееспособности советской системы и коммунистической идеологии. Однако Китаю коммунистическая партия не мешает развиваться быстрыми темпами, заимствовать достижения мира, стимулировать рыночную экономику, учить молодежь в лучших университетах мира. Проблема заключалась не в этом. Конечно, демократия и рынок как механизмы развития государства достаточно эффективны при наличии соответствующих условий, но они не являются отмычкой к любому замку. Собственные национальные традиции оказываются фактором, без учета которого не работает самая замечательная схема трансформации общества.

Революция 1917–1918 гг. не решила проблему перехода от империи к федерации, замены произвола и насилия законностью, отказа от колонизаторского

духа и перехода к обустройству территории. Без этих условий рыночная экономика и демократические принципы не могут работать в принципе. С началом перестройки демократические силы боролись с коммунистами за власть, но не за страну. В результате страна столкнулась с теми же проблемами, которые уже стояли в начале XX в., и вновь их не сумела решить. Можно было начать с федерализации СССР и спасти страну, но политическая воля была готова к разрушению, но не к созиданию.

С распадом «Большой России» были выбиты из-под ног опорные идейные ценности, поскольку российское сознание не терпит уменьшения территории. Оно может согласиться на монархию, или же коммунистический режим, но при условии расширения мощи государства, ведь территориальные завоевания в течение столетий требовали не только много усилий, но и формировали определенный психологический тип народа. Итогом территориальной экспансии стало то, что Н.Бердяев выразил в следующих словах: «Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней»¹⁵. Поэтому русский думает, что «не он спасет Россию, а Россия его спасет. Русский никогда не чувствует себя организатором. Он привык быть организуемым»¹⁶. Но вот изменились функции государства, а идеологи не могут отрешиться от наследия державности. Даже у либерально настроенных политиков прорывается имперский инстинкт, не говоря уже о настроениях в обществе. Остались державные амбиции, но нет самой империи и соответствующих для ее восстановления политических и силовых ресурсов. Время требует подтверждения величия русского духа, а новая мессианская доктрина отсутствует. Один из эмигрантов Г.Н.Полковников так выразил credo российского мышления: «Народ без мессианской идеи – бездарный, исторически ненужный народ»¹⁷. Сомнительный тезис, но адекватный условиям сознанию населения России.

В момент становления России как державы псковский монах Филофей в послании к великому князю Василию III так сформулировал идеологию: «Блюди и внемли, благочестивый царь, яко вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий [Москва] стоит, а четвертому не быти». Такое мироощущение закладывало в Московскую Русь вселенские претензии. Вместе с этим, по словам Н.Бердяева, «империалистический соблазн входит в мессианское сознание»¹⁸. Новое мировоззрение стало путеводной звездой великой России, хотя и заложило противоречия, которые дают о себе знать по сей день. Н.Бердяев пишет: «Духовный провал идеи Москвы, как Третьего Рима, был именно в том, что Третий Рим представлялся как проявление царского могущества, мощи государства, сложился как Московское царство, потом как империя и, наконец, как Третий Интернационал. Царь был признан заместителем Бога на земле. Царю принадлежали заботы не только об интересах царства, но и о спасении души. На этом особенно настаивал Иоанн Грозный»¹⁹. Именно Иван Грозный начал расширение Московия за пределы русских княжеств, покосившись на татарские земли. Он начал реализовывать мессианские идеи исходя из принципа «жаловать есьми своих холопов вольны, а и казнить вольны же». Произвол стал главным методом управления, более того, стал частью российской политической культуры. Наследие Ивана Грозного до сегодняшнего дня не дает покоя политикам, но в XXI в. мессианство не нашло должного оформления, а взамен на рынке идей ничего «соблазнительного» не предлагается. Б.Ельцин в свое время обещал даже премию тем, кто изобретет «национальную идею», но различные «манифесты» и «программы» оказались лишь интеллектуальной игрой ума.

Что мы имеем в итоге? Царская империя себя не оправдала, монархией население интересуется исключитель-

но в форме художественных и документальных фильмов. Советская империя распалась и коммунистические идеи довольно быстро забылись. Либерализм не прижился. Идеологический вакуум заполнили дорогие для российской души мифы, предметы самолюбования, иллюзии, поддерживающие уязвленное самолюбие. Начало нового тысячелетия обозначило время реанимации некоторых национальных ценностей, воспоминаний героических страниц прошлого, обращение к месту и не к месту за наставлениями к православным иерархам. Как отмечают социологи, «выполненная по новейшим технологиям имитация “большого державного стиля” советского или еще более раннего — дореволюционного — времени (игра в солдатики, манипуляция имперскими и советскими символами — от георгиевской ленты до красной звезды, ритуалы парадов и встреч, периодическое принятие позы государственной решительности и отеческой заботы и т.п.) заменила собой выработку национальной идеи, была использована в качестве суррогата большой политики и в таком виде без труда усвоена значительной частью государственно-телевизируемого населения»²⁰. Сегодня уже не ждут от руководителей и интеллектуальной элиты масштабных программ, серьезных перемен, модернизации государства и экономики. «Жаркие» дискуссии на злободневные темы стали частью шоу-бизнеса.

Как показывает опыт идеологических наработок последних лет, стилистические правки социалистических, либеральных, державных идей не дали ожидаемого результата. «Властителей дум» на горизонте не появилось. Идеологи полагают, что ошиблись конкретные люди, которые не сумели реализовать замечательные идеи и мало обращают внимания на логику обстоятельств, требующую смены парадигмы мышления. Предлагаются очередные мессианские идеи, в надежде разбудить русский дух, но время мессианства для России прошло безвозвратно.

В русской общественной мысли никогда не было недостатка в критической литературе, однако она очень часто носила чисто абстрактный характер, как мечты о мифической далекой России. Все это особенно выпукло проявилось во время революции 1917 г., когда лидеры наиболее видных партий оказались не готовыми возглавить политические процессы, позволив горстке энергичных большевиков взять власть в свои руки.

Из идейных течений XIX—XX вв. наибольший интерес представляют славянофилы и западники, которые спорили вокруг проблем, всплывших впоследствии у евразийцев. Славянофилы обратили внимание на исконные корни России и основой общества считали крестьянскую общину. По К.С. Аксакову, жизнь русского народа заключалась в реализации «внутренней правды» (религиозности), а государство воплощало «внешнюю правду» (законодательство). Отсюда появился лозунг: «Народу — сила мнения, государству — сила власти». Гармония государства и народа существовала, с точки зрения К.С.Аксакова, в XVI—XVII вв. в лице Земских соборов, разрушенных впоследствии Петром I. Реформы Петра I создали конфликт между крестьянами и помещиками, государством и народом, поэтому славянофилы противопоставляли «московский» и «петербургский» периоды в истории России. Они провозгласили догмат о «гнилости Европы».

Западники выступали против патриархальности славянофилов и официальной идеологии. Когда в Европе начались революции, обновившие весь политический и социальный строй на началах демократии и народовластия, граф Уваров, министр времен Николая I, заявил, что Россия ограждена от смуты, благодаря сохранению исконных патриархальных начал: неограниченности царской власти, неподвижности православной веры и послушания народных масс. Однако его формула «самодержавие, православие, народность» не спасла Россию от грандиозной смуты в виде революции.

Западники были последовательными противниками крепостного права, выступали за раскрепощение личности, заимствование передовых европейских идей. Несмотря на петровские истоки, далеко не все западники были настроены пропетровски. Например, А.И.Герцен писал, что Петр I «усилил права дворянства и еще крепче затянул цепь крепостничества», по его мнению, элементы европейской культуры, насильственно внедренные в русскую жизнь, затронули лишь верхушку общества, в итоге «переворот Петра сделал из нас худшее, что можно сделать из людей, просвещенных рабов». Любопытно, что декабристы, воспитанные на идеях великой французской революции, требовавшие свобод и перемен в имперском строе, собственных крестьян, однако ж на волю не отпустили. Крепостное право воспринималось дворянами как неотъемлемая черта русского строя, а с недостатками правления можно было якобы справиться, подорвав императора на бомбе.

Декабристов сменили социалисты, вдохновленные идеями Руссо. Идеи социал-демократии, привнесенные в Россию Плехановым, были чистым западничеством. К XX в. социализм целиком захватил умы. Русских либералов в западноевропейском смысле практически не было. Однако эсеры и социал-демократы показали себя деятельными, они боролись с самодержавием и тем становились привлекательными для масс. К этому времени царское правительство показало полную свою недееспособность, оно без особого успеха пыталось провести запоздалые и весьма сомнительные реформы П.Столыпина. «Когда в 1900-х гг. понадобилось решительное оживление охранительно-творческих сил в среде поместного дворянства и правящего класса, — пишет П.П.Сувчинский, — отсутствие твердости и воли, сказавшееся уже в “эпоху великих реформ”, привело к окончательному падению всей системы русской государственности. Столыпинский ренессанс, значение которого те-

перь стараются всячески преувеличить, при всей правильности намеченных им целей, обанкротился перед революцией, как раз именно отсутствием целостного замысла и воли»²¹. Поэтому перед событиями 1917 г. исторический исход был предрешен в пользу социалистов и весь вопрос заключался в том, кто же возглавит движение: социал-революционеры или большевики, Чернов или Ленин. Большевики оказались в нужное время, в нужном месте, проявив необходимые качества организаторов и должную беспринципность. 18 октября Ленин написал «Письмо товарищам», где убеждал поднять восстание: «Выхода нет, объективно нет, не может быть кроме диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата». Как писали эмигранты из лагеря противников, «большевики лишь развязали инстинкты толпы и дали им пищу, в дальнейшем они окончательно оформляют их, приводят в систему, составляют из себя штаб. Создать все движение десяти тысячам коммунистов было, конечно, не по силам, да этого и не нужно было. За них работала сама прошлая история России...»²². Большевики оказались не только близки к народу, а были подхвачены толпой, они глотнули все прелести настроений «низов», обезумевших от голода, насилий, безысходности. Не в кабинетных дискуссиях, а прямо на улице, где «валялась власть», они почувствовали, что прикоснулись к чему-то судьбоносному.

Взять власть еще не значит реализовать притягательные лозунги, когда тянется шлейф из нерешенных вопросов на фронтах, заводах, на селе, с казачеством, интеллигенцией. Нужно было кормить людей не обещаниями, а хлебом. Введение «НЭП» было мерой вынужденной и опасной в политическом плане. Опасность исходила как от вновь нарождавшихся буржуазных элементов, так и левой оппозиции, ведь «НЭП» противоречил всем предыдущим идеологическим установкам. Если многие прятались за словами типа «вынужденная», «временная передышка»,

то самый грамотный теоретик среди коммунистов Н.Бухарин прямо заявил: «Обогащайтесь!».

Вместе с «НЭП» возникли сомнения в правильности идеи диктатуры пролетариата в преимущественно крестьянской стране, необходимости социализации промышленности, чья эффективность стремительно падала. Для индустриализации нужно было прорвать блокаду вокруг Советской России, чтобы завозить современную технику. Однако ожидание мировой революции не оправдывалось, «мировой пожар» не раздувался, европейские рабочие оказались достаточно прагматичными и не стали перенимать «русский опыт». Большевики обратили взор на Восток, где могли оказаться привлекательными антиколониальные лозунги. Несмотря на активность на международной арене, кольцо блокады вокруг Советской России сжималось. Оппозиция в лице Троцкого и Зиновьева не преминула воспользоваться сложившейся ситуацией. Авторитет Троцкого как соратника Ленина, а также Зиновьева, возглавлявшего Коминтерн, был несравненно выше, чем у Сталина. Преимущество Сталина было в его приземленности. Он хорошо понимал, что иссякает срок жизни старых лозунгов. Люди, вернувшиеся с баррикад по домам, должны обустроиваться и со временем эмоциональная сила идей пропадает, а свобода разбивается о быт, поскольку жизнь оборачивается борьбой за кусок хлеба. Человек устаёт от свободы. Еще Аристотель заметил, что большинство людей – рабы по природе, и если их освобождают от цепей, они не могут справиться с широким выбором в действиях, не имеют нравственных сил взять на себя ответственность за свои поступки, а потому стремятся на кого-то их переложить. Диктатура пролетариата исчерпала себя с переходом к бюрократической государственности, которая в свою очередь постепенно обернулась диктатурой личности.

События послереволюционных лет высветили тему судьбы России наибо-

лее выпукло. С 1930-х гг. насилие стало орудием преобразований. Дискуссиям места не осталось. Восторжествовали полное одобрение курса партии, культа личности, шельмование отщепенцев и уничтожающая критика мировой буржуазии. Дело, начатое Петром I, пришло к своему логическому тупику. Все прошлое было отвергнуто, а новое негде было брать, поскольку Европа перестала быть образцом. Анализируя основной вектор движения революции, Н.С.Трубецкой в 1925 г. писал: «То, что продельвается в этом отношении над широкими народными массами, иной раз до мелочей напоминает то, что продельвали в свое время Петр I и его преемники над русским дворянством. Разница только в масштабе, ибо Петр I ограничивал свою задачу только европеизацией дворянства, полагая, что оно уже само дальше будет производить ту же работу европеизации над другими слоями населения, теперь же советская власть принялась за сами народные массы. Но если отвлечься от разницы масштабов, аналогия получится в некоторых пунктах поразительная. Комсомольство, антирелигиозные представления, проповедь половой разнуданности и борьба со стыдом — все это Петр I продельвал двести лет тому назад, но только над сравнительно ограниченным кругом знати и дворянства, а теперь это продельвается над всем народом. Борьба с русской церковью — явление тоже не новое. Учреждением синода и оберпрокурора Петр I нанес русской церкви гораздо более тяжелый удар, чем советская власть арестом патриарха. Екатерина II, закрывшая 80% монастырей, реквизиравшая столь же значительную часть церковного имущества и сгноившая в ревельской крепости епископа Арсения Мациевича, стойко сопротивлявшегося ее антицерковной политике, предвосхитила поход советской власти против церкви»²³. Не случайно Сталин превозносил Петра I, хотя коммунистическое мировоззрение в основе антимонархическое. Две зловещие фигуры — Ивана Грозного и

Петра I, нанесшие наибольший вред характеру России, неизменно всплывают, когда в политических кругах мечтают о «жесткой руке». Кстати, любопытный факт. Во время революции снесли памятники всем монархам, а вот скульптуру первого «большевика» Петра I сохранили. Властный инстинкт порой сильнее официальных доктрин.

В эмиграции бывшие политические лидеры занимались выяснением вопроса кто виноват в катастрофе империи, упражнялись в предсказаниях скорого краха большевизма и дискутировали по вопросу восстановления монархического строя или же преобразования пролетарской республики в демократическую. В книге «Русский “Термидор”», выпущенной в Харбине издательством «Свобода России», есть такие строки: «На другой день после большевистского переворота подавляющее большинство интеллигентных представителей русского общества высказывало уверенность в том, что большевики продержатся у власти недолго. Большевизм считали явлением случайным. Люди научного склада мышления, историки и социологи, как П.Миллюков, политические деятели, как Чернов и Савинков, представители капитала, как Лианозов и Третьяков, военной силы, как Юденич и Деникин, — словом, представители революции и монархии в этом вопросе были солидарны»²⁴. Вся эмиграция жила ожиданием конца Советской России, совершенно серьезно и обстоятельно обсуждая формы государственного устройства. Известный политик П.Н.Миллюков писал: «Возможно ли и нужно ли, чтобы после революции Россия стала республикой, а не монархией?»²⁵. На страницах своей книги он доказывает причины непринятия населением монархии и в завершении заключает, что превращение пролетарской республики в демократическую «повелительно диктуется безысходным кризисом, в котором уже сейчас находится советская власть и который будет усиливаться, пока она не откажется от тактики введения социализма в Рос-

сии»²⁶. Не вдаваясь в детали дискуссий эмигрантских кругов, отметим одну общую черту — все рассуждали в рамках той же логики, что и раньше. Пожалуй, только евразийцы поставили вопрос иначе — о пересмотре самих подходов к исследованию основ общественного устройства России. Тем они и интересны.

Евразийцы обратили внимание на одну особенность русской действительности — политическая элита отвергала все великое оригинальное собственно российское и охотно заимствовала чужое, даже в примитивном изложении. Русская революция, повлиявшая на ход событий XX в., стала ярким подтверждением этой прискорбной истины. Будучи в эмиграции, Федор Степун писал в статье «Мысли о России»: «Всю философию русской революции можно без труда изложить в подстрочных примечаниях к истории западной философии конца восемнадцатого и середины девятнадцатого века». Социалисты, как дворяне, так и разночинцы, знакомые с Западом издавна, только книжно, мечтали о мировом переустройстве. Их дело заключалось в теоретизировании, причем касалось области государственной, поскольку русский человек всегда привязан и зависим от государства, а общественное переустройство видит через призму власти. Цареубийство рассматривалось как способ достижения свободы. А ведь русская мысль именно в предреволюционные годы достигла своей вершины. Достаточно вспомнить Достоевского, Толстого, Бердяева и др. деятелей мирового масштаба. В то время, когда вся Европа находилась под впечатлением русской культуры, в России экспериментировали в пошлом прозападном стиле, а затем предложили миру собственную модель социализма, которая оказалась карикатурой на европейскую социал-демократию.

Советская власть, не оправдавшая надежд значительной части человечества, была основательно раскритикована в эпоху «гласности». Идеологическое знамя подхватили либералы, но не смогли увлечь массы. Они повторили

те же ошибки, что сделали Петр I и руководители социалистической революции — пытались пересадить образцы западной демократии, растоптали все национальное. Если выразиться словами того же Федора Степуна, российские либералы «спят и видят, как бы самобытную Русь превратить в обезьяну Европы». Не случайно «перестройка» зашла в тупик, но, кроме идеологических факторов, для кризиса были причины также политического и экономического характера. Общество, вышедшее из недр тоталитарного режима, не имевшее в прошлом либеральных традиций, население, привыкшее просить и ждать от государства милостей, было психологически не готово к демократии. Многопартийность не могла возникнуть в силу отсутствия соответствующей культуры, а потому выборы в Госдуму и местные парламенты не влияли на расстановку политических сил. Закулисная политическая элита определяла ход исторических событий, а контролируемые СМИ преподносили именно то, что народ должен был знать. Переход к рыночной экономике был довольно болезненным, а потому вся либеральная идеология как в политическом, так и экономическом плане оказалась невостребованной. «Перестройка» с ее мечтами и надеждами скоро забылась. Н.С.Трубецкой мог бы повторить сегодня то, что он говорил о революции: «Россия все еще находится на том же гибельном пути, на который завел ее в свое время перестаравшийся Петр I; Россия, как и до революции, остается провинцией европейской цивилизации, да к тому же еще опытным полем для производства рискованных опытов применения теорий европейских мечтателей-публицистов, опытов, для которых европейцы свой собственный ценный человеческий материал жалеют»²⁷. Несмотря на антизападную риторику, нынешняя российская политика творится с оглядкой на Европу и США.

Естественно, в начале XXI в. вспомнили о Петре I. «Вертикаль власти», ко-

торую предложил президент В.Путин, по сути своей была всего лишь попыткой максимально сконцентрировать власть в своих руках, отказавшись от дальнейшей федерализации страны. Однако «вертикаль власти» не может служить идеологией, более того, абсурдные изобретения вроде фраз «управляемая демократия» показали мировоззренческую беспомощность новой постельциновской команды, а централизация административного управления не содействовала повышению ее эффективности. От демократии и федерализма начали отступать, но никуда не пришли, или можно сказать, что пришли в никуда. Д.Медведев, к его чести, и не пытался что-либо предложить оригинальное, полностью полагаясь на прагматизм, что в создавшихся условиях стало вполне приемлемым, а может быть, единственно разумным подходом.

Идейный кризис в России привел к любопытной метаморфозе — мировоззренческие функции начали переходить к истории. Г.Зверева пишет: «В учебных текстах по истории России историософские константы служат своего рода “навигационными инструментами”, с помощью которых произвольно отображаются исторические события встраиваются в телеологическую версию отечественной истории»²⁸. Весьма примечательно активное вмешательство государственных органов в дела истории, что проявилось не только в создании специальной комиссии для устранения ошибочных суждений в учебниках, но и в поиске официальных праздников, которые могли бы объединить общество. Одним из предложений было закрепление дня победы на Куликовом поле в качестве общенационального праздника, но расхожая трактовка этой битвы, как победы русского оружия над татарами, не создает праздничного настроения и не соответствует действительности. В официальной версии Куликовской битвы дружбы русских и татар не получается, а подлинная история приходит в противоречие с идеологическими установками российского руководства.

Поиски со стороны федерального центра темы для всеобщего государственного праздника привели к предложению отмечать события, связанные с изгнанием «польских захватчиков» из Москвы. Его назвали «День народного единства». В пояснительной записке к проекту закона записано: «4 ноября 1612 г. воины народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город, освободив Москву от польских интервентов и продемонстрировав образец героизма и сплоченности всего народа вне зависимости от происхождения, вероисповедания и положения в обществе». В учебниках пишут, будто «смута обострила патриотическое сознание самостоятельной исторической судьбы России всеми сословиями»²⁹. На самом деле в период смуты разные сословия преследовали самые разные цели, включая унию с Польшей или союз со Швецией.

Бояре московские надеялись на сына польского короля Сигизмунда Владислава. После свержения Шуйского московское население думало восстановить порядок признанием унии с Речью Посполитой, они просили Сигизмунда дать им на русский престол Владислава. Поляки помогли справиться с Тушинским «вором» и Москва присягнула Владиславу. А вслед за этим присягнули Коломна, Серпухов, Тула, Рязань и т.д. Не было тогда патриотического сознания. Война с поляками началась, когда власть Владислава выродилась в диктатуру Сигизмунда, вот тогда началось сопротивление, принявшее характер национальной борьбы.

В то время среди русских были также сторонники воцарения шведской династии на московском престоле, хотя их не привлекал протестантизм как ненавистное «латинство». «Царь из иностранцев многим казался тогда возможным, — пишет известный историк С.Ф.Платонов. — Незадолго перед собором Пожарский ссылался со шведами об избрании Филиппа, сына Карла IX; точно так же начал он дело об избрании сына германского императора

Рудольфа. Но это был только дипломатический маневр, употребленный им с целью приобрести нейтралитет одних и союз других. Тем не менее мысль об иноземном царе была в Москве, и была именно у боярства»³⁰. Наряду с подобными настроениями, существовали откровенно сепаратистские движения в Пскове, Путивле, Арзамасе, Астрахани, которые стали практически самостоятельными территориями. В это время в Новгороде Великом правила шведская администрация. То, что объединяло разнородные, враждующие друг с другом политические силы России, было православием. Защищали Москву как православную столицу, остальные мотивы были второстепенными.

Кузьма Минин и князь Пожарский исходили скорее из житейских соображений или даже экономических интересов, нежели идей защиты государственности³¹. При этом Пожарский воевал с казаками не менее ожесточенно, чем с поляками. Но то, что объединяло русских и казаков, было православие. Оно же разделило русских и поляков.

Независимо от того, какие общенациональные праздники пытаются найти в Российской Федерации и как их интерпретируют, очевидно, что официальная власть ищет идейную опору в истории, что весьма симптоматично. Следует заметить, что для евразийцев история служила исходным материалом для далеко идущих выводов и это было их сильной стороной. Тем не менее будет верным утверждение, что путем учреждения общенациональных праздников не созданы ценности и нор-

мы, способные объединить российское общество, и даже правдивая история не может заменить концепцию развития общества. Нужны мысли, способные интегрировать экономику, внутреннюю и внешнюю политику, науку и т.д. в целостное мировоззрение.

Итак, при анализе сложившейся в России ситуации приходится отталкиваться от ряда фактов. Первое и главное — это то, что Россия перестала быть великой державой и не имеет достаточного потенциала для возвращения этого статуса, а общественное сознание не готово воспринять страну рядовым государством.

Другой факт, требующий осмысления, — распад «Большой России». Если СССР распался, как утверждают некоторые политологи, по совершенно объективным причинам, то где в таком случае «естественные границы» государства и не распадется ли по такому же сценарию Российская Федерация?

Третий факт касается судьбы СНГ. Проведение переговоров глав государств без галстуков на высшем уровне не говорит о серьезности самой политики. За время со дня создания СНГ европейские страны сумели объединиться в Союз с единой границей, паспортом, валютой, внутренней и внешней политикой, законами и т.д. СНГ за это время не продвинулись ни на шаг. Вокруг СНГ больше разговоров, нежели реальных дел. Понимание этих фактов необходимо для выстраивания политики вне мессианских соблазнов.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фрэнсис Фукуяма*: люди устали жить в состоянии мира и процветания // Главная тема, январь 2005. — С. 272.

² *Арбатов А.* Россия: особый имперский путь? // Россия в глобальной политике. Т. 3, ноябрь-декабрь. — 2005. — С. 87.

³ *Козн С.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза // Вестник аналитики. — 2006. — № 4. — С. 37.

⁴ Там же.

⁵ *Даниель Дж. Элазар.* Европейское сообщество: между государственным суверенитетом и субсидиарностью, или Иерархия против коллегиальности в управлении Европейским сообществом // Казанский федералист. — Казань, № 4, осень, 2002. — С. 75.

⁶ Назарбаев Н.А. К экономике знаний – через инновации и образование // Евразийский университет и мир Евразии. Выступления глав государств, министров, руководителей государственных органов, общественных деятелей Республики Казахстан и зарубежных стран в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. – Астана, 2006. – С. 713.

⁷ И.Р. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. – Берлин, 1925. – С. 36; Работа была переиздана в кн.: *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. – М., 1999.

⁸ И.Р. Наследие Чингисхана... – С. 44.

⁹ Бердяев Н. Евразийцы // ПАНОРАМА-ФОРУМ, 1997, № 1. – С. 28.

¹⁰ Бердяев Н. Философия свободы. – М., 2002. – С. 397.

¹¹ Джон Стюарт Милль. О свободе. – С.-Петербург, 1900. – С. 138–139.

¹² Фрэнсис Фукуяма. Конец истории и последний человек. – М., 2004. – С. 391.

¹³ См.: Эрих Фромм. Бегство от свободы. – Минск, 2004.

¹⁴ Панарин А. Особый дар // Дружба народов. – 2004, № 1.

¹⁵ Бердяев Н. Философия свободы... – С. 325.

¹⁶ Там же. – С. 326.

¹⁷ Полковников Г.Н. Диалектика истории. – Париж, 1931. – С. 35.

¹⁸ Бердяев Н. Русская идея. – М., 2002. – С. 20.

¹⁹ Бердяев Н. Русская идея... – С. 20.

²⁰ Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. Сентябрь-октябрь, 2005. – С. 15.

²¹ Сувчинский П.П. К познанию современности // Евразийский Временник, кн. V. – Париж, 1925. – С. 22.

²² Спектатор. Русский «Термидор». (Сумерки коммунизма.) – Харбин, 1927. – С. 30.

²³ И.Р. Наследие Чингисхана... – С. 49–50.

²⁴ Спектатор. Русский «Термидор». (Сумерки коммунизма.) – Харбин, 1927. – С. 1.

²⁵ Миллюков П.Н. Республика или монархия? – Париж, 1929. – С. 3.

²⁶ Миллюков П.Н. Республика... – С. 28.

²⁷ И.Р. Наследие Чингисхана... – С. 50.

²⁸ Галина Зверева. Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et Contra. 2005, сентябрь-октябрь. – С. 31.

²⁹ История России с древнейших времен до конца XVII века. – М., 1996. – С. 495.

³⁰ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М., 2004. – С. 342.

³¹ См. Николай Костомаров. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. – М., 1994. – С. 792–793.

Аннотация

В данной статье дана попытка осмыслить состояние идейных течений в постперестроечные времена. Показан идеологический вакуум, ставший результатом дискредитации идей коммунизма и падения интереса в общественном мнении к либерализму. Рассматривается классическое евразийство с точки зрения сегодняшних событий, анализируются его историческое значение, недостатки и возможности использовать для интеграции стран в рамках СНГ. Отмечается, что история в современной политической обстановке используется как заменитель полноценной идеологии.

Ключевые слова: Российская империя, государственность, перестройка, распад СССР, СНГ, евразийство, история.

Summary

The attempt to understand the state of ideological tendencies in the post reformatory period is given in the article. Ideological vacuum is shown and it became the result of the discredit of the communism ideas and decrease of interest to liberalism. Classical eurasianism is considered from the point of view of present events, its historical significance is analyzed as well as disadvantages and the possibility to apply for the integration of countries in the context of CIS. History in modern political conditions is used as denominator of valuable ideology.

Key words: Russian Empire, statehood, reformation, disintegration of USSR, CIS, eurasianism, history.

УДК 330.341:316.4

ПРИЧИНЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В СССР И КУРС НА ПЕРЕСТРОЙКУ

М. С. Горбачев, президент Международного фонда социально-экономических и политологических исследований

К середине 1980-х гг. советское общество подошло в состоянии глубокого кризиса. Оно все больше скатывалось в застой. Экономика буксовала — снижались темпы экономического роста, они оказались практически на нуле. В связи с падением мировых цен на нефть ухудшалось финансовое положение. Лихорадили общество перебои в снабжении, дефицит товаров широкого потребления — продовольственных и промышленных — порождал бесконечные очереди. Самая богатая по ресурсам страна не могла решить простые житейские проблемы своих граждан.

Деградировала моральная и психологическая атмосфера. Все больше давало себя знать противоречие между растущим уровнем образованности населения, его духовными запросами и догмами идеологии, которые насаждала официальная пропаганда. Ограничение гражданских и политических свобод, господство цензуры и идеологическое давление пропагандистского аппарата вызывали глухое недовольство, особенно со стороны интеллигенции. Обострялась социальная ситуация. Власть в лице партийной номенклатуры все больше отрывалась от народа. Многие требовали осадить произвол партийной бюрократии, отменить привилегии номенклатуры.

Между тем в капиталистическом мире развертывалась научно-техническая революция, а на ее основе — процессы глобализации. Это были вызо-

вы, ответить на которые можно было, только встав на путь преобразования общества, освобождения его от засилья бюрократической сверхцентрализации. Советская система, обеспечившая на определенном этапе быстрое развитие страны, практически исчерпала свои мобилизационные возможности. Мы опоздали с ответом на вызовы новой научно-технической революции. Страна сдавала позиции. С начала 1970-х гг. отставание от стран Запада, которые уже вступили в новую технологическую эпоху, стало все более возрастать.

Чтобы выйти из этой ситуации, надо было избавиться от тоталитарного сталинского наследия, преодолеть отчуждение человека от собственности и власти, открыть тем самым простор для реализации творческого, интеллектуального потенциала нации, пробудить в людях заинтересованность в результатах своего труда. Сделать это и призвана была перестройка с ее установкой на вовлечение трудящихся в принятие экономических и политических решений. Надо было помочь людям стать полноправными гражданами, осознать себя хозяевами своей судьбы. Только включив в полную силу «человеческий фактор», можно было начать постепенно преодолевать отставание от развитых стран. Первоначально эта цель нашла выражение в установке на «ускорение научно-технического прогресса». Лишь потом появилось более общее понятие «перестройка».

Другой важнейшей причиной перестройки была сложившаяся к середине 1980-х гг. международная обстановка. Ситуация холодной войны, продолжавшейся уже почти четыре десятилетия, становилась все более опасной и нетерпимой. Гонка вооружений набирала обороты, и угроза ядерной войны возрастала. Никто не желал, конечно, ядерной войны, но никто и не мог гарантировать, что она не возникнет — хотя бы в результате какой-то нелепой случайности.

СССР и США постоянно находились «на прицеле» друг у друга. Гонка вооружений стала привычной частью мирового бытия. Европа превратилась в настоящий ядерный полигон, с каждым годом все плотнее насыщавшийся ракетами разной мощности и дальности. Успехи в области миниатюризации ядерных зарядов привели к появлению ядерного оружия «поля боя». Моря и океаны кишели надводными и подводными ракетноносцами. Не только воздух, но и космос становились пространством противоборства. Обе сверхдержавы в той или иной мере были вовлечены — на разных сторонах — в региональные конфликты, бушевавшие в Азии, Африке, на Ближнем Востоке.

Стремление обеспечить военный паритет с США и их союзниками привело к тому, что на оборонные расходы в СССР фактически тратилось до 40% государственного бюджета, а продукция военно-промышленного комплекса составляла около 20% (в отдельные годы — 25–30%) ВВП — в пять-шесть раз больше в сравнении с аналогичными показателями стран НАТО. Из общей суммы расходов на науку до 80% приходилось на военно-технические исследования. Военные расходы обескровливали народное хозяйство, сдерживали рост жизненного уровня народа. На удовлетворение материальных потребностей людей использовалось всего 8–10% основных фондов.

Но при этом безопасность страны не становилась более надежной. Ведь ядерное оружие — это оружие коллек-

тивного самоубийства. Тем не менее именно накопление ядерного оружия и средств его доставки вышло на первый план. Сценарии, предусматривавшие использование оружия массового поражения или угрозу его применения, лежали в основе военных доктрин, принятых обеими сторонами.

Нужно было искать выход из этого тупика. Требовалось коренное изменение и принципиальных позиций государств, и их практических подходов к международной политике, которые диктовались тогда преимущественно мировоззренческими догмами, а не реальными жизненными интересами народов. Для нас речь шла о том, чтобы заново определить национальные интересы страны, действительные параметры и императивы ее безопасности. О том, чтобы трезво оценить основные тенденции развития мирового сообщества и выработать на этой основе программу конкретных действий на главных внешнеполитических направлениях.

Здесь внутренние и внешние мотивы курса на перестройку непосредственно смыкались. Кардинальные реформы были невозможны без создания благоприятной международной среды, без освобождения от гнетущего бремени колоссальных военных расходов. Двигаться вперед можно было только одновременно — и во внутренней, и во внешней политике. Философия и методология курса на перестройку в единстве его внутренних и внешних аспектов получили обоснование в концепции **нового мышления**. Отправное исходное положение нового мышления — признание все более утверждавшейся целостности мира, взаимосвязанности и взаимозависимости государств, при всей их несхожести и различиях. Отсюда второе исходное положение — о приоритете общечеловеческих интересов и ценностей. С этими идеями, как известно, еще ранее выступили такие выдающиеся ученые и мыслители, как Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Нильс Бор, Владимир Вернадский и другие.

В новой ситуации уже невозможно было рассматривать мировое развитие с точки зрения борьбы двух противоположных социальных систем. То, что официальная советская идеология представляла как форму классовую борьбу на мировой арене, в действительности выродилось в военно-политический конфликт двух блоков, возглавляемых сверхдержавами. Политика идеологически мотивированной конфронтации изжила себя. Корни нового мышления — в понимании того, что в ядерной войне не может быть победителей, что место конфронтации должна занять политика, основанная на балансе интересов и взаимной равной безопасности. Теория и методология нового мышления базировались на стремлении сочетать политику и мораль — нравственные принципы в подходе к решению как внутренних, так и международных проблем.

Начиная перестройку как процесс демократических преобразований, необходимо было, чтобы и средства их осуществления были демократическими. Основным способом вовлечения людей в политику, их приобщения к преобразованиям с самого начала стала установка на **гласность**. Для руководителей государства она означала — надо говорить правду народу о состоянии страны и об окружающем ее мире. Для народа — возможность говорить, что думаешь, в том числе все чаще очень неприятные для начальства вещи. Тем самым возникла обратная связь с народом. Отказ от идеологических репрессий, от цензуры привел к тому, что гласность быстро переросла в реальную свободу слова, свободу печати, стала важнейшим оружием демократизации различных сторон жизни.

Перестройка распространилась на экономическую сферу. Началось с постепенного перевода части предприятий на хозрасчет, внедрения коллективного подряда, аренды, особенно в сельском хозяйстве, с распространения кооперации как формы предпринимательства. С начала 1988 г. вступил в силу Закон

о предприятии, согласно которому все предприятия переходили на хозрасчет; они должны были стать самостоятельными хозяйствующими субъектами и действовать на основе самоокупаемости и самофинансирования. Соответственно реформировалась система управления: ограничивались и изменялись функции министерств, планирование из директивного должно было стать рекомендательным, прогностическим. Предусматривался переход к новым принципам ценообразования, сочетающим рыночный механизм с государственным регулированием.

Эти преобразования встретили сопротивление значительной части управленческого аппарата и партийной номенклатуры, интересы которых они задевали. Экономическая реформа стала буксовать. Меры по обновлению кадров не дали заметных результатов. В повестку дня встала задача **политической реформы**, изменения системы власти. Логика общественного развития продиктовала необходимость передачи власти от монополю владевшей ею партии — Советам, которым она и должна была принадлежать по Конституции. Государству предстояло преобразоваться из «коммунистическо-идеократического» в «светское». Ключевыми событиями в этом направлении стали выборы народных депутатов СССР, прошедшие впервые в советской истории на альтернативной основе, и первый Съезд народных депутатов СССР (май-июнь 1989 г.).

В конструкции Съезда как нового высшего органа власти и в его работе отразились назревшие проблемы и противоречия трансформации союзного государства. Будучи формально федерацией, СССР на самом деле превратился в унитарное государство. Все основные решения принимались центральными органами власти в Москве. Республики распоряжались какими-нибудь 10–15% экономики на своей территории. Сверхцентрализация душила местную инициативу. Съезд народных депутатов призван был не только заложить

институциональные основы демократизации общества и государства, но и стать крупным шагом в преобразовании унитарного государства в действительно демократическую федерацию. Такая форма верховной власти, как Съезд народных депутатов, непосредственно избираемых в республиках, должна была повысить статус последних, их голос в Союзе.

Перетекание власти от партии к Советам, имевшим изначально национальную «окраску», как бы «легализовало» требования большей самостоятельности со стороны союзных и автономных республик. Гласность и демократизация общественной жизни сняли «сталинский колпак» с проблемы межнациональных отношений. Но заложенные в них опасности для перестройки не сразу получили должную оценку. Казалось, что в основном национальные проблемы в Союзе уже решены. Это ошибочное мнение обернулось серьезным запаздыванием с принятием необходимых мер по нейтрализации угрозы национализма и сепаратизма. Сигналы о неблагополучии стали появляться все чаще. Организованные формы приняло движение крымских татар за возвращение в родные места. Осудив насильственное переселение крымских татар в 1944 г., мы не могли вместе с тем не учитывать, что за прошедшие почти 40 лет этнодемографическая ситуация в Крыму коренным образом изменилась. Столь же остро встали проблемы других незаконно репрессированных народов – немцев Поволжья, балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков...

В начале 1988 г. разгорелся конфликт между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха. В феврале произошли сопровождавшиеся кровопролитием погромы армян в Сумгаите (недалеко от Баку). События грозили перерасти в религиозный конфликт, который мог распространиться за пределы Закавказья. Набирали силу и другие, более спокойные по формам, но не менее значимые процессы в При-

балтике, Молдавии, Грузии, нечто подобное зарождалось в Средней Азии и на Украине. В различных регионах все чаще ставились вопросы о языке коренных национальностей, экономическом суверенитете, расширении прав.

Общей основой этих процессов был рост национального самосознания народов Союза, своего рода национальный ренессанс, для которого политика гласности и демократизации открывала большой простор. Проблема национальных отношений приобрела самостоятельное значение. Нужно было заново оценить законодательство, регулирующее взаимодействие Союза и республик, уточнить или заново определить статус, права и обязанности союзных и автономных республик, других национальных образований. На XIX партконференции было, в частности, заявлено, что в рамках сложившейся структуры союзного государства необходимо обеспечить максимальный учет интересов каждой нации и народности, всего сообщества народов СССР в такой крайне чувствительной сфере, как межнациональные отношения.

Многонациональный состав советского государства придал политической реформе особый характер, свою окраску и своеобразие. На первый план выдвинулись проблемы, связанные с отношениями между центром (федерацией) и республиками. Было решено в рамках следующего этапа политической реформы разработать на основе конституционных норм систему государственных правовых механизмов, регулирующих эти отношения внутри союзного государства. Стала очевидной необходимость развития договорного принципа строения Союза, в связи с этим возник вопрос о новом **Союзном договоре**.

Новый Союзный договор призван был, прежде всего, обеспечить политические, социально-экономические интересы союзных республик, защиту их суверенных прав в Союзе ССР. Вместе с тем проект обновления советской федерации предусматривал и признание но-

вого статуса советских автономий: расширение прав автономных республик во всех областях государственного, хозяйственного и культурного строительства, укрепление их экономической самостоятельности, а также расширение прав автономных областей и округов.

В связи с развернувшимися дискуссиями по национальному вопросу всплыли такие сложнейшие вопросы, как понятие суверенитета, трактовка его содержания; разграничение полномочий Союза ССР и республиканских субъектов федерации; хозрасчетные отношения на разных уровнях, вплоть до местного; гарантии использования языков народов СССР; право выхода республик из Союза. Концепция новых договорных отношений, которая отвечала бы сложившимся реальностям и потребностям развития федерации, рождалась, можно сказать, в муках. Нужно было предусмотреть дифференциацию и большую гибкость федеративных связей с учетом своеобразия условий и возможностей каждой республики. Пока эти проблемы обсуждались, в республиках все больше разыгрывались страсти «по суверенитету», стремление «застолбить» его явочным порядком, еще до заключения нового договора. Активизировались деструктивные силы, которые спекулировали на требованиях независимости, подыгрывали сепаратистским настроениям.

Ситуацию крайне осложнили и обострили решения первого Съезда народных депутатов РСФСР. На этом съезде Ельцин выдвинул провокационную концепцию суверенитета, согласно которой «первый суверенитет принадлежит человеку, затем предприятию, колхозу, совхозу, любой другой организации...». Съезд избрал Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР, принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, а под занавес — предложенное Ельциным постановление, выводившее Совет министров РСФСР, а также ряд важнейших министерств и ведомств из подчинения союзного правительства. Эти дей-

ствия, недвусмысленно направленные на развал Союза, подтолкнули другие республики к аналогичным шагам, спровоцировав так называемый «парад суверенитетов».

Автономным республикам Ельцин обещал «абсолютно все права», какие только они захотят взять. Об этом он заявил, выступая в Казанском университете. На встрече с общественностью Уфы он предложил Башкирии: «возьмите ту долю власти, какую можете проглотить». Продолжая уверять в своей приверженности сохранению Союза, Ельцин фактически вел дело к его развалу. Но он вынужден был маневрировать, особенно после того, как на референдуме в марте 1991 года (проведению которого Ельцин всячески противился) большинство граждан, принявших участие в голосовании, высказалось за сохранение Союза. В Татарстане 87,5% проголосовавших сказали «да» Союзу.

Благодаря успеху референдума удалось провести встречу руководителей 9 союзных республик (по формуле «9+1» — руководители 9 республик и Президент СССР) и договориться об ускорении работы по проекту нового Союзного договора. Это положило начало **Ново-Огаревскому процессу**. Появилась надежда на продвижение вперед. Недовольны остались руководители автономных республик: они выступили с совместным заявлением, выразив озабоченность тем, что решения в Ново-Огарево принимались без их участия. И потребовали равноправного участия в обсуждении проекта и в подписании Союзного договора. Их обеспокоенность имела под собой основания. В подходе российских властей к суверенитету был заложен двойной стандарт: весь суверенитет — союзным республикам, а автономии как-нибудь обойдутся. Татарстан, в частности, где до 80% предприятий были союзного подчинения, оказался в трудном положении, когда Россия прекратила отчисления в союзный бюджет.

Летом 1991 г. Ново-Огаревский процесс, после трудных переговоров

и неизбежных компромиссов, вышел на согласованный проект Договора о Союзе Суверенных Государств. Свой конструктивный вклад внесли и бывшие автономные республики, которые были признаны полноправными участниками процесса как субъекты федерации, наряду с союзными республиками. Проект Договора был опубликован для всеобщего сведения 15 августа, а его подписание было назначено на 20 августа.

Августовский путч сорвал подписание Договора (что и было целью путчистов). Создалась новая ситуация, когда все надо было начинать сначала, причем в еще более сложных условиях. Вызванная позицией российских властей дезорганизация хозяйственной жизни страны нарастала, все больше обращая недовольство населения против перестройки. Какое-то время Ельцин еще делал вид, что он за сохранение Союза, но его действия свидетельствовали об обратном. Ново-Огаревский процесс удалось реанимировать, но все действия российского руководства были направлены на его подрыв. Дискуссии по новой концепции Союзного договора увязали в бесконечных спорах. Достигнутые договоренности опрокидывались выдвижением новых условий. Парафирование очередного проекта, согласованного семью республиками 14 ноября, было сорвано. За этим последовал референдум о независимости на Украине 1 декабря 1991 г. и... сговор руководителей трех республик — России, Украины и Белоруссии — в Беловежской пуще, где они совершили государственный переворот, объявив о «ропуске» СССР. Дезинтеграция страны про-

изошла в результате авантюры ГКЧП и политики российского руководства, взявшего курс на разрушение Союза.

Перестройка была сорвана, но она оставила глубокий след в истории страны и всего мира. Историческая заслуга реформаторов перестроечных лет в том, что они начали коренные, назревшие реформы и стремились вести их демократически, шаг за шагом расширяя границы свободы. Мы зашли с реформами настолько далеко, что тенденция была уже неостановима. При этом удалось избежать гражданской войны. Перестройка всколыхнула общество, привела его в новое состояние, привнесла в его развитие демократические начала. Констатация тех или иных ошибок в ходе перестройки (а они были) не может перечеркнуть ее основных долговременных достижений. Возникла новая политическая система, восприимчивая к парламентаризму. Демонтаж командной системы экономики открыл путь для формирования рыночного уклада. Неоспоримы положительные результаты перестройки в области внешней политики. Главный из них — преодоление холодной войны. Угрозу ядерного Армагеддона удалось отвести. Отношения с государствами как Востока, так и Запада были введены в нормальное, неконфронтационное русло. Все это опровергает распространенное мнение о провале перестройки. Многие ее цели были достигнуты. К сожалению, с ликвидацией Советского Союза был утрачен мощный рычаг перспективного развития великой державы, а с мировой сцены исчез важнейший фактор упорядочения и умиротворения международных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нас и для всего мира. — М.: Политиздат, 1987. — 271 с.; *Его же.* Жизнь и реформы. В 2-х кн. — М.: Изд-во «Новости», 1995. — Кн.1, 600 с., кн.2, 656 с.; *Его же.* Понять перестройку... Почему это важно сейчас. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. — 400 с.; Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С.Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. — 526 с.; В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова

(1985–1991). Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Горбачев-Фонд, 2008. — 800 с.; Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки. Документальные свидетельства. — М.: Изд-во «Весь мир», 2010. — 944 с.

Аннотация

В статье проанализированы процессы, вызвавшие к жизни широкомасштабные социально-экономические и общественно-политические изменения в поздний период существования Советского Союза. На основе анализа внутренних и международных факторов показаны неизбежность перестройки и ее роль в построении новой России.

Ключевые слова: перестройка, ускорение социально-экономического развития, СССР, концепция «нового мышления», Союзный договор, Ново-Огаревский процесс.

Summary

The article deals with the analyses of processes that gave rise to wide-ranging social economical and political changes in the late period of the Soviet Union's existence. On the basis of analysis of inner and international factors the inevitability of reformation and its role in building new Russia is shown.

Key words: reformation, acceleration of social economical development, USSR, concept of «new thinking», Treaty of alliance, Novo Ogarevsky process.

УДК 341.213.4:321.011

НОВАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ТАТАРСТАНА

М.Ш. Шаймиев, Государственный советник РТ

Советский период в истории Татарстана, как бы его ни критиковали, предоставил ряд возможностей для развития республики. В экономике появилась нефтяная промышленность, которая сегодня является ведущей отраслью. На ее базе выросли нефтехимические и химические предприятия. Появились авиационная промышленность и многочисленные предприятия машиностроения. КамАЗ стал ведущим предприятием страны, таковым он остается и в XXI в. Вместе с появлением новых отраслей укрепились вузы, а также научные институты. Татарстан из полуаграрной республики стал индустриальным регионом. За советский период был преодолен перекос в профессионально-квалификационной структуре населения. Практически во всех сферах жизни из татарской среды выросли высококвалифицированные специалисты. Это положительно сказалось впоследствии, в годы перестройки, когда межнациональные отношения были довольно напряженными. Конкуренция при продвижении по служебной лестнице не приобрела политического характера, и главным фактором при отборе кадров стал рассматриваться профессионализм.

Несмотря на то, что татарская интеллигенция пострадала в годы репрессий 1937 г., а затем потеряла многих талантливых людей во время Великой Отечественной войны, татарский народ сумел воспитать новое поколение интеллектуалов. Появились замечательные ученые, писатели, композиторы, артисты,

художники. Старшее поколение, успешнее в 1920-е гг. пожить в условиях обреченной демократии, передавало дух свободы молодым и во многом это стало той духовной пищей, которая проявилась в годы перестройки.

Вместе с тем советский режим сдерживал потенциал республики. Автономный статус Татарстана рассматривался населением как явная несправедливость. Инфраструктура не развивалась. Не было дорог, газификация охватывала только города, строительство жилья было минимальным. Ветшал жилой фонд. Полки в магазинах были полупустыми. Доходило до того, что люди ездили в Москву, чтобы привезти продукты питания, которые они сами же производили. Этот разительный контраст между уровнем жизни в Москве, Киеве, Минске, Алма-Ате, Ташкенте, Бишкеке, не говоря уже о прибалтийских и закавказских республиках, и советской «глубинкой» сказывался на настроениях людей.

Технология производства мирной продукции в СССР сильно отставала от Запада. Все силы были брошены на гонку вооружений. Милитаризация и монополизация экономики принимали угрожающие размеры и Татарстан был непосредственно включен в этот процесс, что больно сказало при переходе в 1990-е гг. на рыночные условия хозяйствования.

В сфере культуры существовала жесткая цензура. В директивном плане закрывались татарские школы, а сфера татарского языка свелась к бытовому

уровню. Газеты и журналы регламентировались, радио- и телепередачи на татарском языке были жестко ограничены. Все это вместе взятое создавало негативное умонастроение.

«Гласность» всколыхнула все советское общество. Москва и Прибалтика задавали тон. На уровне СССР лозунг «Иного не дано» захватил умы. В Татарстане главным стержнем с 1918 г. была идея возрождения государственности. В конце 1980-х – начале 90-х гг. она была выражена в требовании придания Татарстану союзного статуса. Всем казалось, что проблема заключена в ущербности автономии. Во многом это так и было, однако стремительное развитие событий показало, что союзные республики сами были недовольны своим статусом. Тогда стала доминировать идея суверенности республик.

Суверенитет в международном праве понимается довольно широко, хотя традиционно его связывают с независимостью. В Татарстане после длительных дискуссий, где разброс мнений находился между независимостью и сохранением существующего автономного статуса, нашли компромиссную формулу, которая впоследствии вошла в Конституцию Республики Татарстан. Основной закон РТ (Ст.1) гласит:

«Суверенитет Республики Татарстан выражается в обладании всей полнотой государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и Республики Татарстан и является неотъемлемым качественным состоянием Республики Татарстан».

Такая формула соответствует Конституции Российской Федерации¹, поэтому определение Конституционного суда (от 27 июня 2000г., № 92-0), по которому понятие суверенитета может применяться исключительно к Конституции РФ и не может относиться к республикам, было явно политизированным решением. В федеративном

государстве полномочия делятся, а значит, существует «разделенный суверенитет».

Первоначально в содержание суверенитета Татарстана входило и понимание республики в качестве субъекта международного права, но впоследствии в ходе острых дискуссий его исключили из официальных документов, хотя фактически РТ вела и продолжает вести активную международную деятельность на достаточно высоком уровне.

30 августа 1990 г. была принята «Декларация о государственном суверенитете Республики Татарстан». Декларация объявлялась вслед за принятием Российской Федерацией «Декларации о государственном суверенитете», где предусматривалось право народов «на самоопределение в избранных ими национально-государственных и национально-культурных формах» (п.4), что и стало основанием для принятия Татарстаном ряда конструктивных шагов и открыло возможность для выработки собственной политики.

В политическом плане перед республикой стояли несколько непростых вопросов, которые требовали своего решения. Во-первых, статус татарского языка; во-вторых, участие в «Союзном договоре» в качестве самостоятельного субъекта, наряду с РФ; в-третьих, выработка взаимоотношений с РФ на договорной основе. Декларация о государственном суверенитете РТ признала татарский и русский языки в качестве государственных. Такое решение было принципиально важным для татарского населения, хотя и вызывало возражения со стороны оппозиции. Компромисс состоял в том, что на политическом уровне была договоренность о том, что вместе с приданием татарскому языку статуса государственного одновременно будет инициирован переговорный процесс с союзным центром.

По предложению делегации Татарстана на съезде народных депутатов СССР удалось внести изменения в ст. 71 Конституции СССР, которая признала, наряду с союзными республика-

ми, членами нового Совета Федерации и автономные республики.

Вопрос о форме участия Татарстана в разработке и заключении Союзного договора стал самым принципиальным. Российская Федерация настаивала на участии республик в рамках делегации РФ. У РТ была иная позиция, которая была выражена в Постановлении Верховного Совета Татарской ССР «О проекте Союзного договора». Пункт 2 содержал принципиальную позицию о том, что парламент республики:

«В соответствии с Декларацией о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 года и Законом СССР от 26 апреля 1990 года «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» заявляет о своей готовности выступить соучредителем Союза Суверенных Советских Республик, самостоятельно подписать Союзный договор и принять вытекающие из него высокие обязательства»².

Такая позиция требовала урегулирования взаимоотношений с РФ. Политическая обстановка в Казани, Набережных Челнах, Нижнекамске и других городах в начале 1990-х гг. была весьма напряженной. Регулярно собирались многотысячные митинги, где требовали независимости Татарстану. Многие депутаты поддерживали такую позицию, о чем говорит факт принятия Постановления Верховного Совета Татарской ССР «Об Акте государственной независимости Республики Татарстан», в соответствии с которым было поручено «Кабинету Министров в месячный срок представить на рассмотрение Верховного Совета Татарской ССР анализ-прогноз изменения политико-правового, социально-экономического положения Республики Татарстан в результате принятия Акта о государственной независимости»³. Вместе с тем провозглашение независимости увязывалось с проведением всенародного голосования (референдума) «граждан Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан»⁴.

О серьезности политической ситуации говорит и факт принятия «Декларации о вхождении Республики Татарстан в Содружество независимых государств», где отмечается, что республика заявляет о вхождении в СНГ «на правах учредителя»⁵.

Политическая ситуация смягчилась благодаря переговорам между делегациями РТ и РФ, где были достигнуты определенные успехи. С большим трудом, но 15 августа 1991 г. был подписан Протокол по итогам консультаций, где были зафиксированы намерения о необходимости «ориентироваться на использование договорных форм регулирования отношений Российской Федеративной Социалистической Республики с Республикой Татарстан, учитывающих их приоритетные интересы без ущемления интересов других республик и Союза в целом»⁶. Это был первый документ в новейшей истории, подписанный между Москвой и Казанью и он положил начало переговорам о заключении договора о разграничении полномочий между сторонами. Важным этапом стало подписание 22 января 1992 г. Соглашения Правительства Российской Федерации с Правительством Республики Татарстан об экономическом сотрудничестве.

Для укрепления статуса республики трудно переоценить значение референдума, состоявшегося 21 марта 1992 г. С самого начала переговорного процесса между центром и РТ, начавшегося 12 августа 1991 г., делегация РФ ставила вопрос о легитимности полномочий делегации РТ. В Москве шла активная борьба демократических сил с коммунистами и Татарстан для многих политиков был неудобным и якобы недемократическим субъектом, продолжавшим советские традиции. Обнаружилось явное недопонимание центром происходящих на местах процессов. На самом деле работа в республике велась в интересах населения, что и мог подтвердить референдум. Первоисточником права является народ, и мы обратились к нашему населению, чтобы сами люди

непосредственно на основе свободного волеизъявления выразили свое отношение к принятой парламентом республики Декларации о государственном суверенитете.

Взаимоотношения между Москвой и Казанью накануне референдума накалились до предела. Республику забросали плакатами и листовками с призывом голосовать против вопроса, вынесенного на референдум:

«Согласны ли Вы, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?».

Все властные структуры в России в категорической форме выступили против проведения референдума. Нам было совершенно непонятно, почему и на каком основании нас пытаются лишить права советоваться с народом, причем в самой демократической форме.

Перед самым референдумом выступил Б.Н. Ельцин с обращением к населению Татарстана и призвал бойкотировать референдум. С призывом дружно поддержать вынесенный на референдум вопрос пришлось выступить мне. Напряжение росло. Дело доходило до того, что Прокурором РФ было направлено во все избирательные участки РТ предписание об уголовной ответственности в случае их открытия для голосования. Однако к утру в день референдума все из 2611 избирательных участков были открыты.

Итоги референдума показали, что за статус республики голосовали как татары, так и русские. Полученные результаты (62%) подтвердили существующее доверие населения к избранному президенту и депутатам. По итогам референдума не было возражений со стороны каких-либо политических сил или населения. Итоги голосования были приняты всеми, после чего в республике наступила межэтническая и в целом политическая стабильность. Организованно проведенный референ-

дум с участием наблюдателей из РФ и международных организаций стал серьезным аргументом в ходе последующих переговоров.

Закрепление статуса республики путем всенародного голосования стало основой для разработки новой Конституции Татарстана, которая была принята парламентом в 1992 г. Основным законом стал одним из базовых документов для подготовки проекта двустороннего договора.

Переговоры шли с большим трудом и перерывами, поскольку каждая сторона искала дополнительные аргументы в свою пользу. В 1993 году руководство центра предложило проект новой Конституции Российской Федерации, который обсуждался на Конституционном совещании. Президент РТ и Председатель Верховного Совета РТ обратились к Президенту РФ с предложением «о конституировании в Основном законе Российской Федерации положения о договорно-конституционных отношениях между Республикой Татарстан и Российской Федерацией – Россией». Однако официальный ответ не был получен. Делегация республики покинула Конституционное совещание, после чего начались двусторонние консультации по вопросу внесения поправок в проект Конституции РФ с тем, чтобы учесть позицию Татарстана. В результате в Основном законе РФ появился весьма важный пункт (ст. 11 п. 3), который гласит:

«Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий»⁷.

В этой ст. 11 для Татарстана была существенно важна фраза «иными договорами», что открывало путь к заключению двустороннего договора. Конечно, впоследствии вокруг п.3 ст.11 возникло много дискуссий, но на тот момент это

было безусловной победой республики в отстаивании своих прав на самостоятельный голос при формировании федеративных отношений. Следует заметить, что в Конституции РФ была зафиксирована международно-правовая норма о «равноправии и самоопределении народов», что укрепляло позиции делегации РТ.

Переговоры о заключении двустороннего договора приближались к завершающей стадии. Важным аргументом для заключения договора служило то, что республика в 1992 г. не подписала Федеративный договор в силу ряда причин. В частности, к тому времени у республики фактически прав было больше, чем предоставлял Федеративный договор, который по существу был обычным соглашением между центром и субъектами о разграничении полномочий. Последующие события подтвердили правоту позиции РТ – Федеративный договор реализовать не удалось и его довольно быстро забыли.

Вместе с тем Татарстану было необходимо войти в общее правовое поле России. 15 февраля 1994 г. договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» был подписан. Ситуация сложилась так, что федеральный центр также был заинтересован, против своей воли, в подписании Договора, потому что до его заключения в Татарстане не проводились выборы в Госдуму РФ, а также республика не была представлена в Совете Федерации России. Договор стал историческим документом и обозначил перелом в отношениях с федеральным центром. Двусторонние отношения стабилизировались и стали базой для успешного социально-экономического и культурного развития РТ.

Параллельно с политической составляющей в республике вырабатывалась концепция социально-экономическо-

го развития. Структурная перестройка экономики, необходимая для перехода к рыночной экономике, затруднялась наличием масштабного военно-промышленного комплекса. Кроме того, экономика РТ сильно зависела от цены на нефть, которая сильно колебалась, а потому было непросто выработать долгосрочную экономическую политику. Инфраструктура в РТ была плохо развита. Были также другие причины, препятствовавшие ускоренному переходу к рыночным отношениям.

«Шоковая терапия», объявленная Правительством РФ, ставила под удар основное население республики и грозила людям обнищанием. Переход к рынку не должен был порождать негативное отношение к рыночной экономике и вызывать недоверие людей к руководству республики. Поэтому Правительство Татарстана избрало путь «мягкого вхождения в рынок», что означало контролируемую адресную социальную защиту населения, постепенную приватизацию под контролем государственных органов, сохранение контрольного пакета акций за государством на бюджетобразующих предприятиях. Самостоятельная политика Татарстана в период ваучеризации позволила избежать распродажу собственности республики за бесценок.

Важнейшими задачами экономической политики стали приближение инфраструктуры к рыночным условиям, поэтому началось строительство дорог, газификация, телефонизация, ликвидация ветхого жилья, прокладка оптоволоконной связи для Интернета и т.д.

Важнейшим фактором стабильной продовольственной обеспеченности в эти сложные годы стала политика сохранения сельскохозяйственного производства, постепенной приватизации сельскохозяйственных земель крупными татарстанскими компаниями.

Одновременно был взят курс на переход от продажи сырой нефти к ее переработке и в целом на ориентацию на развитие высоких технологий. Постепенно удалось расширить переработ-

ку нефти, развить нефтехимическую и химическую отрасли. Доля высокотехнологичной продукции в производственном секторе республики из года в год повышалась. Политика «мягкого вхождения в рынок» полностью себя оправдала.

Важнейшей составляющей постперестроечного периода стало развитие культуры Татарстана. Руководство РТ открыто объявило, что финансирование развития татарской культуры будет приоритетным, поскольку она пострадала в советский период больше, нежели русская культура. Русская часть населения РТ поддержала это мнение, что было важно с точки зрения сохранения межэтнического согласия. Начали открываться татарские школы и гимназии, учреждались новые газеты и журналы на татарском языке, появилось собственное спутниковое телевидение, что было важно для всех татар, проживающих в РФ и странах СНГ, татарский язык из разговорного стал государственным и неуклонно расширял сферу применения, включая Интернет. Татарстан наладил тесные контакты с татарским населением РФ и СНГ. Наряду с церквями строились и восстанавлива-

лись мечети по всей республике. Была учреждена собственная Академия наук. Важным моментом развития сферы культуры стало изменение психологии людей, они не только почувствовали себя хозяевами республики, но также приобрели чувство гордости за успехи Татарстана.

Благодаря договору 1994 г. республика смогла развивать внешние связи, координируя свою деятельность с МИДом РФ. Это позволило привлечь инвестиции в экономику, подняло авторитет Татарстана среди зарубежных стран. Казань превратилась в место проведения серьезных международных форумов и спортивных состязаний.

В результате принятых мер в политике, экономике, социальной сфере и культуре республика к концу XX в. стала одним из самых динамично развивающихся регионов РФ. Не случайно в начале XXI в. Казань стали называть третьей столицей России. Наступил перелом в историческом развитии республики, а потому период с начала 1990-х гг. до начала XXI в. в полной мере можно назвать новой страницей в истории татарского народа и Татарстана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ст.73 Конституции РФ гласит: «Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти». См.: Конституция Российской Федерации. – М., 1993.

² Постановление Верховного Совета Татарской ССР «О проекте Союзного договора» // Белая книга Татарстан. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990–1995. – Казань, 1996. – С. 7.

³ Постановление Верховного Совета Татарской ССР «Об Акте государственной независимости Республики Татарстан» // Белая книга... – С. 11.

⁴ Там же. – С. 12.

⁵ Декларация о вхождении Республики Татарстан в Содружество независимых государств // Белая книга... – С. 12.

⁶ Протокол по итогам консультаций делегаций Российской Федеративной Социалистической Республики и Республики Татарстан, состоявшихся 12–15 августа 1991 года в городе Москве // Белая книга ... – С. 32.

⁷ Конституция Российской Федерации. – М., 1993.

Аннотация

В статье показаны основные вехи сложного исторического пути Татарстана, пройденного им в XX столетии. Проанализирован переход от советской модели развития к современной, включавшей на новом этапе государственного строительства сложный переговорный процесс с федеральным центром и установление суверенного статуса, развитие стабильной экономики и социальной инфраструктуры республики.

Ключевые слова: Республика Татарстан, референдум, суверенитет, федеративные отношения, политика «мягкого вхождения в рынок».

Summary

The article deals with the main milestones of complicated historical way of Tatarstan passed in the XX century. Transition from Soviet model of the development to modern one is analyzed. At the new stage of state organization that includes a very complicated negotiation process with federal centre and establishment of sovereign status, development of stable economics and social infrastructure of the Republic.

Key words: the Republic of Tatarstan, referendum, sovereignty, federative relations, the policy of «smooth entering in the market».

УДК 329.15

ИДЕОЛОГИЯ ОБКОМА КПСС В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

*О.В. Морозов, первый заместитель Председателя
Государственной Думы*

В свое время один из американских экспертов по Советскому Союзу предсказал, что в Татарстане рано или поздно неизбежно острейшее этноконфессиональное столкновение. Русские и татары, православные и мусульмане, сложная история, разные стереотипы и обиды, несовпадающие интересы... Словом, он не видел путей цивилизованного разрешения противоречий в столь разделенном обществе. В его практике не было исключений. Но оно появилось, и американцы в начале XXI в. назовут этот феномен «Моделью Татарстана».

Конечно, эта модель не могла родиться в одночасье. Ее основы начали закладываться еще в середине 80-х гг. прошлого века, вошедших в российскую историю как период перестройки. Причем руководящей и направляющей силой этого процесса, как ей тогда и полагалось, была КПСС в лице ее Татарского обкома.

Но, прежде всего, следует вспомнить обстановку тех переломных для страны лет. Реформы Михаила Горбачева в буквальном смысле слова взорвали общество. И как любой взрыв, он породил массу осколков. Особенно резко маятник качнулся в сторону пробуждения национального сознания во всех его проявлениях, включая экстремистские. Над всей страной нависла тень Карабаха.

И вот в это время в Татарский обком пришла новая и, как оказалось, последняя волна партийных работни-

ков, в числе которых был и автор этих строк. По сути дела мы попали в обком, не имея опыта партийной работы, перескочив через десяток карьерных ступенек, что считалось тогда делом неслыханным. Например, мне, доценту Казанского государственного университета, сразу доверили руководство отделом пропаганды и агитации (позднее преобразован в идеологический отдел). На первых ролях оказались и мои коллеги по университету, тоже доценты – Василий Лихачев и Андрей Бусыгин. В конечном итоге удалось собрать сплоченную команду единомышленников, состоящую из целого созвездия известных ныне в стране и Татарстане людей. В нее входили Рафаэль Хакимов, Наиль Хуснутдинов, Александр Юртаев, Георгий Исаев, Римзиль Валеев...

Сегодня, что называется, задним числом, я понимаю, что наша команда служила, скорее, не строю, а тем переменам, которые в то время происходили. Другое дело, что все мы, особенно в начале перестройки, искренне верили, что эти перемены может осуществить сама партия. Короче говоря, мы были в системе и пытались в меру своих сил и возможностей изнутри повлиять на эти процессы.

Понятно, что наши возможности были далеко не безграничными. Москва с опаской наблюдала за тем, что собирается делать Казань, и чуть что была готова «закрутить гайки». Хорошо еще, что у нас имелось надежное прикрытие в лице первого секретаря обкома Гуме-

ра Усманова и секретаря по идеологии Наиля Кадырметова. Естественно, мы по-разному смотрели на многие вещи (сказывались возраст, жизненный опыт, менталитет), но в основном, в основном, были едины: надо во что бы то ни стало сохранить мир и спокойствие в Татарстане, реформировать общество в стабильной обстановке. Это и была, если так можно сказать, идеология обкома партии, которой мы руководствовались, принимая те или иные решения.

Изменение стиля работы обкома в первую очередь почувствовали ученые, деятели культуры, журналисты, которые стали нашим активом. По их совету мы начали проводить социологические исследования рейтинга партийных работников. Секретари горкомов и райкомов, а это были люди, прошедшие большую жизненную школу и школу партийной работы, впадали в самую настоящую оторопь, когда им показывали, что на самом деле думают о них люди. Мы были первыми, кто ввел ежемесячные суждения членов партии и беспартийных о тех, кто занимал высокие посты.

Конечно, самым острым был национальный вопрос. Анализ показал, что в республике, где для половины населения родной язык — татарский, практически не было школ, газет и журналов на татарском языке. Словом, этот шлюз надо было срочно открывать. В результате стали печататься книги и учебники на татарском языке, готовиться кадры для татарских школ. По нашей инициативе в Казани начали выходить двуязычный журнал «Идель», журналы «Панорама» и «Казань», детский журнал на татарском языке «Салават купере», который издается до сих пор. Все это было очень и очень непросто. Каждое издание в буквальном смысле приходилось пробивать в Москве, в ЦК КПСС. Понимание встречали не всегда.

Надо было что-то делать и с национальными организациями. Так, самая известная среди них — Татарский общественный центр (ТОЦ) — работала фактически в подполье. При этом ник-

то из партийных работников толком не знал, что они требовали. Посмотрели. Оказалось, ничего особенного: требовали союзного статуса для республики, открытия национальных школ, учреждения общества по связям с татарской диаспорой и т.д. Подумав, решили опубликовать программу ТОЦ в журнале «Блокнот агитатора».

Резонанс был огромным. Представляете, программа оппозиционной организации выходит в официальном органе обкома партии. Правда, весь этот шум вокруг публикации членов нашей команды совершенно не интересовал: о том, чтобы прослыть новаторами, а тем более о саморекламе никто из нас даже и не задумывался. Цель публикации была совсем иной: мы просто давали понять национальным организациям, что с нами можно иметь дело, и эта цель была достигнута. Лидер татарской эмиграции в Европе Али Акыш публично заявил, что национальным организациям не надо ссориться в республике с властями и что «коммунисты-реформаторы лучше демократов-шовинистов». А в феврале 1989 г., когда уже меня взяли на работу в ЦК КПСС, в Казани легально прошел первый съезд Татарского общественного центра. Тем самым, как сейчас принято говорить, ТОЦ удалось вписать в систему, и пробудившееся национальное самосознание не стало в Татарстане горючим материалом.

Вот так, постепенно, без резких движений, небольшими шажками, и формировалась «Модель Татарстана». По сути мы во многом интуитивно следовали консервативному принципу «Сохрани и приумножь!», пытались создавать новое, сохраняя лучшее. И дальше в республике неукоснительно следовали правилу: никогда не «резать по живому», не проводить реформы ради реформ.

Параллельно обком решал еще одну важную задачу — готовил кадры для Татарстана и в целом для России. Мы прошли фантастическую по классу школу. Это культура работы с документами и вообще с текстами, это исполнитель-

ская дисциплина, понимание того, как принимается решение и как оно выполняется. А уж работе с людьми партийная школа учила так, как сегодня, на мой взгляд, не учит ни одна другая школа. Думаю, что, не имея опыта партийной работы, вряд ли стал бы политиком крупнейшего калибра первый Президент Татарстана Минтимер Шаймиев. Да и автор этих строк не смог бы шагу сделать в политической жизни постсоветской России без опыта партийной работы.

Конечно, все вышесказанное не отменяет главного. Наши попытки реформировать КПСС в отдельно взятой республике были заведомо обречены. Партия гибла на наших глазах и по-

нятно от чего — от своего устройства, которое никак не отвечало остроте переживаемого политического момента, от собственной закостенелости, собственного догматизма, от неспособности измениться идеологически. Это, пожалуй, и есть самый главный урок, который следует извлечь из опыта КПСС, в том числе и «Единой России». Партия, если она хочет сохранить себя в качестве правящей, должна находиться в движении, в развитии, и не от случая к случаю, а постоянно. Попытки что-то изменить в уже закостеневшем партийном организме лишь ускоряют ее агонию. Только очень жаль, что КПСС умерла, утащив в небытие вместе с собой и великую страну.

Аннотация

В статье на основе анализа идеологической и практической работы Татарского областного комитета КПСС показана попытка реформирования компартии в ходе перестройки, предпринятая его руководством. Проанализированы процессы, вызвавшие к жизни широкомасштабные социально-экономические и общественно-политические изменения в поздний период существования Советского Союза.

Ключевые слова: КПСС, перестройка, политическая элита.

Summary

On the basis of the analysis of ideological and practical work of Tatar regional committee KPSS the author shows the attempt to reform communist party in the course of reformation made by its governing body. The author also analyses the processes that gave rise to wide-ranging social economical and political changes in the late period of the Soviet Union's existence.

Key words: CPSU, reformation, political elite.

УДК 342.52

ЗНАЧЕНИЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ СТАТУСА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (О РАЗВИТИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В 1990-е ГОДЫ)

Ф.Х. Мухаметшин, Председатель Государственного Совета РТ

На рубеже 1980–1990-х гг. Республика Татарстан одной из первых в Российской Федерации стала реально разрабатывать и внедрять в практику социального процесса конкретные механизмы построения новой модели федеративной государственности. Опыт Татарстана в повышении самостоятельности и законодательном обеспечении этого процесса, формировании адекватных особенностям новой эпохи форм взаимодействия с федеральным центром стал в дальнейшем внимательно изучаться и перениматься многими российскими регионами. Республика приобрела статус реального участника общероссийского политического процесса, особенно в той его части, которая связана с выработкой принципов и механизмов функционирования демократической федеративной государственности.

Параллельно и в самой республике происходили знаковые перемены. Активно разрабатывалась и законодательно закреплялась собственная концепция социального, политического и экономического развития, становления новой государственности республики, формирования целостной правовой и политической систем. Поэтому если попытаться сгруппировать события, которые на протяжении десятилетия 1990-х гг. выступали фоном развития политического процесса в Татарстане,

то получится значимый динамический ряд: начало реформ в экономике и социально-политической сфере; процесс повышения государственно-правового статуса Татарстана; выборы первого президента республики; подготовка и правовое сопровождение переговорного процесса с Федеральным центром. Кроме того, именно в этот период были приняты Декларация о государственном суверенитете Татарстана и новая Конституция республики, проведен республиканский референдум о повышении государственного статуса Татарстана, шла работа над Федеративным Договором, делегация Татарстана участвовала в Конституционном совещании.

В это время хорошую проверку на прочность и историческую перспективу получили разработанные и законодательно оформленные принципы взаимодействия между представительными и исполнительными ветвями государственной власти республики¹. Был накоплен опыт своевременного снятия возникающих противоречий и требовательного отношения высших институтов государственной власти друг к другу.

С позиций сегодняшнего дня в рамках десятилетнего периода 1990-х гг. можно выделить три относительно самостоятельных этапа в новейшей истории республики, а соответственно, и в развитии политико-правового про-

цесса. *Первый этап* охватывает период с апреля 1990 до ноября 1992 г., с начала работы первой сессии Верховного Совета республики XII созыва (1990–1995 гг.) до принятия новой Конституции Татарстана. Условно его можно определить как этап политического самоопределения республики.

Второй этап — период активных действий за политико-правовое признание происшедших в республике перемен — ограничен временными рамками с ноября 1992 г. по февраль 1994 г. Рубежом его завершения стало заключение Договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан».

Третий этап — начинается с февраля 1994 г. и связан с законодательным оформлением принципов реформирования политической структуры республики, началом проведения полномочной (признанной с позиций общезаконодательного, конституционного и международного права после заключения Договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий с органами государственной власти Российской Федерации) и полномасштабной политики социально-экономических реформ.

В основу данной периодизации заложены не только чисто внешние политические и социальные факторы. В рамках каждого из этапов деятельность парламента республики по своему содержанию в большей степени была связана с решением вполне определенного класса задач. В этом смысле приоритетной задачей первого этапа являлось политическое самоопределение республики, становление Татарстана как субъекта общероссийского политического процесса. Соответственно этому и работа высших органов государственной власти была связана с законодательным и политическим обеспечением происходящих в республике и с республикой перемен.

Исторической точкой отсчета начала проведения активной политики, направленной на реформирование сложившихся устоев национально-государственного устройства, стало 30 августа 1990 г., когда Верховный Совет Татарстана провозгласил Декларацию о государственном суверенитете². Особый акцент здесь следует сделать на том, что принятие Декларации явилось для республики не какой-либо данью политической моде начала 1990-х гг., а выражением глубинных демократических процессов. Тенденции обновления государства и общества конца 1980-х гг. явились мощным импульсом возрождения национального самосознания в регионах страны. Общественность республики настойчиво стала выдвигать требования об изменении статуса республики, который давно объективно не соответствовал интересам ее дальнейшего социально-политического и экономического развития.

Идея суверенитета выступила реальным объединяющим фактором. Значительная часть граждан республики высказывалась за изменение статуса Татарстана, что достаточно убедительно продемонстрировали результаты голосования в парламенте Татарстана: «За» принятие Декларации о государственном суверенитете республики отдали свои голоса 241 народный депутат (при одном воздержавшемся) из 242-х, присутствовавших на заседании Верховного Совета Татарстана 30 августа 1990 г.

Декларация закрепила реализацию неотъемлемого права татарской нации, всего многонационального народа республики на самоопределение, право его собственности на землю, недра и природные ресурсы. Татарский и русский языки были провозглашены государственными, всем гражданам была гарантирована равная ответственность перед законом, независимо от «национальности, социального положения, религиозных и политических убеждений». В Декларации государственный суверенитет был провозглашен без ссылки на изначальную правосубъектность, что

полностью согласуется с международно-правовыми нормами.

Весьма показательно, что Декларация о государственном суверенитете Татарстана была принята вскоре после Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации. Это событие послужило толчком роста национального самосознания народов России, интенсификации демократических преобразований. Последовавший процесс суверенизации республик создал основу для становления демократической федерации. В связи с этим позиция Татарстана по конкретным политическим и правовым вопросам в тот период должна рассматриваться в контексте российских событий как прошлого, так и настоящего.

Избранный в августе 1990 г. курс социально-политического развития выдержал испытание временем. В отличие от многих регионов, где суверенизация привела к межнациональным трениям, в Татарстане Декларация стала цементирующим началом в проведении демократических преобразований и сохранении межнационального согласия. Она закрепила в качестве основополагающего принципа развития соблюдение интересов всех граждан республики, защиты их прав и свобод. После окончания эпохи авторитаризма имидж республики все больше стал определяться динамизмом инновационных процессов по созданию демократического, социально-ориентированного государства, реальному вкладу в формирование новой демократической Российской Федерации. Согласно этим двум критериям, Татарстан стал значимым примером проведения последовательной политики на повышение самостоятельности республики.

Говоря о значении Декларации, следует признать, что ее провозглашение явилось своевременным ответом на исторический вызов нарождающейся эпохи. Она стала необходимым условием обретения Татарстаном самостоятельности, гарантом его поступательного развития; дала мощный импульс

формированию в широких социальных слоях новой системы ценностей и мировоззренческих ориентиров. Ускорила смену форм государственности и этапов национальной истории республики.

С ее принятием были заложены основы нового демократического государственного образования — Республики Татарстан, началось создание необходимых политико-правовых и социальных институтов, формирование нового типа общественных отношений. А настоящим прорывом здесь стали отказ республики от федеральной концепции «шоковой терапии» в начале 1990-х гг. и разработка собственной стратегии «мягкого вхождения в рынок».

Декларация стала доминантным фактором укрепления политической стабильности и межнационального единства. Республике удалось избежать социального противостояния между людьми разных национальностей. В соответствии с Конституцией Татарстана в республике создано полиэтничное, поликультурное общество, в котором приоритетными выступают задачи формирования социальных условий в интересах всего многонационального народа. Кроме того, Татарстан получил широкие возможности для установления прямых партнерских отношений с субъектами федерации и зарубежными странами — прежде всего в сферах экономики, образования, науки и культуры. Республика активно включилась в систему международных отношений.

Именно тогда в Верховном Совете республики была начата работа над законами по обеспечению общественной жизни баланса национальных языков, культур и конфессий, подготовка государственных программ развития национального образования, национальных культур и искусств³. Приоритетное место в этих решениях отводилось повышению роли этно- и социокультурных составляющих татарстанского социума в его жизнедеятельности.

Указанные проблемы выдвигались в законодательном плане в число приоритетных отнюдь не случайно, пос-

кольку в начале 1990-х гг. накануне проведения референдума о повышении государственного статуса Татарстана (март, 1992 г.) политическая ситуация в республике была достаточно напряженной. Состояние межэтнических отношений, восприятие людьми накопившихся в этой сфере проблем во многом определяются действием ряда фоновых факторов, сформировавшихся еще в советские времена. Среди них: утраты, понесенные национальными культурами; длительное бездействие властей по возрождению исторических традиций народов Татарстана и страны в целом, имевшие место перекосы в кадровой политике; невосприимчивость определенной части русскоязычного населения к значимости национальных обычаев; трудности, вызванные сужением сферы использования национальных языков. Однако уже тогда начавшиеся в республике процессы социальной консолидации оказывали мощное позитивное воздействие на социально-психологический климат в татарстанском обществе.

Поэтому вполне закономерно, что в день проведения республиканского референдума на поставленный в бюллетене вопрос: — «Согласны ли вы, что Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров», — «да» ответили 1309056 человек, или 61,3% от числа принявших участие в голосовании (что составило 50,3% от числа всех избирателей республики). Таким образом, больше половины граждан Татарстана поддержали главную мысль референдума — необходимость и политическую целесообразность повышения государственно-правового статуса республики. Была выражена поддержка политической стратегии руководства республики в лице Президента Татарстана, парламента и правительства на достижение равноправия в отношениях с федеральным центром.

Итоги референдума позволили республике сделать следующий важный шаг по пути расширения демократии и повышения экономической самостоятельности Татарстана. Здесь же следует подчеркнуть, что проведенный референдум способствовал стабилизации политической ситуации, укреплению отношений в сфере межнационального взаимодействия.

Важнейшим направлением реализации государственного суверенитета республики стало принятие 6 ноября 1992 г. Конституции Татарстан, в которой получили законодательное оформление основные права и свободы личности, соответствующие Всеобщей декларации прав человека. В Основном Законе была закреплена взаимная ответственность гражданина и государства при приоритете прав человека, как высшей социальной ценности. С принятием Конституции в Татарстане была сделана серьезная политическая заявка на формирование оригинального подхода к проблеме взаимодействия «центра» и «субъекта», создания в республике демократического политического устройства, новых подходов к вопросам национально-государственного строительства, формирования гражданского общества и правового государства, достижения и углубления межэтнического согласия.

Вместе с тем отсутствие стабильного правового поля в складывающихся отношениях между центром и регионами не могло не сказаться на обострении противоречий между ними в видении путей развития российского федерализма. Для разрешения этой коллизии предпринимались неоднократные попытки сдвинуть с «мертвой точки» переговорный процесс как федеральным центром, так и республиками (причем последние были более активны). В апреле 1992 г. центральными органами был подписан Федеративный договор с субъектами федерации. Только Татарстан не поставил под ним свою подпись, а Башкортостан подписал с условием, что Федеративный договор

будет дополнен двухсторонним Договором.

Главными причинами отказа со стороны Татарстана подписать этот документ являлось то, что в нем предусматривалось меньше прав, чем республика к тому времени фактически уже имела. Федеративный договор, по существу, был всего лишь соглашением о разграничении полномочий между федеральным правительством и субъектами, которое не устанавливало федеративной природы России и, следовательно, не гарантировало сохранения самостоятельности республики в реализации функций, отнесенных к ее компетенции. Дальнейшее развитие федерального политико-правового процесса показало — во время подготовок новой Конституции России пункт о Федеративном договоре фактически был исключен из конституционного процесса.

Противоречия, возникшие между федеральным центром и Республикой Татарстан во время Конституционного совещания, которые не удалось решить через переговоры, привели к тому, что делегация Татарстана заявила о невозможности своего дальнейшего участия в его работе. Главным спорным пунктом, по которому мнения кардинально расходились, стало игнорирование федеральным центром законодательной инициативы Республики Татарстан о новом видении федерализма в России, о конституировании в ее Основном Законе положения о конституционно-договорных отношениях между Российской Федерацией и Республикой Татарстан.

Второй, важный этап в новейшей истории республики был логически связан с самоутверждением Татарстана в качестве субъекта межгосударственных отношений. Именно в это время развернулся переговорный процесс Республики Татарстан с федеральным центром. Руководство республики всегда последовательно выступало за подписание двустороннего договора, в котором будут прямо признаны права республики и результаты референдума, гарантии ее качественно нового поли-

тико-юридического статуса, отстаивало идею формирования нового типа федеративных и межгосударственных отношений⁴.

В рамках этого периода на основе Конституции Татарстана, которая стала исходной правовой базой для дальнейшего развития и совершенствования всех отраслей законодательства республики, получил новый импульс процесс формирования собственной системы права. В области государственного строительства были приняты законы о Высшем арбитражном суде, Конституционном суде, государственной службе, о бюджетном устройстве и бюджетном процессе и многие другие. Все они направлены на развитие государственности республики, укрепление ее самостоятельности в осуществлении функций государственной власти.

Парламентом был принят ряд законов, обеспечивающих в республике экономические преобразования, проведение земельной реформы, приватизации и разгосударствления собственности. Оригинальные подходы были использованы к комплексному решению социальных проблем. В первую очередь речь идет о законах и государственных программах, принятых Верховным Советом и правительством республики в первые годы реформ: Программа стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночным отношениям; Программа адресной социальной защиты населения; Программа ликвидации ветхого жилья в Татарстане на 1993–1995 г. и на перспективу до 2002 г.; Программа приватизации государственной и коммунальной собственности; Республиканская комплексная программа «Забота»; Государственная программа экономического и социального прогресса Татарстана; Программа демонополизации экономики и развития товарных рынков в республике; Программа борьбы с преступностью⁵.

Проведенный 12 декабря 1993 г. всероссийский референдум о проекте новой российской Конституции выявил, что этот проект не устраивал не только

Татарстан, но также и ряд других субъектов России. После принятия Конституции Российской Федерации сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, существовал Основной Закон федеративного государства, с другой — более трети регионов не приняли его. Реальным способом разрешить это противоречие и стал договорный процесс. Договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» открыл новый этап во взаимоотношениях между Татарстаном и федеральным центром, — этап совместного конструирования демократической федерации, в которой взаимодействие между центром и субъектами развивается с учетом интересов друг друга⁶.

Аналогов такому политико-правовому соглашению в истории Российской Федерации еще не было. Дальнейшее развитие политического процесса и в Российской Федерации, и в республике показало, что позиция Татарстана, стремившегося заключить двухстороннее соглашение с федеральным центром, была правильной, а сама республика является лидером в развитии интеграционных процессов в современной России. Позднее был подписан ряд договоров и с другими субъектами федерации.

Оценивая с позиций второго десятилетия XXI в. значение этого документа, следует признать, что Договор действительно стал победой политического реализма, когда конфликтная ситуация и напряженность первых лет российской государственности между федеральным центром и субъектом федерации разрешились политическими средствами через компромиссы. Договор ознаменовал собой окончание периода государственно-правовой неопределенности между Москвой и Казанью, позволил сделать значимый шаг в укреплении социально-политической стабильности в обществе. Его подписание успокоило

людей всех национальностей, проживающих в Татарстане, и выбило почву для политических спекуляций как у шовинистически настроенных групп, так и у националистов экстремистского толка, исключив возможность возникновения напряженности в межэтнических отношениях. Были созданы условия для возрождения и всестороннего развития родного языка и культуры татар, других народов в республике. Кроме того, самым фактом своего появления он придал мощный импульс эволюционному развитию Российского государства на принципах демократии. Руководство России перед лицом мирового сообщества тогда наглядно продемонстрировало свою приверженность правовым методам строительства новой федерации.

Договор закрепил право Татарстана самостоятельно решать вопросы формирования системы органов государственной власти, порядка ее организации и деятельности. Но главное — это то, что в обществе было сохранено взаимное доверие на фоне отсутствия противоборства различных властных структур. Договор интенсифицировал процесс создания республиканской правовой базы, учитывающей всю многогранность ее специфики. По многим направлениям законодотворчества Татарстан стал примером активного освоения нового политико-правового пространства.

Наконец, Договор явился существенным фактором повышения экономической самостоятельности республики. Благодаря Государственной программе адресной социальной защиты население республики относительно легче перенесло первые удары рыночной стихии. Процесс «мягкого вхождения» в рынок, использование регулирующей роли государства в управлении экономикой и социальной сферой, эволюционное реформирование общества с углубленным вниманием к поддержанию жизненного уровня населения и множество других мер позволили обеспечить гражданам республики относительное благополучие,

избежать потрясений, а в конечном итоге — острых социальных конфликтов. Весьма показательно, что многие из татарстанских новаций в дальнейшем брались федеральным центром на вооружение и распространялись уже в качестве передового опыта среди субъектов федерации.

Более того, Договор предоставил возможность в существенной мере влиять на процесс подготовки и принятия решений на уровне федерального центра по вопросам, затрагивающим интересы республики. Именно в этом смысле в 1994 г. была начата сложнейшая деятельность по отладке модели взаимовыгодных отношений, учитывающей интересы многонационального народа Татарстана и интересы Российской Федерации в целом.

С завершением второго этапа (ноябрь 1992 — февраль 1994 гг.) приоритетными в деятельности органов государственной власти и управления становятся вопросы, относящиеся к всестороннему правовому обеспечению жизни Республики Татарстан как полноправного политического и государственного образования.

Оценивая в целом развитие политического процесса в постдоговорной период, следует подчеркнуть, что оно связано с возникновением принципиально новой социальной ситуации, снятием многих противоречий между Татарстаном и федерацией, а также укреплением социальной стабильности в республике. Это, в свою очередь, повлияло на отношение избирателей в целом к политике, проводимой ее руководством. Не случайно первостепенная задача, над решением которой в рамках третьего этапа начали работать представительные и исполнительные органы власти республики, — это максимально возможное сокращение сроков затянувшегося кризисного состояния 1990-х гг.

Благодаря достигнутым с федеральным центром договоренностям, республика одной из первых в Российской Федерации вступила на путь иннова-

ционных преобразований, избрав во многом уникальный путь вхождения в рыночную экономику. Речь идет об особом подходе к разработке и принятию стратегии управления социальными процессами. В Татарстане, благодаря мерам по социальной защите населения на первом этапе реформ, негативные последствия «шоковой терапии», вызванные нарушением хозяйственных связей и высокой инфляцией, были существенно ослаблены. Законодательно обеспеченное «мягкое вхождение в рынок» позволило сохранить стабильность в обществе и избежать социальных потрясений. Все это способствовало формированию качественно новых подходов к оценке состояния и перспектив развития социальной и экономической сфер, содержания социально-экономической стратегии.

Логическим следствием начатых преобразований стало принятие в 1996 г. Государственной программы экономического и социального прогресса Татарстана, определившей концептуальную модель развития республики, системно прописавшей цели на следующий этап реформ, методы и механизмы их достижения. Главной целью Программы было провозглашено повышение качества жизни людей и построение социально-ориентированной рыночной экономики. Будучи частью федерального экономического пространства, Татарстан должен был стать стабильной и динамично развивающейся его частью. Тем самым модель Татарстана — это экономика с устойчивым типом роста, интегрированная в будущем в мировое хозяйство, приводимая в действие внешними инвестициями за счет высокой добавленной стоимости товаров и услуг при активной регулирующей роли государства.

Важнейший итог десятилетнего развития республики в конце XX в. — сохранение социальной и политической стабильности в татарстанском социуме, последовательное проведение политики разумного сочетания личностных и общественных интересов. Другими

словами, на протяжении всего периода 1990-х гг. форма и содержание законодательства в рамках института государственного устройства Республики Татарстан претерпевали качественные изменения, которые обуславливались не столько административно-территориальным устройством, сколько формой национальной государственности республики и особенностями развития федеративных отношений в стране. Законодательская работа, проделанная

татарстанским парламентом в это время, позволила практически «с нуля» создать правовую базу республики, заложить фундамент демократии, права и справедливости в обществе. Решающими факторами становления и дальнейшего совершенствования государственного устройства Республики Татарстан выступали и продолжают выступать конституционно-правовой статус республики и характер взаимоотношений Российской Федерации и Татарстана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Закон Республики Татарстан «Об основах народовластия в Республике Татарстан» // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 1; Закон Республики Татарстан «О конституционном надзоре в Республике Татарстан» // Там же; Закон Республики Татарстан «Об организации работы исполнительно-распорядительных органов в республике на период проведения экономических реформ» // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 3.

² См.: Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 1.

³ См.: Закон Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 1996. № 4; Закон Республики Татарстан «Об охране и использовании культурных и исторических ценностей» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 1996. № 8-9-10; Закон Республики Татарстан «О культуре» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 1998. № 7; Закон Республики Татарстан «О библиотеках и библиотечном деле» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 1998. № 11; Закон Республики Татарстан «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 1999. № 10; Закон Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 1999. № 8. Ч.2.

⁴ См.: Постановление Верховного Совета Татарской ССР «О проекте Союзного договора» // Советская Татария. 1990. 18 декабря; Постановление Верховного Совета Татарской ССР «О договоре Татарской ССР с РСФСР» // Советская Татария. 1991. 16 февраля; Постановление Верховного Совета Татарской ССР «О проекте Договора о союзе суверенных государств» // Советская Татария. 1991. 11 июля; Декларация о вхождении Республики Татарстан в Содружество независимых государств // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 4; Постановление Верховного Совета Республики Татарстан «О мерах по реализации государственного суверенитета Республики Татарстан, вытекающих из итогов референдума о статусе Республики Татарстан, состоявшегося 21 марта 1992 года» // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 5; Постановление Верховного Совета Республики Татарстан «Об отношении к проектам новой Конституции Российской Федерации России» // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1993. № 5; Постановление Верховного Совета Республики Татарстан «О ходе переговорного процесса с Российской Федерацией в условиях новой политической ситуации» // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1993. № 6-7; Постановление Верховного Совета Республики Татарстан «О проекте Конституции Российской Федерации» // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1993. № 11-12.

⁵ См.: Постановление Верховного Совета Республики Татарстан от 23 марта 1993 г. № 1790-ХП (в ред. от 8 июня 1994 г.) «О Программе адресной социальной защиты населения Республики Татарстан» // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1993. № 3; Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19 мая 1993 г. № 290 «О Программе ликвидации ветхого жилья в Татарстане на 1993 – 1995 гг. и на перспективу до 2002 г.» // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1993. № 5; Постановление Кабинета Министров

Республики Татарстан от 25 июля 1994 г. № 353 «Об антимонопольной политике и о государственной программе демонополизации экономики и развития конкуренции на товарных рынках Республики Татарстан»; Постановление Верховного Совета Республики Татарстан от 10 июля 1992 г. № 1553-ХП «О Государственной программе приватизации государственной и коммунальной собственности Республики Татарстан на 1992 г. и перспективу до 1995 г.» // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 6; Постановление Государственного Совета Республики Татарстан от 27 февраля 1997 г. № 1077 «О государственной комплексной программе борьбы с преступностью в Республике Татарстан на 1997–1999 гг.».

⁶ См.: Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» // Суверенный Татарстан. М., 1997. С. 33–39.

Аннотация

В статье проанализирован исторический опыт законотворчества в Республике Татарстан, выделены его основные этапы. На основе характеристики опыта парламентаризма в республике в 90-е гг. XX века показана роль законотворческого процесса в налаживании переговорного процесса с федеральным центром, определении и укреплении суверенного статуса и развитии стабильной экономики Татарстана.

Ключевые слова: федеративная государственность, Республика Татарстан, суверенитет.

Summary

Historical experience of lawmaking in the Republic of Tatarstan is analyzed in the article and its main stages are pointed out. On the basis of characteristics of parliamentary experience in the Republic in the nineties of the XX century the role of lawmaking process is shown with regard to arranging negotiation process with the federal centre, defining and strengthening sovereign status and development of stable economics of Tatarstan.

Key words: federal statehood, the Republic of Tatarstan, sovereignty.

УДК 341.213.4

ФЕДЕРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1990-Е ГОДЫ И ИХ РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ

*Э.А. Паин, руководитель центра по изучению ксенофобии
и предотвращения экстремизма Института социологии РАН*

В первые годы существования новой России были крайне слабы силы, заинтересованные в сохранении ее единства. Лидеры национальных движений нерусских народов добивались суверенитета для «своих» республик, а русские националисты не способствовали укреплению общероссийского единства, поскольку мечтали о восстановлении СССР.

После того как российские республики продемонстрировали «парад суверенитетов», непреодолимое желание повысить свой статус возникло у российских краев и областей. О своем суверенитете объявили даже административные районы в некоторых городах. Инерция распада СССР набирала силу, и никто в то время еще не знал, когда и на каком территориальном уровне она может завершиться.

Сложившаяся политическая ситуация в значительной мере продиктовала политическую стратегию президента Б. Ельцина во взаимоотношениях с наиболее активной тогда частью общества — региональными политическими элитами. Это была политика, **основанная на переговорном процессе, достижения компромиссов, взаимных уступок, сделанных как федеральной властью, так и лидерами республик. Эта политика, на мой взгляд, помогла переломить негативные тенденции в федеративных отношениях.** Договоры между федеральным центром и органами власти

субъектов федерации, а также Договор об общественном согласии (1994 г.), подписанный всеми субъектами федерации, кроме Чеченской Республики, значительно ограничились возможность объявления кем-либо из руководителей республик, краев, областей выхода из состава федерации, поскольку все они признали, что «...реализация прав субъектов федерации возможна только при обеспечении государственной целостности России, ее политического, экономического и правового единства»¹.

Новый политический порядок, установившийся в России с конца 1993 г., предполагал не только формальные, но и устные договоренности между президентом Ельциным и лидерами республик. С тех пор не наблюдалось ни одного проявления этнического сепаратизма, за исключением конфликта с Чеченской Республикой, которая в то время ни в каких договоренностях с лидерами России не участвовала.

Эти перемены тогда были замечены российским общественным мнением. В массовом сознании россиян постепенно росла уверенность в том, что целостность России укрепляется, а главное, уменьшается угроза вооруженных конфликтов, неизбежного спутника распада страны. Об этом неопровержимо свидетельствовали материалы мониторинговых социологических исследований (см. табл. 1).

**Как Вы считаете, насколько вероятны в ближайшие месяцы
вооруженные конфликты в России?***

Варианты ответов	1991 г. декабрь	1992 г. декабрь	1993 г. декабрь
Вероятны (в той или иной мере)	55	51	27
Не вероятны	25	30	50

*По материалам мониторинга ВЦИОМ.

Как видно из таблицы, в 1993 г. определился перелом в массовом сознании россиян. Если в первые два года жизни постсоветской России более половины опрошенных жили в страхе перед вооруженными конфликтами, то к концу 1993 г. большинство наших сограждан демонстрировало определенный оптимизм. Политика переговоров и компромиссов дала результат. Но прошло время, и эта политика стала восприниматься в сознании большинства россиян как стратегия односторонних уступок республикам, как начало развала России и даже как злой умысел: «Те же, кто развалил СССР, теперь разваливают Россию».

Большей частью такие представления имели мало общего с реальностью. Например, знаменитая фраза Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», оброненная им в Татарстане в 1992 г., стала трактоваться чуть ли не как начало дезинтеграции России. Но ведь она была сказана не до, а после «парада суверенитетов» и не только не подтолкнула республики к большей суверенизации, но, как уже было показано, предшествовала процессу стабилизации отношений регионов и федерального центра.

Договор федеральной власти с Татарстаном с нарастающей силой стал осуждаться с начала 2000-х гг. В действительности же он был полезен как для республики, так и для федерации в целом. Он резко ослабил позиции радикально националистических сил в республике, влияние которых основывалось почти целиком на страхе населения перед образом «имперского вра-

га». Договор между Москвой и Казанью сильно «притушил» этот образ в сознании жителей республики. Договор не отменил ни одного из ранее принятых в республике законодательных актов, но практически сделал их неопасными для сохранения целостности страны. Границы допустимых уступок республикам со стороны федеральной власти определялись ее способностью контролировать основные рычаги влияния на регионы: финансовую систему, транспорт, магистральные трубопроводы и, разумеется, силовые структуры. Не случайно татарские радикальные националисты крайне негативно оценили договор между федеральным центром и Татарстаном. На втором Всетатарском съезде в феврале 1994 г. 655 делегатов осудили этот договор как капитуляцию перед «имперским центром». Как заявила Фаузия Байрамова, «мы потерпели поражение, и с заключением 15 февраля Договора в Москве республика отброшена в 1989 год»².

Также спорными можно считать весьма распространенные представления о несправедливости и нецелесообразности предоставления ряду республик налоговых льгот. Например, ныне не только общественное мнение, но и большинство экспертов-экономистов осуждают идею создания оффшорной зоны в Ингушетии. Однако, на мой взгляд, нельзя не согласиться с бывшим секретарем Совета безопасности России И.П. Рыбкиным, отмечающим, что без такой зоны не удалось бы предотвратить вовлечение Ингушетии в чеченский конфликт³. Это значит, что налоговые потери от оффшорной зоны

ничтожно малы по сравнению с возможными потерями бюджета на войну с Ингушетией, не говоря уже о неизбежных в таких случаях потерях человеческих жизней.

С точки зрения воздействия социальных представлений на политику не столь уж важно, насколько они реалистичны. Если представления возникли и стали массовыми, то они влияют на политический процесс ничуть не меньше, чем реальность. Известная в социологии «теорема Томаса» гласит: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям»⁴. Думаю, что именно из такой реальности, основанной на массовых и во многом мифологизированных представлениях, выросла современная стратегия, **ключевыми идеями которой являются создание «единой исполнительной вертикали» и ограничение политической роли региональной элиты, и, прежде всего, лидеров республик.** Избиратель хочет наведения порядка в стране — так нет ничего проще, чем имитировать его установление за счет создания федеральных округов во главе с генералами. Избиратель недоволен тем, что «региональные бароны» забрали себе слишком много власти, — в ответ применяется эффектный ход по изгнанию лидеров региона из Совета Федерации.

Чеченская политика во многом определила подход и инструментарий решения всего комплекса региональных и национальных (этнических) проблем — это метод давления (не обязательно военного), но непременно жесткого и обеспечивающего беспрекословное послушание региональных лидеров Кремлю. Если в 1990-х гг. федеральный центр делил региональных лидеров на «своих — демократических» и «чужих — коммунистических», то в 2000-х гг. был взят курс на **тотальное подчинение региональных элит.** Эти перемены точно, на мой взгляд, охарактеризовал бывший губернатор Новгородской области Михаил Прусак, который сказал, что раньше для Кремля губернаторы были

белые и красные, а теперь одинаковые — «все плохие»⁵.

Сейчас стоит задаться вопросом: существовала ли реально опасность дезинтеграции государства?

Уже отмечалось, что с середины 1990-х гг. в регионах России не было зафиксировано ни одного серьезного проявления сепаратизма, за исключением сепаратизма в Чечне, который проявляется и сегодня, в период, когда, по определению В. Путина, «расползание государственности позади».

Устойчивость российской федеративной системы прошла проверку на прочность в период экономического кризиса 1998 г., хотя поначалу казалось, что именно он подтолкнет федерацию к неминуемому распаду.

После объявления федеральным правительством дефолта практически все регионы стали предпринимать меры экономической самозащиты, которые, казалось бы, реально угрожали сохранению экономической целостности страны. Так, по материалам Госкомстата России, к сентябрю 1998 г. 79 регионов ввели административное регулирование цен на продукты питания и запрет (либо ограничение) на их вывоз за пределы соответствующего региона. В прессе заговорили о том, что «продовольственный сепаратизм наиболее политического»⁶. Еще страшнее выглядели действия ряда регионов по обособлению региональной финансовой системы и отказу от перечисления налогов в федеральный бюджет (см. табл. 2).

Подобные действия дали повод известным российским политикам говорить о распаде России как чуть ли не о свершившемся факте. О реальной опасности «потерять» Россию 2 сентября 1998 г. заявил исполнительный секретарь СНГ Борис Березовский⁷. Вслед за ним 3 сентября такую же опасность признал красноярский губернатор Александр Лебедь⁸. Неделий позже лидер проправительственной думской фракции НДР Александр Шохин уже прямо обвинил Президента России (тогда это было возможно) в том, что он «не сумел

**Примеры финансовой автаркии регионов в период финансового кризиса
(август-сентябрь 1998 г.)***

Автономистские действия	Регион
1. Создание пула региональных банков, ограничение сфер действия московских банков. 2. Обособление областной расчетно-кассовой системы	Самарская область
Введение «режима чрезвычайной экономической ситуации»	Калининградская область
Формирование областного золотого запаса	Кемеровская область
Приостановка перечисления налогов в федеральный бюджет	Башкортостан, Калмыкия, Татарстан, Томская область, Хабаровский край
Налоговые поступления в федеральный бюджет самостоятельно списаны в пользу республиканского бюджета.	Калмыкия

*По материалам российской прессы за август-сентябрь 1998 г.

сохранить финансово-экономическую, а значит, и политическую целостность России»⁹. Что касается публицистов и ученых, то они буквально соревновались друг с другом в мрачности прогнозов распада России. Если журналист А. Венедиктов исходил из предположения о распаде как одномоментном акте и называл 17 августа днем, «когда в России территории и регионы начинают жить отдельной жизнью от Москвы и от федеральных властей»¹⁰, то историк В. Логинов, признавая распад России неизбежным, отводил ему целую эпоху¹¹.

В это же время получили распространение идеи введения чрезвычайных административных мер по нормализации ситуации. Губернатор Сахалина Игорь Фархутдинов предложил отменить республики и ввести губернскую форму управления¹². Губернатор Ярославской области Анатолий Лисицын предложил заполнить вакуум власти за счет создания «**федеральных округов**» в границах восьми региональных ассоциаций экономического сотрудничества. Это должно было, по мысли губернатора, «помочь Российскому государству, правительству и администрации президента сформировать **ту вертикаль власти**, которая была бы работающей и взаимобязанной»¹³. Не правда ли, эта идея очень напоминает ту, которая впоследствии была реализована прези-

дентом Путиным в 2000 г.? Те же слова про «вертикаль власти» и та же ставка на общение федеральной власти не с 89 лидерами субъектов федерации, а с руководителями нескольких региональных округов. Правда, вместо предлагаемых восьми федеральных округов Путиным было создано семь, и не в рамках экономических ассоциаций, а в границах военных округов. Не была реализована также идея Лисицына о взаимных обязательствах центра и регионов, вместо этого была создана система прямого подчинения нижестоящих звеньев вышестоящим. Но главное не в этом. Ни в то время, ни позднее не было никакой нужды в чрезвычайных административных мерах, поскольку в России уже сложились обычные, а бы даже сказал, классические механизмы, надежно обеспечивающие сохранение целостности федерации.

Уже через три недели после дефолта и шока, на время парализовавшего всю систему управления, федеральная власть включила обычные правовые механизмы борьбы с экономической автаркией. И их использование привело к неожиданно быстрому успеху. Так, 23 сентября 1998 г. генеральный прокурор Юрий Скуратов дал указание всем прокурорам субъектов федерации проверить законность действий местных властей¹⁴, и уже на следующий день они

были опротестованы. Многие должностные лица, пусть и не первые, а всего лишь исполнители, были привлечены к уголовной ответственности. Еще раньше (10 сентября) Центральный банк России отозвал лицензию банка Калмыкии, по сути, ликвидировал его. Республика дорого заплатила за попытку присвоить себе средства, предназначенные для уплаты федеральных налогов.

С «сельскохозяйственным сепаратизмом» довольно быстро и жестко расправился рынок: те края и области, которые ограничили вывоз продовольствия, в ответ перестали получать бен-

зин и горюче-смазочные материалы (это в сентябре-то в уборочную кампанию), поэтому вынуждены были сами отменить свои решения. Ни в одном из регионов не удался эксперимент по административному замораживанию цен. Через два месяца после августовского кризиса, к октябрю 1998 г. от проявлений экономического сепаратизма в России не осталось и следа, а сегодня о том эпизоде помнят разве что специалисты-аналитики. Уже в тот период вполне уверенно можно было говорить о завершении периода «расползания государственности».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Договор об общественном согласии. — М., 1994.

² Политические партии Татарстана [http://socarchive.narod.ru/bibl/polros/Tatar/partii-tat.html].

³ Рыбкин И., Дубнов В. Мы живем в режиме спецоперации... // Новое время. — 2003. — № 5. — С.15.

⁴ Thomas W.L., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. N.Y.: Knopf, 1918. Vol. 1. P. 79.

⁵ Цит. по: Цуканова Л. Очищение рядов. Государственному механизму нужны надежные винтики // Новое время. 2000. 5 ноября [http://www.newtimes.ru/artical.asp?n=2871&art_id=227].

⁶ Коновалов В. Губернаторы перегораживают страну // Известия. 1998. 22 сентября. С. 1.

⁷ Эхо Москвы, «Гость дня», 02.09.98.

⁸ НТВ, «Герой дня», 03.09.98.

⁹ Москва. 9 сентября. ИНТЕРФАКС.

¹⁰ Эхо Москвы, «Интервью», 28.09.98, 15:35.

¹¹ РЕН-ТВ, «Новости», 06.09.98, 17:45.

¹² Москва, 23 сентября, корр. РИА «Новости».

¹³ Телеканал НТВ, «Большие деньги», 29.09.98, 08:35.

¹⁴ ТАСС, «Новости властных структур России», 23.09.98.

Аннотация

В статье показаны специфика развития федеративных отношений в России, характер отражения этих процессов в массовом сознании россиян и роль федеративной политики в сохранении целостности России в сложный период истории ее государственности.

Ключевые слова: федеративные отношения, целостность государства, полномочия субъектов федерации, федеральные округа, региональная элита.

Summary

The article deals with the specific character of the development of federative relations in Russia, the character of reflection of these processes in mass consciousness of Russians and the role of federative policy in preservation of Russia's integrity in difficult historical period of its statehood.

Key words: federative relations, state's integrity, authorities of the subjects of federation, federal districts, regional elite.

УДК 342.9.07

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ*

*Г.И. Сергеева, кандидат политических наук,
начальник Управления Министерства юстиции
Российской Федерации по Республике Татарстан*

Актуальные направления совершенствования правового регулирования государственной службы основываются, прежде всего, на всестороннем анализе правоприменительной практики, на дальнейшей разработке предложений, направленных на устранение пробелов и противоречий отдельных положений законодательства, на подготовке новых нормативных правовых актов, обеспечивающих реализацию действующих федеральных законов.

В соответствии с Концепцией реформирования государственной службы в 2003 г. был принят Федеральный закон № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее – закон о системе), а в 2004 г. Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее также – закон о гражданской службе).

Эти документы создали основы единой системы государственной службы, заложили правовые, организационные и экономические принципы ее функционирования. Их принципиально новые правовые нормы обозначили реальные предпосылки для регламентации эффективной деятельности гражданских служащих, установили возможность оплаты труда отдельных категорий слу-

жащих в зависимости от показателей эффективности и результативности служебной деятельности, законодательно закрепили периодичность профессиональной подготовки, установили порядок работы с кадровым резервом. Однако далеко не все современные методы регламентации деятельности государственных служащих получили широкое применение, а предусмотренные законодательством механизмы стимулирования государственных служащих к исполнению обязанностей государственной службы на высоком профессиональном уровне реализованы в полной мере.

Причин много. Это и недостаточная ориентированность на результативность труда, на достижение целей и приоритетов государственных органов, отсутствие научно обоснованной и апробированной методики применения норм законодательства о государственной службе. Существенно изменилась законодательная база, обеспечивающая бюджетную, административную, судебную реформы, а также другие преобразования в области государственного строительства, да и анализ практики применения выявил пробелы и противоречия отдельных положений федерального законодательства. Поэтому

* Статья подготовлена в период работы автора депутатом Государственной Думы Российской Федерации.

отдельные положения федеральных законов, подзаконных актов нуждаются в оперативном совершенствовании и согласовании друг с другом.

Как известно, в закон о гражданской службе уже внесен ряд изменений. Они касаются установления дополнительных ограничений на гражданской службе, изменения требований к указанию гражданскими служащими стоимостных показателей, к соблюдению федеральными государственными служащими требований к профессиональной подготовке. Законодательно решена проблема «разночтения» при установлении наименований классов чинов федеральной гражданской службы и гражданской службы субъекта Российской Федерации. Уточнены положения, устанавливающие предельный возраст пребывания на государственной гражданской службе.

Совершенствование правовых норм — это процесс объективно необходимый, поэтому хотелось бы подробнее остановиться на отдельных вопросах, которые требуют скорейшего разрешения.

Прежде всего обратимся к положениям закона о системе. Отставание реформирования военной и правоохранительной службы от гражданской не позволило завершить создание комплексной нормативной правовой базы государственной службы. А следовательно, обеспечить соотносительность основных условий и размеров оплаты труда, основных государственных социальных гарантий, включая пенсионное обеспечение и установление ограничений и обязательств при прохождении государственной службы различных видов. Отдельно хотелось бы отметить необходимость ускорения разработки нормативного правового акта, направленного на унификацию прохождения различных видов государственной службы, устанавливающего соотношение классов чинов гражданской службы и воинских и специальных званий, а также классов чинов правоохранительной службы.

Следует подчеркнуть, что до сих пор не приняты федеральные законы, регламентирующие государственное пенсионное обеспечение, обязательное государственное страхование жизни и здоровья, а также медицинское страхование. Отсутствие этих документов негативно отражается на статусе, престижности, мотивации, а следовательно и на эффективности государственной службы.

Не реализованы положения закона о системе в части формирования единой централизованной системы управления государственной службой. Законодательно определить организационно-правовой статус соответствующих органов по управлению государственной службой, обеспечив при этом, с одной стороны, соблюдение принципов разделения государственной власти и самостоятельного осуществления органами государственной власти принадлежащих им полномочий, а с другой — единство государственной службы, необходимо в первоочередном порядке.

Если говорить о перспективах развития закона о гражданской службе, то нужно отметить, что требуют уточнения положения, устанавливающие порядок формирования кадрового резерва, заключения срочного служебного контракта, проведения конкурсных процедур, а также нормы, определяющие систему денежного содержания государственных служащих, устанавливающие механизм предупреждения коррупции и разрешения конфликта интересов на государственной гражданской службе, и другие вопросы. Вот некоторые примеры.

В рамках реформирования гражданской службы предполагается широкое применение системы показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности гражданских служащих. В законе о гражданской службе определены два вида показателей: обобщенные и специфические. Эти показатели должны быть включены в должностные регламенты гражданских служащих. Соглас-

но части 14 статьи 50 закона о гражданской службе по отдельным должностям гражданской службы может устанавливаться особый порядок оплаты труда гражданских служащих в зависимости от показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности, определяемых в срочном служебном контракте.

Специфические показатели утверждаются правовым актом государственного органа в соответствии с особенностями его задач и функций. Во многих государственных органах уже приняты соответствующие методики оценки качеств, характеризующие эффективность профессиональной служебной деятельности. В них определены шкала оценки профессиональных, деловых, морально-психологических и организаторских качеств, перечень критериев для оценки этих качеств, а также процедура этой оценки при проведении аттестации. Кроме этого предлагаются как количественные показатели эффективности, характеризующие объем подготовленных документов, количество граждан (организаций), которым предоставлена государственная услуга, так и качественные. Например доля документов, подготовленных государственным служащим, прошедшим экспертизу с положительной оценкой, в общем количестве подготовленных им документов.

Обобщенные показатели эффективности и результативности деятельности государственных органов, принятия и исполнения управленческих и иных решений, а также правового, организационного и документационного обеспечения исполнения указанных решений утверждаются соответственно Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации.

Однако соответствующие нормативные правовые акты на сегодняшний день еще не изданы и содержание должностных регламентов, позволяющих упорядочить обязанности служащих, замещающих различные категории, остается актуальной проблемой.

Анализируя практику применения закона о гражданской службе в части установления показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих, можно выделить некоторые проблемы, характерные для государственной гражданской службы в целом.

Так, рассматривая нормативные правовые акты в области государственной гражданской службы, принимаемые федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что преобладающее количество таких актов не связано с реализацией «результативной» модели гражданской службы.

К тому же термины «эффективность» и «результативность» на практике рассматриваются как тождественные, хотя, на самом деле, в них имеются существенные различия. Так, для оценки результативности не важны ресурсы, затраченные на достижение результата, а при оценке эффективности необходимо сопоставление полезного эффекта и израсходованных ресурсов.

Представителями различных государственных органов неоднократно было отмечено отсутствие взаимосвязи между показателями результативности и эффективности деятельности органов государственной власти, зафиксированными в нормативных правовых актах (к примеру, установленных Указом Президента Российской Федерации № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации») и в действующих целевых программах, и показателями эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих, закрепленных в должностных регламентах.

Проблематичным представляется и определение оптимального количества показателей эффективности и результативности профессиональной служеб-

ной деятельности, а также удельного веса каждого показателя в общей итоговой оценке.

Вызывает опасение и существующая правовая неопределенность в части наделения полномочиями по установлению критериев оценки. Не определена также форма подведения итогов оценки и последствия такой оценки.

Кроме того, формулировка показателей не всегда отражает связь между действиями государственного гражданского служащего и изменением состояния объекта управления.

Зачастую не удается формализовать и конечный результат деятельности конкретного гражданского служащего, так как зачастую на избранные для оценки показатели эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности влияют внешние объективные обстоятельства.

Крайне сложно найти показатели эффективности и результативности, оценивающие творческий подход, присущий управленческому характеру деятельности государственных гражданских служащих.

Стоит подчеркнуть, что выполнение должностных обязанностей государственными гражданскими служащими происходило, как правило, исходя из общего ощущения. При этом оценку зачастую дает сам поручитель. Задания, как правило, не структурированы и формально не определены для самого руководителя, поэтому его оценка скорее носит качественный характер. Кроме того, в деятельности гражданских служащих преобладает так называемая «текучка», которая, как правило, не прогнозируема по времени и трудно поддается оценке с точки зрения затрат на выполнение, ее нельзя связать с выплатой премиальных.

В большинстве случаев для описания профессиональной деятельности гражданских служащих используются такие понятия, как «взаимодействие», «координация», «организация», «контроль» и т.п. Неопределенность этих понятий не позволяет определить, в чем состо-

ит «курирование» или «участие». Как следствие, возникает невозможность определения показателя результата такой деятельности. Неформализованные отношения внутри подразделений государственных органов, выполнение неструктурированных заданий и фактическая многофункциональность каждого служащего определяют невозможность определения не только показателей завершенности одной операции, но и затрат на ее выполнение. При анализе использования служебного времени выясняется, что задания неразделимы, нет четкой границы между окончанием одного и началом другого, даже для заданий, отличающихся содержанием и процессуально. Именно поэтому затруднительно определить связь между выполнением функции и количеством затраченного на нее времени.

Кроме того, существующий потенциал для дифференциации оплаты труда государственных гражданских служащих и ее привязки к результатам сегодня практически не используется. Распределение премиального фонда не применяется для стимулирования результативности, а преимущественно употребляется как инструмент повышения уровня денежного содержания. Как правило, распределение премиального фонда происходит пропорционально размерам должностных окладов. Такой элемент оплаты труда, как надбавка за особые условия государственной гражданской службы, меняется крайне редко и по большей части никак не связывается с результатами. При этом зачастую размер этой надбавки определяется субъективно и во многом зависит от усмотрения руководителя или наличия фонда оплаты труда.

Вызывает сложности и обеспечение соотношения должностных регламентов с административными регламентами исполнения государственных функций или предоставления государственных услуг. По мнению многих экспертов, представляется крайне сложным на уровне обобщенных показателей

выработать единообразный подход к прохождению государственной гражданской службы в различных органах государственной власти.

Дело в том, что понятие «должностной регламент» не раскрывается в Федеральном законе. Оно лишь упоминается в пунктах 2 и 7 части 2 статьи 47 в части указания на то, что в должностной регламент включаются должностные обязанности, права и ответственность гражданского служащего за ненадлежащее исполнение должностных обязанностей в соответствии с административным регламентом государственного органа, перечень государственных услуг, оказываемых гражданам и организациям в соответствии с административным регламентом государственного органа. В настоящее время в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 679 «О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг)» ведется активная работа исполнительных органов государственной власти по разработке и утверждению административных регламентов. Вместе с тем, исходя из содержания Указа Президента № 314 «О системе и структуре федеральных органов государственной власти» и пункта 7 части 2 статьи 47 Федерального закона, возникает вопрос о возможности применения термина «административный регламент» к законодательным (представительным) органам государственной власти в тождественном его понимании. Законодательные органы, осуществляя представительную, законодательную и контрольную функции, в силу своей специфики не оказывают услуг гражданам и организациям. Поэтому возникает необходимость изучения вопроса об уточнении редакции названных норм.

Требуют совершенствования положения закона о гражданской службе в части определения порядка формирования кадрового резерва.

В соответствии с пунктом 4 части 2 статьи 60 формирование и эффективное использование кадрового резерва на конкурсной основе определены в качестве приоритетного направления формирования кадрового состава гражданской службы. Кадровый резерв представляет собой один из важнейших механизмов, позволяющих осуществлять эффективную расстановку гражданских служащих и граждан по соответствующим должностям гражданской службы в случае возникновения вакансий. Однако применение статьи 64 закона о гражданской службе, регламентирующей порядок формирования кадрового резерва на конкурсной основе, вызывает некоторые затруднения.

К примеру, частью 1 статьи 64 установлено, что с учетом Сводного реестра государственных гражданских служащих Российской Федерации и поступивших заявлений гражданских служащих (граждан) формируются на конкурсной основе для замещения должностей гражданской службы федеральный кадровый резерв, кадровый резерв федерального государственного органа, кадровый резерв субъекта Российской Федерации и кадровый резерв государственного органа субъекта Российской Федерации.

Однако предусмотренное частью 8 статьи 64 закона о гражданской службе положение о кадровом резерве на гражданской службе до сих пор не утверждено, а положения, касающиеся кадрового резерва, содержат ряд нестыковок и противоречий.

Так, в статье 48 закона о гражданской службе предусмотрено включение гражданского служащего в кадровый резерв по результатам аттестации. В течение одного месяца после проведения аттестации по ее результатам издается правовой акт государственного органа о том, что гражданский служащий подлежит включению в установленном порядке в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста (пункт 2 части 15 статьи 48 закона о

гражданской службе). Но такая норма статьей 64 «Кадровый резерв на гражданской службе» не установлена.

Также требуется определить статус лица, включенного в кадровый резерв. Это касается как гражданина, участвовавшего в конкурсе, так и гражданского служащего, уже замещающего должность гражданской службы. Необходимо уточнить, на какой срок лицо может быть включено в кадровый резерв, какие в этом случае у него права и обязанности, каковы также обязанности у государственного органа в отношении указанного лица.

Не ясно, как применять положение части 10 статьи 58, связанное с освобождением гражданского служащего от замещаемой должности гражданской службы в связи с дисциплинарным взысканием и включением его в кадровый резерв для замещения иной должности гражданской службы на конкурсной основе.

В соответствии со статьей 60 закона о гражданской службе одним из приоритетных направлений формирования кадрового состава гражданской службы является ротация гражданских служащих. Ротация могла бы позволить оперативно маневрировать имеющимися кадровыми ресурсами, прежде всего резервом руководящих кадров. Вместе с тем до настоящего времени правовые основы этого механизма не нашли своего нормативного закрепления.

Есть вопросы и по процедуре заключения контракта.

Частью 2 статьи 25 закона о гражданской службе предусмотрено, что срочный служебный контракт на срок от одного года до пяти лет заключается, если иной срок не установлен настоящим Федеральным законом. Вместе с тем частью 4 данной статьи предусмотрены случаи заключения срочного служебного контракта, в том числе в случае замещения должности гражданской службы на период отсутствия гражданского служащего, за которым сохраняется должность, а также замещения должности гражданской службы в го-

сударственном органе, образованном на определенный срок или для выполнения определенных задач и функций и замещения временной должности по соглашению сторон служебного контракта. Анализ этих случаев заключения срочного служебного контракта позволяет сделать вывод о том, что его срок может быть менее 1 года. К тому же срок полномочий вновь избранного депутата Государственной Думы может быть менее одного года, а в соответствии с частью 2 статьи 38 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» срочный служебный контракт заключается на срок, не превышающий срока полномочий члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы.

В ходе правоприменительной практики выявились отдельные проблемы, связанные с установлением полномочий субъектов Российской Федерации в сфере регулирования вопросов гражданской службы. В федеральном законодательстве неоднозначно регулируется порядок самостоятельного решения субъектами вопросов оплаты труда служащих органов государственной власти субъекта РФ. Согласно подпункту 4 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» включение в федеральные законы положений, которыми определяются объем и порядок осуществления расходов из бюджета субъекта Российской Федерации, не допускается. Вместе с тем Бюджетный кодекс Российской Федерации (пункт 3 статьи 130) запрещает субъектам РФ, в бюджетах которых доля межбюджетных трансфертов из федерального бюджета (за исключением субвенций) в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 20 процентов объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта РФ,

превышать установленные Правительством РФ нормативы формирования расходов на оплату труда гражданских служащих субъекта РФ и (или) содержание органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание еще на один аспект.

В настоящее время рядом федеральных законов субъектам Российской Федерации переданы отдельные государственные полномочия Российской Федерации в различных сферах деятельности (например, регистрация актов гражданского состояния, осуществление надзора и контроля за объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты и рыболовства, содействие занятости населения и др.).

В соответствии с федеральным законодательством назначение руководителей органов исполнительной власти субъектов федерации, реализующих переданные полномочия, должно осуществляться высшим должностным лицом (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта федерации, как правило, по согласованию с федеральными органами исполнительной власти, координирующими и контролирующими соответствующие сферы деятельности.

Федеральные органы исполнительной власти определяют порядок согласования кандидатур для назначения на должность руководителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих переданные полномочия (например, приказ Минюста РФ от 13.07.2007 № 148, приказ Минсельхоза РФ от 10.06.2008 № 259, приказ Минздравсоцразвития РФ от 13.12.2007 № 769 и др.).

В соответствии с частью 1 статьи 22 Федерального закона о гражданской службе поступление гражданина на гражданскую службу для замещения должности гражданской службы или замещение гражданским служащим другой должности гражданской службы осуществляется по результатам конкур-

са, если иное не установлено этой статьёй.

Перечень оснований, при которых конкурс не проводится или по решению представителя нанимателя может не проводиться, установлен частями 2–4 статьи 22 Федерального закона, является исчерпывающим и не предусматривает такого основания, как назначение высшим должностным лицом (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти) по согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти руководителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющего переданные полномочия.

При этом ни федеральными законами, регламентирующими передачу Российской Федерацией отдельных государственных полномочий субъектам РФ, ни порядками согласования кандидатур для назначения на должность руководителей органов исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющих переданные полномочия, утвержденными федеральными органами исполнительной власти, не предусматривается взаимосвязь между процедурой проведения конкурсов на должности руководителей органов исполнительной власти субъекта РФ, осуществляющих переданные полномочия, и процедурой согласования федеральными органами исполнительной власти кандидатур на должности руководителей указанных органов. Федеральные государственные органы имеют разные точки зрения по разрешению данной ситуации.

Кроме того, законодательно не определены правовые последствия отказа федерального органа исполнительной власти в согласовании представленной кандидатуры руководителя органа исполнительной власти субъекта РФ, осуществляющего переданные полномочия (недопущение претендента к участию во втором этапе конкурса, отказ победителю конкурса в назначении его на должность руководителя). В этой связи

полагаем целесообразным нормативными правовыми актами федерального уровня устранить неопределенность по данным вопросам.

Все вышеназванные недоработки не только затрудняют процесс реализации закона о гражданской службе, но и вынуждают субъекты Российской Федерации принимать региональные нормативные акты, не дожидаясь вступления в силу федеральных. Столь динамичное развитие регионального законодательства, с одной стороны, способствует повышению престижа гражданской службы, но, с другой — приводит к ряду нарушений. Это и вмешательство в компетенцию Российской Федерации, и установление ненадлежащих требований к кандидатам на замещение долж-

ностей гражданской службы, и нарушение порядка и условий поступления на гражданскую службу и ее прохождения, и изменение структуры и порядка выплаты денежного содержания гражданских служащих.

Такое положение не только не повышает эффективность, но и несет ряд негативных последствий, преодолеть которые позволят оперативное совершенствование правовой базы, своевременное завершение качественного преобразования системы государственной службы, оптимизация ее организации и функционирования, а также внедрение на государственной службе современных кадровых, информационных, образовательных и управленческих технологий.

Аннотация

Указом Президента «О федеральной программе “Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации” (2009–2013)» установлено, что повышение эффективности государственной службы и результативности профессиональной служебной деятельности является одним из трех основных направлений реформирования и развития системы государственной службы Российской Федерации. Повышение эффективности государственной службы, в первую очередь, предполагает совершенствование правового регулирования, основной целью которого является усиление мотивации гражданских служащих к качественному исполнению должностных обязанностей.

Ключевые слова: государственная служба, реформирование системы государственной службы, кадровый резерв, показатели эффективности деятельности государственных служащих, должностные и административные регламенты, срочный служебный контракт.

Summary

According to the President's decree «Federal programme “Reformation and development of the system of public service of the Russian Federation” (2009-2013)» the increase of the effectiveness of public service and impact of professional service activity is one of the three major tendencies of reformation and development of the system of public service of the Russian Federation. First of all the increase of the effectiveness assumes perfection of legal control, the main aim of which is consolidation of civil servants' motivation for qualitative discharge of duties.

Key words: public service, reformation of the system of public service, regular reserve, indicators of the effectiveness of civil servants' activity, official and administrative regulations, urgent official agreement

УДК 330.567.2/.4; 342.7

ЗНАЧЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

*В.П. Кондрашов, ст. преподаватель Российского государственного
социального университета (филиал в г. Люберцы)*

В условиях кризисного состояния российского общества, обострения социальной напряженности, роста цен и безработицы возрастает роль справедливости при осуществлении социальной политики государства. Национальные программы не достигнут максимального результата, если при их осуществлении не будут в полной мере соблюдаться принципы справедливости. Нормы права, установленные органами государственной власти без учета реального экономического и социально-политического состояния общества, не основанные на принципах справедливости, не только не достигнут положительного результата, но все более будут углублять правовую нигилизм и социальную напряженность в обществе.

Одним из наиболее значимых ориентиров в этом осмыслении являются сегодня идея демократического, правового и социально-ориентированного государства и тесно связанная с ней идея гражданского общества. Ориентация российского общества на демократическое правовое государство зафиксирована в статье 1 Конституции РФ, а согласно статье 7, Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека¹.

Следуя статье 25 Декларации прав человека, современное правовое государство должно гарантировать право на

такой уровень жизни, который учитывает обеспечение людей едой, одеждой, жилищем, медицинским обслуживанием, необходимым для поддержания здоровья, и права на социальное обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, старости или других способов к существованию при независимых от человека обстоятельствах, а материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь².

Однако для воплощения этих идей в действительность необходимо широкое внедрение правовых идей и механизмов в жизнь российского общества, которое должно поставить предел всемогуществу власти государства, срастанию чиновников с теневыми и криминальными структурами, должно создать условия для интенсивного социально-экономического развития России.

Задачей социально ориентированной экономики государства в формирующемся рыночном хозяйстве России является деятельность по социальной защите всех слоев общества и по выработке стратегии эффективной социальной политики. Социальная политика государства затрагивает и охватывает все сферы экономических отношений в стране. Одним из важнейших направлений деятельности государства являются регулирование занятости и стимулирование высококвалифицированного и производительного труда и, как следствие, увеличения национального дохода.

Основными принципами проведения социальной политики являются: защита уровня жизни путем введения разных форм компенсации при повышении цен, обеспечение помощи самым бедным семьям, выдача помощи на случай безработицы, обеспечение политики социального страхования, установление минимальной заработной платы, развитие образования, охрана здоровья, окружающей среды в основном за счет государства. Социальная политика — политика регулирования социальной сферы, направленная на достижение благосостояния в обществе. Социальная сфера включает в себя формы регулирования трудовых отношений, участие трудящихся в управлении производственным процессом, коллективные договоры, государственную систему социального обеспечения и социальных услуг (пособия по безработице, пенсии), участие частных капиталов в создании социальных фондов, социальную инфраструктуру (образование, здравоохранение, обеспечение жильем и т.д.), а также реализацию принципа социальной справедливости. Материальная обеспеченность социальной политики в целом не складывается сама по себе, автоматически, а требует создания определенных макроэкономических предпосылок. Их формирование является функцией государственного регулирования экономики. Основные функции социальной политики заключаются в содействии развитию отношений справедливости в обществе, создании системы социальной защиты, условий для роста благосостояния, проведении соответствующей политики доходов.

В настоящее время в России имеются существенные проблемы, связанные с регулированием и обеспечением социальной защиты населения, одной из которых является надлежащее соблюдение принципов справедливости.

Такая важнейшая цель конституционного правосудия, как защита социальных прав человека и гражданина, в своей основе содержит принцип обес-

печения справедливости. Выдвинутый еще древними мыслителями принцип справедливости и равенства составляет ядро всего современного права, в том числе социальных прав человека. Идею социальной справедливости поддерживают все мировые религии. На состоявшемся в этом году XI Всемирном русском народном Соборе Патриарх Алексий II отмечал, что для искоренения бедности необходимо построить этически ориентированную экономику и отладить систему социальной ответственности. «Все мы — церковь, государство, предприниматели, общество в целом — должны позаботиться о том, чтобы среди нас было как можно меньше бедных, униженных, отчаявшихся людей», — говорил в своем выступлении Патриарх.

Термин «справедливость» («понятие о должном, соответствующее определенному пониманию сущности человека и его неотъемлемых прав»³) имеет два различных значения, однако в быденном словоупотреблении они зачастую пересекаются, вызывая путаницу. Существенно важно различать эти два смысла, когда мы говорим о политике и праве, а особенно — о международных правовых отношениях.

Во-первых, следует выделять «процессуальную» справедливость. В этом смысле справедливость относится к результату или решению, достигнутому благодаря правильно функционирующему механизму отправления закона. Считается, что применение закона, относящегося к сфере статутного или обычного права, к тому или иному конкретному случаю, имеет целью достижение справедливости. Именно это понимание справедливости традиционно символизирует фигура с мечом, весами и повязкой на глазах. В такой интерпретации справедливость — это логическая, почти механическая оценка действия согласно критериям, зафиксированным в общепринятой и обязательной нормативной системе — законе.

Во втором значении справедливость — это апелляция к некоторому

критерию или совокупности ценностей, которые считаются более высокими, чем те, что нашли воплощение в законе. В принципе, именно это обычно имеют в виду, когда говорят о «праве справедливости». Высшая заповедь «Пусть восторжествует справедливость!» выражает убеждение в том, что если механизм отправления правосудия не способен достичь справедливости, которая диктуется этим верховным критерием, то судебное решение должно быть исправлено своего рода моральным судом. Понимая необходимость такого дополнения, способного обеспечить право справедливости при отправлении правосудия, даже демократические государства с представительной системой правления предоставляли исполнительным органам право помилования или смягчения наказания.

Определение справедливости включает в себя несколько аспектов. Психологические аспекты понятия включают справедливое распределение прав на что-либо и распределение обязанностей может осуществляться не только между людьми, но и человеком и его судьбой («получил по заслугам», «какая жестокая, несправедливая судьба!»), между человеком и другими существами, между другими (известными и неизвестными нам) живыми существами, оспаривающими право на обладание некоторыми ценностями. При этом всегда происходит оценка по некоторому набору правил. По мере изменения среды и обстоятельств меняется и характер этого, прежнего набора правил распределения прав. У некоторой части общества возрастает самооценка и то, что было справедливым ранее, теперь расценивается ею как несправедливость.

Что касается биологических аспектов справедливости, то, по данным нейробиологов, за чувство справедливости отвечает ряд участков мозга, связанных с эмоциональной сферой человека.

Философские аспекты понятия справедливости являются важнейшей категорией социально-философской мысли, морального, правового и по-

литического сознания. В философии Древнего Востока и Древней Греции справедливость рассматривалась как внутренний принцип существования природы, как физический, космический порядок, отразившийся в социальном порядке. Начиная от Аристотеля принято выделять справедливость уравнивающую и распределительную. Первый вид справедливости — уравнивающая — относится к отношениям равноправных людей по поводу предметов («равным — за равное»). Она относится не непосредственно к людям, а к их действиям и требует равенства (эквивалентности) труда и оплаты, ценности вещи и его цены, вреда и его возмещения. Отношения уравнивательной справедливости требуют участия, по меньшей мере, двух лиц. Второй вид справедливости — распределительная — требует пропорциональности в отношении к людям согласно тому или иному критерию («равное — равным, неравное — неравным», «каждому свое»). Отношения распределительной справедливости требуют участия по меньшей мере трех людей, каждый из которых действует для достижения одной цели в рамках организованного сообщества. Один из этих людей, распределяющий, является «начальником». Уравнивающая справедливость является специфическим принципом частного права, тогда как распределительная — принципом публичного права, являющегося совокупностью правил государства как организации.

В философии Нового времени осознаны, с одной стороны, относительность всякого представления о справедливости, ведущая к признанию многообразия возможных представлений о ней, а с другой стороны, — необходимость справедливости как некоей идеи, с точки зрения которой оценивается то или иное общественное установление⁵. Как писал Вольтер: «Абсолютная справедливость недостижима так же, как абсолютная истина; но справедливый человек отличается от несправедливого своим стремлением к справедливости и

надеждой ее достичь, как правдивый от лживого — своей жадной истины и верой в нее»⁶. По мнению И.Канта, «когда справедливость исчезает, то не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей»⁷. С ним перекликается и мнение Дж. Стюарта Милля, который называл справедливость «главной частью и, вне всякого сомнения, самой священной и обязательной частью всякой морали»⁵. Справедливость имеет автономную, ни от чего не зависящую ценность. Ж.Ж. Руссо писал: «Первая награда справедливости — это сознание того, что мы поступили справедливо». Идея справедливости таким образом превращается в некоторую регулятивную идею, необходимую для моральной оценки тех или иных законов и учреждений. По мнению Э.Ю. Соловьева, такое понимание справедливости связано с противопоставлением права и закона (или иначе нормативно-теоретическим определением закона), которое позволяет ввести этическую оценку в законодательство. Такое его определение он связывает с тем, что право понимается не как совокупность принудительных норм, регулирующих поведение каждого члена общества, но как мораль, регламентирующая правителя. Именно такое понимание права, которое Э.Ю.Соловьев связывает с кантовской концепцией моральной автономии индивида, и соответствует концепции гражданского общества. Соответствующее такому праву законодательство делает общество автономным от государства и дает ему возможность контролировать последнее⁸.

Необходимость моральной оценки господствующих установлений нашла свое выражение в противопоставлении понятия справедливости понятию силы. Уже в древности справедливость понималась как определение праведного распоряжения своей властью. До нас дошло изречение Фукидида, гласящее: «Похвалы достойны те люди, которые, по свойству человеческой природы устремившись к власти над другими, оказываются более справедливыми, чем могли

бы быть по имеющейся в их распоряжении силе». Ему вторит Менаандр: «Справедливый человек не тот, который не совершил несправедливости, а тот, который имея возможность быть несправедливым, не желает быть таковым»⁷.

Некоторые мыслители Нового времени специально подчеркивают моральный аспект справедливости. Русский философ В.С. Соловьев писал о том, что «справедливость в нравственном смысле есть некоторое самоограничение, ограничение своих притязаний в пользу чужих прав; справедливость является, таким образом, некоторым жертвованием, самоотрицанием». С этим перекликается изречение французского моралиста Л. Вовенарга, гласящее, что «нельзя быть справедливым, не будучи человечным»⁶. Между тем другие мыслители отмечают несводимость справедливости к морали: «Быть добрым совсем не трудно: трудно быть справедливым» (В.Гюго), «Быть милосердным гораздо легче, чем быть справедливым» (А.Граф)⁷. Тем самым акцентируется ее связь с исполнением долга и неуклонного следования некоторой норме, то есть подчеркивается ее правовой аспект. Зафиксированная здесь проблема соотношения в понятии справедливости моральных и правовых аспектов выявляет необходимость поиска возможностей совмещения справедливости и силы, то есть такого положения вещей, когда закон соответствовал нравственным нормам, а нравственные нормы могли бы стать действенными и реально воплощаться в жизнь посредством закона.

Идея справедливости в ее связи с моральной оценкой политико-правовых установлений не теряет своей актуальности и для современной социально-политической мысли. Подтверждением этому могут служить развернувшиеся в 1970-х и вновь разгоревшиеся в конце 1980-х годов дискуссии вокруг книги Дж.Роулса «Теория справедливости». Т.А. Алексеева характеризует учение Дж.Роулса как деонтологический (связанный с учением о должном) либера-

лизм, который противостоит утилитаристскому либерализму, признающему пользу единственной фундаментальной ценностью, в результате чего справедливость оказывается лишь вытекающей из общественной пользы и блага. В противовес утилитаристскому подходу теория Роулса утверждает самоценность права. В этом смысле теория Роулса принадлежит к теории «возрожденного естественного права»⁹. Именно приоритетное внимание к правам индивида (причем права эти расширяются Роулсом за счет включения в их число некоторых демократических свобод) должно стать основой для эффективного социального сотрудничества, благодаря которому только и возможна реализация справедливости⁵.

Как видно из приведенных определений и суждений, справедливость есть понятие о должном, соответствующее определенному пониманию сущности человека и его месте и роли в обществе и мире. Понятие справедливости требует соответствия между практической ролью различных и индивидов и социальных групп в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием, а также эквивалентности взаимного обмена деятельностью и ее продуктами. Характер требуемого соответствия зависит от конкретных исторических условий и специфики данного общества — в этом относительность понятия справедливости.

Вместе с тем само требование справедливости, основанное на представлении о некоторой норме, присуще всем типам общества и в этом смысле имеет абсолютный характер. Для определения требуемого соответствия важную роль играют понятия равенства и пропорциональности. Современное понимание справедливости во многом обусловлено представлением о человеке, сформированном в новоевропейской культуре. Это представление о человеке как са-

мостоятельном индивиде, обладающем неотъемлемыми правами и способном самостоятельно контролировать и регулировать свое поведение в обществе на основе некоторых общезначимых норм, связано с признанием первичности его и его прав по отношению к любым организациям, в частности государству, и их благам. Представление о неотъемлемых правах человека сегодня имеет всеобщее признание и закреплено в ряде международно-правовых документов. Так, статья 7 Всеобщей декларации прав человека закрепляет абсолютное равенство всех людей перед законом и равную защиту от дискриминации без всякого различия². Апелляция к правам человека означает, что представление о справедливости на сегодняшний день не обосновывается каким-либо священным авторитетом и проблема справедливости может становиться предметом обсуждения. Идея справедливости в ее современном понимании связана с идеей о необходимости общественной (моральной) оценки существующих установлений, законов и т.д.

Для справедливого распределения ценностей (в том числе и освобождения от тяжелых обязанностей) не обязательно условие наличия трех лиц (не менее двух делящих ценности сторон и третьей судья), достаточно и одного оценивающего ситуацию субъекта. Все они руководствуются или незакрепленными постановлениями государства набором правил оценки поступков — моралью или закрепленными — законами. Справедливость всегда осуществляется между заинтересованными в ней субъектами, поэтому она появляется одновременно с первыми истоками социальных отношений. Она всегда социальна. Тем не менее в практике выделилось понятие социальной справедливости, предполагающей относительно равномерное распределение всех или некоторых благ в обществе. В отличие от понятия «справедливость» понятие «социальная справедливость» используется для оценки положения дел в обществе, а не конкретных поступков.

По этой причине понятие «социальная справедливость» не тождественно «распределительной справедливости» Аристотеля, которая относилась к действиям конкретного человека или государства по распределению благ. Абстрактная «справедливость» предполагает абстрагирование от конкретных ситуаций и индивидов и наделение фактически «отличающихся» людей «равными» правами, что приводит к неравенству результатов использования этих прав или невозможности обеспечить заранее запланированный результат. Наоборот, «социальная справедливость» предполагает контроль за распределением результатов деятельности граждан, что требует наделения граждан неравными правами. В этом смысле «справедливость» и «социальная справедливость» в качестве практических принципов противоречат друг другу.

Говоря о справедливости при осуществлении социальной политики государства, необходимо отметить, что справедливость является основным требованием правосудия, без которого немислимо успешное выполнение каких-либо задач, стоящих перед государством. Согласно известному латинскому изречению «правосудие должно быть свободным ибо нет ничего более несправедливого, чем продажное правосудие», полным и скорым. Правосудие имеет ряд специфических признаков: оно осуществляется от имени государства специальными государственными органами — судами, посредством рассмотрения в судебных заседаниях гражданских, уголовных и других дел в установленной законом процессуальной форме. Справедливость судебных решений возможна только на основании строгого соблюдения закона. Так характеризует справедливость С.С.Алексеев: «Справедливость приобретает значение правового принципа в той мере, в какой она воплощается в нормативно-правовом способе регулирования, в тех началах соразмерности, равенства и т.д., которые присущи самому построению правовой доктрины»¹⁴. Однако спра-

ведливость, по сути дела, не совпадает с законностью. Порой бывает так, что в рамках закона правоприменитель находит решение верное с узкоюридической точки зрения, однако с учетом индивидуальных особенностей случая такое решение может быть справедливым далеко не всегда. Таким образом, справедливость имеет в юридической практике и самостоятельное значение. Она является одним из ведущих начал при решении юридических дел, когда суду предоставлена «свобода усмотрения», когда суд осуществляет функцию по индивидуальному регулированию. Справедливым в рамках закона может быть признано единственно возможное в конкретном случае, наиболее оптимальное, разумное, гуманное решение. Оно может быть найдено на базе правильного установления обстоятельств дела, их верной правовой и социальной оценки и истолкования конкретной правовой нормы в системе других норм данной отрасли права, а при необходимости и всего права в целом.

Осуществление государством социальной политики, безусловно, должно опираться на достижения в экономике, без достаточного финансирования социальные программы неосуществимы, здесь актуально встает вопрос о справедливом распределении прибыли, особенно полученной в результате использования природных ресурсов и недр, принадлежащих государству. В современных условиях особую остроту приобрели проблемы безработицы и инфляции. Создание новых рабочих мест должно быть одной из основных социальных задач государства, при этом обязательно должны учитываться проблемы с трудоустройством лиц с ограниченными возможностями.

На современном этапе развития российского общества остро встают и другие проблемы в сфере социальной политики. В.Зорькин в рамках рассмотрения вопроса справедливости совершенно справедливо отметил наиболее острые из них: проблемы реального обеспечения социальных прав гражд-

дан, недостаточность мер социальной поддержки населения, пределы компетенции законодателя в реализации прав социального обеспечения, выполнение публично-правовых обязательств государства, пробелы в пенсионной реформе, издержки перераспределений полномочий, снижение уровня социальной защиты льготных категорий граждан. При этом он подчеркнул, что преодоление социального неравенства является критерием дееспособности Российского государства¹⁵. К указанным проблемам можно добавить проблемы реальной доступности образования и медицины, особенно для лиц с ограниченными возможностями, пенсионеров и малоимущих граждан, которых становится все больше. Проводимая реформа образования требует корректировки. Необходимо изменить форму проведения единого государственного экзамена (ЕГЭ), он должен проводиться на добровольной основе с сохранением параллельно традиционной формы сдачи экзаменов, чтобы у граждан было право выбора. Существующая форма проведения ЕГЭ нарушает принцип справедливости, преимущество у тех граждан, которые имеют средства на дополнительные занятия и они соответственно лучше сдают экзамены. Особенно в сложную ситуацию попадают граждане, давно закончившие школу и желающие продолжить обучение в высших учебных заведениях.

Трудное возрождение нашего государства, его коренных народов только начинается. При этом их жизнестойкость, жизнь как таковая становятся основой понимания и защиты социальной справедливости.

Эффективная социальная политика государства является одной из первоочередных задач перехода к рыночным отношениям и выхода российской экономики из кризиса. Решение задач государства в этом направлении и осуществлении разумной социальной политики возможно при соблюдении и взаимном сочетании следующих условий:

1. Развитие общества по пути становления правового и социального государства.

2. Реальное и безусловное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией при ограничении в рамках права государственной власти.

3. Соблюдение принципов справедливости при осуществлении государством своих функций, особенно при отправления правосудия.

4. Совершенствование судебной системы (реальное обеспечение защиты и независимости судей, присяжных заседателей, свидетелей, потерпевших и других участников судебного процесса).

5. Совершенствование системы правоохранительных органов, усиление борьбы с коррупцией, контроля и ответственности должностных лиц и других представителей государственной власти за незаконные действия.

Построение правового государства с высоким уровнем благосостояния жизни всех без исключения слоев населения, общества с высоким уровнем правосознания и правовой культуры — путь очень трудный, но только в таком обществе в наибольшей степени соблюдаются принципы справедливости, которые и обязывают к построению такого государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конституция Российской Федерации. — Ростов н/Д.: Феникс, 2008.

² Всеобщая декларация прав человека. — М., 1989.

³ Философская энциклопедия. В 5 т., т. 5. — М., 1970. — С. 119.

⁴ Латинская юридическая фразеология. — М., 1979. — С. 76.

⁵ *Алексеева Т.А.* Справедливость. Морально-политическая философия Дж.Роулса. — М., 1992.

⁶ *Мальцев Г.В.* Социальная справедливость и право. — М., 1977.

⁷ *Борохов Э.* Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). — М., 1998.

⁸ *Соловьев Э.Ю.* Выступление на круглом столе «Право. Свобода. Демократия» // Вопросы философии. — 1990. — № 6. — С. 3.

⁹ *Общая теория права* / под ред. А.С. Пиголкина. — М., 1996.

¹⁰ *Антропов В.В.* Модели социальной защиты в странах ЕС / В.В. Антропов // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 11.

¹¹ *Куликов В.В.* Социальная политика как приоритет и приоритеты социальной политики / В.В. Куликов, В.Д. Роик // Российский экономический журнал. — 2005. — № 1.

¹² *Стрежнева М.В.* Проблемы социальной политики в Европейском союзе / М.В. Стрежнева // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 8.

¹³ *Алексеев С.С.* Теория права. Т. 2. — М., 1991.

¹⁴ *Зорькин В.* Стандарт справедливости // Российская газета — Федеральный выпуск № 4385 от 8 июня 2007 г.

Аннотация

В статье рассматриваются различные аспекты соблюдения принципа справедливости при реализации социальной политики государства.

Ключевые слова: социальная политика государства; принцип обеспечения справедливости; социальная защита населения; справедливость судебных решений.

Summary

The article deals with different aspects of observance of the concept of justice when realizing the social policy of the state.

Key words: social policy of the state, the concept of justice guaranteeing, social protection of the population, justice of court decisions.

УДК 340.111

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДУАЛИЗМА СОДЕРЖАНИЯ САНКЦИЙ НОРМ ПРАВА

*А.В. Краснов, кандидат юридических наук,
доцент Института экономики, управления и права (г. Казань)*

Проблематика, связанная с трактовкой свойств санкций норм права, имеет множество разнохарактерных аспектов. В рамках данного исследования мы касаемся такого свойства санкций, которое пока не получило четкой научной разработки, однако, с нашей точки зрения, способно дать глубинную, существенную характеристику указанного явления. Мы имеем в виду изменчивость содержания санкций в зависимости от того, регулирование каких общественных отношений ставится в центр нашего внимания. Данное свойство можно рассматривать как проявление некоего дуализма содержания санкции, который обусловлен целым рядом факторов.

Какие факторы, на наш взгляд, так или иначе определяют изменчивость содержания, или дуализм, санкций норм права? Оговоримся, что выделяемые нами факторы не носят характер исключительной связи именно с санкциями норм права. Более того, выделение их носит дискуссионный характер и они могут и не являться непосредственной причиной дуализма санкций норм права. Указанные факторы (условно назовем их факторы влияния) и содержание санкций норм права не могут быть рассмотрены исключительно через призму соотношения причины и следствия. Взаимодействие факторов влияния и содержания санкций носит сложный, диалектический характер, когда причина, породив определенное следствие, сама претерпевает воздейст-

вие на себе тех свойств, которые характеризуют следствие. Возможно, что соотношение рассматриваемых нами явлений носит вообще иной характер (сущность санкции как меры воздействия, поведения, которое адресуется разнокалиберным субъектам, вероятно, и предопределяет наличие тех факторов влияния, о которых мы будем вести речь).

Итак, какие факторы влияния мы имеем в виду? Во-первых, дуализм санкции заключается в том, что она может выступить как диспозиция применительно к тем или иным субъектам¹. Если для обычного гражданина соответствующая мера – это санкция, то для правоприменителя такая мера воздействия есть не санкция, а мера поведения, которую нужно применить к соответствующему лицу. В итоге субъект-правоприменитель руководствуется этой мерой как диспозицией нормы. То есть в отношении разных общественных отношений и субъектов, которые в них участвуют (охранительное и правоприменительное, нарушитель предписания диспозиции и правоприменительный орган), санкция выглядит и проявляется совершенно по-разному, несмотря на единую словесную формулировку.

В отношении норм уголовного права в юридической литературе давно высказывалось мнение о том, что эти нормы адресованы не гражданам или подданным, а суду².

Как отмечает О.Э. Лейст, санкция есть не только угроза по отношению к правонарушителю, но и правило пове-

дения по отношению к государственным органам. При этом исполнение данной санкции, то есть обязанности государственных органов, должно обеспечиваться другими санкциями³, что создает определенную цепь нормативных предписаний.

В трудах И.С. Самощенко и А.С. Пиголкина также можно найти суждения, согласно которым та часть уголовных норм, которая выступает диспозицией для граждан (запрет совершать общественно опасные деяния), одновременно является гипотезой для государства и государственных органов, рассматривающих дела о совершенных преступлениях⁴. В этом же русле находится позиция японского ученого К. Сайто, который, в частности, пишет, что уголовно-правовая норма в качестве нормы поведения обращена ко всем индивидам до совершения преступного деяния, в качестве нормы правосудия — к участникам процесса после совершения преступного деяния, и в качестве исполнительной нормы — к наказуемому⁵.

Аналогичные точки зрения можно встретить и у современных ученых. Так, М.В. Соболев отмечает, что санкция для одного адресата может быть диспозицией для другого⁶. О перемене ролей в санкциях пишет и М.А. Тулигович применительно к нормам уголовного права. С его точки зрения, регулятивная норма уголовного права содержит диспозицию в виде запрета и санкцию в виде наказания за его нарушение. При этом регулятивная норма адресуется лицам, совершающим преступление. Охранительная норма уголовного права, в свою очередь, адресована правоприменителю, и здесь имеет место следующая трансформация: диспозиция регулятивной нормы уголовного права превращается в гипотезу нормы охранительной, а санкция регулятивной нормы предстает уже как диспозиция охранительной нормы уголовного права. То есть уголовно-правовая норма и предписание рассматриваются автором не просто как отдельно взятые предписания, а в плане их реализации, а также того, какое правоотношение при этом возникает⁷.

То обстоятельство, что санкция нормы права может «оборачиваться» диспозицией в зависимости от того, какие общественные отношения имеются в виду, напрямую связано с тем, что (а это — во-вторых) санкция нормы права может рассматриваться не как обезличенные меры воздействия того или иного характера, а как определенные правила поведения. Об этом мы достаточно подробно писали в некоторых наших работах, в которых делалась попытка обосновать регулятивность санкций норм права, их обозначение через права и обязанности, указание на которое можно встретить в литературе, рассмотреть охранительное правоотношение через призму трансформации правовых средств на уровне диспозиции в правовые средства на уровне санкции нормы права⁸.

В-третьих, высказанные нами соображения неразрывно связаны с тезисом об определенной условности жесткого разграничения регулятивной и охранительной функций норм права.

Как известно, в науке принято выделять две основные функции права — регулятивную и охранительную, как самостоятельные направления его воздействия на общественные отношения⁹. С.С.Алексеев различает статическую и динамическую регулятивные функции права в качестве основных, а также охранительную функцию в качестве дополнительной¹⁰.

По нашему мнению, следует согласиться с тем, что регулятивная функция права многогранна, может проявляться по-разному: так, в ее рамках выделяются регулятивно-статическая, регулятивно-динамическая и регулятивно-охранительная функции¹¹; в другом ракурсе как подвиды регуляции рассматриваются обязывание, поощрение, ограничение, охрана¹².

В связи с этим мы не можем согласиться с тем, что необходимо четко дифференцировать нормы права на регулятивные и охранительные. Законодатель может использовать средства и способы метода правового регулирования в различных сочетаниях. Регулирование может осуществляться различными путями

ми, в том числе — с помощью охраны¹³. То есть в принципе не может существовать регуляция без охраны, а охрана — без регуляции. Думается, можно согласиться с тем, что продолжительность дискуссий о норме обусловлена определенным смещением формальной и содержательной сторон¹⁴. По этому поводу высказано возражение, согласно которому нельзя смешивать функции права и функции конкретных норм, а регулятивная и охранительная функции есть функции именно права, а не норм¹⁵. Однако, как нам кажется, даже если допустить выделение регуляции и охраны в качестве основных функций права, основных направлений его воздействия на социальный организм, то в отношении конкретной нормы разрывать эти векторы воздействия вряд ли возможно без ущерба для научной целостности понятия и признаков нормы права.

Запрещающей норме, применительно к которой идет разговор о перемене ролей санкции и диспозиции, некоторые ученые достаточно обоснованно придают регулятивный характер. Роль запрета не должна сводиться исключительно к выполнению функций охраны. Обосновывается регулятивность запрета, которая находит выражение в том, что запрещающие нормы предметом своего регулирования имеют те общественные отношения, которые выражены в форме отграничений (обособлений) субъекта от вытесняемых общественных отношений¹⁶. С регулятивной стороны запреты выражаются в юридических обязанностях пассивного содержания — обязанностях воздерживаться от совершения действий известного рода, причем такие обязанности не всегда конкретизированы по содержанию и адресатам¹⁷. Как точно отметил А.В. Малько, «запрещение определенного действия эквивалентно обязанности несовершения этого действия»¹⁸. Что касается А.Г. Братко, то он утверждает, что «запрещающая норма, как и любая другая, имеет предоставительно-обязывающий характер... Взаимосвязь «запрет-право» в процессе правового

регулирования конкретизируется в «общеохранительном правоотношении»¹⁹, которое возникает непосредственно из закона; такое правоотношение необходимо отличать от аналогичного конкретного²⁰. По мнению А.Г. Братко, сочетание прав и обязанностей может и подразумеваться²¹.

Мы не склонны рассматривать запрещающую норму непосредственно как предоставительно-обязывающую. Пассивная обязанность в ней носит общий характер, как и общее право государства требовать соблюдения запретов. Однако для нас очень важен вывод, который может быть сделан из сказанного и который заключается в связанности, нераздельности в рамках конкретной нормы права регуляции и охраны. Это, в свою очередь, вполне может быть экстраполировано и на содержание санкций.

В-четвертых, свойство дуализма санкции нормы права предопределяется также и таким обстоятельством, как нормативная ассоциативность норм права. В чем она заключается? Санкции, как известно, нельзя в большинстве случаев реализовать вне соответствующих процедур, юридического процесса, что предполагает появление официальных публичных субъектов. Необходимы процедурные, процессуальные нормы. Они подключаются на уровне реализации санкции, образуя с первоначальной нормой некую нормативную ассоциацию. Кроме того, в нормативную ассоциацию должны входить и те предписания, посредством которых санкция данной нормы, как правило поведения, должна обеспечиваться. Еще известный советский ученый М.М. Агарков предлагал схему структуры, в которой санкцию обеспечивает другая санкция, да и гипотеза с диспозицией «раздваиваются» (вторая гипотеза — на случай нарушения предшествующей диспозиции, а вторая диспозиция — на случай изменения содержания первой)²². Для нас важно как раз то, что санкция нормы также должна обеспечиваться далее, что «превращает» первоначальную санкцию в диспозицию: каждое последу-

ющее действие (бездействие) в идеале должно находить правовое обеспечение в виде соответствующих норм, обладающих своими санкциями, которые могут носить разный характер, в том числе организационный, что характерно для процессуальных и процедурных норм. Такой ряд норм, когда одна санкция требует другой, отмечался в свое время Л.И. Петражицким (норма права – такая норма, на случай отсутствия добровольного исполнения которой другая норма права предусматривает применение принудительных мер) в критическом плане²³, хотя цепочка норм, о которой здесь говорится, – вполне закономерное явление. К примеру, в уголовном праве в случае уклонения от отбывания наказания в виде исправительных работ возможно назначение лишения свободы²⁴. Кроме того, организационными санкциями в виде отмены, изменения акта обеспечиваются и правоприменительные решения. «Концом» такой цепочки будет являться конституционная норма о суверенитете народа, так как источник публичной власти в демократическом государстве – это народ, население. Соответственно реализация цепочки норм будет принимать все более сложные процессуальные формы, которые на самом конце смыкаются с политическим процессом, замыкающим цепь в некое кольцо: ведь избираемая населением власть издает те нормы, которыми граждане руководствуются в повседневной жизни.

Идею нормативных ассоциаций высказывал, пусть и в несколько ином ракурсе, и С.С. Алексеев, который писал, что нормативные юридические положения, «сцепляясь» между собой, объединяются в ассоциации, образования разного уровня. Характер таких образований, их соотношение и иерархия обусловлены логической природой и уровнем нормативных обобщений²⁵.

Нормативная ассоциативность позволяет нестандартно взглянуть на структуру нормы права. Так, структуру нормы уголовного права (можно сказать – запрещающей нормы) предлага-

ют рассматривать в зависимости от ее адресата²⁶. Указанная позиция хорошо разработана в трудах представителей так называемой двухэлементной концепции структуры нормы права²⁷.

Не вдаваясь в полемику с учеными-сторонниками двухэлементной структуры нормы права, отметим лишь, что истина, пожалуй, таится не в количестве элементов, а в связях между ними. В науке достаточно широко распространен взгляд на структуру нормы права как на совокупность элементов и связей между ними²⁸, либо вообще как на межэлементарные связи²⁹. Думается, к указанной проблеме необходимо подходить диалектично, учитывая, что элементы без связей теряют свое функциональное назначение, а выделение связей без элементов и вовсе бессмысленно.

Собственно, по нашему мнению, суть вопроса состоит не столько в количественном, сколько в качественном измерении составляющих норму элементов. Как справедливо пишет представитель двухэлементной концепции, «...санкция зачастую даже внешне формулируется как субъективное право...»³⁰. Однако вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что «...все же и диспозиция, и санкция – это вторая часть (соответственно регулятивной или охранительной) нормы права; и та и другая указывают на определенные юридические последствия (права и обязанности), на предписываемое государством распоряжение»³¹. Дело не в том, чтобы ставить некий водораздел между регуляцией и охраной, которые при таком подходе должны опосредоваться разными нормами, а в наличии нормативных ассоциаций нескольких норм, в рамках которых выделение целостной нормы возможно лишь условно, применительно к определенному общественному отношению, учитывая, что даже одна норма может регулировать несколько общественных отношений одновременно. Данная целостная норма из трех элементов может «перемещаться» по цепочке в связи с тем, что санкция оборачивается диспозицией для других

субъектов, и возникает необходимость обеспечения правил поведения.

Указанное обстоятельство обусловлено тем, что структура той или иной нормы «есть объективированный результат отражения в норме определенного общественного отношения»³². Тем самым возможно выделение идеальной и реальной структур нормы права³³. Идея нормативной ассоциативности, безусловно, согласуется с конструированием так называемой реальной структуры нормы права, которая «...производна от структуры соответствующего общественного отношения определенного вида и выступает как

закономерная реальность правовой системы конкретного общества... Количество элементов реальной структуры предопределено структурой фактического общественного отношения и особенностями взаимосвязей и взаимодействия правовых норм в системе права»³⁴. Именно профессор Перевалов делает достаточно аналогичный вывод, с которым мы солидаризируемся: «Элементы могут взаимозаменяться, превращаться друг в друга, объединяться и выступать в единстве»³⁵. Содержание санкции прежде всего и является ярким выражением такого структурного превращения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Черданцев А.Ф.* Специализация и структура норм права // Правоведение. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. — № 1. — С. 46; *Тулиглович М.А.* Структура уголовно-правовой нормы: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Омск, 2006. — С. 12, 14, 20; *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. проф. Томсинова В.А. — М.: Зерцало, 2008. — С. 66–67.

² См.: *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. — СПб., 1914. — С. 65, 122 и др.; *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права. — Юрьев, 1917. — С. 64–69.

³ См.: *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — С. 18–19.

⁴ См.: *Общая теория советского права* / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко — М.: Юридическая литература, 1966. — С. 194.

⁵ См.: *Сайто К.* Японское уголовное право // Современное уголовное право. — Т. 1. — М., 1995. — С. 306.

⁶ См.: *Соболев М.В.* Санкция как элемент юридической ответственности: дис... канд. юрид. наук — М., 2006. — С. 35.

⁷ См.: *Тулиглович М.А.* Структура уголовно-правовой нормы: дис... канд. юрид. наук. — Омск, 2006. — С. 31.

⁸ См.: *Краснов А.В.* Санкция нормы права в контексте правил поведения // Актуальные проблемы экономики и права. — Казань: Познание, 2010. — № 1 (13). — С. 102–107; Правовая санкция в контексте предостаточно-обязывающего характера нормы права // Научный Татарстан. Серия «Гуманитарные науки. Юридические и социально-экономические науки». — Казань, 2010. — № 1. — С.126–133.

⁹ См.: *Радько Т.Н.* Функции социалистического общенародного права: автореф. дис. ... к.ю.н. — Саратов, 1967. — С.8–12; *Комаров С.А., Малько А.В.* Теория государства и права: учеб.-метод. пособие. Краткий учебник для вузов. — М.: Издательская группа НОРМА-ИН-ФРА М, 1999. — С.165; *Общая теория права и государства: учебник* / под ред. В.В. Лазарева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2001. — С. 85; *Лиголкин А.С.* Теория государства и права: учебник. — М.: Городец, 2003. — С.77 и др.

¹⁰ См. *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Вып.1. — Свердловск, 1963. — С.64.

¹¹ См.: *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Монография. — М.: ИД Право и государство, 2005. — С.169.

¹² См.: *Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф.* Проблемы теории государства и права: учеб. пособие. — Казань: КЮИ МВД России, 2003. — С. 167.

¹³ См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права. — Казань: Спектр, 2000. — С.82–83, 169.

¹⁴ См.: *Ковалюнас Д.А.* Санкции в публичном праве: дис. ... канд. юрид. наук — Самара, 2000. — С.50.

¹⁵ См.: *Радько Т.Н.* Нормы права / Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2001. — С. 108.

¹⁶ См.: *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве: монография. — Казань: Изд-во КГУ, 1990. — С. 41—42.

¹⁷ См.: *Алексеев С.С.* Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. — М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. — Т. 2. — С. 205—206.

¹⁸ *Малько А.В.* Правовые ограничения как принудительные средства // Атриум. Серия «Юриспруденция». — Вып. 2. — Тольятти, 1997. — С. 5.

¹⁹ *Братко А.Г.* Запреты в советском праве. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. — С.45.

²⁰ *Братко А.Г.* Указ. соч. — С.46.

²¹ См.: *Братко А.Г.* Указ. соч. — С.22.

²² См.: Теория государства и права. — М., 1948. — С. 424.

²³ См.: *Петражицкий Л.И.* Теория государства и права в связи с теорией нравственности. — Т. 1-2. — СПб.: Изд-во типографии СПб. Акционерного общества «Слово», 1907. — С. 258.

²⁴ См.: *Самвелян К.Р.* Уголовно-правовые санкции: проблемы конструирования и применения: дис... канд. юрид. наук — Краснодар, 1997. — С. 79.

²⁵ См.: *Алексеев С.С.* Теория права. — М.: БЕК, 1993. — С. 103.

²⁶ См.: *Тулигович М.А.* Структура уголовно-правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2006. — С. 12, 14, 20 и др.

²⁷ См.: *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. — СПб., 1898. — С. 124—125; *Рыбин А.В.* Виды и структура правовых норм. — Ученые записки Пермского университета, 1958. — Т. 15. — Вып. 3. — С. 4; *Курьлев С.В.* Санкция как элемент правовой нормы // Советское государство и право. — 1964. — № 8. — С. 50; *Смирнов В.Г.* Функции советского уголовного права. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. — С. 27-42; *Черданцев А.Ф.* Специализация и структура норм права // Правоведение. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. — № 1. — С.41-49.

²⁸ См.: Общая теория права: Учебник для юридических вузов / под общ. ред. А.С. Пиголкина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996. — С. 156; *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: учебник. — М.: Финансовый контроль, 2004. — С.195; Правоведение: учебник / под общ. ред. Г.В. Мальцева. — М.: Изд-во РАГС, 2003. — С.137 и др.

²⁹ См.: *Комаров С. А., Малько А. В.* Теория государства и права: учеб.-метод. пособие. Краткий учебник для вузов. — М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. — С. 186.

³⁰ *Черданцев А.Ф.* Указ. соч. — С. 45.

³¹ Там же. — С. 46.

³² *Первалов В.Д.* Нормы права // Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Первалова. — 2-е изд., изм. и доп. — М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. — С. 289.

³³ См.: *Алексеев С.С.* Теория государства и права: учебник / под общ. ред. С.С. Алексеева. — М., 1998. — С. 238; *Первалов В.Д.* Указ.соч. — С. 288.

³⁴ Там же. — С. 289—290.

³⁵ Там же. — С. 291.

Аннотация

Статья посвящена такому свойству санкции нормы права, как изменение ее содержания в зависимости от того, в рамках каких общественных отношений берется установленное ею предписание. Автор анализирует факторы, которые предопределяют указанное свойство.

Ключевые слова: санкция нормы права, диспозиция нормы права, структура нормы права, функция права, охрана, регуляция.

Summary

The article is devoted to such property of the sanction of legal proposition as the change of its essence depending on the kind public relations in the frames of which instruction is taken. The author analyses factors which predetermine this property.

Key words: sanction of legal proposition, disposition of legal proposition, structure of of legal proposition, function of the law, protection, regulation.

УДК 331.556; 314.7

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Л.Г. Насырова, аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета

Миграционное законодательство России на первых этапах развивалось спонтанно и представляло собой первую реакцию на возникающие проблемы. То обстоятельство, что миграционные законы готовились в условиях практически непрерывающегося приема и размещения десятков тысяч беженцев и вынужденных переселенцев, а также при ощутимой нехватке специалистов в этой области, не могло не сказаться на качестве этих законов. Кроме того, законы не были экономически соотнесены с реальными возможностями государства по приему и размещению вынужденных мигрантов и вследствие этого носили во многом общий и декларативный характер. Таким образом, сформировался первый законодательный пласт в этой сфере, касающийся вопросов регулирования вынужденной миграции.

В этих условиях многие субъекты РФ, стремясь обезопасить себя от негативных последствий миграции, стали проявлять законодательную инициативу, принимая законы, которые порой противоречили не только миграционному законодательству России, но и Конституции Российской Федерации. Фактически в стране отсутствовал системный подход к регулированию миграционных правоотношений.

Следующий этап в формировании миграционного законодательства Рос-

сии связан с исправлением сложившейся ситуации. Обновление законодательства приобрело более системный характер, подчиняясь общим принципам. Ситуация изменилась в корне. Региональные и муниципальные органы власти не проявляют интереса к миграциям (даже внешним). Они считают, что все миграционные проблемы — это прерогатива федеральной власти и их вмешательство не нужно и не оплачивается. Власти субъектов (и отчасти муниципальные) исполняют ограниченные регистрационно-контрольные функции (например, оформляя иностранцам разрешение на работу и участвуя в обосновании квот на иностранную рабочую силу).

На сегодняшний день недавно принятые изменения в Федеральный Закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее — Закон о правовом положении иностранных граждан), от 19 мая 2010 г. (№ 86-ФЗ), вступившие в силу 01 июля 2010 г., изменили указанное правовое регулирование трудовой деятельности иностранных работников, упростив привлечение к работе иностранных граждан, являющихся высококвалифицированными специалистами, и иностранных граждан, привлекаемых к трудовой деятельности физическими лицами.

Закон № 86-ФЗ установил еще одно основание, при соблюдении которого работодатель или заказчик работ (услуг) вправе привлечь иностранного гражданина к работе без получения соответствующего разрешения: если иностранный работник является высококвалифицированным специалистом. На высококвалифицированных специалистов не распространяются квоты на выдачу приглашений на въезд в РФ и разрешений на работу (п. 2 ст. 13.2 Закона о правовом положении иностранных граждан). Данное положение имеет существенное значение, так как привлечение работодателем или заказчиком работ (услуг) иностранного гражданина к трудовой деятельности без разрешения на работу ввиду отсутствия квот квалифицируется судом как административное правонарушение.

Таким образом, законодатель пошел по пути совершенствования уже имеющейся законодательной базы, что безоговорочно является «созданием условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов, установление соответствия их международным стандартам и взятым Российской Федерацией на себя обязательствам в этой сфере, вытекающих из действующих на ее территории международных актов»¹.

На сегодняшний день в российском законодательстве количество нормативных актов в области миграции насчитывает более десятка федеральных законов, свыше ста действующих указов Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации², нормативных актов различных министерств и ведомств, а также несколько десятков межгосударственных и межправительственных соглашений.

Огромное количество законов и иных нормативных правовых актов, принимаемых в субъектах Российской Федерации, выдвигает на первый план задачу систематизации нормативного правового материала в области миграции. По мнению ряда ученых, необходимо при этом привести его к структурному объ-

единению, отслеживать согласованность различных норм, а также осуществлять мониторинг возможных пробелов и противоречий между федеральным и региональным законодательствами, общепризнанными принципами и нормами международного права.

В управлении миграциями должны быть задействованы все территориальные уровни, а не только федеральный, как сейчас. Все задачи должны быть официально распределены между уровнями.

Особого внимания требуют органы муниципального уровня, деятельность которых может значительно помочь функционированию экономики и улучшению социально-политической обстановки. Именно на этот уровень целесообразно передать: право решения о привлечении иностранной (в том числе из СНГ) рабочей силы на местные предприятия и в организации; право определять и корректировать квоты на привлечение иностранной рабочей силы; право ускоренной регистрации определенных контингентов мигрантов (в том числе «краткосрочных»); ответственность за адаптацию мигрантов и помощь им в обустройстве и самоорганизации (землячества и т.п.).

Совершенствование федеративных отношений между субъектами Российской Федерации, наполнение их новым содержанием формируют, по мнению ряда ученых, потребность в создании новой отрасли права – «регионального права» (по аналогии с муниципальным правом или федеральным правом). По их мнению, региональные нормативные правовые акты находятся в рамках основных базовых отраслей российского права, например, конституционного (уставного), административного, гражданского, трудового и пр. С другой стороны, они образуют специфический фундамент сложной отрасли «региональное право» данного конкретного субъекта Российской Федерации. Предмет правового регулирования в этом случае указывает на уровень регулирования – региональный³.

Действующее российское миграционное законодательство далеко не в полной мере отражает стоящие сегодня перед страной социально-экономические и политико-правовые задачи. Одним из основных недостатков проводимой государством миграционной политики является слабое использование мирового опыта и собственно-го экспертно-научного потенциала. Во-первых, необходимость разработки общей международной политики по предоставлению убежища, согласования национальных законодательств. Во-вторых, необходимость уменьшения и установки под контроль незаконную миграцию, которую можно сделать только совместными усилиями различных стран.

Кроме того, единый европейский рынок предполагает наличие законодательной базы по вопросам межгосударственного кадрового обмена. Излишне жесткая и забюрократизированная политика препятствует притоку мигрантов из СНГ, тем самым усиливая ориентацию внутренних мигрантов на центр и ускоряя обезлюдение огромных российских просторов не только за Уралом, но и в Поволжье. Указанная политика лишает предприятия мобильности и самостоятельности в вопросах набора рабочей силы, что чревато либо дефицитом работников (а значит замедлением экономического роста), либо игнорированием правил их оформления и расширением неформальной занятости.

Остановимся на основных недостатках проводимой государством миграционной политики на сегодняшний день:

- Все внимание государства направлено на контроль, а не на прием и распределение мигрантов на рынке труда. При этом реально осуществлять этот контроль государство не в состоянии.

- Излишняя централизация федерального центра не оставляет субъектам федерации и местным органам власти свободы маневра, тем самым парализуя инициативу. В итоге миграционная

политика России вообще лишена гибкости и возможности учитывать территориальные различия на различных рынках труда страны.

- Отсутствует простой механизм по оформлению пребывания в России, регистрации по месту жительства и найма на работу мигрантов, что сильно затрудняет их легализацию, способствует коррупции и росту незаконной миграции.

- Отсутствует взаимодействие внутри страны между субъектами РФ по вопросу согласования действий в отношении внешней и внутренней миграции.

В настоящее время вышеобозначенные вопросы остро встали перед всеми странами. Ведутся горячие дискуссии о создании новых, соответствующих изменившейся ситуации, механизмов управления миграцией, в первую очередь, законодательных.

Фундаментальной основой для формирования политики в отношении трудовой миграции должно являться определение четких потребностей в рабочей силе. Они должны быть основаны прежде всего на экономических и геополитических интересах России. Государственным структурам (Минздравсоцразвития России, Минрегион России, ФМС России) необходимо определить размеры потребностей в иностранной рабочей силе и увязать их с перспективами социально-экономического развития регионов и государства.

Россия должна сохранять постоянный контроль в вопросах законности пересечения границы и использования рабочей силы работодателями, соблюдения условий труда мигрантов, их прав и сроков пребывания, налоговых и социальных отчислений с зарплат мигрантов. Должны быть серьезно ужесточены наказания за содействие и организацию нелегальной миграции, незаконный въезд, пребывание и занятость, нарушение прав мигрантов и нелегальное использование их труда работодателями.

Полагаем, что дальнейшее совершенствование нормативно-правово-

го регулирования отношений в сфере использования иностранной рабочей силы на российском рынке труда должно предусматривать:

1. Усиление ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за нарушение правил пребывания на территории Российской Федерации; упрощение процедуры депортации из Российской Федерации незаконных иммигрантов; противодействие миграции, связанной с международным терроризмом, торговлей и похищением людей, незаконным оборотом наркотиков и другими ее проявлениями.

2. Необходимо создать условия для эффективного использования объединенного трудового потенциала государств-партнеров путем организованного перемещения рабочей силы в регионы и страны, испытывающие дефицит работников, путем подписания межправительственных соглашений, а также соглашений правительств посылающих мигрантов стран с правительствами регионов стран приема трудовых мигрантов.

3. Необходимо обеспечить равные условия оплаты труда трудовым мигрантам, контролировать выполнение работодателями условий и норм труда, пенсионных и социальных гарантий перед иностранными работниками.

4. Принятие экономических и информационно-правовых мер для сдерживания трудовой миграции высококвалифицированных специалистов из Российской Федерации в зарубежные страны и обеспечение их права на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию.

5. Совершенствование правовых механизмов регулирования трудовой иммиграции, управляемого расселения трудящихся-мигрантов по российским регионам и обеспечения гарантий использования иностранной рабочей силы без ущерба для осуществления трудовых прав гражданами Российской Федерации.

6. Приведение правовых нормативных актов субъектов Российской Федерации в сфере миграции в соответствие с федеральным миграционным законодательством.

7. Стимулирование фундаментальных научных исследований на стыке политических, социально-экономических, юридических, демографических, географических, психологических основ регулирования миграционных процессов и организация мониторинговой и прогностической научной деятельности в сфере миграции, изучение и учет международного, общеевропейского, национального миграционного опыта для эффективного регулирования государственной миграционной политики Российской Федерации; создание системы научного обеспечения миграционной деятельности.

Указанный перечень проблем не является исчерпывающим. Еще многое предстоит сделать для того, чтобы общепризнанные международно-правовые нормы и принципы воплотились в реальную жизнь.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в новом веке миграция из разряда межгосударственных проблем перешла в новое состояние. Она стала основой государственного регулирования многих процессов демографии, политики, экономики и т.д. Очевидно, что многие проблемы в сфере законодательного обеспечения миграционных процессов будут решаться в процессе развития миграционного законодательства. Главный вывод состоит в том, что миграционная политика страны должна быть полной (включать не только внешнюю, но и внутреннюю миграцию), более либеральной, а трудовое оформление иностранных граждан нуждается в сильном упрощении. Только при этих условиях можно будет реально управлять процессами миграции в интересах социально-экономического развития страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Балашова Т.Н.* Развитие миграционного законодательства Российской Федерации: основные направления и проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. – 2004. – № 4.

² См.: *Добрынин Н.М.* Новый российский федерализм и региональное право: состояние, практика, необходимость // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов–Москва. – 2004. – № 1(14). – С. 38–39.

³ См.: *Добрынин Н.М.* Новый федерализм: модель будущего государственного устройства Российской Федерации. – Новосибирск, 2003. – С. 468.

Аннотация

Основные тенденции развития нормативно-правового регулирования отношений в сфере использования иностранной рабочей силы на российском рынке труда определяются общими тенденциями формирования законодательной базы страны. Они состоят во всестороннем усилении законодательного приоритета, стремлении к стабильности, специализации, кодификации, правовой унификации и систематизации. Анализ тенденций развития внутренних и международных миграционных процессов показывает, что государственная миграционная политика не в полной мере отвечает динамике изменений в сфере миграции.

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование, миграционная политика, использование иностранной рабочей силы, миграционное законодательство.

Summary

The main tendencies of the development of the normative legal regulation of the relations in the sphere of using foreign labor force in Russian labour-market are determined by general tendencies of the formation of the country's legislative base. They consist in thorough reinforcement of legislative priority, aspiration for stability, specialization, codification, legal unification and systematization. The analysis of tendencies concerning the development of internal and international migration processes shows that the state migration policy does not fully correspond to the dynamics of changes in migration sphere.

Key words: normative legal regulation, migration policy, use of foreign labor force, migration legislation.

УДК 355:94 "1939/1945"

К ПОЛЕМИКЕ О ХАРАКТЕРЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*С.В. Рыбаков, доктор исторических наук, доцент,
профессор Уральского государственного технического
университета, г. Екатеринбург*

Каждая годовщина Победы над нацизмом большинством российских граждан отмечается с высоким эмоциональным подъемом, с решительной готовностью защищать правду об ее неразмненном значении.

Приходится, однако, признать, что есть и те, кто хотел бы исказить и принизить смысл Победы, использовать военную тему для недобросовестных политических спекуляций. Несколько лет тому назад в российской печати прокатилась волна дискредитации Победы СССР в Великой Отечественной войне. Неолиберальная публицистика принялась внедрять в общественное сознание сомнительные мифы о войне, содержащие подчеркнуто негативистский смысл. Если не брать во внимание наиболее абсурдные выдумки, то в перечне этих мифов можно выделить три резонансные «идеи», растиражированные их адептами в качестве аксиом.

Еще в 1990-е гг. весьма широкое распространение получил тезис о «запредельных жертвах» Красной Армии, о том, что «советские вожди завалили врага трупами».

Тогда же настойчиво стало повторяться утверждение о вине Советского Союза за развязывание войны. Некоторые интерпретаторы подхватили версию небезызвестного афериста от истории Резуна-Суворова о том, что СССР будто бы готовился напасть на Германию, но не успел этого сделать, поскольку та

нанесла превентивный, опережающий удар.

Также стало «модным» сводить тему войны к противоборству «двух тоталитарных режимов» или, как вариант, «двух хищников» — Сталина и Гитлера. К внедрению в умы людей сего «концепта» подключилось телевидение, выпустившее на экраны несколько сериалов о войне, подводивших зрителей к мысли, что советские солдаты воевали на «два фронта» — с нацистами и с «бесчеловечным» режимом Сталина.

К середине 2000-х гг. многие историки и педагоги с тревогой заговорили, что дискредитация Победы представляет собой «направленный идеологический взрыв», способный вызвать в обществе, особенно в молодежной среде, тяжелые искривления исторического сознания, эпидемию беспамятства. В 2005 г. среди московских старшеклассников был проведен опрос на тему Великой Отечественной войны. «Литературная газета» вынесла на всеобщее обозрение высказывания наиболее «продвинутых» школьников: «Зачем вообще нужна была победа в той войне? Если бы мы ее проиграли, рынок пришел бы к нам еще тогда, и мы давно уже были бы развитой европейской страной»; «Зачем так называемые герои совершали так называемые подвиги? Зачем партизаны вели себя так глупо и нецивилизованно? Они нарушали правила ведения войны»; «Те, кто в ту войну бездумно защищал

монстров, сейчас почему-то требуют для себя почета, уважения и льгот»¹.

Как бы дико не звучали подобные «импровизации», ясно, что винить в них только молодежь было бы не вполне правильно. Едва ли незрелое сознание воспроизвело бы нечто подобное без «подсказок» со стороны взрослых людей, занявшихся «корректировкой истории». Стремление этих «корректировщиков» опорочить Победу объясняется не только их политической ангажированностью, но и недостатком компетентности и информированности. Раздутый ими миф о принятой советскими вождями стратегии «большой крови» базировался на халтурной методике подсчета потерь Красной Армии, масштабы которых заведомо преувеличивались. Некоторые из интерпретаторов твердили, что боевые потери СССР достигали 30 миллионов человек и потому, дескать, речь надо вести вовсе не об его победе, а об его поражении. С помощью этого мифа они приписали советскому верховному командованию крайнюю жестокость к рядовой солдатской массе и бездарность в управлении страной и армией. Тень была брошена и на советских солдат и офицеров, по своим боевым качествам будто бы уступавшим немцам.

Миф о том, что военное командование СССР добивалось успехов на фронтах исключительно ценой неисчислимых потерь личного состава, сегодня можно считать развенчанным. Благодаря усилиям исторической науки установлено, что безвозвратные потери советских вооруженных сил в годы войны составили 8,668 миллиона человек. Это число вполне сопоставимо с безвозвратными потерями германского вермахта, составившими около 7 миллионов солдат².

На самом-то деле разница в цифрах еще меньше: ведь вместе с вермахтом против советских войск воевали итальянцы, венгры, румыны, финны, которые тоже несли потери, и немалые. Кроме того, нужно учесть, что множество советских военнопленных было

уничтожено в нацистских концлагерях, тогда как немецкие солдаты, попавшие в советский плен, подобной участи избежали.

Что касается версии о «превентивном» характере нападения Германии на СССР, то ее распространителям полагалось бы знать, что она родилась в нацистском министерстве информации и пропаганды. Геббельс, возглавлявший это ведомство, с началом агрессии против СССР заявил, что «фюреру буквально в последний момент удалось опередить большевиков, уже занесших свое оружие над фатерляндом». Эта дезинформация вбивалась в мозги немецких солдат, чтобы повысить их ненависть к «опасному врагу»³.

Развенчать геббельсовское вранье несложно: достаточно обратиться к дневникам самого же Геббельса, в которых он фиксировал «для истории» свои сокровенные мысли. В апреле-мае 1941 г., в разгар подготовки агрессии против Советского Союза, рейхсминистр злорадствовал: «Русская карта уже вне игры. ...Сталин и его люди совершенно бездействуют. Замерли, словно кролик перед удавом. ...Невроз, порожденный страхом!». Никакой угрозы со стороны Красной Армии Геббельс в те дни не ждал: «Сталин учуял, что пахнет жареным, и размахивает пальмовой ветвью. Россия открыто заявляет о своем миролюбии. Это, конечно, радует». Он считал своей задачей «дезинформировать Советы, применяя сильные средства для обмана», а за неделю до вторжения вермахта на советскую территорию ликовал: «Блеф полностью удался! Наша операция готова так, как это только вообще возможно. Собрано столько резервов, что неудача совершенно исключена»⁴.

Боялся Сталин войны с Германией или нет, но факт остается фактом: в Кремле войны с Германией действительно не хотели. Даже осознавая, что война не за горами, Сталин обязан был сделать все, чтобы максимально оттянуть ее начало. Любая иная логика поведения была бы заведомо авантюрой:

к лету 1941 г. Германия, подчинив себе основную часть Западной, Северной, Центральной Европы и Балканы, овладела колоссальными стратегическими ресурсами. Активного сопротивления в континентальной Европе вермахт не испытывал и потому мог сосредоточить против СССР все свои наличные силы. На таком фоне советское руководство не могло позволить себе действий, приближавших начало войны, тем более что модернизация Красной Армии еще не была завершена. Стремясь не дать Гитлеру ни малейшего повода для демарша, Кремль выполнял все обязательства перед Германией, предусмотренные совместными договорами, взвешивал каждый свой внешнеполитический шаг.

Мифы о запредельных жертвах Красной Армии и о вине Советского Союза за развязывание войны, будучи сфабрикованными, «шитыми белыми нитками», изначально были обречены на недолгое существование. Более устойчивым оказался миф о равноценности «двух тоталитарных монстров» — гитлеризма и сталинизма. Сложность в развенчании этого мифа связана с тем, что сталинский режим далек от либеральных критериев, которые в части нынешних средств информации объявлены универсальными для всей человеческой истории.

Недостатки сталинского стиля управления, конечно же, были, но это не дает достаточных оснований ставить знак равенства между Советским Союзом и гитлеровской Германией. Отрицание того, что эти два государства являлись идеологическими антагонистами, было бы грубым отступлением от исторической правды. Совершенно очевидно, что их роли и цели участия во Второй мировой войне не были и не могли быть равнозначными — хотя бы потому, что одна сторона выступила агрессором, а другая вынуждена была защищать себя.

Миф об одинаковой ответственности СССР и Германии за развязывание войны имеет скрытую подоплеку: он

отражает позицию тех политических сил на Западе, которые заинтересованы в ревизии итогов Второй мировой войны. Такая заинтересованность высвечивается в публицистике и исторических штудиях, в заявлениях американских и европейских политиков, в пропагандистских акциях, организуемых западным истеблишментом в пользу означенной ревизии.

В канун 70-летия начала Второй мировой войны одну из таких акций провела Парламентская ассамблея Совета Европы. Она приняла резолюцию, возложившую на СССР и гитлеровскую Германию равную ответственность за развязывание войны и одинаково осудившую обе страны. ПАСЕ, сославшись на то, что война началась через неделю после подписания советско-германского пакта о ненападении, предложила считать 23 августа — день годовщины пакта — «днем памяти жертв сталинизма и фашизма».

Западные политики подвергают этот пакт проклятиям, потому что он до сих пор олицетворяет дипломатический успех Москвы и одновременно крупнейший провал британской дипломатии и геостратегии. «Демократический» пафос, наполняющий означенную резолюцию ПАСЕ, призван закамуфлировать главные цели ее составителей. Если уравнивать СССР с гитлеровской Германией, то, во-первых, окажется, что советские люди ошибались, считая войну Великой Отечественной. Во-вторых, получится, что СССР, в отличие от англосаксонских держав, не входил в число главных борцов против нацизма, а значит и не имел права на статус великой державы (стало быть, не имеет такого права и Россия — правопреемница СССР). В-третьих, выяснится, что система мировых отношений, согласованная лидерами стран-победительниц в Ялте и Потсдаме, нелегитимна, включая и такой ее компонент, как ООН. В-четвертых, напросится вывод, что Россия должна нести ответственность за развязывание той войны и «платить по счетам» всем, кто ей их предъявит.

Нынешняя стратегия Запада направлена на подмену итогов Второй мировой войны итогами «холодной войны», в которой Советский Союз потерпел поражение, выразившееся его распадом.

ПАСЕ хотела бы убедить мировую общественность, что подписание СССР пакта о ненападении с Германией носило преступный характер. Но для этого придется из реальной международной ситуации, сложившейся к концу 1930-х гг., вычеркнуть факты, связанные с попустительством гитлеровской агрессии со стороны британской и французской дипломатии, сдававшей Гитлеру одну позицию за другой. Англичане и французы бездействовали, когда он вводил войска в Рейнскую область, оккупировал Австрию, Чехию, Мемельский край. Реальные шаги для пресечения германской экспансии предлагал только Советский Союз, но в Лондоне и Париже с ним не захотели считаться.

Гитлер, не видя реального сопротивления своим захватническим планам, становился все более наглым и раз за разом добивался того, чего хотел. Апофеозом попустительства ему стала Мюнхенская сделка, обвалившая систему коллективной безопасности в Европе и ставшая тем «спусковым крючком» мировой войны, роль которого «корректировщики истории» сейчас приписывают советско-германскому пакту о ненападении. Мюнхенский сговор стал, по сути, политическим альянсом между Германией и Англией, грозившим СССР не только внешнеполитической изоляцией, но и войной.

Британская дипломатия не для того соглашалась на захват Гитлером Австрии и Чехии, чтобы всего лишь «умиротворить» его. Лондон рассчитывал направить гитлеровскую экспансию против Советов. Что это отнюдь не гипотеза, подтверждают опять же дневники Геббельса, который писал об английском премьер-министре Чемберлене, организаторе Мюнхенского сговора: «Он считал, что настоящий враг Европы — не рейх, а Советский Союз»⁵. А когда после вторжения немцев в Польшу Бри-

тания вынуждена была объявить войну рейху, Геббельс показал, как эта война выглядела в реальности: «На западном фронте настоящая идиллия. ...Удивительнейшая война в истории. Мы были готовы к худшему»⁶.

Политика, проводимая западными державами, толкала Советский Союз на компромисс с немцами. В Кремле знали о человеконенавистнической сущности нацистской идеологии и о захватнических планах нацистского режима. Означало ли это, что Сталин должен был отвергнуть всяческие контакты с этим режимом, пойти на конфронтацию с ним? Нужно ли было «чистоту идейных риз» ставить выше безопасности советского народа? В сложившейся ситуации такой подход был бы неразумным. У СССР появился шанс отсрочить начало войны, и воспользоваться им было насущной жизненной необходимостью. Резерв времени нужен был для перевооружения и технического переоснащения армии.

Те, кто демонизирует советско-германский пакт о ненападении, не видят или намеренно обходят вниманием очевидные факты: до определенного момента тема подписания пакта не имела для Советского Союза особой остроты, поскольку общей границы с Германией у него не было. Ситуация стала ускоренно меняться по мере нарастания напряженности в отношениях Германии с Польшей, когда стало ясно: дело идет к войне между ними и, если вермахт завоеует Польшу, то выйдет к советским границам.

К августу 1939 г. нападение Германии на Польшу стало неотвратимым. Помочь полякам могло создание коалиции с участием Англии, Франции и СССР. В Москве велись переговоры английской, французской и советской военных делегаций. Условием заключения антигитлеровского договора являлось согласие Польши пропустить через свою границу Красную Армию для боевых действий против вермахта, но польская верхушка отказалась от такого шага, заявив, что «никогда не позволит

русским занять те территории, которые Польша забрала у них в 1921 г.»⁷. Отказ Польши пропустить советские войска для ее же защиты привел к срыву переговоров между СССР, Англией и Францией. Советский Союз оказался перед выбором: остаться в изоляции или пойти на заключение пакта с Германией. В Кремле выбрали то, что больше соответствовало интересам страны, что в тот момент хоть как-то обеспечивало ее безопасность.

Понятно, что, подписывая пакт, гитлеровцы преследовали собственные цели, далекие от миролюбия в отношениях с СССР. Пакт нужен был им, чтобы всей германской мощью обрушиться на европейские страны, овладеть их ресурсами, после чего форсировать подготовку к нападению на Советский Союз. Поведение нацистской верхушки определяли оперативно-тактические пасьянсы. Ни о каком «честном партнерстве» и тем более об «искренней дружбе» с большевиками они не помышляли. Сразу после нападения на СССР Геббельс отметил в дневнике: «Сотрудничество с Россией являлось пятном на нашей чести. Теперь оно будет смыто. Фюрер говорит: правдой или неправдой, но мы должны победить. А когда мы победим, кто спросит нас о методе? У нас и без того столько всего на совести, что мы просто обязаны победить, иначе будем стерты с лица земли»⁸.

Подписав с Советами пакт о ненападении, гитлеровцы относились к нему как к прикрытию далеко идущих стратегических целей и намерений. Разумеется, они скрывали свое истинное отношение к Советскому Союзу. Лишь Геббельс по многолетней привычке доверял дневнику свои тайные мысли: «У фюрера нет для Москвы ничего, кроме презрения. Россия всегда будет нам чужда. Сообщество недочеловеков... Нам придется изгнать эту азиатчину из Европы, загнать ее в Азию, где ее настоящее место. Однажды нам придется рассчитаться с Россией»⁹.

Уже через пять дней после разгрома Франции Гитлер приказал разработать

план вторжения вермахта на советскую территорию, а из ведомства Геббельса полились потоки дезинформации. 18 июня 1941 года он поведал в дневнике: «Маскировка в отношении России достигла кульминации. Мы наполнили мир потоком слухов, так что самому трудно разобраться. Наш новейший трюк: мы намечаем большую мирную конференцию с участием России»¹⁰.

Ложь была орудием подготовки гитлеровцев к войне против СССР, ложь стала инструментом порабощения советского народа. После начала войны в занятых немцами регионах «промывка мозгов» велась безостановочно. Верхушка рейха рассчитывала привлечь на свою сторону тех, кто пострадал от классовых чисток, раскулачивания, ущемления прав по политическим или иным мотивам. Частично расчеты нацистов осуществились: во многих оккупированных городах и селах им удалось создать полицейские службы из местного населения; были сформированы эсесовские дивизии на Западной Украине и в Прибалтике; был проведен набор во власовскую армию. Однако эти факты вполне согласуются с тезисом о патологической лживости нацистов, которая проявлялась сплошь и рядом, особенно — в разыгрывании «национальной карты».

Гитлеровцы сделали ставку на разжигание межэтнических конфликтов и сепаратизма среди народов Советского Союза, которым обещали «освобождение от большевистского ига». Их ухищрения дали результаты: в Крыму, на Украине, в Прибалтике, в отдельных местах Кавказа проявился коллаборационизм. Но суть в том, что нацисты никому дарить суверенитеты не собирались. Об этом ясно свидетельствует один из документов министерства восточных территорий, в котором говорилось: «Горцы по натуре очень доверчивые. С ними работать легче, чем с другими национальностями. Нам надо хорошо вооружить местных бандитов, передать им важные объекты до прихода германских войск. Когда Грозный,

Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем установить на Кавказе оккупационный режим, а когда в горах наступит спокойствие, всех горцев уничтожим»¹¹.

В секретных директивах Гитлера подчеркивалось, что Прибалтика, Крым, Поволжье напрямую войдут в состав Третьего рейха. Уже в июле 1941 г. он заявил о необходимости выселить из Крыма все местное население, чтобы сделать полуостров «немецкой Ривьерой». Солдатам и офицерам, отличившимся на Восточном фронте, выдавались лицензии, по которым они после войны должны были получить имения и виллы в Крыму или в Прибалтике¹².

При всей идеологической неприимости нацистов к большевизму, их главной целью было уничтожение нашей страны, выталкивание ее из истории. Они замахивались не столько на большевизм, сколько на историческое бытие народов Советского Союза. Война против СССР изначально планировалась как война на уничтожение. Задолго до восточного похода вермахта Геббельс записал в своем дневнике: «Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли»¹³. Тем, кто уравнивает СССР с нацистской Германией, следует напомнить: нацисты «вдохновлялись» доктриной расового превосходства германцев над остальным миром. Объявив другие народы «неполноценными» и «второсортными», они присвоили себе «право» истреблять их. План «Ост», разработанный под руководством таких фанатиков нацизма, как Гиммлер и Розенберг, содержал «квоты» и «разрядки» по ликвидации или радикальному сокращению народов СССР. К реализации этого людоедского плана гитлеров-

цы приступили с первых же дней войны, массово расстреливая мирных жителей, тысячами сжигая села и деревни, строя лагеря смерти.

На фронтах и в тылу советские люди отстаивали главную человеческую ценность — возможность жить на Земле. Они понимали: проиграть эту войну им нельзя. Мужество и героизм в борьбе со зловещим врагом были проявлены представителями всех народов СССР — русскими, украинцами, армянами, осетинами, белорусами, евреями, башкирами, казахами, чувашами и многими другими. Особенного восхищения в дни кровопролитных боев с гитлеровской армией заслужили сыны Татарстана, среди которых более двухсот тысяч были награждены орденами и медалями, а две с половиной сотни самых храбрых из них стали Героями Советского Союза.

В сознание и советских людей, и граждан нынешней Российской Федерации Великая Отечественная война вносит большой букет глубоких смыслов, где кроме идеологического есть не менее важные смыслы — пространственно-геополитический, культурно-цивилизационный, религиозно-метафизический. Несмотря на неисчислимые лишения и трудности войны, Победа над нацизмом воспринималась и продолжает восприниматься в нашей стране как преодоление вселенского зла, как торжество высшей правды. Поползновения тех, кто хотел бы принизить значение подвига, свершенного нашими дедами и отцами в Великой Отечественной войне, должны восприниматься как показатель нравственной ущербности и интеллектуальной недостаточности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сараскина Л. Вечно проклятое прошлое // Литературная газета. — 2005. — 13–19 апреля.

² Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь: новейшее справочное издание. — М., 2009.

³ Цит. по: Ржевская Е. М. Геббельс: портрет на фоне дневника. — М., 1994. — С. 300.

⁴ Цит. по: Ржевская Е. М. — Указ. соч. — С. 247, 250–259, 263, 301.

⁵ Геббельс Й. Дневники 1945 г. Последние записи / пер. с нем. — Смоленск, 1998. — С. 171.

⁶ Цит. по: *Ржевская Е.М.* – Указ. соч. – С. 212.

⁷ Цит. по: *Широкорад А.Б.* Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. – М., 2007. – С. 716.

⁸ Цит. по: *Ржевская Е.М.* – Указ. соч. – С. 264.

⁹ Там же. С. 222, 225, 234, 235.

¹⁰ Там же. С. 267.

¹¹ У истоков правда одна // Грозненский рабочий. 1989. 2 февраля.

¹² *Ржевская Е.М.* – Указ. соч. – С. 293, 326.

¹³ Там же. С. 211.

Аннотация

В последние годы профессиональные историки объединяются с целью не допустить ревизии итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн, которая неизбежно приведет к умалению значения великой Победы, принижению решающего вклада Советского Союза в разгром гитлеризма. Настоящая статья посвящена развенчанию сомнительных мифов о войне, наиболее активно внедряемых в общественное сознание в последние годы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Победа советского народа, ревизия итогов войны, мифы о войне.

Summary

Recently professional historians have united not to allow the revision of the results of the Second World War and the Great Patriotic War which is sure to lead to derogation of the significance of the great Victory, humility of key contribution of the Soviet Union to the defeat of Hitlerism. This article is devoted to discrediting doubtful myths about the war, which have recently been introduced in the public consciousness.

Key words: the Second World War, the Great Patriotic War, victory of the Soviet people, revision of the results of the war, myths about the war.

УДК 355:94 “1939/1945”

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: НА ОСТРИЕ ДИСКУССИЙ

О.Л. Малышева, кандидат исторических наук, доцент Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

Годы отделяют нас от Великой Отечественной войны, но дискуссии вокруг основных ее событий только набирают оборот. В нашей стране акцент делается на трагедии 1941 г. При этом предыстория и начальный период Великой Отечественной войны дают нам так много разноречивых фактов и сведений, что они становятся доказательной базой для многообразных, часто взаимоисключающих, версий. Сегодня наиболее растиражированными являются следующие версии.

Версия 1 – Сталин сам готовил войну против Германии и Гитлер просто опередил его. Этот миф был впервые изложен в ноте министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 г. Почти 50 лет он был не востребован, но в постсоветское время его реанимировал Владимир Резун, пишущий под псевдонимом Виктора Суворова и ставший автором нашумевших книг «Ледокол», «День-М», «Последняя республика». Версия о превентивной войне была подхвачена М.И. Мельтюховым, М. Солониным, А. Шубиным, В. Даниловым, В. Невежиным. В незначительных деталях перечисленные авторы могут быть не согласны с Резуном (Суворовым), но общий знаменатель один – превентивная война СССР. Так, М. Солонин настаивает на наступательной направленности стратегического развертывания Красной Армии, которое должно было завер-

шиться «не к 22 июня, а к другой дате. К одному из дней июля 1941 года...»¹. В доказательство своей версии Солонин приводит расширенное заседание 24 мая 1941 г. в кабинете Сталина, на котором присутствовало все высшее командование РККА. Встречи такого формата не проводились вплоть до начала войны, и это позволяет сделать Солонину вывод: «С очень большой долей достоверности можно предположить, что на этом, явно неординарном совещании утвержденный Сталиным план войны был доведен до сведения командования западных округов»². «Абсолютная завеса секретности, которой окутана тайна этого совещания»³, едва ли может служить достаточным доказательством гипотезы Солонина, но именно на нее автор и ссылается. Впрочем, приводятся и другие аргументы. Это сосредоточение пяти мехкорпусов и тяжелой артиллерии в районе Львовского и Белостокского выступов, откуда прямая дорога на Краков и Варшаву, «отсутствие приказа на введение в действие плана прикрытия», реализация которого мешала «нанести внезапный сокрушительный удар по немецким войскам»⁴. Однако даже сторонники превентивного удара вынуждены считаться с тем, что «соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на западе и востоке на 1940 и 1941 гг.» от 18 сентября 1940 г., как и другие документы военного пла-

нирования, говорят о наступательных намерениях противника. А значит, «советский удар нельзя нанести просто так, без учета угрозы нападения врага. И это – проблема для «наступателей», – пишет А. Шубин⁵. Впрочем, вслед за М. Солониным А. Шубин видит в стратегическом планировании ключ к разгадке трагедии 1941 г. По его мнению, Сталин ждал сосредоточения у границ с СССР наступательной группировки немецких войск, находящихся в стадии развертывания, чтобы нанести по ним сокрушительный удар. «Сталин стремился к тому, чтобы дождаться сосредоточения врага. Но если дождаться не выйдет – придется бить самим. Но это было уже не так выгодно Сталину, как рассчитанный контрудар... Сталин вероятнее всего имел и предельный срок, к которому Красная армия должна была ударить в любом случае, чтобы успеть до зимы. Например, 1 августа... или, скажем, 1 сентября, к началу осени (чтобы завершить кампанию к зиме)», – пишет А. Шубин⁶. Однако Гитлер, недооценив военную мощь СССР, сосредоточил для наступления слишком мало сил и Сталин не счел наступательную группировку немцев настолько опасной, чтобы ударить по ней. К тому же Сталин не верил, что Гитлер решится на блицкриг. Вновь вероятностный характер рассуждений автора, при котором под логическую схему подбираются одни факты при игнорировании других.

С критикой версии превентивного удара выступили А.В. Исаев⁷, С. Кремлев⁸, В. Литвиненко⁹, О.В. Вишнев¹⁰, доказывая передегеривание и подтасовку фактов, на которых строятся умозаключения «наступателей». При этом приводятся следующие аргументы:

– Доказательством об отсутствии намерения Гитлера нападать на СССР Суворов считает то, что Гитлер не заготавливал для армии бараньи тулупы и не перевел ее боевую технику на использование морозостойких смазок. В действительности отсутствие зимнего обмундирования и морозостойких сма-

зок в гитлеровской армии имело совсем другую причину – план «Барбаросса» предусматривал «блицкриг», и Гитлер вовсе не собирался воевать зимой. Гудериан вспоминал: «Предполагалось, что военная мощь России будет уничтожена еще до наступления осенней распутицы... По этой причине запасы зимнего обмундирования ограничивались из расчета, что на каждые пять человек потребуется только один комплект»¹¹.

– Об агрессивных намерениях СССР, по мнению сторонников превентивного удара, говорит расформирование Днепровской военной флотилии в 1940 г. и создание на ее базе Дунайской и Пинской флотилий с целью подготовки к походу на Румынию – «нефтяное сердце» Германии. Эти флотилии якобы нельзя было использовать для обороны, значит они – орудие агрессии. Но факты говорят о другом: Пинская военная флотилия приняла активное участие в боевых действиях в Полесье, под Бобруйском, Гомелем, в обороне Киева. Большинство кораблей погибло, заметим, в оборонительных боях.

– Важным аргументом «наступателей» является численный рост Советской Армии. Но он был обеспечен введением всеобщей воинской повинности уже 1 сентября 1939 г. Реформа позволяла в зависимости от ситуации то наращивать, то уменьшать размеры армии. В. Суворов считает, что реформа 1939 г. означала не что иное, как скрытую мобилизацию – армия выросла до 5 млн. Это потому, что Сталин уже в августе 1939 г. задумал напасть на Германию. Если на Германию не напасть, то «небывалый призыв 1939 г. предстоит отпустить по домам»¹².

Однако призыв 1939 г. распустили по домам уже после Польской кампании. По завершении советско-польской войны армия была сокращена с 528400 человек до 3273400 человек. А потом снова возросла во время советско-финской войны. Таким образом, с 1939 г. армия неоднократно сокращалась. При этом в случае войны по завершении полной мобилизации Вооруженные

силы СССР должны были составить 8,9 млн. человек¹³.

— Практически все «наступатели» утверждают, что советские войска выстраивались именно в наступательную группировку, причем масштаб перемещений войск был таков, что развернуть эту махину в обратном направлении было практически невозможно.

Однако ситуация была иной. Советские войска были рассредоточены по всей границе тонкой ниткой. Более того, ни один из мехкорпусов не находился в первом эшелоне. Все они были в тылу и удалены от границы зачастую на сотню километров. Мехкорпуса не были объединены в ударные группировки, напротив каждой армии прикрытия подчинено по мехкорпусу. Очевидно, их предназначение — контрудар и ликвидация возможного прорыва противника. Подобным образом войска располагаются в обороне. А. Исаев реконструирует плановый сценарий вступления СССР в войну с Германией: в период нарастания политической напряженности в отношениях с соседом войска приграничных округов постепенно усиливаются. В определенный момент, когда сохранять приготовления в тайне становится невозможным, нажимают «красную кнопку» и открыто объявляют мобилизацию. При этом обе стороны еще находятся в состоянии, когда ударные группировки у границы с соседом не сформированы. В приложении к реальным событиям 1941 г. это означает объявление мобилизации примерно 10 июня. Соответственно, до завершения сбора сил у границы стороны будут подвозить войска к границе, обмениваться авиаударами и совершать мелкие вылазки на территорию противника. Кто первым закончит формирование ударных группировок, тот первым перейдет в наступление.

Наряд сил на первую операцию состоял из трех групп:

— армии и подчиненные им соединения, постоянно находившиеся у границы;

— стрелковые корпуса, постоянно дислоцированные в глубине территории особого (приграничного) округа;

— армии внутренних округов¹⁴.

Немецкую армию встретили войска, дислоцированные у границы. При этом нацисты обладали одной, но плотной линией войск против трех тонких советских, разделенных сотней и более километров. Наконец, едва ли следует игнорировать свидетельства и с той стороны. После войны побежденные немецкие фельдмаршалы и генералы принялись за мемуары, в которых старались обелить свои действия, но никто из них даже не пытался оправдать нападение на СССР его агрессивностью в 1941 г. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн, генерал полковник Гот, бывший начальник разведывательного управления генерального штаба германских сухопутных сил генерал пехоты Курт фон Типпельскирх писали о невероятности стремления СССР к вооруженному конфликту с Германией по политическим и военным соображениям, отмечали, что советские войска были так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении были готовы только для ведения обороны.

Ну а что касается красной кнопки, то для того, чтобы нажать ее вовремя, требовались весомые основания. «Нажатие «красной кнопки» в мае 1941 г. таило угрозу попадания в щекотливую ситуацию: войска собраны, армия мобилизована, а противник не нападает. Что здесь прикажете делать? Нападать первыми? Возвращать армию в места постоянной дислокации? Последний вариант опасен тем, что противник, во-первых, может-таки напасть согласно собственным планам, а во-вторых, может запустить ответный процесс и также оказаться у границ с развернутой и мобилизованной армией»¹⁵. Сталин в 1941 г. находился в сложной ситуации. С одной стороны, опасность оказаться с неотмобилизованной и недоразвернутой армией вынуждала реагировать на любые изменения в обстановке. С другой стороны, проведение мобили-

зации и масштабных мероприятий по созданию на Западе группировки сил для первой операции могло привести к вступлению в войну без весомых на то оснований.

— Особое внимание Резун (Суворов) уделяет техническим аргументам, которые специалисты в области истории военной техники подвергли обструкции за их легковесность. Он то и дело принимает за чисто наступательное оружие технику двойного назначения. Это касается, например, танка БТ, который имел съемные гусеницы. На германских автострадах они должны были скинуть гусеницы и автомобильным порядком двигаться до Берлина. Однако СССР от германских автострад отделяла Польша, которая хорошими дорогами похвастаться не могла.

Такая же ситуация сложилась у Суворова с другими образцами «оружия победы». Самолет СУ-2, танки Т-34 и КВ были не чисто наступательным оружием и уж совсем не лишними в обороне.

Версия 2 была предложена А.Н. Осокиным. Ее суть: «Внезапное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. — превентивный удар Германии не по противнику, готовившемуся напасть, а по союзнику, вместе с которым, координируя свои действия, готовились к удару по третьей стране — Англии. Причем по союзнику, практически безоружному — не имеющему в частях боеприпасов и горючего, разоружившему (наверняка тоже в соответствии с договоренностью) укрепрайоны на старой границе»¹⁶. В силу договоренностей с Гитлером, Сталин был спокоен и уверен в том, что Гитлер по СССР не ударит. Концентрация советских войск на границе объясняется Осокиным тем, что они вскоре в эшелонах должны направиться через Европу к Ла-Маншу, чтобы участвовать в совместной десантной операции в Англии. Но Гитлер обманул Сталина, решив вначале покончить с Россией, а затем с Англией. Как и в предыдущих версиях, ссылок на источники нет, но это объясняется автором просто: дого-

воренности секретные, какие уж здесь документы.

А. Осокина также прибегает к сравнению технических характеристик. Он пишет о «плавающих» легких разведывательных танкетках Т-37 и Т-38, которые с его точки зрения должны были легко преодолеть Ла-Манш (морской пролив шириной 35–150 км), об истребителях МиГ-3, имевших статический потолок 7 км. А ведь «на такой высоте летали не немецкие, а английские бомбардировщики». Но это не совсем так, или, правильнее, совсем не так. Английские бомбардировщики «Веллингтон» и «Стирлинг» были маловысотными. Их статический потолок соответственно 5500 и 5200 метров. К тому же для перехвата бомбардировщика вполне хватило бы потолка любого истребителя.

Гипотеза А. Осокина, как и сторонников превентивного удара, является яркой и красиво скроенной, но бездоказательной. Между тем они также выводят нашу страну из числа победителей в Великой Отечественной войне и приводят в стан агрессоров — ведь сами наступать собирались, просто не успели либо были обмануты коварным «соратником» в лице Гитлера.

Версия 3. Игнорирование разведывательных данных Сталиным, что и привело к трагедии 1941 г. Версия эта, появившись во времена Хрущева, и сегодня находит сторонников. Так, Г. Городецкий пишет: «В распоряжении Сталина находились точные разведывательные данные о развертывании и намерениях немецких войск, полученные из различных источников»¹⁷. В книге «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз» Г. Городецкий формулирует целый список претензий к Сталину: «Сталин просто-напросто отказывался воспринимать сообщения разведки... Сталин не разрешил военным приступить к осуществлению планов обороны... Сталин оставался глух к просьбам Жукова приступить к осуществлению планов развертывания... Сталин явно растерялся, но отчаянно не хотел расставать-

ся со своим заблуждением... Сталин, по-видимому, гнал прочь любую мысль о войне, он потерял инициативу и был практически парализован»¹⁸. Ему вторит А. Бугаев, задавая вопросом: «Как же это всевидящий и непогрешимый друг всего прогрессивного на земле, культ личности которого якобы всего лишь «повлек за собой нарушения социалистической законности», прозевал сосредоточение у границ своего государства ударной группировки кровавого маньяка? И где же были остальные, олицетворявшие собой ум, честь и совесть нашей эпохи? Ответа нет»¹⁹. Впрочем, у Сталина в наше время появились «адвокаты» в лице сторонников превентивного удара. Так, М. Солонин пишет, что Сталин был абсолютно логичен в своей оценке сил противника, который не имел превосходства «в численности, в огневой мощи, в танках и авиации... У них не было даже минимального численного превосходства. Более того — наступающие (немцы) в разы уступали в численности обороняющимся»²⁰. Логика и здравый расчет, по мнению Солонина, и подвели Сталина, который «не смог предугадать, предусмотреть, поверить в то, что его огромная, оснащенная лучшим в мире вооружением армия — это всего лишь вооруженная толпа будущих дезертиров и военнопленных»²¹. Близка позиция и А. Шубина, который, констатируя неполноту и противоречивость разведывательных данных, говорит о переоценке Сталиным сил противника и сожалеет, что «Сталин допустил трагическую ошибку с датой удара. Если бы он не промедлил, а ударил за десять дней до нападения Гитлера, то вермахт попал бы под такой же сокрушительный удар, как Красная армия в реальности десять дней спустя»²².

Действительно, разведывательные данные были неточными и неполными, зачастую перемежались с дезинформацией, что не мешает некоторым исследователям вытаскивать из них цитаты в доказательство недалекости Сталина. При этом игнорируется весь документ в целом, который сводит на

нет версии, возлагающие всю ответственность за трагедию 1941 г. на Сталина. Примером может служить сюжет с сообщением источника в штабе германской авиации — Корсикаца. На донесении Сталин наложил нецензурную резолюцию, которую с удовольствием подхватила постсоветская историография. При этом документ полностью чаще всего историками не цитируется. А зря. Стала бы понятна резкость суждений Сталина, который усомнился, что «авторемонтные мастерские в Москве» и электростанция в Карелии («Свирь-3») могут стать объектами первого удара люфтваффе. Во-первых, это были второразрядные объекты; во-вторых — их удаленность от аэродромов немецкой бомбардировочной авиации до Москвы составляла более тысячи километров. А это значит, что немецкие бомбардировщики без истребительного прикрытия и с минимальным количеством бомб должны были провести над территорией страны с действующей системой ПВО целых шесть часов. Пример это не единственный. При этом следует учитывать, что Гитлер не раз неожиданно даже для окружения менял сроки реализации собственных приказов. Сроки наступления на Западном фронте в 1940 г. изменялись Гитлером более 20 раз.

Весьма интересна и правдоподобна точка зрения С. Кремлева²³, который отстаивает версию многоступенчатого зондажа, который провел Сталин накануне войны. В свете этого зондажа в истинном свете выглядит и заявление ТАСС от 14 июня 1941 г. о соблюдении СССР и Германией пакта о ненападении. Сталин заявлением ТАСС от 14 июня как бы предварял все последующие свои шаги. 18 июня 1941 г. он обращается к Гитлеру о срочном направлении в Берлин Молотова для взаимных консультаций, на что Гитлер ответил отказом, что означало одно — близость войны. Третьей фазой стала срочная воздушная разведка приграничной зоны с немецкой стороны, проведенная полковником Захаровым, который командовал 43-й истребительной авиа-

дивизией Западного Особого военного округа. С. Кремлев приходит к выводу, что Сталин был уверен в ближайшем начале войны уже 18 июня 1941 г., так как провел личный стратегический зондаж намерений Гитлера и перепроверил его результаты информацией полковника Захарова.

Версия 4. Сталин бросил страну на произвол судьбы и отсиживался на даче в Кунцево. Родоначальником этой лжи был Хрущев, написавший в своих «Воспоминаниях», что когда Сталину «стали докладывать о победоносном продвижении гитлеровских войск, тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, — его панический страх перед Гитлером. Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным... Уехал к себе на дачу, а потом некоторое время никого не принимал»²⁴. Это свидетельство, легко опровергаемое, и сегодня многими воспринимается как аксиома. И это при том, что сегодня, пусть и мизерным тиражом, опубликован «Журнал посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете». Анализ этого документа показывает, что 22 июня 1941 г. он принимал людей одиннадцать часов

подряд, почти сутки он находился на рабочем месте 23 июня, 5 часов 10 мин. — 24 июня, целые сутки — 25 июня. В первый же день войны на приеме у Сталина побывали Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков, Микоян, Каганович, Ворошилов, Шапошников, Ватутин и другие, впрочем не опровергнувшие ставшую расхожей с легкой руки Хрущева ложь.

Во всех вышеназванных версиях видится настойчивое желание внедрить идеи-вирусы (выражение С. Карамурзы), которые способны поколебать безусловное восприятие Победы как достижения страны и советского народа. Накануне юбилейной даты 65-летия Победы вновь актуальными являются слова В.В. Путина о порочности переписывания истории в угоду политической конъюнктуры: «Историческое полотно — это не дешевая репродукция, которую можно халтурно подретушировать. По желанию заказчика — убрать то, что не нравится или изменить тон, добавив светлых или темных красок. К сожалению, с подобными примерами перелицовки прошлого нередко приходится сталкиваться в наши дни»²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Солонин М. Фальшивая история Великой войны. — М., 2008. — С. 69.

² Солонин М. Фальшивая история Великой войны. — М., 2008. — С. 75.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Шубин А. Клещи Сталина // Трагедия 1941. Причины катастрофы: сборник. — М., 2008. — С. 232.

⁶ Шубин А. Клещи Сталина // Трагедия 1941. Причины катастрофы: сборник. — М., 2008. — С. 242.

⁷ Исаев А. Примитивная сложность катастрофы // 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. — М., 2009. — С. 5–31.

⁸ Кремлев С. 10 мифов о 1941 годе. — М., 2009.

⁹ Литвиненко В. Правда сталинской эпохи. — М., 2008.

¹⁰ Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. — М., 2001.

¹¹ Итоги Второй мировой войны. — М., 1957. — С. 117.

¹² Суворов В. День-М. Когда началась Вторая мировая война? — М., 1994. — С. 150.

¹³ Шубин А. «Клещи» Сталина // 1941. Великая Отечественная катастрофа. Итоги дискуссии. — М., 2009. — С. 688.

¹⁴ Исаев А. Примитивная сложность катастрофы // 1941. Великая отечественная катастрофа. — М., 2009. — С. 12.

¹⁵ Исаев А. Примитивная сложность катастрофы // 1941. Великая отечественная катастрофа. — М., 2009. — С. 15.

¹⁶ *Осокин А.* 22 июня 1941 года: новая версия // Трагедия 1941. Причины катастрофы. – М., 2008. – С. 124.

¹⁷ *Городецкий Г.* Миф «Ледокола». – М., 1995. – С. 17.

¹⁸ *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. – М., 2001. – С. 340.

¹⁹ *Бугаев А.* День «Н» – Неправда Виктора Суворова. – М., 2007. – С. 24.

²⁰ *Солонин М.* Фальшивая история Великой войны. – М., 2008. – С. 65.

²¹ Там же. С. 67.

²² *Шубин А.* «Клещи» Сталина // Трагедия 1941-го. Причины катастрофы: сборник. – М., 2008. – С. 241.

²³ *Кремлев С.* 10 мифов о 1941 годе. – М., 2009.

²⁴ *Хрущев Н.С.* Воспоминания. – С. 239–240.

²⁵ www.premier.gov.ru

Аннотация

В статье дается характеристика наиболее острых и дискуссионных вопросов истории начального этапа Великой Отечественной войны, споры по которым не затихают и сегодня. Автор обстоятельно анализирует и разоблачает мифы и версии, распространяемые отдельными псевдоисториками, призывает противостоять подобным ревизионистским попыткам заново «переписать» историю, чтобы не допустить искажения исторической памяти о войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дискуссионные вопросы, превентивный удар, ревизия итогов войны.

Summary

The article deals with the characteristics of the most controversial points about the history of the initial stage of the Great Patriotic War. Debates on this topic do not subside even nowadays. The author thoroughly analyses and exposes myths and versions disseminated by some pseudo-historians and urges to resist such revisionist attempts to «rewrite» the history not to allow distortion of the historic memory about the war.

Key words: the Great Patriotic War, controversial points, preventing blow, revision of war results.

УДК 355:94 "1939/1945"; 355:930

ВКЛАД ТАТАРСТАНА В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ОЦЕНКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ (НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

*А.Ш. Кабирова, кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ*

Изучение, обобщение исторического опыта советского народа по обеспечению Победы в Великой Отечественной войне являются сегодня ведущим направлением отечественной историографии. Прочный интерес к годам военного лихолетья неизменно сохраняется и среди исследователей истории Татарстана¹. За долгие годы сложилась республиканская историография данной проблемы: выпущены сотни книг, статей, брошюр. Различные аспекты темы стали предметом изучения в кандидатских и докторских диссертациях. В целом историографию истории Татарской АССР военных лет можно подразделить на несколько периодов:

1. 1941–1956 гг. — включает в себя два подраздела: годы Великой Отечественной войны и послевоенное время.

2. Вторая половина 1950-х гг. — середина 1980-х гг. — охватывает период после XX съезда КПСС до «перестройки» 1985 г.; условно это время историками тоже подразделяется, как правило, на два этапа, при этом хронологической гранью является 1964 г.

3. Вторая половина 1980-х гг. — по настоящее время — современный или новейший период.

Выделение основных этапов разработки темы позволяет выявить качественные характеристики и особенности изучения истории республики в годы Великой Отечественной войны в каж-

дый из обозначенных периодов, определить общие тенденции и раскрыть местные специфические отличия. Но при этом не следует забывать, что предложенная периодизация является весьма условной, так как каждый из исследователей при изучении своей проблемы, как правило, выдвигает собственную дифференциацию, при этом достаточно убедительно аргументируя обозначенную позицию².

Учитывая, что первые периоды историографии нашли достаточно полное и подробное отражение в работах многих специалистов военной темы (в этой связи напомним, что обстоятельный анализ трудов предшественников является практически обязательным элементом любой серьезной исторической работы), мы в своей статье предлагаем ограничиться характеристикой состояния и рассмотрением перспектив изучения истории Татарстана военных лет конкретно на современном этапе.

Начиная с 1985 г. историческая наука вступила в сложную и противоречивую фазу своего развития, когда процессы перестройки, гласности в экономической, политической и культурной сферах жизни общества вызвали потребность в переосмыслении многих явлений нашего исторического прошлого. Эти кардинальные изменения заложили предпосылки новейшего периода и в историографии Великой Отечественной

войны. В 1991 г., с распадом Советского Союза и сменой идеологической парадигмы, у российских специалистов появились более широкие возможности для выражения свободы научного творчества. Рассекречивание архивов и включение в научный оборот неизвестных документов из спецхранов позволили ученым выйти за рамки изначальной заданности параметров советской историографии, закрыть пробелы в освещении сюжетов военного времени, преодолеть былую конъюнктурность и тенденциозность в оценках происходивших в тяжелые годы войны событий.

В Татарстане современный этап историографии темы, как и в большинстве регионов, ознаменовался выходом достаточно большого количества трудов по истории республики военного периода. Рассмотрим эти работы, традиционно подразделив их на отражающие трудовые свершения и фронтовые подвиги татарстанцев.

Выход новых обобщающих книг и изданий по **тыловой проблематике** в центре³ сподвигнул историков Татарстана к продолжению изучения уже поставленных в региональной историографии вопросов, касавшихся различных проблем и аспектов создания экономического и культурного фундамента для разгрома врага, с новых позиций, а также к постановке ранее не исследованных тем. Основными научными центрами по изучению истории Великой Отечественной войны в республике являлись Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР, после его реорганизации (в 1997 г.) – Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан и Казанский государственный университет им. Ульянова-Ленина.

Примечательно, что идейным вдохновителем и наставником многих молодых исследователей в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова в 1990-х гг. являлся известный специалист по военной истории Татарстана З.И. Гильманов. Напомним, что именно ему принадлежит заслуга создания первых комплексных

монографий по истории республики периода Великой Отечественной войны. Еще в 1977 г. вышла книга ученого «Татарская АССР в Великой Отечественной войне», раскрывающая роль республики как важного тылового региона страны, в 1981 г. – его же работа «Трудящиеся Татарии на фронтах Великой Отечественной войны», посвященная боевым подвигам татарстанцев в разгроме фашизма⁴. Одновременно с З.И. Гильмановым тему вклада Татарстана в Победу на предыдущем этапе историографии детально разрабатывали коллеги и ученики З.И. Гильманова: А.М. Залялов, Р.А. Худякова, А.К. Айнутдинов, М.А. Пьянов, Ф.Ф. Ибрагимов, В.Ф. Телишев и многие др.⁵

В 1990-х гг. под научным руководством З.И. Гильманова был поднят новый круг проблем истории Татарстана военного периода. С.К. Хайрутдинов в своей работе «Печать Татарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» впервые в комплексном виде охарактеризовал всю периодику, издаваемую в республике в военные годы. Г.В. Мазитова рассмотрела деятельность творческих союзов Татарстана; материалы ее диссертации «Учреждения и деятели искусств ТАССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» позволили отразить широкую панораму светской культурной жизни в регионе. А.Ш. Асылгараева в исследовании «Женщины Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны» в целостном виде показала роль женщин республики в различных сферах жизни общества в военный период; при этом она впервые, пожалуй, в республиканской историографии заострила внимание на негативных последствиях, которые оказывали на женщин повышенные нагрузки во время работы в общественном производстве республики в 1941–1945 гг. Позже основные положения диссертации получили дальнейшее развитие в ее монографии⁶.

Одновременно много работ по военной теме защищалось в Казанском университете, правда, они в регио-

нальном плане, как правило, были шире и охватывали в целом поволжский материал. Так, З.С. Бузяков целью своей кандидатской диссертации определил исследование такого явления, как «дружба народов, являвшегося важным фактором Победы». Работа была построена на фактографической базе трех национальных автономных республик. Большое значение для всех поволжских историков имела диссертация Е.Л. Храмковой, впервые в 1987 г. проанализировавшей состояние историографии Великой Отечественной войны в Поволжье, что в значительной степени помогло выявить достижения и нерешенные задачи региональной историографии указанной проблемы и позволило определить круг неизученных вопросов. Позже она же подготовила докторскую диссертацию по историографии культуры России периода Великой Отечественной войны. Интересное исследование представил В.А. Попов, который задался целью изучить опыт использования трудового потенциала поволжской производственно-технической и научной интеллигенции в военный период. Впоследствии расширенные избранной темы послужило базой для подготовки докторской работы⁷.

Написанные после 1985 г. труды отличались гораздо более взвешенным подходом к рассматриваемым сюжетам, стремлением внести новые элементы в ранее «закрытые» темы, отразить некоторые особенности идеологической, производственной и социальной составляющих военных лет.

И все же, объективно оценивая историографию тылового Татарстана во второй половине 1980-х — 1990-е гг., следует подчеркнуть, что исследовательских работ, посвященных трудовому героизму жителей республики, в изучаемый период выпускалось значительно меньше по сравнению с предыдущими годами. На наш взгляд, свою роль здесь играли как объективные, так и субъективные факторы: к сожалению, уходили из жизни крупнейшие отечественные историки, в основном фронто-

вики, занимавшиеся этими вопросами, а молодежь, в свою очередь, мало интересовалась проблемами военной истории. Несомненное влияние на развитие исторической науки оказывало и общее неудовлетворительное социальное состояние всего общества. Напомним, что историки не только нашего региона, но и всей страны переживали тогда весьма непростое время. Ведь именно в 1990-е гг., с открытием «шлюзов гласности», под видом «рассекреченных» архивных документов на читателей «хлынул» поток новой информации в виде самых невероятных мифов и фальсификаций. На гребне антикоммунистической волны некоторые «деятели от науки» черной краской попытались вымарать и Победу советского народа. Под сомнение было поставлено самое святое — патриотизм и героизм советских людей, отстаивавших мир в жестокой схватке с фашизмом. Сегодня можно честно признать, что напор и страстность, с которой лжеспециалисты проповедовали тогда свои взгляды, вызвали определенную растерянность среди профессиональных историков. Потребовалось время, прежде чем появились серьезные работы ученых, в которых гнусным вымыслом были противопоставлены убедительные контраргументы.

Но несмотря на отсутствие в течение долгого времени (почти целое десятилетие) в республике исследований по новым проблемам, касавшихся тыла Татарстана, в 1990–2000 гг. выходили работы обобщающего характера, в которых в том числе был представлен и военный период. Это, прежде всего, учебные пособия для учащихся общеобразовательных школ по истории республики⁸. В указанных изданиях приводились уточненные на конкретный момент выхода книг статистические данные, частично обновлялась фактологическая база, включались извлечения из документов. Правда, в методологическом плане они мало чем отличались от работ, которые были опубликованы ранее.

Однако тогда же в Татарстане вышло несколько общих трудов, на наш

взгляд, весьма заметно позитивно повлиявших на развитие историографии истории республики военного периода. В них так называемые «новые веяния» проявились гораздо более отчетливо.

В 1997 г. в Казани увидел свет двухтомный сборник «На страже порядка», посвященный истории милиции Татарстана⁹. В первой книге издания в главе «По законам военного времени» рассматривается деятельность правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны. Впервые в республиканской историографии здесь поднимаются вопросы кадровых изменений, освещаются проблемы и задачи, поставленные перед сотрудниками в 1941–1945 гг. по обеспечению общественного порядка, приводятся конкретные примеры нелегкой службы милиционеров по борьбе с хулиганством, спекуляцией, бандитизмом и т.п.

В 1998 г. А.Ш. Кабировой было подготовлено учебное пособие «Республика Татарстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)»¹⁰. В нем в концентрированном виде раскрываются все основные проблемы военной истории республики: вопросы перестройки экономики на военный лад, вклад работников культуры и искусства в Победу, с учетом новых подходов к теме раскрывается социальное положение граждан.

В 1999 г. в Татарском книжном издательстве была издана монография И.Р. Тагирова «Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век)»¹¹. 7 глава книги непосредственно касается военного лихолетья. Автор глубоко проанализировал имеющийся в наличии статистический материал, дал объективную характеристику материально-бытовых проблем населения республики, показал взаимосвязь фронта и тыла, опираясь на документы, рисующие не только парадную, но и неприглядную сторону войны.

В 2000 г., к 55-летию юбилею Победы, редакция «Книга Памяти» выпустила солидное издание, повествующее о вкладе татарстанцев в дело разгрома

фашизма¹². Книга интересна тем, что наряду с известными фактологическими данными (представленными в основном по монографиям З.И. Гильманова) в нее включены выдержки из архивных документов, воспоминания ветеранов, заметки из периодики военного времени, исследовательские статьи ученых-историков. Здесь же приводятся последние сведения о боевых потерях Татарстана на фронтах войны, публикуются биографии Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы – уроженцев республики. К 65-летию Победы «Книгой Памяти» было подготовлено дополненное и обновленное издание данного труда.

В первое десятилетие XXI века, когда страсти, связанные со сложным временем потрясений и кризиса 1990-х гг., улеглись, проблемы истории тылового Татарстана начали изучаться более активно. Этому способствовало и включение в научный оборот новых источников. В 2005 г., к 60-летию Победы, вышел документальный сборник о работе оборонных предприятий в тылу республики «Татарстан – один из арсеналов победы», а в 2009 г. – сборник документов, рассказывающих о шефской помощи жителей республики Сталинграду и Сталинградской области после разгрома фашистских войск на Волге. Он так и называется «Татарстан – Сталинграду»¹³. Первый из них, на наш взгляд, является поистине новаторским. Дело в том, что в предыдущий период историографии войны при анализе общественного производства республики ученые были скованы рамками предоставляемых для изучения материалов. Документы предприятий тяжелого машиностроения (собственно оборонных) долгое время хранились в фондах архивов под грифом «секретно», в связи с чем историки приводили по данной отрасли лишь общие цифры, традиционно сосредоточивая свое внимание на работе легкой и пищевой промышленности. Новые рассекреченные источники, вводимые в научный оборот в указанном сборнике, позволяют оце-

нить мощный военно-промышленный потенциал республики, раскрыть развитие авиационной отрасли, приборостроения, судостроения, производства боеприпасов, что в целом убедительно подтверждает положение о том, что Татарстан в годы Великой Отечественной войны действительно являлся одним из важных тыловых arsenалов.

Кроме изучения ранее «закрытых тем» о развитии народного хозяйства страны, среди ученых все более набирал силу интерес к научным направлениям, связанным с человеческим фактором: социальной истории, психологии, демографии. Острую актуальность приобрели изыскания, посвященные военной повседневности.

В 2001 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны» Е.Г. Кривоножкина¹⁴. В этой работе автор впервые в республиканской историографии целый параграф посвятила происходившим в военные годы демографическим процессам, проследив изменение численности и состава сельского населения. На новых материалах раскрыта также социальная сторона жизни деревни, большое внимание уделено деятельности правоохранительных органов на селе, показаны место и роль религии, объективно рассмотрено состояние здоровья сельчан.

Необходимо особо отметить специальный сборник статей, изданный в Казанском университете к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, выпущенный по итогам прошедшей в рамках юбилейных мероприятий всероссийской конференции¹⁵. С докладами выступали ученые не только из Казани и городов Татарстана, но и из Москвы, Нижнего Новгорода, Сыктывкара и др. Конференция стала важным этапом в ходе переосмысления ряда проблем истории войны. Усилия ее участников были в основном сосредоточены на исследовании и интерпретации ранее не вводившихся в научный оборот документов. Привлечение новых источников

позволило отразить всю многомерность и многослойность «событий войны» в человеческом восприятии. Соответственно, новым прочтением отличаются и опубликованные в сборнике статьи.

В последние несколько лет в университете было защищено несколько работ по истории Великой Отечественной войны. Некоторые исследователи, например, Н.М. Галимуллина, Я.М. Поливанов¹⁶, рассматривая общие проблемы, не ставят задачей привлечение в целостном виде регионального материала, хотя отдельные фрагменты из истории республики военных лет в их работах, конечно, имеются.

Другие — решают поставленные в научном исследовании задачи непосредственно на республиканских источниках. Среди них следует особо выделить работы В.Т. Сакаева и А.Ю. Иванова. Диссертация В.Т. Сакаева посвящена анализу историко-демографических процессов в среде городского населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны¹⁷. Вслед за Е.Г. Кривоножкиной, проанализировавшей состояние сельского населения республики, В.Т. Сакаев попытался «закрыть» пробелы в республиканской историографии темы относительно городских жителей, и в своей работе автор подробно изучил основные демографические характеристики горожан: изменения в численности и структуре, связанные со смертностью, рождаемостью, брачностью и т.п.

Интересное диссертационное исследование подготовил и представил А.Ю. Иванов¹⁸. Он избрал в качестве темы своей работы эпистолярный жанр и попытался проследить, что и как могут рассказать нам и нашим современникам фронтовые письма участников войны. В качестве объекта изучения им были избраны письма фронтовиков и тружеников тыла Татарской АССР военного времени.

В настоящее время специалисты-историки продолжают разрабатывать новые проблемы и старые сюжеты (но с учетом новых подходов). Неиссле-

дованные страницы военной действительности находят отражение в статьях и брошюрах историков республики. В основном это — труды А.А. Иванова, А.Ш. Кабировой, В.Ф. Телишева, И.А. Гилязова, Е.Г. Кривоножкиной, В.Т. Сакаева. Историки республики открывают для себя и читателей проблемы, связанные с анализом общественно-политической ситуации, массовых настроений граждан в регионе, отражением состояния трудовых отношений и трудовой дисциплины, эволюции государственно-конфессиональных взаимоотношений и т.п.¹⁹

В целом анализ исследованной литературы убедительно свидетельствует о том, что на сегодняшний день назрела необходимость в создании комплексного труда, где бы на новой документальной базе, с учетом новых подходов к теме была написана подлинная, взвешенная, объективная история тылового Татарстана военного времени.

Гораздо более активно в современный период историографии в республике разрабатывалась **фронтная** проблематика. В этом отношении, прежде всего, необходимо отметить огромную военно-патриотическую работу редакции «Книга Памяти», созданной в преддверии 50-летнего юбилея Победы при Кабинете Министров Татарстана. Основной ее задачей, как видно из названия, была определена подготовка многотомного труда, в котором должны были быть увековечены имена всех погибших на фронтах войны солдат и офицеров, уроженцев Татарстана и призванных военкоматами республики.

Главным редактором новой структуры был назначен Р.Р. Идиатуллин, в составе редакции работали А.А. Иванов, М.В. Черепанов, Ф.С. Хабибуллина и несколько сотрудников. В 1994 г. Р.Р. Идиатуллина на посту главного редактора «Книги Памяти» сменил А.А. Иванов.

По мере работы над книгой стало понятно, насколько это грандиозный труд. Каждый том издания был посвящен определенному району или городу

республики. Первый том увидел свет в 1993 г. За время 1993–2010 гг. было выпущено 27 томов этого скорбного мартиролога²⁰. В книгах нет описания подвигов, в них лишь краткие сведения о том, когда и где родился солдат, каким военкоматом призван, когда погиб, и, если удалось установить, место захоронения. Но эти скупые строчки заставляли сильнее биться сердца родных и близких бойца, когда они видели на страницах тома родное имя. Многие только из указанного издания смогли узнать, где следует искать останки погибшего фронтовика. За заслуги в поисковой и издательской деятельности коллектив сотрудников редакции в 2000 г. был отмечен Государственной премией в области науки и техники.

Завещание «Помнить всех поименно» в республике было выполнено. Кропотливая, титаническая работа составителей республиканской «Книги Памяти» позволила уточнить основные данные, касающиеся в целом участия татар и татарстанцев в вооруженной борьбе с фашизмом. Если ранее во всех работах, посвященных военному периоду, указывалось, что на фронт из республики было отправлено 560 тысяч человек, 87 тысяч из них погибли в боях с немецко-фашистскими захватчиками, то сегодня дополнено известно, что в годы войны в действующей армии сражались около 700 тысяч сынов и дочерей республики, более 350 тысяч из них (каждый второй) остались лежать на полях сражений²¹.

В 2010 г. основной труд редакции «Книга Памяти» был завершен, но сотрудники продолжили работу по новым направлениям: были изданы многотомник «Они вернулись с Победой» (списки возвратившихся солдат и офицеров, тоже представленные по каждому району республики); сборник биографического характера «Татарстанцы в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» и др.²²

В 2001 г. А.А. Иванов основные результаты своего многолетнего труда представил в виде научного доклада

на соискание ученой степени доктора исторических наук. За работу «Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» ему была присуждена степень доктора исторических наук²³. Несколько ранее ученый опубликовал монографию с аналогичным названием.

На современном этапе в республике в новом формате были переизданы также книги энциклопедического характера о Героях Советского Союза – уроженцах республики и полных кавалерах ордена Славы трех степеней²⁴. В 2000 г. Татарское книжное издательство выпустило хорошо оформленный и богато иллюстрированный энциклопедический справочник «Батырлар китабы» («Книга Героев») на двух государственных языках. В издании справочного характера собраны сведения о 378 Героях Советского Союза, жизнь которых связана с Татарстаном. Большинство из них родились в республике, являлись ее уроженцами. Другие – учились, работали либо какое-то время жили на ее территории. В книгу были включены и материалы о представителях татарского народа, живших за пределами Татарстана. К 60-летию юбилею Победы, по аналогии с предыдущей книгой, в издательстве «Книги Памяти» увидел свет двуязычный сборник «Кавалеры ордена Славы трех степеней» («Дан орденны тулы кавалерлары»), подготовленный и составленный В.В. Ивановой, который в значительной степени дополнял сведения о героях-патриотах, приводимых в ранее изданной книге 1986 г.

Традиционным направлением работы историков Татарстана является изучение не только региональных материалов, но и документов, связанных с этническим компонентом. Ученые и журналисты обобщают сведения о Героях Советского Союза – татарах по национальности, пытаются проследить путь воинов-татар в воинских формированиях. В частности, в 2007 г. была издана книга И.Ф. Исмагилова о Героях татарского народа. Как сказано в аннотации, его труд – это «первое издание, которое

освещает наиболее полный круг имен выявленных героев татарского народа в военное и мирное время»²⁵. Автор в целом виде представил список героев татарской национальности, доблестно проявивших себя и прославивших свой народ. В подготовленной И.Ф. Исмагиловым обобщающей работе приводятся биографические данные об участниках гражданской войны, о Героях Советского Союза, Героях Труда и Героях Социалистического Труда, кавалерах ордена Славы I, II и III степеней. Так, например, здесь еще раз подтверждаются сведения, ранее публиковавшиеся в других изданиях, о том, что Александр Матросов, как ранее писали в прессе, «русский чудо-богатырь», в действительности является Шакиржаном Мухаметжановым, уроженцем Башкортостана, татарин по национальности²⁶.

Несколько публикаций в республиканской историографии, особенно в канун юбилейных дат, было посвящено уточнению ряда известных фактов и положений отечественной историографии Великой Отечественной войны. В частности, бурное обсуждение среди населения вызвал вопрос о приоритете водружения Знамени Победы над рейхстагом. Согласно опубликованному в республиканских изданиях историческим документам, первыми, кто установил красный стяг над куполом рейхстага, была группа бойцов в составе: Г.К. Загитова, А.П. Боброва, А.Ф. Лисименко, М.П. Минина во главе с капитаном В.Н. Маковым. Татарстанских журналистов и историков особенно заинтересовал татарин (уроженец Башкирской АССР) Гази Загитов. Большой материал об этих событиях с богатой подборкой документальных свидетельств подготовил и опубликовал в журнале «Эхо веков» в 1995 г. его редактор Владимир Пискарев²⁷. В 1994 г. общественность Татарстана и Башкортостана возбудила ходатайство о присвоении подлинным героям звания Героя Российской Федерации, но оно не было поддержано Министерством обороны РФ. В канун 60-летия Побе-

ды в Великой Отечественной войне татарский писатель и журналист Рафаэль Мустафин снова вернулся к этому вопросу и, призывая восстановить историческую справедливость, в журнале «Татарстан» писал: «Ничуть не умаляя подвига М. Егорова и М. Кантария, надо все же вспомнить и об истинных героях. Это нужно не им — ибо большинства из них уже нет в живых. Это нужно всем нам»²⁸.

В современный период историографии было издано и значительное количество трудов обобщающего характера о фронтовых подвигах татарстанцев, причем состояние источниковой базы позволило объединить собранные за многие годы материалы как по территориальному принципу, так и по отраслям или видам военных специальностей, если условно обозначить. Например, в начале и в середине 2000-х гг. появились книги справочного характера о героях-фронтовиках — участниках Великой Отечественной войны на материалах Лениногорского, Бавлинского, Нурлатского районов республики, а также нескольких районов г. Казани: Кировского, Вахитовского, Приволжского²⁹. Все эти издания схожи между собой. Как правило, они содержат сведения биографического характера, фотографии, иногда воспоминания самих ветеранов. В масштабах районов такие книги, на наш взгляд, были важны не только с точки зрения увековечивания имен фронтовиков — защитников Отечества, но и имели огромный воспитательный эффект. Во-первых, принимавшие участие в их составлении школьники и студенты приобщались к поисково-патриотической работе; во-вторых, собранный материал значительно обогащал коллекции школьных и районных музеев, удачно вписываясь в имеющиеся экспозиции и выставки.

Достаточную популярность получили также так называемые тематические сборники, посвященные фронтовикам-железнодорожникам, нефтяникам, милиционерам, преподавателям университета и др.³⁰

Среди них выделим несколько работ. В 2000 и 2005 гг. вышли книги А.А. Иванова об авиаторах республики³¹. Это — документальные очерки, рассказывающие о летчиках, штурманах, техниках и механиках, стрелках-радистах, сражавшихся с фашистами на фронтах Великой Отечественной войны. В книгах представлены все авиаторы — Герои Советского Союза. По подсчетам автора, выходцами из Татарстана являются 46 человек. В предисловии к работе «Боевые крылья Татарстана» прославленный летчик М.П. Девятаев пишет о ней: «Со страниц книги перед нами встают смелые и сильные духом, беззаветно преданные Родине люди. Они свято верили в победу и мужественно приближали ее, совершая порой изумительные подвиги»³². Работа А.А. Иванова действительно написана чрезвычайно увлекательно, художественным и образным языком. С особым волнением читаются строки о бесстрашии и отваге А.П. Чулкова, Л.М. Соколова, Г.Р. Павлова. В книге приводится интересный факт о том, что, оказывается, эскадрилья, которой командовал наш земляк — ас неба — Фарит Фаткуллин, полностью состояла из Героев Советского Союза. В этом дружном коллективе сражались два казанца, два питомца Казанского аэроклуба. Фарит Фаткуллин — комэск, бывший рабочий фабрики «Светоч» (позже — «Заря»), и Борис Васильев — комиссар, бывший студент Казанского авиационного института. Майор Ф.М. Фаткуллин погиб в неравном бою на Сталинградском фронте.

Активно участвовали в войне юнги. Об этом рассказывает книга Ш.Х. Байгильдина «Шли юнги в бой»³³ — документальный сборник о воспитанниках Соловецкой школы юнг, созданной в 1942 г. для подготовки молодых кадров для флота. За три года Соловецкую школу юнг окончили более четырех тысяч человек, став артиллеристами, мотористами, электриками. Среди окончивших школу были казанцы: М. Валидов, Р. Гильфанов и др.

Одновременно при рассмотрении вопросов участия татарстанцев в вооруженной борьбе с фашизмом находят себе дорогу новые труды, отличные от всего того, что ранее было создано. Работа И.А. Гилязова особняком стоит в республиканской историографии военной темы, так как возможность свободно говорить и тем более писать о таком явлении, как коллаборационизм, появилась совсем недавно. Книга историка «На другой стороне» рассказывает о коллаборационистах из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. Долгие годы эта тема была запретной. Властные органы старались «замолчать» эту проблему, так как она никак не вписывалась в победные реляции военного времени. Автор книги, несколько лет проработав в немецких архивах, изучил все доступные источники. Его выводы и объективные оценки происходивших в годы войны событий и в целом указанного явления легли в основу труда. Основные положения, изложенные в данной работе, И.А. Гилязов впоследствии вынес на суд научной общественности и, успешно защитив их, стал доктором исторических наук. В 2005 г., расширив и дополнив предыдущее издание новой фактографической базой, включив в нее сведения о коллаборационистах других национальностей, ученый написал новую книгу «Легион «Идель-Урал»: представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха»³⁴.

По нашему мнению, этот труд наиболее убедительно свидетельствует о новых, качественных изменениях в историографии темы войны в современный период.

Традиционно много в изучаемое время выходило мемуарной литературы. Это направление развивалось чрезвычайно активно. Ветераны Великой Отечественной спешили донести до читателей свои впечатления и размышления о пережитом, рассказать о боевых товарищах, поведать о трагических и курьезных случаях из военной жизни.

Перечислим некоторые из опубликованных работ. Огромный резонанс в обществе имели воспоминания Героя Советского Союза М.П. Девятаева. Его книга «Побег из ада» переиздавалась пять раз. В 1988 и 2000 гг. в республиканском книжном издательстве вышли очередные дополненные издания. В 1990 г. увидели свет воспоминания ветерана-связиста И.И. Хайрутдинова «Нет, не забудет солдат...» и документальное исследование Ф.Д. Березина «По дорогам фронтовым». К 90-летию со дня рождения поэта-фронтовика Мусы Джалиля в 1996 г. вышла работа В.А. Кузнецова «Моя книга памяти: Дневник из долины смерти». В 1998 г. издательством «Отечество» к изданию был подготовлен труд бывшего командира взвода 1145-го стрелкового полка 353-й дивизии Ф.А. Галимова «Дороги солдатские» о боевом пути полка от Кавказских гор до Берлина. В 2000 г. были опубликованы мемуары ветерана Д.И. Черкасова «Война глазами сержанта». В 2001 г. — издана книга Ф.С. Султанбекова «Мужество останется в веках». В 2005 г. были переизданы записки военного летчика Г.Р. Павлова «В военном небе»³⁵.

В начале XXI века выходит также ряд коллективных сборников, авторами очерков в которых выступают фронтовики. В 2002 г. мемуары ветеранов авиационного института были обнародованы в виде книги «Этот день мы приближали, как могли...», в 2008 г. — изданы воспоминания преподавателей и сотрудников Казанского университета³⁶. К 60-летию Победы увидела свет работа «Назовем поименно» — документально-художественное издание о сотрудниках органов внутренних дел Татарстана, фронтовиках. Основу труда составили литературно обработанные воспоминания ветеранов, записанные в разные годы³⁷.

В 2003 г. Черемшанским мемориальным центром под руководством Н.С. Фролова был выпущен сборник фронтовых писем, воспоминаний, фотграфических документов «Все они

хотели жить»³⁸. В данной книге мемуары ветеранов особенно впечатляют, так как ее составители задалась целью показать не столько приукрашенную историю войны, сколько «величайшую трагедию народа».

Размышлениям ветеранов Татарстана, пытающихся оценить события тех далеких лет с позиций сегодняшнего времени, значительное место уделено и в книге «Я был на той войне великой»³⁹, авторами-составителями которой являются участники Великой Отечественной войны П.П. Лебедев и В.М. Даутов.

Отдельную группу трудов составляют книги, отражающие поисковое движение в республике. В обобщающем виде опыт татарстанского поискового движения в республике был представлен М.В. Черепановым в книге «Зачем живым Долина смерти?»⁴⁰ В ней автор рассказывает об истории этого патриотического движения, о создании первых «Снежных десантов», об экспедициях и походах его бойцов. Но труд М.В. Черепанова не только об этом. Будучи профессиональным журналистом, он много печатается в различных изданиях. Темы его публикаций весьма разнообразны. Многие из них собраны в указанной работе. На страницах книги нашли отражение вопросы методики архивной, агитационной, пропагандистской работы поисковиков, формы и методы исследовательской работы сотрудников «Книги Памяти», малоизвестные проблемы истории, размышления автора о судьбах волжско-уральских легионеров, о подвиге Мусы Джалиля и т.д. Книгу отличают яркий образный язык и глубокая эрудиция специалиста.

Необходимо отметить также трехтомное издание «Имена из солдатских медальонов», выпущенное в 2005–2008 гг. казанским издательством «Отечество»⁴¹. В него включены поименные биографические данные о 6410 военнослужащих, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, имена которых были установлены общественными поисковыми организациями в ходе проведения экспедиционных работ по местам боевых действий воинских подразделений.

Как видим, освещение ратных подвигов татарстанцев в годы Великой Отечественной войны в современный период в республиканской историографии войны получило адекватное отражение. Наиболее важными результатами стало создание многотомных трудов, увековечивавших имена героев, активизация издания мемуаров ветеранов, выход комплексных работ, освещающих поисковое движение в Татарстане.

Таким образом, подводя итоги изучению современной историографии истории республики периода Великой Отечественной войны, мы можем констатировать, что учеными Татарстана проводятся интенсивные исследования в этом направлении. С открытием новых возможностей расширяются горизонты научного поиска, вносятся коррективы в уже изученные проблемы, уточняются статистические данные и т.п. Методологический плюрализм, пришедший на смену единомыслию историков советской генерации, анализ новых архивных источников позволяют специалистам отойти от однозначных оценок военного периода и показать исторические процессы во всей их сложности, противоречивости и многогранности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В годы Великой Отечественной войны республика называлась ТАССР (Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика). После принятия Декларации о суверенитете 30 августа 1990 г. она стала именоваться Республикой Татарстан или Татарстаном. В связи с тем, что эти названия достаточно быстро прижились и прочно укоренились среди населения и, кстати, совершенно естественно воспринимались и в более ранние периоды истории, мы посчитали возможным в тексте статьи использовать оба варианта.

² Решая для себя проблемы периодизации, историки Татарстана опираются на труды признанных отечественных ученых и военных: А.М. Самсонова, П.А. Жилина, Г.А. Кума-

нева, М.А. Гареева, Г.А. Докучаева, Г.В. Серебрянской, Р.Р. Хисамудиновой, Ю.А. Перчикова и др.

³ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. – М., 1985; История советского крестьянства. В. 5 тт. Т. 3. Крестьянство накануне в годы Великой Отечественной войны 1938–1945 / отв. ред. М.И. Вылцан. – М., 1987; Очерки советской культуры в годы Великой Отечественной войны. – М., 1987; Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / отв. ред. Г.А. Куманев. – М., 1988; Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942–1943 / отв. ред. А.В. Митрофанов. – М., 1989; Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди / под общей ред. А.Т. Кинкульдина. – М., 1989.

⁴ *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне. – Казань, 1977; *Его же.* Трудящиеся Татарии на фронтах Великой Отечественной войны. Казань, 1981; *Его же.* Без сугышта юлбарыстан кочлебез (Мы в бою сильнее тигров). – Казань, 1984. На тат. яз.

⁵ *Заялов А.М.* Героизм комсомольцев и молодежи Татарии в годы Великой Отечественной войны. – Казань, 1975; *Худякова Р.А.* Коммунистическая партия – организатор всенародной борьбы за здоровье воинов Советской Армии в тылу в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1970; *Айнутдинов А.К.* Татарская фронтовая печать (1942–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1971; *Его же.* Летопись подвига. Исторический очерк по страницам фронтовых газет. – Казань, 1984; *Пьянов М.А.* Военное обучение населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1979; *Ибрагимов Ф.Ф.* Руководство татарской партийной организации профсоюзам республики в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1979; *Телишев В.Ф.* Героические подвиги советских воинов в боях по освобождению Курляндского полуострова (октябрь 1944 г. – май 1945 г.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1984.

⁶ *Хайрутдинов С.К.* Печать Татарии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989; *Мазитова Г.В.* Учреждения и деятели искусств ТАССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990; *Асылгараева А.Ш.* Женщины Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 г.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1991; *Кабирова А.Ш.* (Асылгараева А.Ш.). Женщины Татарстана на фронте и в тылу. – Казань, 1995.

⁷ *Бузяков З.С.* Дружба народов как важный фактор победы в Великой Отечественной войне (по материалам Марийской, Татарской и Чувашской автономных республик): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1987; *Храмкова Е.Л.* Вклад трудящихся Поволжья в победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (советская историография, 1941–1986): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1987; *Ее же.* Историография культуры России периода Великой Отечественной войны на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... докт. ист. наук. – Казань, 2009; *Попов В.А.* Мобилизация и использование трудового потенциала производственно-технической и научной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991; *Его же.* Опыт использования трудового потенциала специалистов и ученых в реализации государственной научно-технической политики в годы Великой Отечественной войны (на материалах Поволжья): дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1996.

⁸ *Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галлямова А.Г.* История Татарстана. XX век. 1917–1995 гг. IV часть: учебное пособие для общеобразовательной школы. – Казань, 1998; История Татарстана: учебное пособие для основной школы. – Казань, 2001.

⁹ На страже порядка. Книга первая. МВД Республики Татарстан. – Казань, 1997.

¹⁰ *Кабирова А.Ш.* Республика Татарстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): учебное пособие по курсу «История Татарстана и татарского народа». – Казань, 1998.

¹¹ *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). – Казань, 1999.

¹² Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Казань, 2000; Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. К 65-летию Победы. – Казань, 2009.

¹³ Татарстан – один из арсеналов победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов / под общ. ред. З.Р. Валеевой. – Казань, 2004; Татарстан – Сталинграду: сборник документов и материалов / сост. А.А. Иванов, Л.В. Горохова, В.Г. Хамидуллина, В.В. Иванова. – Казань, 2009.

¹⁴ *Кривоножкина Е.Г.* Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2001.

¹⁵ Татарстан в годы Великой Отечественной войны. Люди, события, память. — Казань, 2005.

¹⁶ *Галимуллина Н.М.* Советско-партийная пропаганда периода Великой Отечественной войны как проблема историко-политического анализа: дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2005; *Поливанов Я.М.* Ключевые образы Великой Отечественной войны в историко-политической мысли в условиях общественных перемен (конец XX — начало XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2009.

¹⁷ *Сакаев В.Т.* Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2008.

¹⁸ *Иванов А.Ю.* Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Республики Татарстан): дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2009.

¹⁹ *Кабирова А.Ш.* Социальная политика в годы войны и ее реализация в Татарии (1941—1945 гг.) // Россия в XX веке. Война 1941—1945 гг.: современные подходы. — М., 2005; *Ее же.* Влияние властных структур на массовое сознание населения в Татарстане в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Научный Татарстан. — 2009. — № 2; *Телишев В.Ф., Сакаев В.Т.* Особенности агитационных методов работы с населением при проведении кампаний помощи фронту в Татарской республике в 1941—1942 гг. // Татарстан в годы Великой Отечественной войны: люди, события, память. — Казань, 2005; *Иванов А.А.* Некоторые заметки к вопросу о коренном переломе в ходе Великой Отечественной войны // Московская и Сталинградская битвы — поворотные события Великой Отечественной войны: Материалы научно-практической конференции, июнь 2007, г. Казань, 2007; *Гилязов И.А.* Восточные легионы вермахта: причины и обстоятельства создания // Татарстан в годы Великой Отечественной войны: люди, события, память. — Казань, 2005; *Кривоножкина Е.Г.* Место и роль религии в жизни сельского населения ТАССР в годы Великой Отечественной войны // В поисках ответов: сборник трудов молодых ученых. Вып. 2. Елабуга, 2000; *Сакаев В.Т.* «Кто же будет драться против немцев за голодный паек...» (О массовых настроениях городского населения Татарской АССР в первые месяцы Великой Отечественной войны) // Эхо веков. — № 2. — 2006.

²⁰ Память (Сведения о погибших на фронтах Великой Отечественной войны жителей Республики Татарстан). В 27 т. Казань, 1993—2010.

²¹ Память. В 27 т. Т. 1. Казань, 1993. С. 4; *Гильманов З.И.* Трудящиеся Татарии на фронтах Великой Отечественной войны. — Казань, 1977. — С. 4—5.

²² Они вернулись с Победой. В 24 т. (Выход издания продолжается). — Казань, 2005—2010; Татарстанцы в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / авт.-сост. А.А. Иванов, Ф.С. Хабибуллина. — Казань, 2000; Они защищали Родину, 1941—1945 / авт.-сост. З.У. Тергулов. — Казань, 2002.

²³ *Иванов А.А.* Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: дис. в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора ист. наук. Казань, 2001; *Ее же.* Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Казань, 1998.

²⁴ Батырлар китабы (Книга Героев). — Казань, 2000; Кавалеры ордена Славы трех степеней = Дан орденның тулы кавалерлары / сост. В.В. Иванова; под ред. А.А. Иванова. — Казань, 2005.

²⁵ *Исмагилов И.Ф.* Герои татарского народа (научное издание). — Казань, 2007.

²⁶ *Исмагилов И.Ф.* Указ. соч. С. 71; Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1. М., 1987. С. 56; Татарский энциклопедический словарь. — Казань, 1999. — С. 347; Татар энциклопедия сүзлеге (Татарский энциклопедический словарь). — Казань, 2002. — С. 410, 446. На тат. яз.

²⁷ *Пискарев В.И.* Кто водрузил Знамя Победы над рейхстагом // Гасырлар авазы=Эхо веков. — 1996. — № 1/2. — С. 92—107.

²⁸ *Мустафин Р.* Рейхстагга Жину байрагы кем кадаган? (Кто водрузил Знамя Победы?) // Татарстан. — 2005. — № 4. — С. 49. На тат. яз.

²⁹ Книга памяти Лениногорского района Татарской ССР. — Лениногорск, 1992; *Тимин Т.* Так сражались бавлинцы. — Казань, 2000; *Гарипов Б.М.* Звон меча и молота — 2: книга-справочник. — Бавлы, 2005; Гордость земли Нурлатской. Кн. 1: Вспомним годы фронтовые / под ред. И.М. Галяутдинова. — Самара, 2005; Кировский район в годы Великой Отечественной войны / творческая группа под рук-вом Г.А. Мюллера. — Казань, 2000; Этих дней не смолкнет слава (сборник) / авт.-сост. Т.Т. Федорова и др. Казань, 2005; Казанцы — победе.

Вахитовский район / автор проекта и сост-ль Г.П. Бердников. — Казань, 2005; Они в Казани родились (аннотированный указатель Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы трех степеней, родившихся в г. Казани). — Казань, 2006.

³⁰ Железнодорожники Казанской магистрали в годы Отечественной войны (воспоминания, очерки). — Казань, 1995; Гиматдинов А.К. Всегда в строю: 1941—1945. — Альметьевск, 1995; Дятлова А.М. Тасмовцы Второй мировой (воспоминания, мемуары). — Казань, 2001.

³¹ *Иванов А.А.* Авиаторы Татарстана в годы Великой Отечественной войны. Казань, 2000; *Его же.* Боевые крылья Татарстана. — Казань, 2005.

³² *Иванов А.А.* Боевые крылья Татарстана. — Казань, 2005. — С. 3.

³³ *Байгильдин Ш. Х.* Шли юнги в бой. — Казань, 2005.

³⁴ *Гилязов И.А.* На другой стороне (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны). Казань, 1998; *Его же.* Военно-политический коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны: дис. ...д-ра ист. наук. Казань, 1999; *Его же.* Легион «Идель-Урал»: представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». — Казань, 2005.

³⁵ *Девятаев М.П.* Побег из ада. — Казань, 1988, 2000; *Хайрутдинов И.И.* «Нет, не забудет солдат...»: Воспоминания связиста. Казань, 1990; *Березин Ф.Д.* По дорогам фронтовым. — Казань, 1990; *Кузнецов В.А.* Моя книга памяти: Дневник из долины смерти. — Казань, 1996; *Галимов Ф.А.* Дороги солдатские: от Кавказских гор до Берлина (1941—1945). — Казань, 1998; *Валиев А.Х.* Записки военного прокурора. — Казань, 2000; *Черкасов Д.И.* Война глазами сержанта. — Казань, 2000; *Султанбеков Ф.С.* «Мужество останется в веках...». — Казань, 2001; *Концевой А.И., Лебедев П.П.* Бородино под Курском. (Из воспоминаний ветеранов Курской битвы). — Казань, 2003; *Павлов Г.Р.* В военном небе: записки военного летчика. — Казань, 2005.

³⁶ «Этот день мы приближали как могли...»: Из воспоминаний ветеранов войны / КГТУ (КАИ). — Казань, 2002; КГУ (Преподаватели и сотрудники КГУ — участники Великой Отечественной войны и труженики тыла). — Казань, 2008.

³⁷ Назовем поименно: к 60-летию Победы (посвящается фронтовикам — сотрудникам ОВД РТ). — Казань, 2005.

³⁸ Все они хотели жить: фронтовые письма, воспоминания, фотографии, документы из фондов Черемшанского Мемориального центра / сост.: Н.С. Фролов. — Казань, 2003.

³⁹ «Я был на той войне великой»: Великая Отечественная война в памяти и размышлениях татарстанцев / авт.-сост.: П.П. Лебедев, В.М. Даутов. Казань, 2005.

⁴⁰ *Черепанов М.В.* Зачем живым Долина смерти? — Казань, 2006.

⁴¹ Имена из солдатских медальонов. В 3-х т. / сост. М.Ю. Коноплев, Р.Р. Салахиев. — Казань, 2005—2008.

Аннотация

Предметом исследования в настоящей статье является отражение основных проблем истории Татарстана периода Великой Отечественной войны в современной исторической литературе. Автор анализирует наиболее заметные труды ученых по освещению ратных подвигов и трудовых достижений татарстанцев в военное время, характеризует приоритетные направления исследований историков, акцентирует внимание на спорных моментах, уточняет малоизвестные факты и положения отечественной историографии военной темы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Республика Татарстан, историография военной темы.

Summary

The main subject of investigation in this article is the reflection of the main problems of Tatarstan's history during the Great Patriotic War in modern historical literature. The author analyses the most remarkable works of scientists devoted to the feats and working achievements at the wartime, characterizes priority trends of historical investigations, accentuates controversial points, specifies little known facts and regulations of historiography of war subject.

Key words: the Great Patriotic War, the Republic of Tatarstan, historiography of war subject.

УДК 355:94

ТЕРРИТОРИЯ «ОСТЛАНД»: ПРИБАЛТИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ РОССИИ И СТРАН БАЛТИИ)

*Ю.З. Кантор, доктор исторических наук, профессор
всеобщей истории Российского государственного педагогического
университета г. Санкт-Петербург*

«С войной покончили мы счеты», — эта стихотворная строчка и 65 лет спустя после Победы не стала реальностью. Парадокс новейшей политической истории — память о войне не объединяет народы, а служит предметом раздоров. Характерно, что в ряде регионов постсоветского пространства ныне избегают употреблять дефиницию «победа», предпочитая ей «окончание войны». Замалчивание, а порой и сознательное искажение в советское время многих важнейших событий 1941–1945 гг. и предвоенных лет, стало миной замедленного действия. Советская аннексия Прибалтики, получившей независимость после 1917 г., в 1940 г. на основании секретных протоколов пакта Молотова–Риббентропа насильственное включение этих территорий в состав СССР и последовавшие за этим массовые репрессии (всего в трех республиках к 17 июня 1941 г. было арестовано — 14467 чел.; выслено — 25 711 чел.; в общей сложности репрессировано — 40178 чел.)¹, отмена частной собственности и прочие прелести сталинской советизации закономерно вызвали резкое неприятие большей части населения. Именно потому нападение фашистов на нашу страну здесь многие, увы, воспринимали как путь к освобождению. Чем умело воспользовался гитлеровский агитпроп, позиционировавший нацистскую оккупацию Прибалтики как

«освободительный поход против большевизма». И ныне в Вильнюсе, Риге и Таллине реанимируется привнесенная на эти территории в 1941 г. идеологема о том, что их оккупация нацистами есть путь к освобождению от Советов, а борьба под знаменами со свастикой против СССР представляется, таким образом, борьбой за независимость. Между тем в российских и прибалтийских архивах, а также в материалах новейшей историографии сохранилось достаточное количество документов об истинных планах Гитлера в отношении Прибалтики и населявших ее народов, позволяющих реконструировать картину происходившего в этом регионе в 1941–1944 гг.

Еще задолго до оккупации, 23 мая 1939 г., на собрании в рейхсканцелярии Адольф Гитлер однозначно заявил: «Для нас речь идет о расширении жизненного пространства и обеспечении снабжения, а также о решении балтийской проблемы. Продовольственное снабжение можно обеспечить только из районов с невысокой плотностью населения... Население негерманских областей не несет военной службы и поэтому должно использоваться как рабочая сила»². Литва, Латвия, Эстония, Северная Белоруссия, Ленинградская область (куда в то время включались и нынешние Новгородская и Псковская области) были объединены фашистами

в одно административно-территориальное образование — Остланд. Фюрер и его единомышленники относились к народам Прибалтики с опасливым презрением — для фашистов не была секретом массовая и эффективная вооруженная поддержка жителями Прибалтики большевистского режима, олицетворением которой стали знаменитые латышские стрелки. Например, количество членов РСДРП(б) в Эстонии с марта по октябрь 1917 г. выросло со 150 человек до 20 тысяч человек³ при общей численности Эстляндии менее миллиона человек — такой пропорции не было практически не в одном регионе Российской Империи. А на выборах в российское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. более 40% эстонского электората проголосовало за большевиков, а в Таллине и Нарве — более 50%⁴. В Латвии и территориях, позднее оформившихся как Литва, процент симпатизирующих большевикам был примерно таким же. В целом же по России большевики получили менее 25%, что и побудило их, не получивших большинства, разогнать только что избранный парламент). Не меньшую идеосинкразию фашистов вызывало резкое неприятие жителями прибалтийских территорий немецкой оккупации 1918 г., когда по Брестскому миру территории, принадлежавшие до первой мировой войны России, отошли кайзеровской Германии. Ведь эстонцы, латыши и литовцы пытались сопротивляться попыткам немецких рыцарств Эстляндии, Лифляндии и Курляндии включить эти провинции в состав Германии на правах Герцогства Балтийского, противодействовали прибалты и возвращению земель остзейским немецким баронам (земля эта была отнята у них в 1917 г.) и вывозу собственной сельскохозяйственной продукции в Германию.

Гитлер планировал присоединить Остланд к рейху на правах рейхсгау — области рейха. Имперское министерство востока должно было взять на себя внутреннее управление, а общее генеральное — комиссар по делам восто-

ка, подчинявшийся непосредственно фюреру. Имперские комиссариаты предполагалось создать по принципу провинциальных министерств рейха. Генеральные комиссариаты имели расширенные полномочия, соответствующие полномочиям глав самоуправлений в самой Германии, а областные комиссариаты планировалось построить по принципу ландратов — земельных советов.

«Выкачать из подчиненных областей все, что необходимо для германского государства и его вооруженных сил. Выполняя эти указания, нам нечего было считать с потребностями местного населения. Волей Адольфа Гитлера является превратить в будущем территорию восточных областей в составную часть Германии и заселить ее немцами. Мы должны были руководиться этими указаниями и постепенно их осуществлять» — таковы были задачи генеральных и областных комиссариатов⁵.

Для декорации были созданы и национальные «местные самоуправления». Эти «самоуправления» формировались немцами из максимально лояльных представителей коренного населения. Начальник СС и полиции в рейхско-миссариате «Остланд» обергруппенфюрер Фридрих Еккельн по этому поводу вспоминал: «Мне приходилось нередко сталкиваться с руководителями латвийского, литовского, эстонского «самоуправления»... Должен сказать, что все они были большими друзьями немцев. Эти люди имели только наши немецкие интересы и нисколько не думали о судьбе своих народов. Это были всего-навсего немецкие марионетки... Они считали, что если даже Германия и проиграет войну, то все равно будет очень хорошо, если они и немцы ликвидируют советских патриотов и особенно коммунистов, так как без коммунистов им будет легче продать свои народы другим сильным державам мира»⁶. По приказу рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера и рейхсминистра по делам восточных территорий Альфреда Розенберга для осуществления политики

германизации Остланда в конце 1942 г. начали функционировать учреждения Имперского комиссариата по укреплению немецкого народного духа и Центр по делам фольксдойче. Тогда же в Латвии, Эстонии и Литве были открыты переселенческие сельскохозяйственные школы — предполагалось, что после окончания войны представители титульных национальностей Прибалтики в качестве бесплатной рабочей силы будут обрабатывать плодородные поля Третьего рейха — в Баварии, Пруссии, Саксонии и т.д. Кстати, еще в 1939 г. начался отбор колонистов из немцев для переселения в Остланд и его «естественной германизации».

Гитлер не намеревался предоставлять суверенитет прибалтийским республикам. Он смотрел на эти территории как на место, подходящее для поселения там излишнего немецкого населения, заслуженных солдат и инвалидов войн. Это должно было обеспечить власть Германии на русской территории в далеком будущем. Местное население, как не поддающееся ассимиляции, должно быть эвакуировано, то есть выселено, и использовано на работах. «В связи с тем, что Прибалтика должна была быть заселена немцами, то ясно, что ими должны были руководить люди, преданные существующему строю. Гитлером было предусмотрено, что для заселения Восточных областей должны были привлекаться самые лучшие люди. О предстоящей работе, которая ожидала в Прибалтике, нам были даны подробные указания еще на курсах в Орденсбург-Кресенге. (Школа для командного состава вермахта, направляющегося в Остланд — Ю.К.) Гаулейтер, показывая на карте будущие границы Германии на Востоке, ясно сказал, что в наши задачи будет входить превращение этих областей в немецкую землю, в составную часть Германии⁷.

Для нацистов германизация означала освоение захваченных земель немцами с последующим «вытеснением» вплоть до полного физического уничтожения или «растворяющей ассими-

ляции». Пытаясь укоренить в народах оккупированных территорий немецкий язык, традиции, немцы неизбежно с течением времени смешивались бы с этими народами, что, по мнению гитлеровских идеологов, было вредно для чистоты расы. Стремясь германизовать оккупированные восточные регионы, нацисты планировали перевезти туда как можно больше немцев с территории рейха, непременно оберегая их от кровосмешения с местными жителями. При этом годных к ассимиляции «с точки зрения расы» местных жителей Литвы, Латвии, Эстонии надлежало переселить в Германию, а негодных — в отдаленные районы, на «русский Восток» или уничтожить. Разумеется, оккупированные территории должны были превратиться в области массовой немецкой колонизации. «Годных с точки зрения расы» было меньшинство — от 5 до 30% населения (максимальный процент «годных», т.е. близких к арийцам, фашисты выявили в Эстонии). Остальных надлежало «культурно ассимилировать» — посредством ограничения и последующего искоренения национальной культуры и насаждения немецкой, а также выделения из общей массы населения лиц немецкого происхождения (фольксдойче) и их «продвижения» на все социально и культурно значимые де-юре и де-факто посты⁸.

Первыми в Остланд должны были переехать немцы из Вестфалии и Баварии. В качестве компенсации за переселение на восток они должны были получить там земельные участки, многократно превосходившие по площади те, что имелись у них в Германии. И, конечно, по прибытии колонисты должны были получить себе дармовую прислугу из представителей прибалтийских народов. Напрасно местное население Литвы, Латвии и Эстонии надеялось на возвращение земли и имущества, национализированных Советами. В соответствии с директивами об «имущественном управлении Остландом» к весне 1942 г. все совхозы были взяты под немецкий контроль. В них

назначили управляющих — немцев, — и в будущем они должны были быть переданы в собственность новым постоянным хозяевам, разумеется, «арийцам». Крупные дома, которые были национализированы советским правительством, их прежним владельцам не возвращались и были зачислены в разряд так называемых домов Остланда. Управление ими осуществлялось исключительно представителями «арийской расы».

Все дома, принадлежавшие евреям, как и все их имущество, также были зачислены в имущество Остланда.

Разумеется, немедленно началось и «окончательное решение еврейского вопроса», в котором при активном содействии местного населения гитлеровцы на территории Прибалтики достигли отмеченных фюрером успехов — к 1944 г. эта территория была практически «свободна от евреев».

Балтийские народы в расовой иерархии нацистов значились в разряде «неперспективных». Осенью 1942 г. в Прибалтике начались антропологические исследования литовцев, латышей и эстонцев с целью выяснения как процента «годных с точки зрения расы» для германизации, так и подлежащих переселению на восток и уничтожению. Основываясь на этих «научных» исследованиях, специально созданная рейхсминистерством Восточных территорий комиссия подсчитала, что в Эстонии непригодными являются «всего» 25% коренного населения, в Латвии — около 50% (за исключением минимально пригодной «с точки зрения расы» Латгалии, где «непригодных» было более 65%), в Литве непригодных для германизации по фашистским меркам насчитали 70%⁹.

По мнению руководства отдела расовой политики рейхсминистерства Восточных территорий, главным препятствием германизации народов Балтии могла стать интеллигенция¹⁰. По этой причине уже в первые дни после оккупации Прибалтики немцы арестовали представителей интеллигенции, а также тех, кто, по их мнению, лояльно

относился к советской власти. В Латвии было арестовано 20 тыс. человек (преимущественно латыши), в Литве — столько же (большинство литовцы), в Эстонии — 10 тыс. человек (большинство эстонцы). Секретным циркуляром «директора просвещения» от 9 декабря 1941 г. приказано было изъять из библиотек все советские произведения за время с 1917 по 1941 г., национальную литературу за 1940 и 1941 гг., т.е. литературу «советского периода».

На площадях городов запылали костры, превращая в пепел сокровища национального творчества и европейской литературы. Писателям и поэтам не разрешали печатать свои произведения, многих из них фашисты заключили в концлагеря. «Неперспективным» народам надлежало «минимально уметь читать, писать и считать» — более высокая культура была, по мнению нацистов, не для них.

Перебравшийся в Германию в 1919 г. уроженец Риги рейхсляйтер Альфред Розенберг, рейхсминистр восточных территорий, был сторонником «предельно прагматичного» подхода к использованию Остланда. Штаб рейхсляйтера приступил к планомерному разграблению культурных и исторических ценностей Латвии, Литвы и Эстонии и вывозу их в Германию. Вначале имущество из Прибалтики доставлялось в рейх по железным дорогам, но когда в 1943 г. железнодорожное сообщение стало нерегулярным, а затем и вовсе прервалось с приближением линии фронта к Остланду, награбленное стали вывозить морским путем. Из одного только Рижского порта в 1943 г. ушло не менее 30 судов.

В Эстонии почти не осталось картин и скульптур национальных художников и скульпторов. Немцы вывезли в Германию более 10 тыс. произведений искусства. По приказу министра по делам восточных территорий были ликвидированы Рижская и Юрьевская (Тартуская) государственные библиотеки — в Германию вывезено несколько тысяч томов, точное количество утраченно-

го не установлено до сих пор. В Литве ситуация была не менее трагической. Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников: «17 марта 1943 г. гестаповцы оцепили здание старейшего Вильнюсского университета, разбили в нем статуи и орнаменты, изорвали картины, разграбили экспонаты, ценные учебные пособия, научную литературу, эпидиаскопы, электромоторы, станки и другое научно-вспомогательное оборудование; увезли в Германию 1743 грамма платины. В разгроме университета принимали активное участие немецкие «ученые» доктора Мюллер и Вульп. Такая же участь постигла и другой крупный литовский государственный университет и химический институт... Гебитскомиссар города Вильнюс Хингот присвоил и вывез из Вильнюсского государственного художественного музея ценные коллекции мебели, старинный фарфор, ковры, картины, гравюры и другое музейное имущество. Из этого же музея немцы похитили 40 ценных картин XIX и XX веков, 130 матриц очень редких гравюр на меди (XVII, XVIII, XIX веков), конкурсную модель проекта памятника Петру Великому скульптора Т. Крюгера. Генерал Рунау вывез ценные картины «Святое семейство» (мастерской Рубенса) и «Пейзаж» (Тенирса). Из библиотеки Академии искусств были похищены немцами 743 книги наиболее старинных и редких изданий, коллекции исторических золотых и серебряных медалей. Полному разгрому подверглись широко известные еврейские культурные учреждения: 1) Библиотека им. М. Страшуна; 2) Еврейский научный институт Академии наук Литовской ССР; 3) Историко-этнографический музей. 10 тыс. экземпляров старинных изданий XV, XVI, XVII веков были направлены в Берлин»¹¹.

Изначально гитлеровское руководство было категорически против призыва в армию представителей балтийских национальностей. «Неперспективные

народы» не имели права носить форму вермахта, их услуги принимались только при выполнении самой грязной работы – проведении акций уничтожения или в полицейских батальонах, охранявших тюрьмы, гетто и концлагеря. Так, инициатива латвийского «самоуправления» в феврале 1942 г. о создании национальных армейских корпусов была встречена раздраженным отказом. Еккельн, запросивший рейхсканцелярию о возможности привлечения латышей на службу в вермахт, получил такой ответ: «Фюрер не желает никаких воинских соединений из Прибалтики для использования их на фронте, так как после войны это привело бы к политическим требованиям с их стороны. Однако следует формировать возможно большее количество охранных батальонов для несения караульной службы на оккупированных территориях».

С 1942 г. фашисты начали насильно угонять на работу в Германию. Этим занимался так называемый отдел III рейхскомиссариата «Остланд», которому помогали руководители местных самоуправлений Литвы, Латвии и Эстонии. Рекрутированием занимались и подразделения группы армий «Север».

В Латвию, Эстонию и Литву из Берлина спускались планы по насильственной мобилизации рабочей силы. Эти планы через рейхскомиссариат поступали гебитскомиссарам (комиссарам областей), а также через местные «самоуправления» начальникам уездов. Последние при помощи своих аппаратов рассылали повестки каждому человеку, в которых предлагали в обязательном порядке являться в определенное время и в определенный пункт для последующей отправки на работу в Германию. Нарушение каралось либо денежным штрафом, либо арестом. Спущенный из Берлина план мобилизации рабочей силы на первую половину 1943 г. оказался настолько высоким, что гитлеровское руководство Остланда не смогло его выполнить: положение дел немецкой армии на Восточном фронте становилось плачевным, в результате

чего поток желающих трудиться для нужд рейха иссякал.

В качестве «особой чести» у представителей местного населения, включая детей, брали кровь для раненых солдат вермахта. Нормы по крови также спускались немецким руководством. Из свидетельских показаний на «Рижском процессе»: «Примерно в конце ноября 1942 г. эта «санитарная команда» СД вновь прибыла, и уже ранее зарегистрировавшихся вызывали и брали кровь от 600 до 1000 куб. см. Перед тем как брать кровь, СД и комендант лагеря Краузе обещали усилить питание и освободить «доноров» от работы, но ничего подобного не было, и люди, «отдавшие» кровь, совершенно были бессильными. Лично у меня было в этот раз взято 800 куб. см крови. Такие эксперименты «санитарной командой» в моем присутствии проводились более пяти раз, с охватом около 3000–3500 тыс. человек»¹².

После поражения в Сталинградской битве гитлеровцы были вынуждены поступиться «расовыми принципами» и «снизошли» до создания из местных жителей боевых частей: немцы начали формировать национальные батальоны ваффен-СС. Это преподносилось как «высокая честь и огромное доверие — наравне с немецким народом бороться против большевиков». Но даже при проведении агитационной кампании во время набора в эсэсовские формирования местным «самоуправлениям» было запрещено использовать клише «борьба за независимость». Современный эстонский учебник по истории сообщает: «Из первых добровольцев был сформирован батальон «Нарва», возможно, самое элитное из когда-либо существовавших эстонских подразделений. В 1943–1944 гг. он проявил незаурядную отвагу в боях на Украине... Эстонские и латышские добровольческие батальоны зачастую демонстрировали более высокий боевой дух, чем подразделения вермахта, хотя были вооружены хуже. Этих добровольцев немцы особенно эффективно ис-

пользовали в зимних и лесных боях»¹³. В Эстонии и Латвии, судя по немецким документам, мобилизация шла весьма неплохо, а Литва призыв саботировала.

Вот лишь характерный пример — письмо Фридриха Еккельна из Вильнюса в рейхсминистерство по Восточным территориям:

«За бойкот легиона СС в Литве выполнены следующие наказания литовцам: закрыты все высшие учебные заведения Литвы, три литовских советника гражданской администрации и 29 интеллигентов из разных слоев сопротивления арестованы и заключены в концлагерь Штуттгоф»¹⁴. В 1943 г. 15 тыс. латышей и 30 тыс. эстонцев было мобилизовано в ваффен-СС, под командование гитлеровских офицеров. Перед батальоном были поставлены следующие задачи:

а) уничтожение еврейского населения в Прибалтике и других оккупированных немцами советских районах;

б) массовое истребление мирного советского населения оставшегося на территории оккупированных советских районах немцами;

в) уничтожение русских военнопленных путем создания для них невыносимых условий в концентрационных лагерях;

г) массовое насильственное использование пригнанного мирного населения из оккупированных немцами зон Советского Союза, для создания укрепительно-оборонительных линий и сооружений;

д) уничтожение мирных сел и деревень на территории оккупированных немцами советских районов;

е) умерщвление психиатрических больных, находящихся на излечении в больницах-клиниках;

ж) вывоз в Германию промышленных предприятий, грабеж гражданского населения как в городе, так и деревне»¹⁵.

Несмотря на все усилия немецкого командования, удержать мобилизованных в войсках удавалось с трудом. Многие при первой возможности дезертировали. Особенно отличались литовцы.

Они бежали из казарм и скрывались в лесах, воюя и против фашистов, и против Красной армии. Но со временем и охранные батальоны стали активно использоваться в боевых действиях.

Мобилизация в армию никак не сказалась на планах по поставке рабочей силы в Германию. В 1943 г. фюрер лично распорядился «в максимально короткие сроки» отправить на работы из Остланда 200 тыс. человек. По этому поводу прошло экстренное совещание в рейхскомиссариате: «Заместитель рейхскомиссара Матизен: Если из Остланда снять 200 тыс. рабочих, то вся хозяйственная жизнь в Прибалтике заглохнет. Эстония и Латвия уже не могут послать в Германию ни одного рабочего, и есть только единственная возможность брать людей из Литвы, но и то только при помощи полиции. Рабочую силу можно вытащить из Белоруссии, что же касается русских, то с ними ничего не выйдет, так как их можно угнать в Германию только с применением жестоких мер, в результате которых русские быстро уйдут в леса»¹⁶.

Насильственный угон в Германию в документах именовался эвакуацией. После прорыва блокады Ленинграда и ее окончательного снятия 27 января 1944 г. ситуация в Остланде стала для фашистов и их пособников непопра-

вимой. И снова мобилизация на фронт и в немецкий тыл. «Добровольцев» в Латвии и Эстонии в сентябре—октябре 1944 г. нашлось примерно по 20 тыс. — они, как и мобилизованные литовские охранные батальоны, прикрывали отступление немецких войск. Но это уже ничего не меняло — гитлеровский Остланд перестал существовать менее месяца спустя. 24 ноября 1944 г. завершилась продолжавшаяся 71 день Прибалтийская наступательная операция советских войск, имевшая целью освобождение Литвы, Латвии и Эстонии от фашистов. В военных действиях участвовало около миллиона солдат и офицеров Ленинградского, 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов и Балтийского флота, сражавшихся против подразделений группы армий «Север» численностью более 700 тыс. человек.

Согласно акту судебно-медицинской экспертизы от 20 января 1946 г., проведенной советскими правоохранительными органами, на территории Прибалтики нацистами были убиты: в Латвии — 313 798 человек, в Литве — 666 273 человека, в Эстонии — 61 тыс. человек¹⁷. Вильнюс, Рига и Таллин лежали в руинах, промышленности не существовало, сельское хозяйство было уничтожено. Таковы были итоги «освободительной германизации».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956): Сборник документов. — М., 2008. — С. 43.

² МИД СССР. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. — Т. 2. — М., 1981. — С. 97.

³ *Адамсон А., Валдмаа С.* История Эстонии: учебник для гимназии. — Таллин, 2000. — С. 158.

⁴ Там же. — С. 159—160.

⁵ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т. 1. Протокол допроса арестованного Беккинг Александра от 03.12.1945 г. Л. 274.

⁶ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т.1 Протокол допроса арестованного Еккельн Фридриха от 21.12.1945 г. Л. 54.

⁷ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т. 1. Протокол допроса арестованного Беккинг Александра от 03.12.1945 г. Л. 273—274.

⁸ *Bubnis A. Vokieciu Okupuota. Lietuva (1941—1944).* — Vilnius, 1998. — S. 448.

⁹ *Bubnis A. Vokieciu Okupuota. Lietuva (1941—1944).* — Vilnius, 1998. — S. 450.

¹⁰ *Ibid.* S. 451.

¹¹ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т.18. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. – Л. 176–177.

¹² Там же. Л.134.

¹³ *Адамсон А., Валдмаа С.* История Эстонии: учебник для гимназии. –Таллин, 2000. – С. 214–216.

¹⁴ Архив Литовской Эмиграции. Ф. 8. Оп. 10, Д. 272. Информационное письмо Ф. Еккельна от 02.04.1943.

¹⁵ Там же. Л. 200.

¹⁶ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т. 1. Протокол допроса арестованного Еккельна Фридриха от 22.12.1945 г. Л. 68.

¹⁷ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313. Т. 18. Акт судебно-медицинской экспертизы о количестве убитых на территории Литовской и Эстонской ССР 20.01.1946 г. Л.119, 251.

Аннотация

В статье на базе новых источников, извлеченных из ранее секретных архивных фондов, рассматриваются основные проблемы, связанные с так называемой «освободительной германизацией» стран Балтии в годы Второй мировой войны. Тогда гитлеровская пропаганда позиционировала нацистскую оккупацию Прибалтики как «освободительный поход против большевизма». Автор убедительно доказывает несостоятельность надежд прибалтийских народов на послабления со стороны фашистов в виде предоставления им суверенных прав, раскрывает истинные планы Гитлера в отношении населявших Прибалтику народов.

Ключевые слова: Вторая мировой война, страны Балтии, территория «Остланд», оккупация, «освободительная германизация».

Summary

On the basis of new sources extracted from supra-confidential archival funds the article deals with the main problems connected with the so-called «emancipatory germanization» of Baltic countries in the Second World War. At that time Hitler's propaganda positioned Nazi occupation of Baltic States as «emancipatory campaign against bolshevism». The author proves the insolvency of hopes of Baltic people for the Fascists' indulgence as giving them sovereign rights and reveals Hitler's true plans concerning Baltic people.

Key words: the Second World War, Baltic States, «Ostland» territory, occupation, «emancipatory germanization».

УДК 355:338.245.01; 355.415

ТАТАРСТАН – ОДИН ИЗ ТЫЛОВЫХ АРСЕНАЛОВ ПОБЕДЫ

*А.А. Иванов, доктор исторических наук, главный редактор
редакции «Книги памяти» при Кабинете Министров РТ*

Известно, что планы Гитлера в войне с Советским Союзом базировались на молниеносности. Одним стремительным ударом вермахт рассчитывал парализовать Красную Армию. Первые успехи немцев подтверждали правильность их замыслов. И в самом деле, к ноябрю 1941 г. гитлеровцы захватили территорию, где до войны проживало 40% населения, выплавлялось более половины чугуна, стали и алюминия, добывалось 69% угля.

Военное и политическое руководство фашистской Германии считало, что с захватом значительной территории наша страна, лишившись материальной поддержки тыла, будет сломлена и Советский Союз рухнет. Однако в этих расчетах не все было учтено.

С первых же дней Великой Отечественной войны крайне неблагоприятный ход военных действий продиктовал необходимость немедленного перехода экономики и всей жизни страны на военный лад.

Главная цель военной перестройки народного хозяйства сводилась к тому, чтобы путем мобилизации всех внутренних ресурсов обеспечить в самые сжатые сроки максимальное увеличение выпуска оборонной продукции, добиться материально-технического превосходства Красной Армии над войсками фашистского блока, заложив тем самым прочный фундамент Победы над врагом.

В первые же дни войны была разработана конкретная программа мобили-

зации сил страны. Весь гигантский механизм государства перестраивался на военный лад. Уже к сентябрю 1941 г. экстренные мероприятия по мобилизационному развертыванию народного хозяйства были завершены. Необходимо было за короткий срок перевезти на восток заводы Белоруссии, Украины, Прибалтики, западных областей РСФСР. Это была нечеловеческой трудности задача. История мирового промышленного развития не знала ничего подобного. И, тем не менее, небывалая по размерам и срокам эвакуация фабрик и заводов из прифронтовых районов в глубокий тыл была успешно решена. Из всех вывезенных на восток предприятий в 1941 г. 226 разместились в Поволжье.

Английский публицист А. Верг в своей книге «Россия в годы войны» отмечает, что эвакуация промышленных предприятий, проведенная в нашей стране, была «подлинным массовым подвигом, равного которому нет в истории Второй мировой войны», что «это было чудом физической выносливости и самоотверженности, которое можно сравнить только с подвигами Красной Армии на поле боя».

И в самом деле, весь переход советской экономики на военный лад занял около года.

Лозунг «Все для фронта, все для победы» был определяющим в жизни тыла страны. Мощная промышленность была создана в Поволжье. Значительная ее часть находилась в Татарии. Она

стала одним из важнейших регионов по производству боевой техники. Заводы и фабрики, еще вчера выпускавшие мирную продукцию, перестраивались на производство оружия.

Особая страница военных лет эвакуация 70 предприятий из Украины, Белоруссии, Прибалтики, Ленинграда, Москвы, Воронежа, Харькова и других регионов страны. Эвакуация была столь значительной, что через месяц с начала войны в Татарии было размещено 47079 человек, а к декабрю общее число прибывших возросло до 266 тысяч. Эвакуированные размещались не только в Казани, но и в Тетюшах, Апастово, Буинске, Новошешминске, Чистополе, Билярске и других населенных пунктах.

По сравнению с довоенным временем население Казани увеличилось вдвое.

Большинство из 70 предприятий, эвакуированных в Татарию, обосновались в Казани. В их числе Московский авиационный завод им. С.П. Горбунова был размещен на территории авиазавода им. С. Орджоникидзе и через два месяца начал выпуск бомбардировщика Пе-2. За годы войны здесь было выпущено 10 тысяч боевых самолетов. До 1943 г. этот самолет был основной ударной мощью бомбардировочной авиации.

В Казани выпускались стратегические бомбардировщики Пе-8, опережавшие в то время лучшие образцы самолетов этого класса во всех воюющих армиях.

Создатель бомбардировщиков Пе-2, Пе-8 В. Петляков вплоть до своей трагической гибели в начале 1942 г. был главным конструктором 22-го завода.

На территории Казанской гужевой фабрики (ныне вертолетное производственное объединение) разместился авиационный завод из Ленинграда. Через две недели после прибытия он уже выпускал самолеты По-2, которые на фронте применялись как ночные бомбардировщики, самолеты связи и санитарные машины. Всего за годы войны было выпущено 11553 таких самолетов.

Каждый шестой боевой самолет, выпущенный в годы войны, получил путевку в небо в Казани.

Много продукции дала фронту легкая промышленность республики. За годы Великой Отечественной войны было пошито около одного миллиона шинелей, полтора миллиона плащ-палаток. Труженики легкой промышленности за каждый рабочий день одевали полк и обували дивизию. Одежды и обуви, изготовленной в Татарской АССР, было бы достаточно, чтобы снабдить трехмиллионную армию.

Завод «Серп и молот» освоил выпуск металлорежущих станков. Большие военные заказы получили заводы искусственной кожи, кетгутный, пишущих машин и др.

Меховой комбинат начал производство шапок-ушанок, рукавиц, унтов, шлемофонов для воинов. Комбинат «Спартак» освоил производство армейской обуви. Спасителями воинов называли врачи и сами раненые работников Казанского кетгутного завода. Это было единственное в стране предприятие, выпускавшее живительные кетгутные нити для зашивания ран. Производство кетгута в годы войны увеличилось более чем в пять раз. Это помогло спасти жизни многим тысячам раненых на фронте воинам, вернуть их в боевой строй и к труду в мирной жизни.

Единственная в то время в стране Казанская фабрика киноплёнки в короткий срок освоила выпуск аэрофотоплёнки для целей воздушной разведки. Производство ее было увеличено в четыре раза.

В Казани работало конструкторское бюро, где на положении «спецконтингента» трудились гении конструкторской мысли Сергей Королев, Андрей Туполев, Валентин Глушко и др.

В 1943–1944 гг. Сергей Королев — главный конструктор группы реактивных установок — вместе с Валентином Глушко создал ускоритель для самолета Пе-2. Около десятка предприятий Казани участвовало в создании различных компонентов для знаменитых «Катюш».

Только пороховой завод отправил для них на фронт миллион зарядов.

Крайне сложным было положение в сельском хозяйстве республики. Все мужское население призывного возраста было мобилизовано в армию. На нужды войны, особенно в ее первый год, были отправлены те немногочисленные трактора и автомашины, что имелись в хозяйствах. В колхозах, совхозах, МТС Татарии к концу 1941 г. оставалась всего одна автомашина из десяти, резко уменьшилось число лошадей — основной тягловой силы села. Планы сдачи сельхозпродуктов и внеплановые их изъятия свели до минимума оплату труда.

Но даже в этих тяжелейших условиях недоедания, непосильного труда, огромных моральных тягот, село поставляло из своих ресурсов на фронт хлеб, молоко, мясо, картофель.

Сельское хозяйство республики дало фронту 131 млн. пудов хлеба, 39 млн. пудов картофеля и овощей, 56 млн. пудов мяса, 200 млн. литров молока. Чего это стоило, знают те, кто жил в то время на селе. В распутицу и летний зной, под осенними дождями труженики многострадальной деревни пахали, сеяли и убирали урожай. Проводили бессонные ночи на фермах, валили деревья на лесозаготовках, работали впроголодь, но кормили солдат. Не имея света в домах, ночами вязали для них шерстяные носки и рукавицы, оставляя в каждом узелке теплоту своей души.

Уже в начале 1942 г. в республике не было ни одного завода, ни одной фабрики или мастерской, которые бы не выполняли заказы для фронта. Объем валовой продукции промышленности Татарии по сравнению с довоенным 1940 г. вырос в 1941 г. в 1,4 раза, в 1942 г. — в 2,4 раза, а в 1944 г. — в три с лишним раза. Снаряды и взрыватели, патроны и бомбы, авиационные приборы и парашюты, десантные суда, бронекатера и бронепоезда, средства связи, обмундирование и обувь, миллиарды патронов и миллионы снарядов — всего свыше 600 наименований изделий,

обеспечивающих потребности фронта, производил Татарстан в те годы.

Несмотря на все сложности военного времени, четко работали железнодорожники и речники республики, обеспечивая перевозку грузов для фронта и тыла. Через Казань шли почти все транспортные потоки из Сибири, Урала, Средней Азии и Дальнего Востока. Казань стала главной питающей артерией в период Московской, Сталинградской битв и в последующие годы.

За образцовое выполнение государственных заданий для фронта передовые коллективы крупных предприятий были награждены орденами Ленина. В их числе Авиационный завод им. Горбунова, Моторостроительный завод, Мехкомбинат, Льнокомбинат, Обувной комбинат «Спартак». Фабрика киноплёнки удостоена ордена Трудового Красного Знамени. Свыше 4200 гвардейцев тыла — ударников промышленности республики были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Трудовые коллективы Казани 144 раза завоевывали переходящие Красные Знамена Государственного Комитета Обороны.

Многих тружеников промышленности Казани и Татарии в суровые годы Великой Отечественной войны справедливо и гордо называли гвардейцами тыла. На всех предприятиях они по-боевому участвовали в движении двухсотников, тысячников, рационализаторов и изобретателей, соревновании молодежных фронтовых бригад.

В годы войны во всей стране шло широкое патриотическое движение за сбор средств в фонд обороны Родины, на вооружение Красной Армии, в котором активное участие принимали жители нашей республики. Так, в 1942–1944 гг. ими было внесено в этот всенародный фонд более 262 миллионов рублей. На собранные у нас средства из личных сбережений трудящихся были построены танковые колонны «Красная Татария» и «Колхозник Татарии», 102 самолета для авиадивизии «Совет Татарстаны» имени Верховно-

го Совета ТАССР, три бронепоезда, десятки самолетов было подарено молодежи республики единственному в вооруженных силах Комсомольскому Трансильванскому Краснознаменному авиаполку, над которым шефствовала комсомольская организация республики, а также бронекатера, бронепоезда и многое др.

В феврале 1945 г. по инициативе кайбицких хлеборобов развернулся сбор средств в фонд Победы. За короткий срок в него поступили десятки миллионов рублей.

Отдельные патриоты из Татарии передали в фонд обороны Родины значительные суммы. Одним из них являлся член колхоза «Кзыл-Юлдуз» («Красная Звезда») Мензелинского района Хази Ахметов. По примеру саратовского колхозника Ферапонта Головатого внес для приближения победы над фашистскими захватчиками 101 тысячу рублей. На эти деньги был построен самолет-истребитель и вручен на фронте лучшему летчику.

С чувствами любви и заботы о защитниках Родины участвовало население Татарии в сборе теплых вещей для воинов. Только в 1941–1942 гг. трудящиеся республики отправили фронтовикам 23 тысячи полушубков, 54 тысячи пар валенок, 59 тысяч телогреек и шаровар, 106 тысяч пар теплого белья и другой одежды.

Лечение раненых солдат — это статья особая. За годы войны в госпиталях Татарской АССР прошли курс лечения около 334 тысяч раненых и больных воинов, 207 тысяч из них были возвращены в строй. Это равносильно 20 полнокровным дивизиям.

Важную лепту в подготовку боевых резервов, кадров для фронта внес Осоавиахим Татарии. За годы войны в его клубах, секциях и кружках прошли военное обучение 186 тысяч человек. А в целом по республике в подразделениях Всевобуча, Осоавиахима и общества Красного Креста в 1941–1945 гг. подготовлено 350 тысяч бойцов по более чем 30 военным специальностям (летчики,

парашютисты, снайперы, пулеметчики, радисты, телефонисты, водители автомобилей, мотоциклисты, санитары и другие). Яркие строки в летопись Великой Отечественной войны вписали питомцы Казанского аэроклуба — одного из старейших в стране. Он был основан 3 мая 1933 г. и назывался тогда Центральным аэроклубом Осоавиахима СССР.

В предвоенные годы коллективом аэроклуба было обучено свыше 2000 летчиков, которые в авиационных школах и училищах Военно-воздушных Сил прошли летную переподготовку на истребителях, штурмовиках и бомбардировщиках — стали умелыми воздушными бойцами.

Многие летчики — осоавиахимовцы из Казани — мастерски громили врага на фронтах Великой Отечественной войны. За свои ратные подвиги они были награждены орденами и медалями, а 44 самых храбрых и отважных воздушных бойцов удостоились высокого звания Героя Советского Союза.

За высокие успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании, героизм в труде только в 1944 г. коллективам 22 предприятий промышленности Татарии были торжественно вручены Красные Знамена Государственного Комитета Обороны. Такое почетное Знамя навечно оставлено в коллективе, производящем самолеты По-2.

На вероломное нападение немецко-фашистских захватчиков большим патриотическим подъемом ответили работники науки и культуры Татарии.

Все научные силы республики переключились на решение государственных задач обороны. Эта работа велась в 14 вузах и 25 научно-исследовательских учреждениях, в которых трудились 1200 ученых и научных сотрудников.

Важные оборонные проблемы решали видные казанские ученые академики А.Е. Арбузов, Н.Г. Чеботарев, профессора Г.Х. Камай, Л.М. Миропольский, Х.М. Муштари, Л.И. Шулуток и др.

Так, выдающийся химик. Герой Социалистического Труда А.Е. Арбузов и

его сын академик Б.А. Арбузов синтезировали состав сильной горючей смеси. Наполненные ею бутылки являлись эффективным средством борьбы с фашистскими танками.

Не прекращалась работа и над фундаментальными проблемами. Именно в Казани Е. Завойским был открыт парамагнитный резонанс, положивший начало новому направлению в физике.

Разработка рецептур порохов, создание эффективных методик расчета аэродинамики самолетов и баллистики орудий, создание новых оптических приборов для танков и самолетов, синтез химических соединений, позволивших уменьшить вероятность применения боевых отравляющих веществ противником, отработка методики защиты кораблей от мин и торпед – все это лишь небольшая часть научных оборонных проблем, над которыми работали исследователи. Именно в Казани по заданию самого И.В. Сталина учеными был разгадан секрет кумулятивного (бронепрожигающего) снаряда.

Как правило, результаты научного поиска с ходу поступали для практического использования на предприятия и затем попадали на фронт.

Сделанные учеными научные прогнозы комиссией во главе с академиком Е.А. Чудаковым, а также труд рабочих-нефтяников позволили начать промышленное освоение нефтяных запасов республики. Большая нефть Татарстана, на многие годы ставшая стержнем экономики страны, началась с первой промышленной скважины в Шугурове в августе 1943 г.

И штыком, и пером отстаивали свободу и независимость Родины писатели Советского Татарстана. Это к ним целиком относятся строки поэта-фронтовика Александра Жарова: «Вместе жили, Родине служили острое перо и автомат. Фронтовую дружбу дружили журналист, писатель и солдат».

Уже в первые месяцы войны из 53 членов Союза писателей Татарии 25 ушли на фронт. Среди них были Муса Джалиль, Фатых Карим, Нур Баян,

Сибгат Хаким, Адель Кутуй и другие патриоты. Большинство наших поэтов и писателей работали сотрудниками армейских и фронтовых газет. В своих публикациях они разоблачали звериное лицо фашизма, вдохновляли советских воинов на героические подвиги.

Коллективы работников искусства Татарии также отдавали все свои силы делу борьбы с фашизмом. В репертуаре театров и домов культуры преобладали спектакли антифашистского, патриотического содержания.

Многие артисты казанских театров и филармонии принимали активное участие в культурном шефстве над воинскими частями и госпиталями. Только за первые годы войны здесь было дано 2500 концертов и сыграно около 70 спектаклей. Десятки агитбригад наших артистов побывали на Калининском, Брянском, Карельском, 3-м Прибалтийском и других фронтах.

В труднейших условиях военных лет государство сумело не допустить развала системы народного образования.

Плодотворно работали вузы Казани. Несмотря на большие трудности они подготовили в годы войны более шести тысяч специалистов высшей квалификации.

Забота о детях и в это трудное время оставалась одной из главных задач. Из скудных ресурсов были выделены продукты для дополнительного питания школьников, открывались детские столовые, брались на учет для оказания материальной помощи дети фронтовиков. Согласно распоряжению СНК ТАССР от 19 августа 1941 г. для обеспечения питанием только эвакуированных детей из прифронтовой полосы было отпущено 510 тонн муки, 50 тонн кондитерских изделий, 33 тонны сливочного масла, 26 тонн колбасных изделий, 21 тонну мяса.

За осенние месяцы 1941 г. по Казани в порядке единовременного пособия временно впадшим в нужду были выданы 29 тысяч рублей, 2271 пара валяной обуви – в основном детям военнослужащих и эвакуированных.

В Татарстане была развернута широкая сеть детских домов, детсадов и интернатов для детей, прибывших из временно захваченных врагом территорий, а также из городов, которым угрожали воздушные налеты.

В первый же день Великой Отечественной войны сотни мужчин, юношей и девушек Татарии обратились в военкоматы с заявлениями призвать их в ряды Красной Армии и направить на фронт. К середине июля 1941 г. число таких добровольцев превысило 14 тысяч человек.

Основную массу их составляли коммунисты и комсомольцы. Во второй половине 1941 г. из республики было послано в армию около 12,5 тысяч коммунистов – без малого третья часть Татарской областной партийной организации. К концу войны 60% ее состава находились в рядах Вооруженных Сил СССР.

С началом войны в Казани формировались полки 81-й бомбардировочной авиационной дивизии под руководством известного полярного летчика М.В. Водопьянова. Под руководством полковника С.Ф. Плахова в мае 1942 г. была сформирована 8-я запасная бригада в составе 3-х полков. В них было подготовлено 2 авиационные дивизии, 86 авиаполков и 6100 одиночных экипажей.

Осенью 1941 г. создалась реальная угроза Москве, где находился центр формирования минометных частей. Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 11 ноября 1941 г. «О минометных частях» новую центральную полевую базу минометных частей М-8 и М-13 решено было создать в районе г. Казань – Арск. И большая часть военных кадров для реактивной артиллерии в 1942 г. была подготовлена именно здесь.

Весной 1943 г. в Казани были сформированы 10-я отдельная зенитно-артиллерийская бригада ПВО и 37-й зенитно-пулеметный полк. Большинство личного состава подразделений бригады составляли уроженцы Татарстана, а

зенитно-пулеметного полка – девушки-добровольцы из городов и сел Татарии.

Новые формирования предназначались для охраны казанского неба, промышленных объектов и жилых кварталов столицы республики. Но вскоре они были отправлены на фронт и приняли активное участие в боях. В Великой Отечественной войне участвовало семь стрелковых дивизий, две авиационные, десятки отдельных полков и бригад.

Почти три тысячи километров пришлось прошагать им от Волги до Берлина. Всех их – рядовых и командиров, танкистов и пехотинцев, летчиков и моряков, артиллеристов и военных врачей – объединяло одно стремление: отстоять независимость Родины, уничтожить ненавистный фашизм.

Оставаясь верными воинской присяге и долгу, наши земляки с боями преодолевали неприступные линии обороны, освобождали города и села, бились насмерть до последнего снаряда и патрона. Чтобы вынести все это, необходим был огромный запас силы и стойкости, смелости и отваги. И они его имели.

В славной плеяде кавалеров Золотой Звезды периода Великой Отечественной войны сияют имена замечательных патриотов Родины – легендарного защитника Брестской крепости Петра Гаврилова, боевых летчиков Михаила Девятаева, Фариды Фаткуллина, Ольги Санфировой, Магубы Сыртлановой, танкистов Семена Коновалова, Виктора Григорьева, Фатыха Шарипова, артиллеристов Григория Абызова и Ильдара Маннанова, связиста Бориса Кузнецова, бронбойщика Сабира Ахтямова, понтонера Михаила Красавина, сапера Накипа Сафина, первым водрузившим знамя над рейхстагом Гали Загитова и многих других воинов.

Золотыми буквами в военную летопись вписаны имена наших земляков, полных кавалеров орденов солдатской Славы разведчиков Даяна Булатова, Григория Портнова, Рифката Гайнуллина, артиллеристов Каюма Забарова и Николая Зотова, Сергея Дегтева, тан-

кистов Трофима Лапина, Рустама Хамитова и Павла Михеева, воздушного стрелка Алексея Васильева и других.

Ратные подвиги уроженцев Татарстана оставили след в партизанском движении, антифашистском Сопротивлении и работе подпольных групп многих стран Европы.

Трудящиеся республики по праву гордятся знатными земляками-полководцами и военачальниками, отмеченными в годы Отечественной войны высоким званием Героя. Это, прежде всего выросший и возмужавший в городе Елабуге Маршал Советского Союза Л.А. Говоров, генералы А.О. Ахманов, В.Н. Гордов, М.П. Кирпонос, Я.Г. Крейзер, А.В. Кирсанов, И.Н. Конев, Г.Б. Сафиуллин, Б.В. Шульгин, Ф. Булатов дивизии, корпуса и армии которых умело громили фашистских захватчиков, внесли достойный вклад в завоевание Победы.

За мужество и героизм, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны, более 200 тысяч уроженцев Татарстана были награждены орденами и медалями.

Две с половиной сотни – отмечены высшим воинским отличием – званием Героя Советского Союза.

48 фронтовиков стали полными кавалерами ордена Славы.

13 повторили подвиг Александра Матросова и Газинура Гафиатуллина.

6 летчиков совершили воздушные и огненные тараны.

Наряду с мужчинами на войне сражались и женщины. Только из нашей республики на фронт ушло более 10 тысяч девушек. Собирательный образ их отваги, смелости воплотился в подвиге легендарной летчицы Магубы Сыртлановой.

Примером негибаемого мужества, патриотизма и стойкости, символом борьбы с фашизмом не только для нашего народа, но и для народов всей Европы стал поэтический и гражданский подвиг нашего земляка Мусы Джалиля.

Многонациональный народ Татарстана – татары и русские, чувашаи и ма-

рийцы, украинцы и башкиры, евреи и удмурты, мордва и белорусы с честью выполнили священный долг воина, защитив не только своих близких, свои города и села, но и всю планету, не дав превратить ее в огромный Освенцим.

От подмосковных полей и Волги, до берегов Дуная и Шпрее, в городах и селах возвышаются памятники и обелиски сыновьям и дочерям Татарстана.

Война отняла у многих родных и близких. Но никто не в силах отнять нашу память о них. Сотни тысяч солдатских могил разбросаны на бескрайних просторах нашей земли и за ее пределами. Многие из этих могил – безымянные.

Десятилетиями не утихает боль о погибших, не кончаются поиски близких или мест их погребения.

Было решено увековечить в ней каждого защитника Отечества независимо от того, погиб ли он на поле боя или во вражеском плену, в партизанском отряде или подполье, скончался ли от ран или пропал без вести на бесчисленных фронтовых дорогах.

В Республике Татарстан эта идея нашла широкую поддержку. 11 апреля 1989 года было принято постановление бюро областного комитета партии об издании Республиканской Книги Памяти – фундаментального печатного историко-мемориального памятника.

Сегодня в канун 66-й годовщины со дня Победы выпущено 27 томов Книги памяти на русском и татарском языках.

До начала работы над Книгой памяти в Татарстане считалось, что с войны не вернулось 85 тысяч наших земляков. Трудно поверить, но эта цифра «прожила» почти 50 лет со дня последних залпов второй мировой. В результате длительной научно-исследовательской и поисковой работы удалось установить и увековечить имена около 350 тыс. солдат и офицеров – уроженцев Татарстана, – погибших за Родину на фронтах Великой Отечественной войны. Погиб почти каждый второй, ушедший на войну, это в общей сложности 11,5% от всего довоенного населения республики.

В абсолютных цифрах количество убитых и пропавших без вести по Республике Татарстан выглядит следующим образом: 1941 г. – 66000, 1942 – 115993, 1943 – 83723, 1944 – 49662, 1945 – 24444 человека.

Фашизм был побежден не только на передовой. Наша вечная признательность и благодарность труженикам тыла – неутомимым и скромным творцам Великой Победы. Не думая о наградах и почестях, они ковали оружие Победы на пределе человеческих возможностей в заводских цехах, конструкторских бюро и научных лабораториях. Советская промышленность своими силами выдержала тяготы

войны, на своих плечах вынесла все трудности военного времени. Вместе с другими республиками и областями Поволжья, Урала и Сибири Татарская АССР являлась могучим арсеналом страны, одной из основных ее военно-промышленных баз по обеспечению фронта боеприпасами, вооружением и снаряжением.

Трудящиеся Татарстана внесли достойный вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков и достижение Победы в Великой Отечественной войне. Они быстро и решительно перестроили все хозяйство республики на военный лад и самоотверженно трудились для победы.

Аннотация

Статья посвящена исследованию вклада Татарстана в Победу в годы Великой Отечественной войны. Автор анализирует вопросы перестройки экономики республики на военный лад, характеризует деятельность научной и творческой интеллигенции, раскрывает участие граждан в движении в помощь фронту, освещает ратные подвиги татарстанцев в вооруженной борьбе с фашизмом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Республика Татарстан, всеобщее военное обучение, ратные подвиги, военное производство, «сражающееся искусство», движение в помощь фронту.

Summary

The article is devoted to the investigation of the contribution of Tatarstan to the victory in the Great Patriotic War. The author analyses the questions of reformation of the Republic's economics in the war way, characterizes the activity of scientific and creative intellectuals, reveals participation of citizens in the movement to help the front, describes military feats of Tatar people in the armed struggle with fascism.

Key words: the Great Patriotic War, the Republic of Tatarstan, general military training, military feats, military promotion, «struggling art», movement to help the front.

УДК 069.4:069.6

ИЗУЧЕНИЕ, ОХРАНА И РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА В 1930–1950-е гг.

*Р.Р. Хайрутдинов, кандидат исторических наук, доцент,
директор Государственного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль»*

В 1930-е гг. остро встал вопрос о планировании полевых археологических исследований в общегосударственном масштабе. Необходимость обуславливалась большим количеством случаев неслаженной работы археологов и строительных организаций, приводивших к гибели древних памятников.

В консолидации усилий большая роль отводилась Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), в 1937 г. реорганизованной в Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра (ИИМК) АН СССР. В составе академии был создан специальный Археологический комитет (Комитет по работам на новостройках), согласовывавший исследования археологов ГАИМК, музейных учреждений и контролировавший экспедиции на территории РСФСР¹.

Первый опыт разработки плана работ был предпринят на Всероссийской конференции музеев Наркомпроса РСФСР, состоявшейся в апреле 1939 г. Участники этого представительного совещания констатировали совершенно недопустимое положение с охраной памятников и полный хаос в распределении функций охраны между отдельными ведомствами, приводившие к уничтожению ценнейших объектов археологического наследия.

Участники конференции обратилась в Наркомпрос РСФСР с требованием принять срочные и решительные меры

по изменению ситуации. Среди предлагаемых мер археологи выделяли необходимость пересмотра законодательства об охране памятников и разработку новых законодательных положений с учетом позиции музейных специалистов². Форум принял пятилетний план археологических исследований, предусматривавший тесный рабочий контакт музеев и ИИМК АН СССР по линии объединения исследований и систематической научно-методической помощи³.

Один из разделов пятилетнего плана был посвящен археологическим исследованиям на территории Татарской республики. Перед Центральным (с 1944 г. – Государственным) музеем ТАССР были поставлены задачи по изучению археологических памятников в зоне затопления Куйбышевского гидроузла. В соответствии с планом, в 1939–1943 гг. силами объединенной экспедиции Государственного исторического музея (ГИМ) и Центрального музея (ЦМ) ТАССР предполагалось проведение систематического археологического изучения Болгарского городища, осуществление рекогносцировочных раскопок по нижнему течению рек Камы, Казанки и Свияги. На музейных археологов – Н.Ф. Калинина, А.М. Ефимову, Л.И. Вараксина – также возлагалось наблюдение за проведением земляных работ в Казани⁴.

О необходимости изучения и популяризации проекта «Большая Волга»

в музейной сфере было заявлено еще в начале 1930-х гг. В январе 1930 г. на заседании коллегии НКП РСФСР принимается решение о созыве в первой половине 1931 г. Поволжской музейной конференции для разработки конкретных мер перестройки музеев на основе решений Первого музейного съезда. В повестку конференции, проведенной 5–8 июня 1931 г., была включена тема «Волга как природный и экономический фактор и отражение ее в музеях»⁵.

Перед музеями Поволжья была поставлена задача исследования и отражения в музейной экспозиции истории Волги и национальностей, проживающих на ее берегах. Это изучение должно было быть увязано с основными проблемами пятилетнего плана народного хозяйства СССР и подчинено этим проблемам. Музеи Поволжья включались в работу по реализации проблемы Большой Волги наряду с Госпланом, Волгостроем, Камстроем и другими учреждениями. Рекомендовалось создание в сжатые сроки единого плана отражения в музейной экспозиции темы Большой Волги⁶.

Первые археологические исследования, связанные с работами по строительству Куйбышевской гидроэлектростанции, были организованы в 1938 г., в ходе которых было обследовано почти все течение Волги и ее притоков⁷. Тогда же начато систематическое и комплексное изучение центрального памятника Волжской Булгарии – городища «Великие Болгары»⁸. Экспедицию ИИМКАН СССР при участии ГИМа и ЦМ ТАССР возглавил А.П.Смирнов (1899–1974), автор фундаментальных историко-археологических исследований в области болгарской проблематики, основатель школы болгароведения, ставшей одной из важнейших отраслей отечественной исторической науки⁹.

Выбор руководителем новостроечной экспедиции молодого московского ученого был не случаен. Изучением истории и культуры волжских болгар А.П.Смирнов занимался с 1933 г. На протяжении пяти полевых сезонов воз-

главляемая им экспедиция ГАИМК и ГИМа вела раскопки Суварского городища у с. Кузнечиха Куйбышевского района ТАССР. Сувар наряду с Биляром и Болгаром являлся крупным болгарским городом, игравшим важную роль в истории Волжской Булгарии домонгольского периода¹⁰.

В 1938–1940 гг. отряд Куйбышевской археологической экспедиции в составе А.П.Смирнова, сотрудников ЦМ Н.Ф.Калинина и А.М.Ефимовой, сотрудника Института музейной и краеведческой работы В.А.Тихомирова осуществил исследования в историческом центре Болгар на Коптеловом бугре и близ мавзолея Монастырский погреб в северо-восточной части верхнего плато городища и склона верхней террасы, выявившие мощные напластования золотоордынского времени и слой добулгарского поселения, уточнившие стратиграфию и топографию городища. На мысу береговой террасы в 6 км к северо-западу от Болгара в устье р. Меленки были произведены разведки в урочище Ага-Базар, вскрывшие следы ремесленного и торгового болгарского поселка, значительное количество культурных остатков¹¹.

Перед началом работ в 1938 г. членами экспедиции был произведен осмотр архитектурных памятников городища. В ходе обследования стало очевидным, что ряд сооружений, отреставрированных в 1926 г., в том числе церковь Св. Николая, Четырехугольник и Черная палата, сильно обветшал. Так, расчищенная в 1920-х гг. Белая палата представляла собой «заросшую грудю камней»¹². Помимо раскопок ученые по заданию Наркомпроса ТАССР провели работу по разбору коллекций Болгарского музея и составлению экспозиционного плана. А.П.Смирнов по поручению Центрального музея подготовил в 1939 г. докладную записку о болгарских архитектурных памятниках¹³.

В 1940 г. по заданию Совнаркома ТАССР, объявившего территорию городища «Великие Болгары» государственным заповедником, археологи уточнили

его границы, приняли участие в работе комиссии по реставрации Черной палаты и созданию музея города Болгар¹⁴. Большие усилия А.П.Смирновым были предприняты для популяризации историко-культурного наследия волжских болгар. Во время раскопок им и его коллегами проводились экскурсии для посетителей городища, публиковались в центральной и республиканской печати статьи и заметки о работе экспедиции. 22 сентября 1940 г. в Казанском университете состоялась публичная лекция А.П.Смирнова, в которой ученый ознакомил общественность республики с ходом исследования Великих Болгар в 1938–1940-е гг.¹⁵

События Великой Отечественной войны прервали изучение территории Болгарского городища и реализацию плана археологических работ. Но уже в конце февраля – начале марта 1945 г. в Москве состоялось Всесоюзное археологическое совещание, посвященное 85-летию российской археологической науки и 25-летию юбилею ИИМК.

Совещание, по сути, возродило традиции дореволюционных археологических съездов. На совещании подводились итоги и рассматривались перспективы развития археологической науки в СССР. Перед археологами страны были поставлены задачи по консолидации научной деятельности и принят общесоюзный перспективный пятилетний план научных исследований¹⁶.

Решения Совещания определили основные направления и задачи дальнейшего развития археологических исследований в Татарстане, оказали важное значение для координации деятельности музейных и научных организаций республики по изучению и сохранению археологического наследия¹⁷. Одной из основных задач, выдвинутых Всесоюзным совещанием, стало составление в 1945–1950 гг. детальных районных и областных археологических карт.

Созданный 13 апреля 1945 г. Казанский филиал АН СССР принял план сплошного археологического обследо-

вания Татарстана и составления по его материалам научно-документальной тематической археологической карты республики. Реализация программы мониторинга была возложена на сектор истории и этнографии Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) КФАН СССР.

Предтеча ИЯЛИ – НИИ языка и литературы – был создан в соответствии с постановлением СНК ТАССР 22 августа 1939 г. В феврале 1941 г. в составе института создается сектор истории, немногочисленные сотрудники которого были нацелены на подготовку научной истории Татарстана¹⁸. С приходом Н.Ф.Калинина постепенно складывается археологическая группа, закладываются основы археологических исследований в академическом институте¹⁹.

В 1942 г. Н.Ф.Калинин сумел организовать научную экспедицию в Болгарское городище и Чувашию, провел большую работу по фиксации и описанию болгаро-татарских эпиграфических памятников, систематизации материалов в институтских собраниях и Госмузее ТАССР. Летом 1943 г. под руководством Н.Ф.Калинина была проведена двухмесячная разведочная экспедиция в Болгары, которая произвела обмеры ряда памятников²⁰.

В первое послевоенное десятилетие на памятниках Болгарского городища продолжила работу экспедиция ИИМК под руководством А.П.Смирнова с участием казанских археологов. Экспедиция вела работу тремя отрядами, которые возглавляли З.А. Акчурина, А.М. Ефимова и О.С. Хованская.

В 1945–1949 гг. активно велись археологические раскопки в северо- и юго-западной части верхнего плато городища с целью получения данных по исторической и социальной топографии древних Болгар. Были изучены оборонительные сооружения города, побережье Британкина и Голланского озер, урочище Бабий бугор, христианский некрополь и развалины Греческой палаты XIII–XIV вв., бывшего храма армянской торговой колонии Болгар²¹. В

конце 1940-х гг. на основе многолетних наблюдений за характером культурного слоя в разных частях Болгарского городища была создана стратиграфическая шкала городища X–XX вв., впервые выявлен город Болгар домонгольского времени, изучены богатые материалы, характеризующие историю, культуру и экономику столицы Волжской Булгарии, развитые ремесла и торговые отношения²².

В 1949 г. возобновились проектно-исследовательские работы по возведению Куйбышевской ГЭС, а официальный старт строительству дало постановление СМ СССР от 21 августа 1950 г. «О строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции на реке Волге», которым указывалось «построить на реке Волге в районе г. Куйбышева гидроэлектростанцию мощностью около двух миллионов киловатт, с выработкой электроэнергии около десяти миллиардов киловатт-часов в средний по водности год»²³.

В проектном задании отмечалось, что сооружением Куйбышевского гидроузла должны быть комплексно разрешены вопросы энергетики, водного и железнодорожного транспорта и орошения. В состав сооружений были включены: гидроэлектростанция, водосливная бетонная плотина, земляная плотина и судопропускные устройства. Наилучшим местом расположения гидроузла была признана площадка в 80 км выше Куйбышева²⁴.

К подготовительным работам и строительству ГЭС были привлечены научные силы вузов и НИИ Татарской республики. Так, с IV квартала 1950 г. институты КФАН СССР приступили к научно-исследовательской работе по 10 темам, связанным со строительством Куйбышевского гидроузла. Все они были согласованы с Управлением Куйбышевгидростроя и соответствующими правительственными органами. Координацию деятельности осуществляла Комиссия содействия строительству Куйбышевского гидроузла при президиуме КФАН²⁵.

Образование одного из крупнейших в мире водохранилищ (площадью около 6 тыс. км²) на территории Куйбышевской и Ульяновской областей, Чувашской, Марийской и Татарской автономных республик подразумевало создание широкой зоны затопления. Наибольшие последствия отразились на Татарстане, так как более половины водного зеркала водохранилища приходились на территорию республики²⁶. Всего по Куйбышевскому водохранилищу в зону затопления полностью или частично попадали 290 населенных пунктов, из них 274 сельских и 16 городов и рабочих поселков²⁷.

На территории Татарстана в зону затопления вошли части 10-ти приволжских и 8 прикамских районов. Общая площадь затопления составила более 200 тыс. га. В 18 районах республики были полностью перенесены 78 населенных пунктов и частично 64. Город Куйбышев (районный) был полностью перенесен на новую площадку близ с. Болгары. Потребовали защиты от большой воды города Казань, Зеленодольск, Чистополь; поселки Камское Устье, Васильево, Лаишево и др.²⁸ Наибольший территориальный урон понесли Лаишевский, Алексеевский и Куйбышевский районы. В последнем затопило 54834 га. Под водой остались плодородные сельскохозяйственные угодья, сенокосные, выгонно-пастбищные, лесные участки, территории со значительным количеством археологических памятников. К сожалению, многие памятники археологии, попавшие в зону разрушения береговой полосы Куйбышевского водохранилища, на сегодняшний день утрачены²⁹.

В республике переселением и переносом строений и сооружений из зоны затопления занимались переселенческий отдел СМ ТАССР и Казанский отдел по контролю за подготовкой зоны водохранилища Куйбышевской ГЭС СМ ТАССР. Переселение жителей, перенос сооружений и построек, проведение защитных мероприятий вызвали значительные трудности, колоссальные

финансовые затраты. Общий объем финансирования подготовки ложа водохранилища за счет компенсации Куйбышевгидростроя по ТАССР составил в 1952–1954 гг. 452,4 млн. руб.³⁰

В 1950–1954 гг. и в 1957 г. на Болгарском городище проводились крупномасштабные раскопки Болгарским отрядом КАЭ, основной задачей которого являлось изучение той части территории древнего города, которая подлежала затоплению водами Большой Волги. Болгарский отряд возглавляла А.М.Ефимова, в 1957 г. — сотрудница ИЯЛИ КФАН СССР З.А.Акчурина.

Осуществлялись исследования в северной, заречной части Болгара, исследовалась береговая полоса р. Меленки. Раскопки Ага-Базара, проведенные в 1952–1954 гг., позволили рассматривать урочище как важный торгово-ремесленный центр региона X–XV вв. В 1953 г. продолжилось исследование северо-восточной окраины городища по склону береговой террасы, выявлена система укреплений на северо-восточном конце городского вала, на склоне и в низине левобережья р. Меленки, выявлено древнерусское поселение на территории городища. В 1954 г. было закончено исследование заречного района города и склона верхней террасы. В результате исследований археологи получили уникальный материал по памятникам Болгар, в первую очередь торгово-ремесленного посада Ага-Базара³¹.

Завершением работ КАЭ стало исследование в 1957 г. края террасы городища по береговой линии водохранилища. В результате раскопок был открыт раннеболгарский поселок близ Бабьего Бугра³². С этого времени исследования городища были прерваны и возобновились лишь в 1964 г., с началом изысканий Болгарского отряда Поволжской археологической экспедиции, вновь под руководством А.П.Смирнова. Отметим, что в 1960-х гг. основным направлением исследований стало археологическое изучение архитектурных памятников городища для проведения их научной реставрации, производи-

мой Казанскими реставрационными мастерскими³³.

В 1940–1950-е гг. научной общественностью предпринимались неоднократные попытки признания за Болгарским городищем статуса заповедной территории. Напомним, что еще в сентябре 1923 г. постановлением СНК ТССР земли общей площадью 567,1 дес., включающие в себя село Болгары (подгорную и нагорную части), территорию древнего города, окруженную валом, а также Малого городка и Греческой палаты, были объявлены неприкосновенным заповедником³⁴.

Однако это решение на практике не было реализовано. Памятники Болгарского городища со времени проведенных Музейным отделом в 1926 г. поддерживающих работ оставались без надлежащего ремонта и реставрации. Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1934 г. (протокол 129. п. 7) археологический памятник «Городище Великие Болгары» был в качестве заповедника включен в список объектов, находящихся на государственной охране, но документального оформления заповедного статуса вновь не последовало³⁵.

В марте 1938 г. в газете «Красная Татария» увидела свет небольшая заметка «Беспризорные памятники», подписанная видными представителями казанской научной общественности — профессором В.Н.Терновским, М.Ляковым, Н.Ф.Калининым, В.Гринбергом, А.М.Ефимовой. В публикации подверглась острой критике ситуация в республике в сфере охраны культурного наследия. Авторы констатировали, что охраной памятников «никто фактически не занимается». Робкие попытки Татнаркомпроса по сохранению объектов встречали, по словам ученых, «косное, пренебрежительное отношение к этому делу других организаций», в первую очередь Казанского горсовета.

Наркомфин республики систематически отказывал в выделении средств на ремонт и реставрацию памятников. Более того, вызывала недоумение пози-

ция ТатЦИКа, который вместо создания предусмотренного законодательством специализированного комитета по охране памятников старины стремился переложить всю ответственность на Центральный музей и Татнаркомпрос³⁶.

Эта заметка всколыхнула общественное мнение. Начатая в июне 1938 г. очередная реорганизация органов охраны памятников заставила обратить внимание на проблему сохранения наследия и правительство республики. Однако отсутствие реального финансирования свело на нет планы по реставрации памятников старины в текущем году.

В частности, по памятникам Болгара предусматривалось начать осуществление первоочередных мероприятий по сохранению объектов. На текущие счета Куйбышевского РИКа и РОНО были перечислены первые 3,5 тысячи рублей на установку ограды вокруг памятников. Нарком просвещения ТАССР Владимирова и инспектор по музейно-краеведческой работе ТН КП В.М.Дьяконов потребовали от местных учреждений обеспечить использование этих средств по назначению. Они указали, что «в зависимости от того, как будут израсходованы эти деньги, будет решаться вопрос о финансировании реставрационных работ в будущем году», на общую сумму до 50 тысяч рублей³⁷.

Однако Татнаркомпрос смог выделить в 1938 г. на текущий профилактический ремонт болгарских памятников лишь 5–7 тысяч рублей, не считая ранее выделенных под устройство изгороди 3 тысяч рублей. 31 августа 1938 г. В.М.Дьяконов потребовал от директора Болгарского музея В.М.Королева срочного представления сметы на проведение ремонтных работ³⁸. Инспектор считал обязательным привлечение к составлению плана реставрации специалистов — археологов и архитекторов.

В августе 1938 г. участники Болгарской археологической экспедиции осмотрели архитектурные памятники городища. В акте, подписанном руководителем экспедиции А.П.Смирновым,

членами экспедиции Н.Ф.Калининым и А.Е.Ефимовой, отмечались значительные разрушения болгарских объектов. В качестве неотложных мер предлагалось тщательное закрытие деревянными щитами всех оконных проемов, очистка от почвы и растительности всех зданий, устройство недостающей ограды, проведение научно-архитектурных обмеров, создание «комиссии специалистов и архитекторов, на основе компетентного мнения которых должны пройти реставрационные работы».

Озабоченность вызвало состояние Черной палаты, для сохранения которой ученые предлагали подвести новые фундаменты и осуществить ремонт купола здания. От имени руководства ИИМК последовало обращение в СНК ТАССР о необходимости проведения срочных реставрационных работ³⁹. Для составления архитектурных проектов, обмеров и смет по реставрации болгарских памятников в соответствии с приказом ТН КП от 25 сентября 1938 г. на десять дней в Болгары должны были выехать в командировку архитекторы А.М.Густов и Р.М.Муртазин⁴⁰. Но из-за отсутствия средств, несмотря на многочисленные обращения В.М.Дьяконова к руководству НКП, НКФ и СНК ТАССР, экспедицию не удалось осуществить в намеченные сроки⁴¹.

Через год, в 1939 г., на Всероссийской археологической конференции ситуация с сохранением памятников Болгар вновь вызвала значительный интерес. В постановлении конференции «О состоянии археологических исследований и задачах дальнейшей работы» содержалось обращение в Музейно-краеведческий отдел НКП РСФСР с просьбой принять меры к охране Болгарского городища и находящихся на его территории древних сооружений⁴². В 1940 г. в соответствии с планом работ по реставрации и ремонт ТН КП предполагалось проведение исследовательских работ по Черной палате. Во главе с профессором Д.П.Суховым была образована комиссия, которая предложила заснять все деформации, имеющиеся

на памятнике, и разработала Инструкцию по обмеру объекта.

ТНKP заключил соответствующий договор с Промпроектом, «сотрудник которого по прибытии на место отказался от производства этих работ, мотивируя свой отказ невозможностью выполнения этих работ без риска с жизнью сотрудников, занятых на этих работах»⁴³. В целях предупреждения разрушения купола заведующему музеем В.М.Королеву было дано распоряжение и выделены средства на изготовление лесов для будущего обмера и реставрации памятника. Кроме того, в соответствии с указаниями из Центра он получил инструкцию по изготовлению и расстановке маяков для наблюдения за деформациями памятника. В период Великой Отечественной войны все работы на болгарских объектах были свернуты.

В 1945 г. Всесоюзное археологическое совещание вновь вернулось к проблеме охранных работ на городище и приняло резолюцию о включении Болгар в число археологических заповедников⁴⁴. В том же году по инициативе Отдела по охране памятников архитектуры Управления по делам архитектуры при Совнаркоме ТАССР было проведено совещание из представителей заинтересованных учреждений и научных организаций по поводу согласования действий по обследованию и изучению болгарских памятников и необходимости объявления Болгарского городища заповедником⁴⁵.

В декабре 1945 г. Госмузей ТАССР обратился с ходатайством в Совнаркоме ТАССР о необходимости подготовки постановления о создании археологического заповедника на территории бывшей столицы волжских болгар. Директор Госмузея ТАССР В.М.Дьяконов, говоря об уникальном комплексе памятников болгарского и золотоордынского периодов для истории татарского и других народов края, подчеркивал особое значение Болгарского городища как крупного политического и экономического центра средневековой Европы,

исторического памятника «большого научного значения».

В.М.Дьяконов выражал озабоченность по поводу активной хозяйственной деятельности, осуществляемой на территории городища местным колхозом и Куйбышевским промкомбинатом. Он сообщал в Совнарком ТАССР, а затем в августе 1946 г. и в Совет Министров РСФСР, что этими организациями ведутся земляные работы на памятниках, происходит выборка камня и пережигание его на известь. Директор музея констатировал резкое ухудшение состояния памятников с 1938 г. Была разрушена ограда, на площади «Четырехугольника» и «Ханской усыпальницы» выпасался скот, оказались сорванными крыши с церкви св. Николая и Монастырского погребца. Лучший объект комплекса – «Черная палата» – пришел в ветхость, существовала реальная опасность его обрушения.

В.М.Дьяконов предлагал безотлагательно объявить Болгарское городище заповедником, запретив любые земляные работы на его территории и выборку камня. Отделу охраны памятников рекомендовалось восстановить ограды вокруг памятников, очистить стены, отремонтировать крыши, немедленно приступить к реставрации памятников⁴⁶.

Совнарком ТАССР поручил Управлению по делам архитектуры разработать проект решения, но в течение года документ так и не был подготовлен. В декабре 1946 г. В.М. Дьяконов в очередной раз обращается в правительство республики с просьбой принять специальное постановление о создании на территории Болгар археологического заповедника, но вопрос вновь откладывается.

В 1949 г. в рамках осуществлявшейся Управлением по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров ТАССР работы по выявлению и учету памятников истории и археологии была проведена паспортизация Болгарского городища, рекомендованного «к объявлению государственным заповедником». В целях определения исторической или

научной значимости памятников при начальнике управления была создана комиссия, в состав которой вошли научные сотрудники ИЯЛИ КФАН СССР и Госмузея ТАССР⁴⁷. В частности, паспорт на Болгарское городище был составлен 12 октября 1949 г. заведующей историческим отделом Госмузея ТАССР А.М.Ефимовой⁴⁸.

В том же году была предпринята еще одна безуспешная попытка организации заповедника по инициативе и при активном участии И.Э.Грабаря. В ноябре 1949 г. он писал начальнику Управления по делам архитектуры ТАССР И.А.Валееву, что получил тревожные сведения о состоянии охраны памятников XII—XVI вв. в Болгарах. В связи с огромным научным значением этих памятников, «а также выдающимся значением в археологическом отношении территории древнего города», научно-методический совет по охране памятников культуры при президиуме АН СССР выдвинул очередное предложение об учреждении здесь архитектурно-археологического заповедника⁴⁹.

Следует отметить, что на первом пленуме научно-методического совета, проведенного 25 мая 1949 г., в докладе И.Э.Грабаря вопросам создания заповедников было уделено большое внимание, прежде всего, в связи с проблемой научной классификации памятников культуры. Председатель совета подчеркнул, что развитие заповедного дела имеет огромное значение для обеспечения более углубленного изучения памятников культуры. И.Э.Грабарь предложил внести системность в создание сети заповедников и учитывать необходимость реализации научно-исследовательских задач.

«Целью организации заповедников, — заявил он, — является стремление поставить в особо благоприятные условия те памятники культуры комплексного характера, которые имеют особое научное, историческое или художественное значение. Ясно, что решение об организации каждого отдельного заповедника должно приниматься в пер-

спективе разработанной системы подобных учреждений».

Далее И.Э.Грабарь предложил при проектировании новых заповедников «руководствоваться не только узковедомственными интересами, но и учитывать одновременно потребности соответствующих научно-исследовательских учреждений и организаций Академии наук СССР и музеев. Именно с такой точки зрения научно-методический совет и должен будет рассматривать основные цели заповедника, его профиль работы, его положение, его права и обязанности, внутреннюю структуру»⁵⁰. О постоянном внимании И.Э.Грабаря к Болгарскому городищу свидетельствовала, в частности, и ссылка на Болгар в качестве примера необходимости разработки научной классификации памятников — «например, установить раз и навсегда, что Болгары — комплекс историко-архитектурных сооружений, а не территория для археологических изысканий»⁵¹.

Для проведения предварительного обследования памятника Совет направил в Булгары Л.А.Давида вместе с археологом А.П.Смирновым, но их поездка на городище в декабре 1949 г. не состоялась из-за неблагоприятных погодных условий. Все ограничения с участием в нескольких совещаниях с сотрудниками Управления по делам архитектуры ТАССР и органом по охране памятников в Казани. Оснований для включения территории Болгар в число государственных заповедников было достаточно.

Управление обратилось в соответствующие органы Российской Федерации с просьбой об объявлении древнего города историко-археологическим заповедником. Реализовать эту идею оказалось намного сложнее. На этой территории находились поселение и большой колхоз, которые, в случае обретения городищем статуса заповедной зоны, могли лишиться возможностей дальнейшего развития и строительства⁵². В 1950 г. управлением был составлен список государственных историко-архитектурных заповедников, в который вошли 70

отдельных комплексов, в том числе и с. Болгар, но список не был утвержден.

И впоследствии республиканские власти неоднократно ходатайствовали перед Управлением по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР о целесообразности объявления территории городища заповедной. Так, в 1952 г. вносились предложения об объявлении комплекса свияжских и болгарских памятников архитектуры историческим заповедником, но положительного разрешения этот вопрос также не получил⁵³.

В условиях послевоенного времени ремонт болгарских памятников постоянно откладывался. В 1947 г. Управление по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР произвело детальное обследование памятников архитектуры в г. Казани и районах ТАССР. Специалисты определили объемы и стоимость неотложного ремонта в сумму 268 тыс. руб.

Вместе с тем на ремонт памятников архитектуры республики было выделено всего 40 тыс. руб., основная часть которых (35 тыс. руб.), согласно указанию Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР, направлялась на составление проекта реставрации и поддерживающий ремонт Черной палаты и Никольской церкви в Болгарах. Часть средств (5 тыс. руб.) была предусмотрена на фотофиксацию памятников архитектуры г. Казани и районов ТАССР. Ремонт остальных памятников рекомендовалось выполнить за счет средств владельцев и арендаторов зданий. Производство ремонтных работ на Болгарском городище поручалось провести Куйбышевскому райисполкому⁵⁴.

К сожалению, ремонт в 1947 г. не был осуществлен из-за отсутствия строительных материалов, которые не выделялись Госпланом ТАССР и Управлением по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР по причине отсутствия целевых материальных фондов⁵⁵. Начальник Управления по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР И.А.Валеев в феврале 1948 г. обратился за поддержкой в ГУОП Ко-

митета по делам архитектуры при Совете Министров СССР. В письме начальника Главного управления Ш.Е.Ратия на имя председателя Совета Министров ТАССР С.М.Шарафеева отмечалось, что ввиду всесоюзного значения памятников Болгарского городища ГУОП просит «во избежание окончательного разрушения этих ценных памятников архитектуры вынести специальное решение, обязывающее Госплан республики выделить Управлению по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР необходимое количество строительных материалов»⁵⁶.

В ответе председателя Госплана ТАССР А.Полянского по этому поводу отмечалось, что проектные ассигнования в размере 50 тыс. руб. на проведение ремонтно-восстановительных работ на Болгарском городище при окончательном утверждении плана на 1948 г. Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР оказались непредусмотренными. Таким образом, Управление по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР из-за отсутствия средств для приобретения фондовых материалов было лишено возможности проведения необходимых работ⁵⁷.

В связи со строительством Куйбышевской ГЭС вопросы сохранения памятников Болгарского городища вновь стали актуальными. В октябре 1953 г. начальник Управления по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР И.А.Валеев обратился с письмом к председателю Куйбышевского Совета депутатов трудящихся И.К.Соловьеву, в котором выражал беспокойство по поводу осуществления переноса г. Куйбышева на новое место.

Через территорию заповедника, с востока на запад между «Малым минаретом» и «Ханской усыпальницей», была проложена дорога, пересекавшая вал в трех местах. Крайнюю озабоченность вызывала разработка карьера по добыче песка, но главная проблема заключалась в переселявшихся на территорию памятника индивидуальных застройщиках. Некоторые переселенцы

из зоны затопления занимали участки заповедника, расчищали площади под огороды, выкапывали погреба, что грозило гибелью культурного слоя.

Управление настоятельно потребовало от райсовета, на который возлагался надзор за содержанием и сохранностью памятников, закрыть дорогу через Болгарское городище, прекратить работы по добыче песка и не допускать строительства на заповедной территории в пределах вала⁵⁸. В июле 1954 г. Совет Министров ТАССР своим решением «О прекращении производства каких-либо строений и сооружений на территории охранной зоны Болгарского городища» запретил осуществление индивидуальной застройки и проезд по дороге между «Малым минаретом» и «Ханской усыпальницей».

Произведенная позже проверка исполнения постановления выявила, что к 1 января 1955 г. вместо 18 домов, разрешенных к перенесению на территорию городища, исполкомом было перевезено 62⁵⁹. Всего в с. Болгары было перенесено 105 из 187 дворов⁶⁰.

В республиканской прессе в этот период появляются критические публикации, указывающие на пассивность Управления по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР в деле пресечения строительства внутри городского вала. Отмечалось, что управление практически самоустранилось от осуществления охранной работы в Болгарах, переложив ее на местного учителя В.М.Королева. Авторы статьи в газете «Советская Татария» констатировали, что «научный материал вывозится в Москву и другие города, а экскурсантам остается обозреть только архитектурные памятники далеко не лучшей сохранности». Особую озабоченность, как и десятилетия ранее, вызывал проезд в Болгары мусульманских паломников. Отмечалось, что районный отдел культуры «не знает, какие памятники имеются на городище и в каком они состоянии»⁶¹.

Только с завершением основных работ по подготовке ложа водохранилища к заполнению было достигнуто принци-

пиальное решение по вопросам финансирования консервационных работ на болгарских объектах. Совет Министров ТАССР ассигновал 100 тыс. руб. и дал указание Управлению по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР приступить к научно-исследовательским работам по составлению научно-технической документации по реставрации памятников на 1955 г., выделив на эти цели 40 тыс. руб. вместо 190 тыс., необходимых для их подготовки. Совет Министров ТАССР обязал Куйбышевский райисполком отвести 3 га для создания 100-метровой охранной зоны вокруг архитектурных памятников⁶².

С 1954 г. началось историко-архитектурное исследование памятников Болгар силами Татарской специальной научно-реставрационной производственной мастерской⁶³. Следует признать, что республиканские власти относились к проблеме сохранения болгарского наследия с известным скептицизмом. Об этом свидетельствует, в частности, письмо А.П.Смирнова, направленное 4 февраля 1955 г. своей казанской ученице А.М.Ефимовой. В нем археолог приводит слова анонимного автора, прибывшего в Москву из Казани и сделавшего заявление полуофициального характера: «В Казани все ведущие учреждения глубоко отрицательно относятся к болгарской проблеме и к памятникам старины. Такое мнение существует в об[ществе] и сов[ете] мин[истров]. С этой точки зрения, отрицательно относятся и к деятельности Смирнова, подымающего нездоровый шум вокруг Болгар и исторических памятников»⁶⁴.

В середине 1950-х гг. началась подготовка к реставрации Черной палаты. В 1955 г. были проведены архитектурные обмеры этого объекта и ряда других (Ханской усыпальницы, Монастырского погреба) архитектором С.С.Айдаровым совместно с инженером Л.Деминым и В.Петрухиным. В 1957 г. по заданию Управления по делам архитектуры при СМ ТАССР был заложен раскоп к юго-западу от Черной палаты для получения сведений о его датировке⁶⁵. В том же году были осуществлены

работы по консервации объекта, над куполом палаты была возведена защитная железобетонная оболочка⁶⁶.

Однако в 1959–1964 гг. никаких консервационных и реставрационных работ в Болгарах не производилось. Это было связано с общим сокращением в этот период финансирования программы ремонтно-реставрационных работ в стране. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была поставлена задача максимальной эконо-

мии средств в проектировании и строительстве. В 1963 г. произошло резкое сокращение бюджетных ассигнований на цели охраны и реставрации. Оно было срезано на 50% по сравнению с предыдущими годами. Изменившиеся вкусы в области архитектуры, трансформация отношения к историческому наследию, разворачивавшаяся антирелигиозная кампания формировали негативное отношение к памятникам архитектуры⁶⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тезисы и проекты резолюций по докладам на Всесоюзном археологическом совещании в Москве 24 февраля – 2 марта 1945 г. – М., 1945. – С. 11.

² Первая Всероссийская археологическая конференция. (10–13 апреля 1939 г.). – М., 1939. – С. 12.

³ Первая Всероссийская археологическая конференция. (10–13 апреля 1939 г.). – М., 1939. – С. 21–62.

⁴ *Ефимова А.М.* Работа музея по изучению археологических памятников // Из истории Татарии. Сб. науч. работ Госмузея Татарской АССР. – Казань, 1965. – Вып. 2. – С. 14–15; Первая Всероссийская археологическая конференция (10–13 апреля 1939 г.). – М., 1939. – С. 51–52.

⁵ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.1773. Л.23.

⁶ *Борисов М.* К итогам Поволжской музейной конференции // За социалистическую реконструкцию музея. Материалы Центрального музея АТССР. – Казань, 1931. – С. 3.

⁷ *Смирнов А.П., Мерперт Н.Я.* Введение // Тр. Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I. Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1954. – № 42. – С. 6.

⁸ *Аксенова Н.Д., Ефимова А.М., Мухаметшин Д.Г., Хлебникова Т.А.* Исследование городища «Великие Болгары» // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 57; *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С. 34–35.

⁹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Памяти Алексея Петровича Смирнова // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 3–6; *Овчинников А.* Научная и педагогическая деятельность историка А.П.Смирнова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2007. – № 1. – С. 79–85.

¹⁰ *Смирнов А.П.* Сувар. Итоги раскопок 1934–1937 гг. // Тр. ГИМ. – М., 1941. – Т. XVI. – С. 135–171.

¹¹ *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань, 2001. С. 118; *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С. 34–35.

¹² БГИАЗ. Документальный фонд. Ед. хр. 22. Л. 1.

¹³ БГИАЗ. Документальный фонд. Ед. хр. 23-1. Л. 5.

¹⁴ БГИАЗ. Документальный фонд. Ед. хр. 34-2. Л. 4–5.

¹⁵ БГИАЗ. Документальный фонд. Ед. хр. 34-2. Л. 6.

¹⁶ Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945. 197 с.; Тезисы и проекты резолюций по докладам на Всесоюзном археологическом совещании в Москве 24 февраля – 2 марта 1945 г. – М., 1945. – 31 с.

¹⁷ *Ефимова А.М.* Работа музея по изучению археологических памятников // Из истории Татарии. Сборник научных работ Госмузея Татарской АССР. – Казань, 1965. – Вып. 2. – С. 15; *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. – Казань, 1954. – С. 3.

¹⁸ *Файзрахманов Г.Л.* Развитие гуманитарных исследований в сороковые-восемидесятые годы. (К 50-летию Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова КФАН СССР) // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. – Казань, 1989. – С. 96–97.

¹⁹ *Халиков А.Х.* Археология в ИЯЛИ КФАН СССР // 50 лет поисков и открытий. – Казань, 1989. – С. 150–151.

²⁰ *Синицина К.Р.* Полвека музеев Казани и Татарстана. Очерки истории 1917–1967 годов. – Казань, 2002. – С. 151.

²¹ *Ефимова А.М., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П.* Раскопки городища «Великие Болгары» в 1945 г. // КСИИМК. – М., 1947. Т. XVII. – С. 133–149; *Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П.* Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. – М., 1947. – Т. XXI. – С. 102–111; *Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С.* Исследование города Болгара // КСИИМК. – М., 1949. – Т. XXVII. – С. 149–157; *Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С.* Раскопки Великих Болгар // КСИИМК. – М., 1950. – Т. XXXIII. – С. 63–80.

²² *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X – начале XIII вв. – Казань, 2001. – С. 119.

²³ Волжская ГЭС имени В.И.Ленина (1950–1958 гг.). Документы и материалы. – Куйбышев, 1963. – С. 15.

²⁴ Технический отчет о проектировании и строительстве Волжской ГЭС имени В.И. Ленина. 1950–1958 гг. В 2 т. – М.-Л., 1963.

²⁵ ЦГА ИПД. Ф.15. Оп.6. Д.2853. Л.43.

²⁶ Куйбышевское водохранилище // Татарская энциклопедия. Т. III. – 2006. – С. 498–499.

²⁷ Цит. по: *Бурдин Е.* «И деревня моя Комаровка уходила на волжское дно» (Из истории переселения населенных пунктов в связи со строительством Волжской ГЭС) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2006. – № 2. – С. 105.

²⁸ *Бусыгин Е.П., Кринари А.И.* Куйбышевское водохранилище и Казань // Очерки по географии Татарии. – Казань, 1957. – С. 157. По уточненным сведениям, были перенесены 149 населенных пунктов (88 полностью, 61 частично). См.: *Бурдин Е.* Указ. соч. – С. 106.

²⁹ *Мухаметшин Д.Г.* Сбережем книгу жизни наших предков // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 280-летию указа Петра I об охране Болгарских древностей. Болгары, 24 сентября 2002 г. – Казань, 2003. – С. 101.

³⁰ *Бурдин Е.* «И деревня моя Комаровка уходила на волжское дно» (Из истории переселения населенных пунктов в связи со строительством Волжской ГЭС) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2006. – № 2. – С. 110.

³¹ Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I–IV. – М., 1954–1962; *Ефимова А.М.* Древние инженерные сооружения по укреплению берега в городе Болгары (Из материалов Куйбышевской экспедиции) // КСИИМК. – М., 1952. – Т. XLIV. – С. 41–45; *Жеромский Б.Б.* Подгорная слобода города Болгары (Из работ в зоне Куйбышевского водохранилища) // КСИИМК. – М., 1953. – Т. L. – С. 55–63; *Смирнов А.П.* Итоги исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС // КСИИМК. – М., 1953. – Т. L. – С. 5–14; *Его же.* Итоги исследований в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. – Казань, 1955. – 23 с.; *Его же.* Итоги исследований в зоне затопления Куйбышевской ГЭС в 1955 г. – Казань, 1956. – 22 с.; *Хлебникова Т.А.* Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. – М., 1956. – Т. 62. – С. 141–146; *Ее же.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С. 41–42; *Хованская О.С.* Новые данные о крепостных сооружениях г. Болгара // КСИИМК. – М., 1956. – Т. 62. – С. 129–134 и др.

³² *Аксенова Н.Д., Ефимова А.М., Мухаметшин Д.Г., Хлебникова Т.А.* Исследования городища «Великие Болгары» // Древности Волго-Камья. – Казань, 1977. – С. 61.

³³ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С. 42–43; БГИАЗ. Документальный фонд. Ед. хр. 4-1. Л. 2.

³⁴ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1160. Л.9.

³⁵ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 327. Л. 22.

³⁶ Красная Татария. 1938. 16 марта.

³⁷ НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2407. Л. 19.

³⁸ НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2408. Л. 71.

³⁹ РА ИИМК. Ф. 312. Оп.1. Д. 5. Л. 70, 71–71об.

⁴⁰ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.2407. Л.56.

⁴¹ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.2407. Л.65.

⁴² Первая Всероссийская археологическая конференция. (10–13 апреля 1939 г.). – М., 1939. – С. 12.

⁴³ НА РТ. Ф.Р-3682. Оп.1. Д.2578. Л.58об.

⁴⁴ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 327. Л. 4.

- ⁴⁵ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 174. Л. 9.
- ⁴⁶ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 327. Л. 55.
- ⁴⁷ НА РТ. Ф. Р-7238. Оп. 2. Д. 2. Л. 37 об.
- ⁴⁸ НА РТ. Ф. Р-7239. Оп. 1. Д. 22. Л. 83.
- ⁴⁹ НА РТ. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
- ⁵⁰ Стенограмма Пленума Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР (май 1949 года) // Архив наследия — 1999. — М., 2000. — С. 18-19.
- ⁵¹ Стенограмма Пленума Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР (май 1949 года) // Архив наследия — 1999. — М., 2000. — С. 16.
- ⁵² Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации. — М., 2004. — С. 270.
- ⁵³ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1208. Л. 6.
- ⁵⁴ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 326. Л. 62–63, 68.
- ⁵⁵ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 513. Л. 18.
- ⁵⁶ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 513. Л. 17.
- ⁵⁷ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 513. Л. 17.
- ⁵⁸ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1160. Л. 7.
- ⁵⁹ НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1042. Л. 60.
- ⁶⁰ *Бурдин Е.* «И деревня моя Комаровка уходила на волжское дно» (Из истории переселения населенных пунктов в связи со строительством Волжской ГЭС) // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2006. — № 2. — С. 111.
- ⁶¹ *Гизатуллин Ф., Шарафутдинов Г.* Беречь исторические памятники // Советская Татария. — 1954. — 1 декабря.
- ⁶² НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1160. Л. 16.
- ⁶³ *Гарзавина А. В.* Болгарское городище — памятное место работы русских художников и ученых-археологов // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Татарская АССР. Сб. науч. тр. НИИ культуры. № 129. Ч. 2. — М., 1984. — С. 92.
- ⁶⁴ *Овчинников А.* Научная и педагогическая деятельность историка А. П. Смирнова // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2007. — № 1. — С. 84.
- ⁶⁵ *Хлебникова Т. А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. — М., 1987. — С. 42.
- ⁶⁶ НА РТ. Ф. Р-1499. Оп. 1. Д. 21. Л. 28; *Айдаров С. С.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. — М., 2001. — С. 55.
- ⁶⁷ Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации. — М., 2004. — С. 287, 290.

Аннотация

В статье освещается реализация государственной политики по сохранению объектов культурного наследия Болгарского городища в Татарстане в 1930–1950-е гг. Автор рассматривает становление системы органов охраны археологических памятников РСФСР, анализирует деятельность по изучению объектов столицы Волжской Булгарии, созданию научно-реставрационной базы в республике по сохранению памятников истории и культуры этого уникального ансамбля.

Ключевые слова: охрана культурного наследия, памятники истории и культуры, реставрация, реконструкция.

Summary

The article deals with the realization of the state policy to preserve the objects of cultural heritage of Bolgar site in Tatarstan in 1930–1950. The author considers the formation of the protection system of archaeological monuments of RSFSR, analyzes the activity aimed at the study of the objects of Volga Bulgaria, creation of scientific reconstruction basis in the Republic to preserve historic and cultural monuments of this unique ensemble.

Key words: cultural heritage protection, historic and cultural monuments, restoration, reconstruction.

УДК 94(3)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БОЛГАРЕ И СВЯЖСКЕ В 2010 г.

А.Г. Ситдиков, заведующий кафедрой Казанского федерального университета, заведующий Национальным центром археологических исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, кандидат исторических наук,

Р.Р. Валеев, старший научный сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, кандидат исторических наук,

З.Г. Шакиров, научный сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, соискатель

Большой интерес к истории и культуре Татарстана закономерен. Это продиктовано своеобразием региона, в котором еще с древности сложилось пересечение цивилизаций и культур. В этом «плавленном котле» образовывались многие народы и великие государства прошлого, которые внесли огромный вклад в развитие евразийской цивилизации и являются ее неотъемлемой частью. История этого региона является концентрированным выражением исторических, духовных, культурных, национальных традиций народов России.

В Татарстане проводится большая системная работа по изучению и сохранению объектов истории и культуры. В 2010 г. в связи с созданием по инициативе первого президента Республики Татарстан М.Ш.Шаймиева Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры, направленного на содействие развития Болгарского музея-заповедника, музея «Остров-град Свияжск», иных памятников истории и культуры, расположенных на территории Татарстана, осуществляется мас-

штабная работа по выполнению этих задач. В этом же году Республикой Татарстан и Российской Федерацией была утверждена Комплексная программа по возрождению Великого Болгара и Острова-града Свияжск – выдающихся памятников мирового значения.

Несомненно, что проект по изучению истории этих памятников имеет огромный исследовательский и практический интерес и способствует более тесной координации исследователей различных специальностей из многих городов России и мира. Именно поэтому комплексное изучение этой территории является важной историко-культурной задачей, требующей для своего решения привлечения различных научных методов. Благодаря согласованной работе Академии наук Республики Татарстан и Российской академии наук и подразделений, Казанского (Приволжского) федерального университета, в 2010 г. удалось обеспечить успешное выполнение стоявших перед исследователями научных и организационных вопросов по эффективному археологическому изучению Болгара и Свияжска.

В 2010 г. в рамках реализации проекта в Болгаре и Свияжске были начаты значительные реставрационные и строительные работы. Их предваряли масштабные археологические охранно-спасательные исследования, организатором и координатором которых являлся Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Полученные материалы дали много нового по истории и культуре Болгара и Свияжска. Изменились некоторые устоявшиеся, традиционные представления о планировочной структуре поселений. Это стало возможным благодаря значительным по площади охранным археологическим исследованиям на территории памятников. Общий объем исследований составил более 10 тыс. кв.м раскопок на обоих памятниках. В их осуществлении приняло участие около 150 специалистов и лаборантов, а при вскрытии культурных напластований в качестве рабочих было задействовано около 800 человек из многих организаций Татарстана и соседних регионов.

* * *

Болгарское городище расположено в Спасском районе Республики Татарстан в 200 км южнее Казани, на высокой коренной террасе левого берега Волги.

В эпоху средневековья город Болгар входил в число крупных городов не только Волжской Болгарии, но и Восточной Европы, в пределах укреплений он занимал в период своего расцвета территорию до 380 га. В городе было сосредоточено развитое ремесленное производство: гончарное и ювелирное дело, металлообработка, кожевенно-сапожное и косторезное производства. В его округе в сельских поселениях сложились развитые формы земледелия, животноводства.

В мировой торговле Болгар был важнейшим пунктом Великого Волжского пути. Особую роль в торговле играла пристань — Ага-базар, расположенная непосредственно на берегу Волги в трех километрах от города Болгар в устье

р.Меленки. Именно на этом торжище встречались Запад и Восток.

Средневековый город Болгар к середине XIII в. стал первой столицей государства Бату хана. Именно здесь началась первая в Поволжье чеканка монет от имени монгольских правителей. На территории городища сохранились многочисленные монументальные, каменные сооружения XIII—XIV вв. общественного и культового назначения (Северный и Восточный мавзолеи, Черная палата, Малый минарет и Ханская усыпальница, руины Соборной мечети, Красной и Белой палаты (общественные бани), Ханской бани и др.).

История археологического изучения Болгарского городища начинается с работ В.Г.Тизенгаузена в 1864 г. на Бабьем бугре. Планомерные археологические раскопки Болгарского городища организует в 1938 г. А.П. Смирнов. В разное время в составе созданной им Болгарской археологической экспедиции работали такие ученые, как Н.Ф. Калинин, О.С. Хованская, А.М. Ефимова, Т.А. Хлебникова, З.А. Акчурина, В.В. Седов, Н.Д. Аксенова, Ю.А. Краснов, М.Д. Полубояринова, П.Н. Старостин, Г.Ф. Полякова, М.Г. Крамаровский, Л.А. Беляев, Л.Л. Савченкова, Р.Ф. Шарифуллин, М.М. Кавеев, И.Р. Газимзянов, В.С. Баранов, А.М. Губайдуллин и др. В последние десятилетия археологическое изучение памятника ведется Болгарской археологической экспедицией Института истории АН РТ под руководством Р.Ф. Шарифуллина. За период двухвекового археологического изучения этого памятника было раскопано более 20 тыс. кв. м.

В 2010 г. в целях изучения и сохранения культурного наследия в местах строительства предварительно проводились спасательные археологические изыскания. Проведение раскопок осложняли крайне неблагоприятные погодные условия: аномальная жара, пылевые бури, которые случались довольно часто и продолжались несколько дней. Исследования осуществлялись

организованной Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ группой исследователей, включающей сотрудников других организаций. Общими усилиями на территории Болгарского городища восемью раскопами вскрыта площадь около 6 тыс. кв.м.

На территории Болгарского музея-заповедника близится к завершению расчистка остатков монументального кирпично-каменного здания середины XIII в., исследования которого были начаты в 1996 г. Это третья крупная постройка после Соборной мечети и Восточной палаты, которая возникла на верхнем плато городища сразу же после погрома 1236 г.

Руины располагаются на северном краю верхней коренной террасы над известным памятником «Красная палата», в непосредственной близости (90 м) от центрального комплекса архитектурных памятников Болгара. На сегодня раскопом вскрыто более 1000 кв.м., что составляет примерно 80 % от предполагаемой площади остатков кирпично-каменного здания (иссл. Р.Ф. Шарифуллин).

Остатки здания несут следы варварского уничтожения местными жителями в XVIII–XIX вв. из-за добычи камня для выжигания извести. Но все же удалось выявить основную план постройки и отдельные конструктивные особенности. К тому же южная половина раскопа пришлась на участки, подвергшиеся наименьшему разрушению. Здесь высота сохранившейся кладки местами составляет более 2 м (от подошвы). Фундамент постройки сложен из бутового камня, а стены возведены из болгарского квадратного кирпича с обкладкой фасадов тесаными известняковыми блоками. Юго-западный и юго-восточный углы здания сохранили основания круглых в плане пилонов или башен из специальных блоков соответствующей формы.

Работы еще не завершены, но уже ясно, что здание может быть связано с не локализованным до сегодняшнего дня дворцовым комплексом правите-

лей Болгара. К тому же оно чрезвычайно привлекательно для туристического показа, так как находится в центре и маршрут к «святому источнику» пролегает именно здесь.

Самые крупные охранные археологические исследования 2010 г. были проведены на месте строительства Речного вокзала у береговой зоны памятника на крупном мысовом выступе восточнее исторического Бабьего бугра. Общая площадь исследований составила около 4000 кв. м.

Мыс, на котором проводились исследования, начал осваиваться еще с V в. и связан с населением именьковской культуры. Во второй половине I тыс. н.э. на данной территории появляется болгарское поселение, а в XIII–XIV вв. здесь располагался ремесленный район средневекового города, планировка которого, вероятно, имеет усадебный характер. Ремесленные усадьбы состояли из землянок-мастерских, жилых помещений и хозяйственных ям различного назначения. Вдоль улиц тянулись водосточные каналы-арыки.

В заполнении одной из сгоревших мастерских медника-ювелира обнаружены золотые и серебряные украшения со вставками из полудрагоценных камней и стекла (серьги, перстни и подвески), пробирные камни, бронзовые матрицы, медная, керамическая, деревянная и берестяная посуда, интересная антропоморфная фигура и т.д. Богатый вещевой материал с раскопа представлен большим количеством находок: фрагменты и целые формы лепной и круговой посуды, медные и серебряные монеты, украшения из полудрагоценных камней, стекла, серебра, бронзы, бытовые, хозяйственные и профессиональные предметы из черного и цветного металла и кости.

На рассматриваемой территории также располагался небольшой некрополь XIV в. Из общей массы выделяется одно погребение, в котором усопший находится в сидячем положении со скрещенными руками в области живота. Между рук находится процесси-

онный крест с каменными вставками. Череп погребенного с тремя шейными позвонками располагается у ног.

Район ремесленных усадеб XIV в. продолжился и на раскопах, заложенных при строительстве спуска в котлован строящегося Речного вокзала. Здесь также были выявлены остатки углублений полуземлянок, которые были связаны с жилыми постройками и мастерскими, рядом с которыми располагались остатки кузнечного горна, ям-зернохранилищ, выгребных ям и другие объекты хозяйственного назначения.

С территории усадеб собраны фрагменты и целые формы посуды, медные и серебряные монеты, бронзовые украшения, предметы костюма и домашнего обихода, железные предметы и крицы, украшения из полудрагоценных камней и стекла, жернова и другие изделия из камня, костяные изделия.

В северо-западной части Болгарского городища на месте строительства котельной и трансформаторной подстанции Речного вокзала выявлен кузнечный район города XIII–XIV вв. Береговая зона была достаточно привлекательна и густонаселенна. Здесь обнаружено около десятка прямоугольных полуземлянок, которые были связаны с жилыми постройками и мастерские кузнецов, рядом с которыми располагались хозяйственные ямы, погребя, водосборники, очаги и т.д.

В мастерских найдены многочисленные куски шлака и крицы. В мастерских кричный металл проковывали до получения доброкачественного железа. Свидетельством этого является кричный шлак на полу мастерских толщиной 1–3 см, также в большом количестве встречается крица, прокованный сырьевой металл и готовые изделия. Кузнецы, видимо, специализировались на изготовлении железных ножей, что можно объяснить большим их присутствием на раскопе, а также обилием однообразных медных насадок для ножей.

С территории усадеб происходят кухонная посуда, множество монет, ук-

рашения в виде бронзовых накладок, стеклянных и сердоликовых перстней и бусин, бытовые изделия и предметы вооружения и др. В одной из мастерских найден набор игральные кости.

В северной части Болгарского городища на месте строительства памятного знака в честь принятия ислама болгарскими в 922 г. выявлена и исследована также усадьба ремесленника XIV века. Она состоит из двух полуземлянок, которые являются остатками жилища и мастерской, с горном для плавки металла, очагом и хозяйственными ямами. С раскопа происходит множество находок: это — фрагменты гончарной поливной и неполивной посуды, около двухсот медных и серебряных монет, железные ножи, костяные рукояти и муфты и т.д. Среди них наибольший интерес представляют фрагменты крупного салатного блюда.

В северо-восточной части Болгарского городища на месте предполагаемого строительства трансформаторной подстанции выявлена часть конюшни XVIII в. и хозяйственные сооружения домонгольского и золотоордынского периода.

В центральной части памятника на месте строительства административных помещений обнаружены хозяйственные постройки XVII–XVIII вв., а также сооружения домонгольского и золотоордынского времени. Вещевой материал представлен фрагментами болгарской посуды и другими предметами.

В южной части городища на месте строительства дороги археологами обнаружен и исследован крупный мусульманский могильник конца XIV — первой половины XV вв. Погребения совершены с соблюдением всех норм ислама.

Древний город Болгар продолжает поражать нас своей богатой культурой.

* * *

Обширные пойменные долины, образовавшиеся на месте слияния Свиаги с Волгой, всегда являлись привлекательными для людей территориями.

Изобильная природа окрестных мелководий, озер, заливов и островов с удобными речными путями для освоения территорий издревле притягивала сюда человека. В эпоху средневековья с появлением государственных образований в устье Свияги стало важной стратегической точкой. С этим связано заселение рассматриваемой территории в эпоху Волжской Болгарии, а в середине XVI в. на высоком останце в устье реки по указу Ивана IV строится крепость. В прошлом Свияжск находят отражение события, занимающие важное место и в истории России нового и новейшего времени.

Свияжск находится на северо-западной части Республики Татарстан в Зеленодольском районе в 30 км к юго-западу от г. Казани. Он представляет собой высокий холм, который в восточной части переходит в низкую надпойменную террасу. После подъема воды Куйбышевского водохранилища во второй половине 1950-х годов Свияжск стал городом на острове. На сегодняшний день площадь острова составляет около 62 гектар.

Специальные археологические исследования в Свияжске длительное время не проводились. В 1978–1982 гг. в рамках проекта планировки и благоустройства Свияжска на территории памятника проводились раскопки под руководством Беляева Л.А. Полученные им данные позволили определить перспективные направления по дальнейшему изучению, сохранению и использованию историко-культурного наследия острова Свияжск. Отдельные работы в 1980–1990-е годы велись казанским археологом Шавохиным Л.С. К сожалению, в те годы по ряду объективных причин исследования были приостановлены.

Начатые в 2010 г. работы в реализации принятой в Республике Татарстан программы, ставящей целью возрождения Острова-града Свияжск и Болгара, способствовали проведению масштабных охранных археологических изысканий на местах реставрационных работ, строительства жилых домов, объектов

благоустройства и прокладки коммуникаций.

Значимые результаты дали археологические раскопки, проведенные на месте строительства новых жилых и хозяйственных построек на территории острова. Так, на месте строительства хозяйственного блока Иоанно-Предтечинского монастыря выявлены погребки и хозяйственные ямы усадьбы, функционировавшие до вхождения этой площадки в территорию Иоанно-Предтечинского монастыря в начале XIX в. В этом районе в раскопах изучена усадебная застройка и ее изменение на протяжении XVII–XIX вв.

В Рождественском переулке в 25 квартале, где были заложены раскопы под предстоящее строительство жилых зданий, изучены ранние объекты, связанные с освоением территории Свияжска во второй половине XVI в. К числу находок, найденных в этом районе и иллюстрирующих материальную культуру эпохи средневековья, относятся многочисленные фрагменты керамики, в том числе обломки посуды, изготовленной в болгарских традициях, бытовые предметы из металла, а также тверской пул и крест-энколпий, изготовившийся в XV–XVI вв.

Интересный материал по истории освоения Свияжска дали результаты раскопок на ул. Еленинской в квартале 35. Здесь изучены остатки жилой застройки XVIII–XX вв., которая формировала собой усадьбу, функционировавшую с различными перестройками на протяжении почти трех столетий. Стратиграфически прослежена последовательная смена нескольких строительных горизонтов развития усадьбы, хорошо просматривается в разрезах слоев горизонт известного по письменным источникам пожара 1795 г. В раскопе кроме остатков жилых наземных сооружений прослежены производственные помещения, в том числе и кузницы, о чем свидетельствуют выявленные в ходе исследований артефакты (клещи, зубила, молотки и др.), а также на уровне пола фиксируется слой шлака.

Большое значение для дальнейшего изучения Свяжска представляют исследования, проводимые в нижней части холма со стороны строящегося Речного вокзала. На этой территории в результате длительного формирования культурных слоев образовался мощный, обозначаемый в археологии, как «влажный культурный слой». Специфика подобных отложений обеспечивает высокий уровень сохранности органики. На раскопе на месте предстоящего возведения Речного вокзала был заложен большой раскоп, в котором на уровне более 2 м были выявлены горизонты деревянной застройки XIX – начала XVIII вв. Более ранние слои в текущем году не исследовались. В ходе раскопок были отобраны дополнительные спилы бревен, позволившие уточнить дендрохронологическую шкалу Казанского Поволжья XVI–XVIII вв.

На территории Свяжска в процессе проведенных исследований были выявлены погосты конца XVI–XVIII вв., расположенные у церковей Николая Чудотворца (ул. Никольская), Софийской (ул. Троицкая), а также Иоанно-Предтечинского монастыря, находившегося до 1795 г. в районе современного Рождественского переулка. С первой третью XX в. связаны две братские могилы в районе Успенского монастыря, появление которых, вероятно, относится к драматичным периодам гражданской войны и эпохи политических репрессий.

Культурные напластования получили хорошую датировку обширным нумизматическим материалом. Из объектов, изученных раскопами, происходят многочисленные монеты второй половины XVI–XIX вв., в том числе два клада. Один из кладов, состоящий

из монет и предметов XVIII в., был обнаружен в ходе охранных исследований для прокладки водопроводной траншеи на ул. Кузнечной, недалеко от пересечения с ул. Рождественской. Имеются и предметы болгаро-татарского времени XIII–XV вв., в частности фрагменты кашинных поливных сосудов, гончарной красноглиняной посуды, выполненной в болгарских традициях. Обращает на себя внимание наличие находок и более раннего времени. Ряд находок иллюстрирует освоение холма в эпоху поздней бронзы и раннего железного века.

Полученные в ходе исследований археологические коллекции из закрытых комплексов (погребов, подклетов, хозяйственных ям), время бытования которых определяется датированными находками, позволят в дальнейшем составить картину изменения городской материальной культуры Среднего Поволжья в целом. Археологические охранные исследования в зоне производства строительных работ на территории Свяжска позволили собрать новые сведения о дорегулярной застройке позднесредневекового и уездного города второй половины XVI–XIX вв. В ходе раскопок выявлены направления ранних улиц, планировка усадеб.

Продолжение исследований предполагает решение вопросов, связанных с ранней историей острова: локализация крепостных укреплений Свяжска XVI в., первоначальная планировка улиц, местонахождение объектов известно по письменным источникам. Перспективным направлением исследований является расчистка каменных руин церковей, взорванных в советское время, для последующей музеефикации и включения их в туристические маршруты.

Аннотация

Археологические раскопки 2010 г. в Болгаре и Свяжске в рамках реализации Комплексной программы «Возрождение Острова-града Свяжска и Болгара» позволили вскрыть при осуществлении охранно-спасательных исследований большие площади. Были получены новые сведения по средневековой топографии поселения, а также пополнились музейные коллекции предметами материальной культуры.

Ключевые слова: Болгар, Свияжск, Татарстан, культура, археология, раскопки, керамика, ремесло, город, средневековье.

Summary

Archaeological diggings that took place in Bolgar and Sviyazhsk in 2010 within the bounds of realization of the composite programme «Renaissance of the Sviyazhsk Island and Bolgar» allowed to expose large areas carrying out protecting investigations. New evidence of medieval topography of the population was received. Moreover, objects of material culture enriched museum collections.

Key words: Bolgar, Sviyazhsk, Tatarstan, culture, archeology, diggings, ceramics, craft, town, Middle Ages.

УДК 82.0: 821.161:821.51:82-1/-9

К 125-летию со дня рождения Ф. Амирхана

ФАТИХ АМИРХАН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ*

В.Р. Аминева, кандидат филологических наук, доцент

Известнейший татарский художник Бакый Урманче назвал Ф.Амирхана «идеальной моделью» татарского интеллигента, объединившего в себе Восток и Европу. Активное использование богатств национального культурного опыта, любовь и уважение к многовековому художественному наследию родного народа сочетаются в творчестве Ф.Амирхана с освоением достижений русского и европейского словесного искусства.

Мечту писателя о преобразовании старых форм социально-бытового уклада жизни, неприятие невежества, косности, фанатизма, всего того, что мешает социальному, культурному, духовно-нравственному прогрессу нации отражает контраст реального и идеального, старого и нового, прекрасного и безобразного в рассказах «Бэйрэмнәр» («Праздники», 1909), «Көндезге сәхәр, яки рузасызлар» («Обед во время уразы», 1911), «Милләтне тәрәккый иттерү» («Как способствовать прогрессу нации», 1908), «Рәхәт көн» («Блаженный день», 1910), «Хәзрәт үгетләргә килде» («Мулла пришел поучать», 1912) и др., опубликованных в еженедельной газете «Эль-Ислах» (1907–1909 гг.) под рубрикой «Современные рассказы» («Замана хикәяләре»). Объектом обличения становятся представители старого мира,

в изображении которых широко используются разнообразные приемы предметной детализации, элементы сатирической поэтики, рассчитанные на создание комического эффекта, что сближает художественный метод Ф.Амирхана с характерными для русских художников слова (Н.В.Гоголя, М.Е.Салтыкова-Щедрина и др.) принципами сатирической типизации. Подобно своим предшественникам татарский писатель осуществляет принцип реалистического детерминизма – раскрывает социальную почву, которая формирует характер героев.

Примечательна в этом плане сатирико-фантастическая повесть «Фатхулла хазрет» (1909). Фатхулла хазрет – типический образ, но типическое в характере героя реализуется в индивидуальных чертах, проявляющихся в исключительных для мусульманского духовенства начала XX в. обстоятельствах и ситуациях. Автор воскрешает главного героя, кадимиста Фатхуллу, в лаборатории Казанского университета через 40 лет после смерти и переносит события в 1950 год – в век научно-технического прогресса и торжества гуманистических нравственных идеалов. Основным принципом сатирического обобщения является гротеск: гротескна фигура Фатхуллы хазрета, в образе которого воплощена идей-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-04-29406-а / В / 2010.

но-нравственная уродливость старой татарской жизни; гротескна ситуация, положенная в основу повествования – анахроническая фигура Фатхуллы несовместима с романтической картиной общества будущего. Суд, который вершит Фатхулла хазрет над новой действительностью, основанной на иных социально-исторических основаниях и этических моделях, чем те, в которых он жил, выполняет функцию саморазоблачения героя и всего старого мира.

Сходные функции выполняет гротеск в сказках М.Е.Салтыкова-Щедрина. Соединяя реальное и фантастическое, русский и татарский писатели создают типы, в которых в обобщенном и сатирически заостренном виде воплощено основное противоречие современного им общества. Д.Сайганов считает, что «по смелости и оригинальности, действенности фантазии амирхановская сатира перекликается с шедеврами мировой сатирической литературы – произведениями Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Рабле, Сервантеса, Свифта»¹.

Утопические произведения в татарской литературе отражают просветительские идеи и предписывают нации те цели, которые она способна реально осуществить, считают главным средством преобразования сущего в должное просвещение. Позднее, в 1924 году, Ф.Амирхан обращается к жанру антиутопии. В повести «Шәфиғулла ағай» («Шафигулла агай»), как и в романе Е.И.Замятина «Мы», повестях А.П.Платонова «Котлован» и М.А.Булгакова «Собачье сердце», создается модель мира, представляющая собой результат перекодировки характерных для утопического мышления постулатов и построений. Различные формы проявления антиутопического начала в русской литературе 1-й трети XX в. определяются его взаимодействием с научной фантастикой («Мы» Е.И.Замятина), социальной сатирой («Собачье сердце» М.А.Булгакова), трагическим утопизмом («Котлован» А.П.Платонова), пародированием определенных утопических концепций.

Антимир в повести Ф.Амирхана «Шафигулла агай» создается путем полной перекодировки мусульманских канонов и их глобальной трансформации. Данное произведение интересно и с точки зрения того, как в татарской культуре советского периода осуществлялся сам механизм духовной подмены одних ценностей другими. И роман Е.И.Замятина «Мы», и повести: М.А.Булгакова «Собачье сердце», А.П.Платонова «Котлован», Ф.Амирхана «Шафигулла агай» – представляют в различных формах отрицательную картину социальной системы, которую писатели наблюдают в тенденциях, существующих в развитии современного им общества и пародирующих определенную утопическую концепцию.

«Утопическое» и «антиутопическое» в произведениях 20–30-х гг. XX столетия наполняется в каждом конкретном случае особым содержанием, отражающим особенности творческой индивидуальности писателя, своеобразие его мироощущения, типа сознания. В то же время диалог с утопией, в процессе которого утопия и антиутопия взаимно корректируют друг с другом, является общей для разных национальных литератур закономерностью историко-литературного процесса.

Учитывая социально-историческую обусловленность характера, Ф.Амирхан сосредоточивает внимание на изображении душевно-эмоциональных процессов и состояний героев, выводящих их за пределы социально детерминированного типа. Писателя интересуют прежде всего мысли, чувства, душевный склад, моральный облик человека, оказавшегося перед выбором между двумя типами жизни – старой и новой. Художественные открытия Ф.Амирхана-психолога позволяют установить еще одну линию типологических схождений с русской литературой – сходство с принципами и приемами изображения внутреннего мира человека в прозе И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского. Ф.М.Мусин обращает внимание на одно многозначительное наблюдение

Г.Тукая: «Касаясь стиля Ф.Амирхана, поэт отмечал, что по красоте стиля он похож на Тургенева, по силе юмора – на Гоголя, а по тонкости передачи психологических характеристик – на Достоевского»².

Габдельгалляму («Праздники»), воспитанному в старотатарских, патриархальных традициях, кажется привлекательной новая жизнь, которую формирует западное просвещение и русская культура. Конфликт старого и нового переносится во внутренний мир героя, в душе которого сталкиваются противоположные стремления: с одной стороны, он стихийно тянется к новой жизни, ему очень хочется пойти на литературный вечер, но с другой стороны, Габдельгалляму не уверен в себе, боится нарушить общепринятые нормы поведения. Борьбу взаимоисключающих начал: разумного и желаемого, мысли и чувства, – писатель воспроизводит с помощью внутреннего монолога: «Габделгалляму эчендә әдәбият кичәсенә бару-бармау фикерләре сугыша иде. Белеш-танышка очарсың әллә ни? Ә анда бит теге көләч, кара тутлы кыз да була, билгеле инде, була. Актыктан ишетелсә, эти буран туздырыр бит. һәркем сөйли дә сөйли, күрергә иде шуны бер мәртәбә» [Әмирхан, 1984, 1, б. 26]. Динамика переходного состояния жизни способствует пробуждению сознания и Гайниджамал («Блаженный день»), оказавшейся на грани двух миров (старого и нового) и испытывающей тоску, непонятный страх и досаду, которые отражают стремление к освобождению от старых форм быта и символизируют пробуждение сущностных начал в человеке.

В рассказе «Хәкарәт саналган мәхәббәт» («Любовь – унижение», 1908) писатель сосредоточен на анализе психологического состояния героя, которому возлюбленная призналась, что его любовь – позор для нее. Чувства обиды, унижения, одиночества, тоски стимулируют работу самосознания и проводят к более глубокому, осмысленному пониманию себя и окружающих. Общая направленность

художественной логики Ф.Амирхана, ярко проявившаяся в этом рассказе, такова, что автор ведет читателя от индивидуального – ко всеобщему, от единичного, психологически конкретного события – к универсальным коллизиям бытия.

Салих не может забыть сказанных ему Фаридой слов: «Мин сезнең мәхәббәтенезне үземә хәкарәт саным»³, избавиться от угнетающих его отрицательных эмоций. В то же время, изображая переживания героя, автор показывает, как высший смысл и вечные ценности входят в человеческую жизнь: они связаны с молодостью, стремлением к счастью, способностью любить. Эти категории примеряют и синтезируют противоположные стороны человеческой жизни – счастье и страдание, радость и отчаяние. В искренних и чистых чувствах Салиха отражаются глубина и полнота бытия, его диалектическая сущность.

Герой рассказа «Картайдым!» («Постарел!», 1909), 29-летний юноша Мустафа, казалось бы, достиг того, к чему стремился, – получил аттестат зрелости и поступил в университет. Но Мустафу гложет тоска, он далек от ощущения счастья, разочарован и неудовлетворен своей жизнью. Причины переживаемого героем острого и мучительного духовного кризиса сложны и многообразны: это и трудности, с которыми он сталкивался на пути к своей цели, и лишения, выпавшие на его долю, и отсутствие настоящего дела, которому он мог бы себя посвятить, и сознание скоротечности жизни, кратковременности человеческого счастья на земле, и сомнение в безусловности высших духовно-нравственных ценностей и общественных идеалов. Мустафа близок к отчаянию, потому что он чувствует себя постаревшим и уставшим от жизни: «Кайтарып бирегез миңа шул яшьлек, мөкатдәс яшьлегемне, мин сезгә бөтен уздырган гомеремнең мәхсулатын бирәм!»⁴, – восклицает герой. «Преждевременная старость души» объясняется и ссылкой на общечеловеческий закон – против-

стояние высоких порывов души и безвозвратно уходящей молодости. Таким образом, писатель сопрягает мотивировки разного порядка – от бытовых и социальных до трансцендентных. Многогранная и разнокачественная обусловленность душевного состояния героя сближает художественный метод Ф.Амирхана с особенностями реалистической характерологии, сложившейся в русском реалистическом романе XIX в.

Ф.Амирхан – писатель, обладающий чувством нового, способностью улавливать нарождающиеся тенденции и типы современной действительности. В начале XX в. намечаются серьезные изменения в жизни татарских женщин: открываются специальные школы, гимназии, учительские курсы. Ф.Амирхан одним из первых обратился к изображению этих новых явлений татарской жизни. В центре внимания писателя в повесть «Хаят» («Хаят», 1911) – психологическая драма молодой девушки, в душе которой сталкиваются противоположные начала: просыпающееся чувство личности, новое отношение к миру и моральные заповеди старого татарского общества. Каждое из субъективно значимых для героини событий: признание Михаила в любви, встреча с московским студентом Гали Арслановым, сватовство Хаят молодым баем Салихом Фатыховым – вызывает в ее душе борьбу противоречивых мыслей и чувств, переходящую в мучительную тоску и беспокойство. А.М.Саяпова, анализируя душевные переживания Хаят и авторский комментарий к ним, обращает внимание на слова «холод», «страшно и холодно», повторяющиеся четыре раза в небольшом отрывке, на выстраиваемую писателем систему метафор («бездна» жизни, «холод» жизни, «страх»), которая, по ее мнению, полностью соответствует категориальному аппарату философии экзистенциализма. «Хаят – героиня времени, предчувствующая «холод» жизни. Ей страшно заглянуть в «бездну» действительности, она не готова к этому. Однако наступающий страх

перед действительностью очевиден для Хаят»⁵. Борьбу противоположных начал: мыслей и чувств, ума и сердца раскрывает такие приемы психологического изображения, как внутренний монолог, поток сознания, «замещенная» (В.Н.Волошинов) прямая речь. На смену эмоциональным порывам, желанию самостоятельно принимать решения приходит рациональное осознание невозможности счастья, свободной жизни. Используемые Ф.Амирханом принципы и приемы художественного обобщения позволяют видеть в истории Хаят отражение судьбы всей татарской молодежи, нации в целом.

В романе «Урталыкта» («На перепутье», 1912) Ф.Амирхан раскрывает психологию человека переходной эпохи, мучающегося сомнениями и не нашедшего своего места в жизни. Писатель синтезирует принципы типизации, свойственные эпическому и лирическому родам литературы. Представлена широкая панорама национально-исторической действительности начала XX в.: городской быт, культурная жизнь Казани, среда демократической интеллигенции и учащейся молодежи – студентов, гимназистов, курсисток. Сталкиваясь с людьми разных взглядов и убеждений, Хасан внимательно всматривается в них, сопоставляет и оценивает их общественную позицию. Внутренний мир личности вмещает разнообразный эмпирический материал: разнородные, идущие от разных жизненных точек впечатления, которые претворяются в непрерывный поток душевной жизни героя.

Для Хасана характерны рефлектирующий аналитический склад мышления, устойчивый интерес к своим переживаниям, острая наблюдательность за другими людьми, осмысление взаимоотношений с окружающими, поэтому основное место в композиции образа героя занимает его самосозерцание, самоанализ и самопознание. Субъективный внутренний мир персонажа представлен в непосредственной исповедальной форме. Хасан порвал с прошлым, не приемлет старую жизнь,

размышляет о судьбах нации и ее культуры, пытается разобраться в окружающей его действительности, мечтает о преобразовании жизни татарского народа на пути приобщения к русско-европейскому просвещению. В то же время в себе самом он находит много слабостей и недостатков: неумение сосредоточиться на достижении поставленных целей, отсутствие силы воли и организованности. Приемами художественно-психологического анализа личности героя становятся внутренние монологи, «замещенная» прямая речь, психологический комментарий. В человеке, детерминированном неустойчивостью и противоречивостью народно-национального бытия, Ф.Амирхану, как и Л.Н.Толстому, важно выявить процессное («текущее») состояние души. А.Д.Сайганов констатирует: «Хасан – человек, оставивший позади свое прошлое, вставший на путь усиленных поисков нового, достойного идеала»⁶. На это же качество изображаемого писателем типа «нового человека» указывает Р.К.Ганиева: «... через изображение ежедневной обыденной жизни героя, через его переживания Фатих Амирхан стремится раскрыть нечто глубинное, социально значимое: поиски татарской молодежью 1906 – 1911 годов идеалов переустройства общественной и духовной жизни татар»⁷.

В характере Хасана Арсланова ученые обнаруживают черты «лишних людей»: «Хасан изучил до тонкости многие свои недостатки, ненавидит их, но любит о них думать, говорить. Упоминание самоанализом, парадоксальное соединение неудовлетворенности с самолюбованием – все эти черты «лишнего человека» (достаточно вспомнить «Гамлета Щигровского уезда» И.С.Тургенева) налицо в этом герое»⁸. Н.М.Валеев отмечает и сходство Хасана Арсланова с героем «Записок из подполья» Ф.М.Достоевского.

К изображению человека новой эпохи, интеллигента-демократа писатель обращается и в ряде других произведений. Так, в рассказе «Кадерле ми-

нутлар» («Счастливые минуты», 1912) утверждается мысль о том, что смысл жизни, ее конечная цель и оправдание – в любви, что любовь – нечто непререкаемо высокое и святое. Герой рассказа Рэшат дает решительную отповедь модному в начале прошлого века чувству разочарования всем миром, настроению пессимизма, которые были «визитной карточкой» почти каждого человека, считавшего себя интеллигентом и интеллектуалом. Формой выражения позитивного мировоззрения героя становятся воспоминания о самых счастливых минутах в его жизни – мгновениях любви. Несмотря на внешнюю, пространственно-временную, отдаленность от прошлого, рассказчик ощущает свою внутреннюю связь с ним. Строгое разграничение временных планов стирается и за счет соединения момента действия и называния его в слове, перехода «рассказывания» в «изображение» событий. Более близкое время рассказывания отдалается, а более дальнее, событийное, приближается, приобретая статус «абсолютного настоящего».

Повествование о счастливых минутах все более явственно приобретает лирическое «качество». Чувства поэтизируются, освобождаясь от эмпирики окружающей действительности, социальной, бытовой, психологической конкретики, обретают определенную меру независимости от действия, характеров, обстоятельств, мотивов поведения и т.д. Формальным признаком лирического преобразования переживаний становится повышенная экспрессивность речи рассказчика. Распредмечиванию реальности и превращению ее во внутреннюю реальность духа служит вся система художественных средств.

Иное мироощущение раскрывается в рассказе «Сүнгәч» («Когда погасло пламя», 1916). Шакир отказывается от любви и подавляет в себе личное чувство. Доминирующую роль в произведении играет психологическая мотивировка: писатель указывает на истоки и причины не только поступков, но и мыслей, чувств, подсознательных

импульсов. Любовное охлаждение представлено как процесс сложный и внутренне неоднородный. Лирическая тема болезненно сопротивляющейся, но уступающей и угасающей эмоции сопутствует мотивам разочарования, обманутых надежд, унижения, уязвленного самолюбия и т.д. Одновременно с любовной темой, вернее, в ней самой подспудно звучит тема прощания с юностью, с надеждами и мечтаниями молодости, постепенного «остывания» человеческого сердца.

В повести «Габделбасыр гыйшыкы» («Любовь Габдельбасыра», 1914) любовный сюжет является средством выявления убожества внутреннего мира героя. В душе шакирда старометодного медресе Габдельбасыра живет потребность в любви и счастье. «Выдумав» любовь к дочери купившего дом по соседству с медресе Рауф-бая, он искренне верит в реальность воображаемого. Усиливающуюся зависимость от мира мечты, невозможность отказаться от сладких грез отражают внутренние монологи Габдельбасыра, имеющие исповедальный характер. В них реализуется то, что в действительности невозможно – взаимная тайная любовь шакирда и дочери бая. В редкие минуты пробуждения от грез героем овладевает глубокая тоска. Действительность столь неприглядна, что Габдельбасыр торопится уйти от нее в мир мечты. Трактовка чувства любви как «чистой идеи», «мечты», которой противопоставлены любые столкновения с реальной действительностью, восходит к традициям арабо-мусульманской культуры. Показательна в этом отношении легенда о Маджнуне и Лайле. «Эта любовь к тени Лайлы, эта верность воспоминанию, первой клятве, первым встречам, настолько сильна, что Маджнун не хочет ничего реального. Он предпочитает сохранить поклонение воспоминанию как таковому, чистую идею воспоминания... Эта исключительная любовь настолько нематериальна, что она в конце концов растворяется в чистой идее и удовлетворяется оставленным в уме следом»⁹.

Однако эта возвышенная, трагически прекрасная любовь приобретает в повести Ф.Амирхана комический характер, так как не соответствует характеру и натуре героя.

В прозе Ф.Амирхана наряду с приемами реалистического художественного письма присутствуют различные формы символизации, условно-метафорической образности, риторика торжественно-пафосных вопросов и восклицаний, поэтика антиномий и контрастов, позволившие ему выявить дисгармоничность национального бытия, его трагические противоречия и конфликты.

В изображении судьбы женщины-татарки в рассказе «Татар кызы» («Татарка», 1909) писатель претендует на универсализм обобщений. Темная Сила – символическая модель типических, повсеместно распространенных обстоятельств, сковавших жизнь, зол общественной действительности. Но, выявляя сущность и меру социального зла, Темная Сила указывает на некий трансцендентный закон, концентрирует в себе космическое зло. Она лишает человека свободы, убивает красоту, мечты и надежды.

Приговорив татарку к погребению заживо, Темная Сила вступает в борьбу с Жизнью. В основе этого противоборства – захват души девушки-татарки и последовательное исполнение вынесенного ей смертного приговора. Автор последовательно прослеживает процесс «погребения» – превращения в живую куклу. В монографии Д.Ф. Загидуллиной «Модернизм и татарская проза начала XX столетия» устанавливается связь данного произведения с 81 сурой Корана о закопанных заживо в раскаленный песок девочках-арабках¹⁰. Данная параллель не просто превращает авторский текст в одну из реализаций коранического сюжета. В изображаемой ситуации подчеркивается ее воспроизводимость, неизменяемость, типологически-родовая всеобщность.

Татарка оказывается запертой в «четыре стены». Четыре стены – это пространство, губительное для че-

ловека, соответствующее состоянию предельной изоляции и свидетельствующее об «отторженности» татарки от универсальных ценностей: свободы, любви, счастья. Быть запертой в четырех стенах – то же, что быть погребенной заживо. Это пространство прибирает к рукам, мертвит человека задолго до его физической кончины. Сфера жизни превращается в сферу небытия, смерти.

В финальном эпизоде произведения упоминаются ученики медресе в Египте, чтецы Корана в стамбульской мечети, мусульмане Индии, паломники среди развалин города Булгары и паломники всего земного шара, собравшиеся в Мекке. Все они повторяют стих из Корана: Терелэй күмелгән кыз баладан ни гөнаһы очен утерелгәнлеген сорау көне – кыямәт көнедер, – диләр иде...» [Әмирхан, 1984, 1, б. 56]. Изображение тяжеловесно-косной действительности, буднично-обыденного существования человека, равносильного смерти, борьбы с Темной Силой и поражения в этой борьбе пронизано страстным порывом к идеалу. Фатальным всеобщностям писатель противопоставляет феномен самой жизни как высшей ценности. Его надежда и вера в возможность возрождения «живой куклы», преображения личности женщины-татарки связаны с девушками мусульманского Востока, не желающими быть погребенными заживо.

Экзистенциальная и эсхатологическая проблематика произведения реализуется на уровне его формы. Р.К.Ганиева рассматривает «Татарку» как лирико-патетическое произведение прозы с восточными корнями. «Рассказ этот, будучи реалистическим в своей основе, оригинально синтезирует в себе различные приемы модернистской литературы. Целенаправленное превращение татарки темными силами в игрушку для будущего мужа, затем в живой труп, стилистически выражено художественными приемами экспрессионизма (например, безымянный собирательный образ татарки, обилие аллегорических

и символических образов, резкость и экспрессивность авторских монологов, оценочных характеристик, страстный социально-критический пафос, ориентация на высокий стиль коранических сур и т.д.). Фрагментарность, схематичность композиции произведения, указание на пограничные этапы существования татарки между двумя полюсами – Жизнью и Смертью – тесно связывают Фатиха Амирхана с философско-эстетическими канонами экзистенциализма»¹¹.

С эпическими структурами взаимодействуют стилистические показатели лирического рода литературы. Ритм рассказа создается разнородными повторами: аллитерациями, ассонансами, внутренними рифмами, анафорами, синтаксическим параллелизмом. Идею произведения раскрывают ключевые слова-лейтмотивы: «свобода» и «жизнь». Жанрово-стилистическому строю произведения соответствует динамика авторской повествовательной манеры, эмоциональный колорит текста. Писатель нередко прибегает к эпико-повествовательному тону, в ряде фрагментов текста ведет рассказ от некоего абстрактного и отчасти безликого третьего лица. Но спокойная эпическая интонация перебивается стихией экспрессивности, передающей эмоции боли, гнева, сожаления, скорби и т.д.

Художественно экспрессионистская и философски экзистенциалистская тенденции ярко выразились в рассказе «Бер хәрабәдә...» («Среди развалин...», 1913). Модель мира в произведении структурируется как неразрывное единство базовых символов, придающих описываемым событиям статус универсальных обобщений, – дома, сада, скамейки, дерева, соловья, беседки. Они образуют единый топос, пространство, которое наделяется в двух несопрягаемых реальностях – прошлом и настоящем – противоположными, взаимоисключающими свойствами. В прошлом усадьба Сулеймана представляла собой упорядоченный и гармоничный мир, воплощающий идею устойчивости и полноты бытия.

Особой семантической нагрузкой обладает образ дома – «своего», обжитого, защищенного пространства частной жизни, приюта спокойствия, достатка, тепла. Огромную роль в создании образа гармоничного бытия играет топос сада, не обладающего границами ни в пространстве, ни во времени, что акцентирует его генетическую связь с архетипом райского сада.

Идиллию прекрасного сада, просветленного в своих глубинах бытия сменяют картины разрушенной усадьбы, превратившейся в руины, гибели Дома. Когда-то в пространстве дома царили радость, тепло и свет, а теперь поселились тьма и холод. Ворота теперь всегда на запоре. Старуха, присматривавшая за стариком, запрещает гостю идти через парадный вход, предупредая, что там поселился бичура. В памяти рассказчика этот дом населяли ангелы, он не верит в то, что каждый вечер дом посещает призрак Асмы и пугает его обитателей. Рассказ о наводящих страх призраках, соединяющих реальное, земное бытие с потусторонним, усиливает чувства безысходности и тоски.

Страстный протест против законов жизни, обрекающих человека на разочарования, обман и унижения, выражен в последней реплике рассказчика: «Ләгънәт сиңа, и тормыш! Әүвәл алдыйсың, аннан соң мыскыллыйсың!» [Әмирхан 1984, I: 156]. Бунт героя есть не что иное, как распространение, перенесение личной трагедии на весь миропорядок. Повышенная эмоциональность, экспрессивность речи, обозначая «порог», отделяющий рассказчика от изображенной реальности, указывает на акт направленного постижения природы мироздания. Посещение героем развалин, в которые превратилась усадьба, бывшая символом молодости, красоты и богатства, меняет мировосприятие человека: космос превращается в хаос, жизнь – в понимание неизбежности смерти.

Стремясь осмыслить современные события в их исторической перспективе, в проекции на прошлое и будущее, писатели начала XX в. обращаются к

мифологическим образам и сюжетам. В 1913 г. Ф.Амирхан создает цикл «Татар кызлары» («Татарские девушки»), в который входят три рассказа: «Ай өстендәге Зөһрә кыз» («Девушка Зухра на луне»), «Сөенбикә» («Сююмбака»), «Картада оттырылган Зөлхәбирә» («Проигранная в карты Зулхабира»). Опираясь на народные предания и легенды, писатель раскрывает концепцию единства бытия: между духовным и физическим началами нет и не может быть антагонизма, ибо они существуют в неразложимом единстве. Поэтому решить актуальные для начала XX века социально-исторические проблемы можно, лишь соединив идеальное и реальное, божественное и земное. Этой идее соответствует поэтика, ориентированная на выявление непреходящего, вечного значения духовной и материальной жизни.

В рассказе «Ай өстендәге Зөһрә кыз», отталкиваясь от традиционного сюжета, в основе которого – взаимоотношения злой мачехи и падчерицы, автор создает свой миф, в котором центральным персонажем становится луна. М.И.Ибрагимов обращает внимание на лирическое вступление, в котором намечается тема противопоставления прошлого и настоящего: «в настоящем повествователь воспринимает луну как источник смутных (туманных) тревожных чувств, в то время как в далеком сказочном прошлом луна утешала людей, вселяла чувство надежды»¹². Временная антитеза «прошлое – настоящее» с ее специфической семантической структурой и аксиологической иерархией выражает философскую мысль автора. Ф.Амирхан включает данный образ в контекст размышлений о женской судьбе и судьбе татарского народа. Луна грустит, видя несправедливость земного бытия, наблюдая за тем, как люди обижают и притесняют друг друга. Таким образом, писатель извлекает имманентные силы, скрытые в природе данного образа, разворачивает его и использует для обнаружения экзистенциального смысла запечатленных в тексте переживаний. Наблю-

дается процесс семантизации, который приводит к тому, что образ луны становится одним из способов корреляции конкретно-исторического, частного, эмпирического и универсального, вечного, метафизического.

Сюжеты, восходящие к мифологическим традициям, изменяют свою природу и содержание, объединяемые в новой индивидуально-авторской мифопоэтической идее. Писатель полагает, что на определенной дистанции, пространственной и временной, возможно воссоединение противоположностей и преодоление антитез.

В поисках новых художественных средств, усиливающих изобразительно-выразительные возможности слова, татарские писатели начала XX в. обращаются к приемам импрессионистического письма. Элементы импрессионизма в творчестве Ф.Амирхана не только стилевое явление, но составляющая его общего художественного видения мира. Ориентация на выявление субстанциональных начал бытия, проявляющихся в эмпирике жизни, соединяется со столь неустранимой потребностью запечатлеть окружающий мир в его изменчивости, зафиксировать оттенки неповторимого мгновенного впечатления.

С импрессионизмом связано обращение Ф.Амирхана к жанру фрагмента. Так, рассказ «Яз исереклегендә» («В весеннем опьянении», 1916) имеет подзаголовок «Из незаконченного произведения», рассказ «Беренче ашкыну» («Первые порывы», 1918) – «Отрывок из неопубликованного большого произведения». Как особенность поэтики Ф.Амирхана фрагментарность обусловлена тяготением писателя к передаче настоящего времени, мимолетного впечатления, в котором проявляется общий ход времени. В первом произведении детально воссоздаются мысли, чувства, переживания юноши, который едет на лошади к своему деревенскому другу в гости. Произведение написано от лица героя-рассказчика и передает то, что он видит, чувствует, знает. Изображенный мир выглядит таким, каким его воспринимает персонаж.

Ф.Амирхан вырабатывает особый способ изображения окружающего мира и движений человеческой души. Переживания героя проявляют все богатство и разнообразие своего содержания через восприятие внешнего мира, находя выражение в эмоционально осознанных деталях пейзажа. Детализированное видение мира отражает полноту его чувственных проявлений. Бег лошадей, крики кучера, голоса и смех – точные и конкретные детали, которым соответствует разнообразная по своим проявлениям душевная жизнь героя. Ф.Амирхан создает «звуковые» и «зрительные» образы, детально описывая красивых одноцветных лошадей, удобную повозку, поле, лес, деревню. Весна господствует не только в окружающем героя пространстве, но и в его душе. Состояние человека делается одной из деталей этого мира, органически входит в него, наполняясь его общим содержанием. Фиксируя отдельные душевные движения, настроения, оттенки чувств, писатель показывает их изменчивость, текучесть, мгновенность. Поток чувств имеет не только временную протяженность, но, будучи переданным через смену зрительных образов, обретает и пространственную структуру. Задача автора – зафиксировать мгновение, запечатлеть его чистоту и красоту и в то же время придать прекрасному мгновению вечность, сделать его непреходящим.

В рассказе «Первые порывы» представлен один эпизод из жизни героя-рассказчика – шакирда, сына деревенского муллы. Продав в городе гречиху, он ищет возможность встретиться со своей возлюбленной – гимназисткой Сарой. В центре повествования – динамика душевной жизни персонажа, смена одних чувств, порывов, желаний другими, изображение многообразия психических реакций человека на окружающий мир. Осознание того, что у этой любви нет будущего, проясняет социальную ситуацию того времени. Но в произведение входит экзистенциальный мотив – осознание невозвратности счастливых мгновений, неосуществимости мечты. Форма повествования от

первого лица позволяет запечатлеть субъектно-персонажное мировидение через тщательный подбор деталей и впечатлений, использовать ассоциативный принцип строения текста.

Есть существенные моменты типологического сходства между пьесами Ф.Амирхана и западноевропейской и русской драмой начала XX в., получившей условное наименование «новая драма». В пьесе «Яшьләр» («Молодежь», 1909) Ф.Амирхан, продолжая традиции И.С.Тургенева, изображает конфликт «отцов» и «детей» – идеологическое противостояние представителей двух поколений. Но и между молодыми героями драмы нередко вспыхивают споры об исторических судьбах нации, общественном прогрессе и путях, ведущих к нему.

Сталкивая идейные позиции героев в отношении к старому и новому, Ф.Амирхан показывает неоднородность современного ему молодого поколения, переводя драматургическое действие во внесобытийный ряд. Предметом изображения становятся идейные споры, в которых отражается резкое размежевание основных общественно-исторических сил эпохи. Своеобразие жанра пьесы как драмы идей определяет способы выражения авторской позиции. Вопросы: как изменить жизнь и кто является носителем идеала национального прогресса – остаются открытыми. Но через столкновение разных точек зрения, «голосов» и «правд» героев раскрывается убеждение писателя в том, что только молодое поколение способно перестроить старый мир, закосневший в своих привычках и предрассудках.

О диалоге Ф.Амирхана с традициями русской литературы свидетельствует и пьеса Ф.Амирхана «Тигезсезләр» («Неравные», 1914), имеющая подзаголовок «Новые люди». В драме прослеживаются два основных конфликта. Первый – это конфликт между старым и новым, отцами и детьми – Сафый Насыбуллиним и его сыном Гумером, представителями татарской торговой буржуазии двух поколений. Другой

конфликт связан с двумя типами татарской национальной интеллигенции – новой, у которой стремление ко всему прогрессивному не сопровождается отрицанием татарской национальной культуры и своих истоков (ее представляют Сулейман, Салимэ, Ракия), и так называемых «западников», для которых прогрессивность заключается в предпочтении всего русского и в презрении всего родного, национального (таковы Закир, Габдулла). Через всю пьесу лейтмотивом проходит мысль писателя о том, что залогом истинного прогресса и расцвета татарской нации является не безоговорочное отрицание национальных традиций и предпочтение всего русского, а совмещение и признание лучшего, что есть в обеих культурах.

По жанру «Неравные» – психологическая драма, в которой, как в пьесах А.П.Чехова, традиционное внешнее действие уступает место внутреннему. Ф.Амирхана интересуют вечные вопросы бытия: любви, творчества, смысла жизни. Но они не доминируют в пьесе, а рассматриваются наряду с другим, не менее важным для Ф.Амирхана кругом проблем, порожденных особенностями конкретно-исторического момента. Конфликт в пьесе «Неравные», как и в драмах Чехова, носит субстанциональный характер и отмечен универсальными противоречиями самой жизни, столкновением человека с непостижимыми законами Бытия. Сценическую динамику пьес и русского, и татарского драматургов порождает динамика душевных состояний, эмоциональных раздумий и настроений действующих лиц.

В центре пьесы – проблема извечного неравенства людей перед Бытием. Жалобой на неравенство Ф.Амирхан и начинает, и заканчивает пьесу, придавая ей в финале широкий онтологический смысл. «В конечном счете, – делает вывод Р.К.Ганиева, – в импрессионистической по композиции и стилю драме «Неравные» Фатиху Амирхану в ярких художественных образах удалось осуществить удачный экзистенциальный анализ об извечном неравенстве людей перед Бытием в мире и выразить глу-

боко запрятанную боль о незащищенности любви, хрупкости человеческого счастья на земле»¹³.

Итак, в творчестве Ф.Амирхана и русских писателей XIX и 1-й трети XX вв. (Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, М.Е.Салтыкова-Щедрина, А.П.Чехова, Л.Н.Андреева и др.) могут быть установлены типологические параллели

и аналогии, проявляющиеся в принципах художественного обобщения, жанрово-стилистических особенностях произведений. Контекст русской литературы акцентирует в образах, характерах, ситуациях, конфликтах произведений Ф.Амирхана их выходящий за пределы конкретно-исторических и социальных условий универсально-непреходящий смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сайганов А.Д. У истоков эстетики реализма. Эстетика Ф.Амирхана и ее место в развитии татарской реалистической литературы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1982. – С.79.

² Идейно-эстетическое наследие Фатиха Амирхана. Межвузовский сборник научных трудов. Казань, 1989. – С.11.

³ Әмирхан Ф. Әсәрләр. 4 томда. Т.1. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1984. – Б.29

⁴ Әмирхан Ф. Әсәрләр. 4 томда. Т.1. Б. 45.

⁵ Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. – Казань: Изд-во «Алма-Лит», 2006. – С.112.

⁶ Сайганов А. У истоков эстетики реализма. – С. 108.

⁷ Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи. – Казань: Изд-во КГУ, 2002. – С.97.

⁸ Валеев Н.М. Гармония культур. Избранные труды. – Казань, 2001. – С.75.

⁹ Арабская средневековая культура и литература. – М.: Наука, 1988. – С.58 – 59.

¹⁰ Заһидуллина Д.Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – С.48.

¹¹ Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи. – С.94.

¹² Ибрагимов М.И. Миф в татарской литературе XX века: проблемы поэтики. – Казань, 2003. – С.10.

¹³ Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи. – С.98.

Аннотация

В статье устанавливаются типологические параллели и аналогии, проявляющиеся в принципах художественного обобщения, жанрово-стилистических особенностях произведений Ф.Амирхана и русских писателей XIX и 1-й трети XX вв. Сделан вывод, что наряду с приемами реалистического художественного письма в творчестве Ф.Амирхана присутствуют различные формы символизации явлений, условно-метафорической образности, связанные с реализацией экзистенциальной и эсхатологической проблематики произведений. Элементы импрессионизма в творчестве Ф.Амирхана не только стилевое явление, но составляющая его общего художественного видения мира. Контекст русской литературы акцентирует в образах, характерах, ситуациях, конфликтах произведений Ф.Амирхана их выходящий за пределы конкретно-исторических и социальных условий универсально-непреходящий смысл.

Ключевые слова: Ф. Амирхан, русская литература, жанр, стиль, художественный метод.

Summary

The article deals with typological parallels and analogies shown in principles of artistic generalization, genre-stylistic features in works of F.Amirkhan and Russian writers of the XIX and the first third of the XX centuries. The following conclusion is made: different forms of symbolization of phenomena and relative metaphorical figurativeness connected with the realization of existential and eschatological problems exist in the creative activity of F.Amirkhan as well as the methods of realistic artistic writing. Impressionistic element in the creative activity of F.Amirkhan is not only a style phenomenon but also a constituent of his general artistic vision of the world. The context of Russian literature focuses on images, characters, situations, conflicts of F. Amirkhan and universal sense that is beyond the bounds of specific historical and social conditions.

Key words: F.Amirkhan, Russian literature, genre, style, artistic method.

УДК 821.0

ТВОРЧЕСТВО Х. ТАКТАША В КОНТЕКСТЕ ТАТАРСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1910-1920-х гг.: ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ*

М.И. Ибрагимов, кандидат филологических наук, доцент

1910–1920-е гг. в истории татарской литературы – период становления новой поэтики, характеризующийся появлением новых художественных форм и, одновременно, многочисленными рефлексиями по вопросам литературной теории¹. Среди поэтов, с именами которых связано обновление татарской поэтики, Х. Такташ по праву занимает одно из главных мест. В историю татарской поэзии Такташ вошел не только как новатор, обогативший метрический репертуар татарского стиха, но и как автор работ по поэтике. Теоретические взгляды татарского поэта в контексте его художественного творчества всесторонне изучены известными татарскими учеными: Х. Госманом, Г. Халитом, Н. Юзиевым². В их исследованиях поэтика Такташа рассматривается в историко-литературном контексте, в связи с тенденциями развития татарской поэзии в 1910–1920-е гг. Вместе с тем авторы не ограничиваются только контекстом татарской литературы: для раскрытия особенностей поэтики Такташа они обращаются к опыту русской поэзии, сопоставляя ее (поэтику) с художественными исканиями русских поэтов. Такой подход способствует как более глубокому пониманию национальной идентичности татарской литературы в целом, так и ее открытости к межлитературным диалогам.

Становление индивидуальной поэтики Такташа связано с влиянием гиссианизма, модернистского художественного течения в татарской поэзии начала XX в. Гиссианизм определяет содержание и поэтику целого ряда произведений С. Рамиева, М. Гафури, Ш. Бабича, Н. Думави. В его основе – самовозвеличивание лирического героя, способного распоряжаться не только своей судьбой, но и вершить судьбы вселенной. Герой отрицает окружающий мир в его социальной (общественное устройство) и метафизической (божественный миропорядок) ипостасях. Таков пафос стихотворений Ш. Бабича («Дөнъяга» – «Миру», 1915), Н. Думави («Син – кеше» – «Ты – человек», 1916), С. Рамиева («Мин» – «Я», 1907).

Гиссианизм – одно из проявлений неклассической картины мира в татарской литературе начала XX в.³, в основе которой – идея активной личности, отвергающей прошлое и черпающей силу из себя самой. Становление неклассической картины мира – процесс, характерный не только для татарской, но и для европейской, и для русской литератур. Если говорить о возможных параллелях, то представленная в ранней лирике Такташа картина мира типологически сходна с неклассической картиной мира в поэзии раннего

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-04-29406-а/В/2010.

Маяковского. Это сходство обнаруживается как на уровне отдельных тем (например, в теме Первой мировой войны: стихотворение «Газраилләр» тематически близко ранним стихотворениям В. Маяковского «Мама и убитый немцами вечер», «Вам!»), так и на уровне пафоса и стиля. Писатель и критик К. Чуковский пишет о гиперболизме Маяковского («Такой у него (Маяковского. – М.И.) гиперболический стиль. Каждое его стихотворение есть огромная коллекция гипербол, без которых он не может обойтись ни минуты»⁴), для Чуковского Маяковский – «поэт катастроф и конвульсий» («Все слова у него сногшибательные. Чтобы создать поэму, ему нужно сойти с ума. Лишь горячечные и сумасшедшие образы имеют доступ к нему на страницы»⁵), «поэт-горлан, поэт-крикун, уличный, публичный поэт» («Дико называть его писателем: он призван не писать, а вопить. Ему нужна не бумага, а глотка»⁶), вступивший в литературу «нигилистом и циником»⁷. Многие из сказанного здесь о раннем Маяковском характерно и для Х. Такташа.

Его ранние стихи отличаются космизмом изображений. Место действия в них – вся вселенная, герои свободно перемещаются между небом и землей, в космическом пространстве:

*Ул фәрештә моннан бик
күп еллар элек
Бу йолдызга күктән очып килгән иде
.....
Жырлый-жырлый мэхэббәт
һәм күк көйләрен
Жир йолдызын тезеп эҗәннәт
иткән иде;
Бизәр өчен эҗәннәтен ул,
гөлләр өчен,
Тагын очып күккә киткән иде.
Киткән иде...
Кәчеп тиз-тиз бер йолдыздан
бер йолдызга,
Бик күп еллар матур гөлләр
эҗыеп йөрде...⁸
(«Газраилләр»)*

*Очам күккә – кайда пакьлек,
Керәм анда әсүеп эзне,
Йөрермен анда мин ялгыз
Ләгьнәтләп мәнзегә сезне.
(«Карангы төннәрдә», 39)*

Как и лирический герой Маяковского, герой Такташа утверждает свое «я» в противостоянии Богу:

*«Китәм хәзер канлы үлем
кырларына!
Сөйлим хаклык мәзлум адәм
улларына!
Биреп канлы кызыл байрак
кулларына,
Ачам сугьши, салам киртә
юлларыңа!»
(«Күктән сөрелгәннәр», 45)*

В этом написанном в 1918 г. стихотворении ангел смерти Азраил выступает против Бога, жестоко наказавшего одного из ангелов за его милосердие к людям.

Раннюю поэзию Такташа с поэзией Маяковского сближает и обращение к мифологии: Такташ широко использует образы и сюжеты исламской мифологии, Маяковский – христианской («Облако в штанах», «Война и мир», «Человек», «Мистерия-буфф»). Мифотворчество – одна из граней литературного процесса начала XX в. Обращение к исламской мифологии было характерно для татарских поэтов. В таких произведениях, как «Адәм вә Иблис» («Адам и Дьявол», 1910) М. Гафури или «Газазил» (1916) Ш. Бабича, мифологические образы и сюжеты трансформируются в соответствии с идеями гиссианизма. В этом же ряду и ранние произведения Х. Такташа.

Однако гиссианизм, будучи доминантой в раннем творчестве Х. Такташа, не исчерпывает полностью его сущности. В целом ряде стихотворений поэта лирический герой – романтик, чувствующий красоту и мечтающий о преображении мира. Такое мироощущение характерно в первую очередь для героя любовной лирики: «Таң

кызы» («Дочь зари», 1921), «Урман кызы» («Дочь леса», 1922), «Зэнгәр күзләр» («Голубые глаза», 1923). Лирический герой в этих стихотворениях словно оказывается на границе двух миров – «реального» и сказочного.

Амбивалентность героя ранней лирики Такташа наиболее ярко проявляется в стихотворении «Жил сөйли, үкрә миңа...» («Ветер воеет, говорит мне злобно», 1921). Стихотворение делится на две части, причем вторая часть отделена от первой подзаголовком «юану» (утешение). Настроение, поэтическая интонация в этих частях – разные. Пафос первой части – одиночество, чуждость героя миру, сопоставимые с мироощущением лирического героя стихотворения Г. Тукая «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда»):

*Жил сөйли, үкрә миңа,
син ят тудын, ди, дәнъяга...
Ил сөйли... шомлы көлә,
син, ди, явыз динсез бала.
Кем яраткан? Ник яраткан?
Нинди сергә баглы мин?..
Кем дә белми, кем дә әйтми...
Аһ! Уләм мин кайгудин...*
(28)

Отчаяние и безверие первой части во второй сменяются оптимизмом и верой в свое высокое предназначение. Поэт видит свою миссию не в отрицании, а в очищении слезами, своего рода катарсисе:

*Мин яралдым серле моңнарым
белән бар дәнъяны
Еглатырға. Әйе, миндә көчле
Байроннар җаны.
Көн килер, күз яшьләрем тормыш
күгендә ялтырар...
Дәртле җырларым моңнынаң
ил елар...
Әйе, минем көчле рухымнан
җир вә күкләр калтырар.*
(54)

Такого рода сочетание трагизма и бессилия, с одной стороны, и веры в вы-

сокие, преображающие мир, чувства, с другой, характерно и для ранней лирики В. Маяковского («Скрипка и немножко нервно», 1914; «Себе, любимому, посвящает эти строки автор», 1916).

Точкой отсчета нового этапа в творческой эволюции Х. Такташа можно считать 1923 г. В этом году выходит первая книга стихов поэта – своего рода итог поэтических исканий Х. Такташа начиная с 1916 г. В рецензии на эту книгу известный татарский писатель и критик Г. Рахим писал: «Он (герой Такташа. – М.И.) борется, но не только против социального неравенства или отдельного класса: он объявляет войну всему человечеству, прежним идеалам, богам, законам, нравственности, тирании, в общем, проклинает все, что подавляет личную свободу человека»⁹. Г. Рахим называет Такташа поэтом проклятий – стихотворение с таким названием («Нәләт» – «Проклятие») поэт включил в свой первый сборник. В нем наряду с характерными для Такташа гиссианистскими мотивами появляются мотивы утопические: автор создает образ будущего:

*Ул сарайда мәнге шатлык
Һәм ирек шаһлык сөрер;
Ул сарайда хәр йөрәк,
Көчле, батыр ирләр торыр.*
(123)

Утопические картины автор создает и в стихотворении «Бакчачылар» («Садовники», 1922). Здесь Такташ обращается к традиционному в восточной поэзии образу сада:

*Тукта! Мин дә җырлым:
«Бу тән мәңге булмас;
Кояш чыгар, дәнъя ямьләнер,
Сары каберлекләр яшелләнер,
Кара гөлләр утка әйләнер;
Әйләнер дә –
Килер бакчачылар,
Каберләргә ватар, сүтәрләр;
Гүрләр өстен бизәп гөлләр белән,
Илаһи бер бакча итәрләр»*
(133)

Утопизм был характерен и для произведений Маяковского (поэмы «Война и мир», «Человек»), по поводу чего А. Луначарский писал: «Революция часто представлялась ему (Маяковскому. – М.И.) как некоторое желанное, но расплывчатое огромное благо. Определить ее точнее он не мог, но он знал, что вообще это – гигантский процесс разрушения ненавистного настоящего и творческого рождения великолепно и желанного будущего»¹⁰.

В конце 1923 г. в журнале «Безнец юл» («Наш путь») Такташ печатает стихотворение «Такташ үлде» («Такташ умер»). Известный татарский писатель и критик Г. Ибрагимов, высоко оценив это стихотворение, в своем обращении к Такташу говорил: «Такташ, вам надо сжечь все мосты. Необходимо целиком погрузиться в идеологию пролетариата, черпать литературные сокровища из рабоче-крестьянской массы» (466). Какие мосты имел в виду Г. Ибрагимов, обращаясь к Такташу? Скорее всего, критик призывал поэта оставить в прошлом те художественные принципы, на которых строилась его ранняя поэзия. Поэтическое провозглашение своей смерти в таком случае начинает восприниматься как начало новой жизни и нового творчества.

Новое содержание требовало и новых поэтических форм. Такташ в начале 1920-х гг. размышляет по поводу поэтики татарского стиха. Эти размышления представлены в предисловии к первой книге стихов поэта, озаглавленном «Ижадиятем турысында» («О моем творчестве»). По мнению Такташа, старый метод стихосложения, сформировавшийся еще в средневековой татарской поэзии, устарел и не соответствует духу современности. Во-вторых, Такташ выступает против дидактизма традиционной татарской поэзии, считает необходимой не ограничиваемую литературными канонами свободу творчества. Наконец, Такташ пишет о необходимости нового «говорного» стиха, который должен прийти на смену традиционному¹¹.

Поиски новой поэтики – еще одна особенность литературного процесса 1920-х гг. Роль Такташа в обновлении поэтики татарского стиха – едва ли не основная. Вместе с тем, как отмечают некоторые исследователи, в теоретических выступлениях поэта отсутствует характерный для футуристов и имажинистов радикализм (вспомним призывы русских футуристов сбросить классиков с парохода современности). Такташ, «ощущая необходимость изменения формы и содержания новой поэзии, ее соответствия современности, ратовал за обновление традиционного стиха, точнее говоря, выступал с требованием его ритмико-интонационной свободы»¹².

Поиски принципов новой поэтики велись в это время во многих национальных литературах. В русской литературе это футуристы и имажинисты, в армянской – Е. Чаренц, в чувашской – Хузангай. Идеи Такташа во многом схожи с идеями В. Маяковского. В статье «Как делать стихи» (1926) Маяковский устанавливает связь между поэтикой и эпохой, отвергает классические формы стиха как не соответствующие времени и предъявляет к современному стиху требование новизны: «Новизна в поэтическом произведении обязательна. Материал слов, словесных сочетаний, попадающийся поэту, должен быть переработан. Если для делания стиха пошел старый словесный лом, он должен быть в строгом соответствии с количеством нового материала. От количества и качества этого нового будет зависеть—годен ли будет такой сплав в употреблении. Новизна, конечно, не предполагает постоянного изречения небывалых истин. Ямб, свободный стих, аллитерация, ассонанс создаются не каждый день. Можно работать и над их продолжением, внедрением, распространением.

«Дважды два четыре» – само по себе не живет и жить не может. Надо уметь применять эту истину (правила приложения). Надо сделать эту истину запоминаемой (опять правила), надо

показать ее непоколебимость на ряде фактов (пример, содержание, тема)»¹³.

Многообразие поэтических форм в произведениях Такташа, о котором пишут исследователи его творчества, – результат напряженных поисков новой поэтики, которая рождалась в сложном взаимодействии различных тенденций. В области стихосложения это взаимодействие классического стиха и неклассического, «говорного», что приводит к появлению особой стиховой формы, определяемой как «асимметричный»¹⁴, полиметрический стих¹⁵.

Другая особенность поэтической системы Такташа – ее открытость. В лирике поэта заметны и традиции татарской поэзии начала XX в. (С. Рамиев, Ш. Бабич, М. Гафури), и авангардистские искания новых форм в поэзии 1920-х гг. (К. Наджми, Х. Туфан, Г. Кутуй), и художественный опыт русских (В. Маяковский) и европейских (Байрон, Гейне) поэтов.

Характеризуя лирическую систему Х. Такташа, Н. Юзиев пишет о ее симфонизме. В понимании татарского ученого, симфонизм как основа поэтики Такташа заключается в стремлении поэта запечатлеть и художественно воспроизвести многообразие жизни и ее противоречий. С другой стороны, симфонизм понимается Н. Юзиевым как использование татарским поэтом в лирике художественных возможностей эпики и драмы, а также киноискусства¹⁶.

Новый период в творческой эволюции Х. Такташа связан с выходом в 1925 г. второй книги стихов поэта «Давылдан сон» («После бури»). Сам Такташ оценивал «После бури» как поворотный этап своего творчества. «К реализму, – писал поэт в письме к молодым писателям в 1928 г., – я постепенно пришел через символизм. Если вы внимательно будете читать, то хорошо увидите этот переход от символизма к неореализму в произведении “После бури”»¹⁷. В критических выступлениях по поводу новой книги поэта высказывались разные суждения. Так, если Г. Ибрагимов высоко оценил книгу

Такташа и, как рецензент, подчеркнул ее революционное содержание и новаторство в области стиля и поэтической формы¹⁸, то Г. Нигмати, напротив, обратил внимание на шаблонность и схематизм образов, на их недостаточную художественность¹⁹.

Действительно, в стихах второго сборника Такташа публицистичность и характерное для реалистического типа мышления воссоздание действительности преобладают над символизмом (как приемом, определявшим поэтику Такташа начала 1920-х гг.) и свойственным романтическому типу мышления художественным пересозданием действительности. Связано это с началом утверждения в литературе принципов классовости и партийности. В 1924 г. вышла книга Г. Ибрагимова «Пролетариат әдәбияты турында» («О пролетарской литературе»), в которой были определены требования, предъявляемые пролетарской эстетикой к художественному творчеству. Эти требования значительно ограничивали художественные искания поэтов, ориентировали их на воспроизведение жизни правящего класса. Отсюда и схематизм, особенно заметный в построении образной системы. Так, в стихотворении «Сыркыды авылы» образная система строится по традиционному для Такташа принципу антитезы, но антитезы здесь приобретают социальный характер: поэт противопоставляет образы, олицетворяющие «старый» (мулла Мифтах, Эптеруш, сын мелкого торговца Назип) и «новый» (комсомолец Гаптери, рабфаковец Асгат, политрук Махмут) мира.

Начиная с середины 1920-х гг. Такташ все чаще обращается к теме «новой деревни» («Син дә ул инде» (1925), «Нәни разбойник» («Маленький разбойник», 1926), «Картайдым шул» («Постарел», 1926), «Инде бу кырларда...» («В этих полях...», 1926)). Давая оценку этим произведениям, некоторые критики обратили внимание на их сходство со стихотворениями С. Есенина. Среди них – критик

Г. Нигмати, который в опубликованной в газете «Кызыл Татарстан» (25 июня 1927 г.) статье под названием «Нәни разбойник, хатынсыз ай һәм безраз гына мужик фәлсәфәсе турында» пишет о влиянии С. Есенина на современных татарских поэтов и, в частности, на Х. Такташа. В 1927 г. такое сопоставление было сродни обвинению в мелкобуржуазности: именно таким (мелкобуржуазным, кулацким, упадническим) было признано официальной критикой творчество русского поэта после статьи Н. Бухарина «Злые заметки», в которой поэзия С. Есенина была представлена в уничижительном виде – как «шовинистическое свинство», «российская матерщина»²⁰.

Если абстрагироваться от литературной ситуации во второй половине 1920-х гг. (от чуткости критики к любым отступлениям от требований классовости и партийности), то ряд стихотворений Х. Такташа, в самом деле, сопоставим с произведениями С. Есенина. Речь в данном случае может идти не о влиянии Есенина на Такташа, а о типологическом сходстве. Это сходство обнаруживается уже в некоторых произведениях поэта, написанных в начале 1920-х гг., например, в стихотворении «Сагыну», в котором ясно звучит характерная для лирики Есенина ностальгия по прошлому. Лирический герой Такташа, как и герой Есенина («Я покинул родимый дом», 1918; «Письмо к матери», 1924; «Низкий дом с голубыми ставнями», 1924), с грустью вспоминает юношеские годы, деревню, мать:

*Мин сагынам өзәлеп яшь чагымны...
Тик ул чаклар минем хәтердә
Бик томанлы, бик томанлы
булып калган
.....
Менә мин бер зәңгәр күзле
яшь-яшь бала,
Тәни йөрәп чыгам урамга,
Кулымдагы нечкә чыбык белән
Казлар куган булам урамда.*

(144)

В стихах о деревне, написанных во второй половине 1920-х гг., заметны идейные расхождения между татарским и русским поэтами. Для Есенина в значительной степени характерна ностальгия по старой деревне («Я последний поэт деревни...», 1920; «Сорокоуст», 1920; «Мир таинственный, мир мой древний», 1921); его лирический герой ощущает себя чужим в современной деревне («Русь советская», 1924). Лирический герой Такташа, напротив, выражает свое неприятие «старой» деревни и верит в будущее «новой»:

*Авылым!
Жырлыым синең күкрәгендә,
Гаҗәпләнмә минем эҗырыма,
Кырын карап, кашын эҗыермачы
Шәһәр киеме килгән улынча...
Улың белән кушылып эҗырлачы:
«Кузгал, уян, ләгънәт ителгән
Коллар һәм ачлар дөнъясы»
(«Картайдым шул», 236)*

Во второй половине 1920-х гг. Такташ обращается к общечеловеческим темам любви («Мәхәббәт тәүбәсе», 1927), дружбы («Мокамай», 1929), родной земли («Пи-би-бип...», 1926; «Үтеп барышлый», 1928), материнства («Югалкан матурлык», 1928). Одним из основных в этих произведениях становится мотив красоты. Эстетизация человеческих универсалий – один из способов выйти за рамки сложившегося ко второй половине 1920-х гг. эстетического канона. Это не могло быть не замечено критиками: некоторые из них обвиняли Такташа в несоответствии его поэзии духу времени. Так, Г. Сагди в своей книге «Татарская литература в эпоху диктатуры пролетариата» писал: «По своей социальной природе он (Такташ. – М.И.) один из поэтов, которые, к несчастью, отстают от современности»²¹. По сути, это было обвинением в буржуазности. Критики ТАПП (Татарская ассоциация пролетарских писателей), как и их российские единомышленники – рапповцы (РАПП – Российская ассоциация

пролетарских писателей), были проводниками идеи классовости литературы. Достаточно сказать, что подобного рода обвинений не избежал даже В. Маяковский²².

Красота, в понимании поэта, многогранна, но в самом широком значении красота – это состояние гармонии между человеком и миром. Стихи Такташа, написанные в последний период творчества, отличаются от большинства ранних произведений: если в начале 1920-х гг. герой-гиссианист противопоставляет себя окружающему миру, то в конце – лирический герой ищет гармонии с ним. С этой точки зрения показательным стихотворением «Ак чәчәкләр» («Белые цветы», 1929).

Антитеза дня и ночи («Тәне матур булса, төн үтүгә, / Таңнар алып килер бураннар»), символика ветра («Ә жил моштым гына, әндәшмиче / Ияреп килә минем артымнан») создают картину противостояния двух начал: гармоничного, воплощенного в образе тихо падающего снега и стихийного, символами которого становятся буран и ветер. Финал стихотворения:

*Ак чәчәкләр ява. Дөнъя матур,
Шундый матур булып тоела;
Күге зәңгәр, гүя йолдызлары
Ак кар булып әсиргә коела... –*

указывает на торжество гармонии над дисгармонией, на признание красоты и одухотворенности мира.

В 1930–1931 гг. Такташ работает над произведением «Киләчәккә хатлар» («Письма в Грядущее»). Задуманные как большое лиро-эпическое произведение в эпистолярной форме, в основе которого – поэтическая рефлексия о современности, «Письма» не были завершены: поэт успел написать три из десяти задуманных частей.

В «Письмах» в художественной форме воплощаются творческие принципы, изложенные Такташем в статье «“Партиясез” һәм партияле шигырьләр турында» (1931). В статье Такташа определены критерии худо-

жественности, выработавшиеся в марксистском литературоведении во второй половине 1920-х гг. Показательно, например, что в начале статьи Такташ критикует формализм: «В отличие от буржуазных идеалистов, теоретиков формализма (нынешних последователей Канта), выдвигающих на передний план форму и считающих ее основой искусства, мы на первое место в искусстве ставим партийность. Форму мы рассматриваем только как вспомогательный элемент, неотделимый от идеи»²³. Критика формализма – одна из граней литературного процесса конца 1920-х гг. Под формализмом в это время понимается не только одно из направлений в литературоведении, но и авангардные течения в самой литературе (футуризм, имажинизм).

Утверждая приоритет идеи над формой, Такташ пишет о функции современной литературы. Литература, по мнению поэта, должна формировать в сознании масс идеалы, связанные с понятиями классовости и партийности. Такого рода суждения характерны для большинства сторонников марксистского литературоведения как в русской, так и в татарской литературе, что свидетельствует об унификации литературы во второй половине 1920-х гг. В то же время определение в качестве основной дидактической функции литературы не является принципиально новым ни в истории русской, ни в истории татарской литератур. В истории русской литературы своего рода эпохой дидактизма был XVIII в., сформировавший нормативную поэтику классицизма; дидактизм был свойственен и татарской литературе вплоть до начала XX в.

Основным требованием, предъявляемым Такташем к современным поэтам, становится идейность: поэты, считает Такташ, должны прочувствовать социалистическое обновление жизни и воплотить эту идею в художественной форме.

Именно эта сформулированная в статье Такташа идея определяет содер-

жание поэмы «Письма в Грядущее». Вот лишь несколько характерных примеров:

*Мин сыйныфның боек керәшенә
Артык айнык килеш карадым;
Һәрбер юлым, һәрбер хисем өчен
Мин үземне мәсьүл санадым!*
(379)

*Бездә
Сыйныфый керәш хәзер фронтлардан
Бетен почмакларга күченә;
Һәр гаилә ике каршылыкның
Берләшүен ала эченә...*
(381)

*Без үнеч ел боек илебезне
Дошман сыйныфлардан сакладык,
Без гигантлар төзедек,
Һәм без инде
Социализм чорына атладык!*

По мнению Г. Халита, «Письма в Грядущее» созвучны с поэмой В. Маяковского «Во весь голос». «Как бы ни отличались, – пишет ученый, – эти два произведения по содержанию и форме, их объединяет обращение к потомкам поэтов-современников, с гордостью

рассказывающих о себе и своем времени»²⁴.

Проследив эволюцию творчества Х. Такташа²⁵, можно сделать ряд выводов относительно лирической системы поэта. В ней есть элементы устойчивые, имманентные его поэтическому гению (пафос борьбы, бунтарство и в то же время чувство прекрасного, красоты мира) и изменчивые, обусловленные культурно-историческим и историко-литературным контекстами (отвлеченность и символизм образов, гиперболизм, мифологизм ранней лирики и социальная конкретность позднего творчества).

Такташ является знаковой фигурой для всей татарской литературы. Его новаторство в области поэтики стиха²⁶ стало основой для художественных поисков большого числа татарских поэтов последующих поколений. Сходство поэтики Такташа с поэтикой Маяковского свидетельствует не только об интегративных процессах в советской поэзии, но и о находящихся вне социально-исторического контекста типологических схождениях, обусловленных схожестью мироощущений русского и татарского поэтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Заһидуллина Д.Ф.* Әдәбият кануннары һәм заман. – Казан: Татар китап нәшр., 2000.

² *Госман Х.* Егерменче елларда татар поэзиясе. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1964; *Халит Г.* Шагыйрь, чор, герой. – Казан: Татар. китап нәшр., 1971; *Юзиев Н.* Традицияләр янарганда. – Казан, 1966.

³ О смене картин мира в татарской литературе начала XX века см.: *Заһидуллина Д.Ф.* Дөнья сүрәте үзгәрү. – Казан: Мәгариф, 2006.

⁴ *Чуковский К.* Ахматова и Маяковский // Маяковский pro et contra. – СПб., 2006. – С. 526.

⁵ Там же. – С. 529.

⁶ Там же. – С. 532.

⁷ Там же. – С. 539.

⁸ *Такташ Х.* Әсәрләр. Өч томда. – Казан: Татар. китап нәшр., 1980. Т.1. – С. 37. Далее ссылки на это издание даются в тексте: в скобках с указанием цитируемых страниц.

⁹ *Рәхим Г.* Нәлэтләр шагыйре // Безнең юл. 1923. – № 10–11. – С. 49.

¹⁰ *Луначарский А.* Собр. соч. : в 8 томах. Т. 2. М., 1964. – С. 491.

¹¹ *Такташ Х.* Әсәрләр. Өч томда. – Казан: Татар. китап нәшр., 1983. Т.3. – С. 10–11.

¹² *Халит Г.* Шагыйрь, чор, герой. – Казан: Татар. китап нәшр., 1971. – С. 78–79.

¹³ *Маяковский В.* Сочинения: в 2-х т. – М.: Правда, 1988. Т.2.

¹⁴ Юзиев Н. Шигырь гармониясе (татар шигырь поэтикасы). – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1972. – С. 84–92.

¹⁵ Халит Г. Указ. соч. – С. 82.

¹⁶ Юзиев Н. Традицияләр янарганда. – Казан, 1966. – С. 81.

¹⁷ Цит. по: Халит Г. Указ. соч. – С. 89.

¹⁸ См.: Халит Г. Указ. соч. – С. 90.

¹⁹ Нигмати Г. Әдәбият майданында. – М., 1925. – С. 60.

²⁰ Бухарин Н. Злые заметки// Вопросы литературы. 1988.– № 8. – С. 222–223.

²¹ Цит. по: Госман Х. Егерменче елларда татар поэзиясе. – С. 48.

²² Так, после выхода поэмы «Про это» (1923) Маяковский был объявлен вапповской критикой поэтом личной и мелкой темы. См.: Лелевич Г. Владимир Маяковский (Беглые заметки)// В. Маяковский: et contra. – СПб.: РХГА, 2006. – С. 783–797.

²³ Такташ Н. Әсәрләр. Өч томда. – Казан: Татар. китап нәшр., 1983. Т.3. – С. 88.

²⁴ Халит Г. Указ. соч. – С. 171.

²⁵ Наше внимание было сосредоточено на поэзии, хотя творчество Такташа ею не исчерпывается. Он – автор целого ряда драматических и прозаических произведений, многие из которых, как, например, роман «Таң жиле», остались незавершенными.

²⁶ В татарской поэтике получило распространение понятие «стих Такташа», аналогичное фамильным формам стиха в поэтике других литератур (например, «онегинская строфа» в русской поэзии).

Аннотация

В статье рассматривается поэтика Х. Такташа в контексте основных тенденций развития татарской и русской поэзии 1910–1920-х гг. Поэтическая система Х. Такташа исследуется с точки зрения смены картин мира в татарской литературе начала XX в. Определяются особенности поэтической системы Х. Такташа и этапы ее эволюции в сопоставлении с лирической системой В. Маяковского. Выявляются сходство и различия в теоретических представлениях о поэтике стиха у Такташа и Маяковского. Сходство поэтики Такташа с поэтикой Маяковского рассматривается как результат интегративных процессов в советской поэзии и сходства мироощущений русского и татарского поэтов, обусловленного культурно-историческим контекстом.

Ключевые слова: Такташ, Маяковский, татарская поэзия, русская поэзия, поэтика.

Summary

The article deals with the poetics of Khadi Taktash in the context of the main tendencies in the development of Tatar and Russian poetry in 1910–1920. The poetic system of Khadi Taktash is investigated from the point of view of the change of world picture in Tatar literature of the beginning of the XX century. Peculiarities of Taktash's poetic system as well as the stages of its evolution in contrast with Mayakovsky's lyric system are determined. Similarities and differences in Taktash's and Mayakovsky's theoretical conceptions about poetics of the poem are distinguished. The similarity of Taktash's and Mayakovsky's poetics is considered to be a result of integration processes in Soviet poetry and similarities in the perception of the world of the Russian and Tatar poets which is specified by cultural and historical context.

Key words: Taktash, Mayakovsky, Tatar poetry, Russian poetry, poetics.

УДК 37.014.521:297

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТАТАР-МУСУЛЬМАН В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

*А.Х. Махмутова, кандидат исторических наук,
доцент Казанского федерального университета*

Одной из ключевых проблем развития мировой истории во 2-й половине XVIII–XIX вв. являлись формирование наций, создание групп национальной элиты и общенациональных институтов, что было связано с началом Нового времени, с переходом от аграрного общества к индустриальному. Ему сопутствовал ряд обстоятельств культурно-духовного значения: развитие системы массового образования, появление интереса к истории, пробуждение национального сознания и т.д. Процесс формирования наций, начавшийся с эпохи Английской и Великой Французской революций, постепенно втягивал в себя и так называемые титульные народы, и народы, которые потеряли свою государственность, но в течение веков сохраняли свою этническую и религиозную идентичность, в частности, казанских татар-мусульман.

Потеря казанскими татарами государственности в 1552 г. и политика христианизации, проводимая Русским государством в дальнейшем, означали уничтожение не только материального, но и духовного богатства, а также лидирующих групп населения. Сильный удар пришелся на татар-мусульман в 30–40-е гг. XVIII в., когда насилие стало главным и единственным оружием миссионеров, государственной политикой в деле христианизации нерусских народов Поволжья и Сибири. «Более 150 лет

колониальной политики в отношении этих народов не смогли интегрировать их полностью в экономическое и духовное пространство России. ...Перспективы промышленного освоения природных богатств Урала и Сибири, планы дальнейших завоеваний Казахстана и Средней Азии, Крыма и Кавказа настоятельно требовали завершения духовной колонизации покоренных народов Поволжья. Особенно остро эта задача стояла в отношении татар-мусульман» [Ислаев, 1999, с.9].

Большая часть татарского населения, несмотря на гонения и политику христианизации, продолжала сохранять приверженность к традиционной для нее религии – исламу. Причиной этой стойкости были приспособленность сущности мусульманского учения к потребностям простого народа и выборность мулл, в отличие от православного духовенства [Хабутдинов, 2008, с.21]. Сила ислама заключалась не только в том, что основные массы татар оставались правоверными мусульманами в православном государстве, но и в том, что повседневная жизнь татарского населения регулировалась по законам шариата, а мусульманское духовенство, по необходимости заменившее светскую власть, пользовалось большим авторитетом. Мулле принадлежало бесспорное духовное лидерство в махалле (общине): он был не только самым образованным

религиозным авторитетом, но и судьей, и учителем, и даже, нередко, врачом-врачевателем в продолжавшем вынужденно жить замкнуто татарском обществе.

«Кроме того, русская православная церковь в исламе видела своего естественного конкурента, способного на равных бороться за свое влияние среди языческих народов... По логике миссионеров, уничтожение мечетей (видимо. — А.М.) должно было привести к уничтожению мусульманского духовенства, следовательно, и ислама. ...Законным основанием для тотального разрушения мечетей стал указ от 19 ноября 1742 года» [Ислаев, 1999, с.25–27]. В результате за короткий срок в Казани и уезде из 536 мечетей было разрушено 418, в Сибирской провинции — из 133 мечетей уничтожено 98, в Астраханской — из 40 — 29 мечетей [История..., 1937, с.152]. Так, Новокрещенская контора, созданная в 1831 г., нанесла основной удар по центрам духовности и просвещения татар — мечетям. Вместе с мечетями исчезали и учебные заведения при них, подвергались гонениям их руководители — муллы. Терялись преемственность и традиции в обучении, выработанные мусульманской школой Поволжья, Приуралья и Сибири. Была разрушена складывавшаяся веками система образования, традиционная для Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства.

В условиях изоляции, разобщенности сельских мусульманских общин хранителями традиций народного ислама являлись абызы (абыз — искаженное от «хафиз» — чтец Корана наизусть, в XVIII в. так называли всех грамотных людей. — А.М.). Как указывается в татарской народной краеведческой литературе, народ впал в полное невежество. К.Бикколов в рукописной «Истории деревни Новые Тинчали», например, писал: «Русские власти рушили мечети, школы, убивали мулл и учителей, многих насильственно крестили и любыми способами старались изжить со свету. Русской властью им не давалась возможность учиться и просвещаться.

Законы ислама учили тайно, прячась в лесах» [Бикколов, л. 186].

Положение мусульман в России начало меняться с середины XVIII в. С 1756 г. в деревнях с мусульманским населением было разрешено строительство мечетей и школ при них [Хронологический..., с.315]. Российское правительство, особенно при Екатерине II, стало осознавать, что «татарское общество, функционирующее в основном на универсалистских связях ислама, оставалось довольно серьезным потенциальным очагом сепаратизма внутри России. Поэтому необходимо было выработать более эффективные, чем насильственная христианизация, механизмы вовлечения татарского общества в российскую государственную систему» [Мухаметшин, 2005, с.28].

Что же было сделано?

В 1764 г. была прекращена деятельность Новокрещенской конторы. В 1773 г. появился указ святейшего синода о терпимости всех вероисповеданий и запрещении вмешательства архиереев в дела иноверцев. Это означало, что открытые религиозные гонения прекращались. Менялся и статус ислама — из религии гонимой он превращался в религию терпимую. В 1776–1782 гг. татары получили право торговли по всей территории империи. В 1782 г. была учреждена Казанская татарская ратуша — орган самоуправления, появившийся затем и в Сеитовом посаде (близ Оренбурга). В 1784 г. татарские служилые князья и мурзы были уравнены в правах с православным дворянством. В 1785 г. был издан указ о построении школ и заведении караван-сараяв при мечетях. В 1787 г. вышло первое в мире печатное издание Корана. Наконец, в 1788 г. было создано Оренбургское магметанское духовное собрание, в чье ведение переходили все мусульмане империи (за исключением Таврической губернии), назначен муфтий как глава российских мусульман, а духовенство получило признанный государством статус указных мулл [Хронологический..., с.316–319].

Результатом реализации этой системы правительственных мер стали включение российских мусульман в структуру российской государственности и постепенное создание автономных структур мусульман под контролем правительства. Казань и Оренбург (Сеитов посад — Каргалы) стали превращаться в центры концентрации активных сил татарского общества. Укрепились купечество (буржуазия) и духовенство, т.е. возникли условия для формирования и стабильного развития новых групп, лидирующих в обществе. Стало возможным функционирование религиозных и образовательных учреждений, к этому времени почти полностью уничтоженных. С изменением статуса ислама в России в конце XVIII — начале XIX вв. началось интенсивное строительство мечетей и открытие при них школ, называемых медресе, на всех территориях, населенных татарами.

Медресе (с араб. — *место, где обучают*) — учебное заведение, возникшее в исламском мире еще в эпоху распространения ислама. Основным и нередко единственным предметом изучения в нем долгое время было мусульманское право. Постепенно к нему прибавились и другие предметы богословского и этико-правового плана. Весь комплекс наук ислама, входивший в программу медресе, установился в мусульманском мире еще в XII—XIV вв. и сохранялся почти без изменений вплоть до конца XIX в.

Поскольку за многие века преследований эта система образования у татар была разрушена, а единый центр, который мог бы направлять ее возрождение, отсутствовал, зачинатели этого дела должны были действовать по своему разумению, самостоятельно. Это значило, что они заимствовали те приемы и методы обучения и воспитания, которое получали у своих учителей в дальних мусульманских странах. Личность мударриса (учителя, создателя медресе) стала определяющей при возрождении системы образования. «Из-за отсутствия печатных произведений, гибели

рукописного наследия в бесконечных пожарах в селах у нас нет точных сведений о способах и приемах обучения во времена наших близких и далеких предков, — отмечал Р.Фахреддин. — Лишь немного известно, что после исчезновения Казанского государства живущие в деревнях прадеды начали восстанавливать обучение сначала по типу дагестанских ученых, а позже заимствовали методы обучения у Бухары» [Фәхрединев, 1993, с.238].

В произведениях Ш.Марджани и Р.Фахредина приведены краткие сведения о нескольких мударрисах, перенесших в татарскую среду методы и приемы преподавания, перенятого ими в Дагестане, Бухаре и других местах. Так, Мухаммед ибн Гали ад-Дагстани (?—1796) в середине XVIII в. создал свое медресе в деревне Кондуровка близ Оренбурга (была основана в 1744 г. переселенными по указу императрицы Елизаветы Петровны астраханскими ногайцами), первым возродил обучение шакирдов арабскому языку. Это привлекло в медресе учеников со всего Волго-Уральского региона. Его учениками были ахун Каргалы, первый муфтий Мухаммеджан б. Хусаин (1758—1824); мударрис каргалинского медресе под Оренбургом, суфийский шейх, поэт Валид б. Мухаммедамин ал-Кайбычи ал-Каргали (1753—1802); религиозный деятель, педагог Абдрахман б. Мухаммедшариф ал-Кирмани (1743—1826) и др.

По образцу и подобию работы своего учителя, иногда усовершенствовав знания в священной Бухаре, они создавали свои медресе, воспитывая новых учеников и посылая лучших из них совершенствовать знания в ту же Бухару. Так восстанавливалась почти оборвавшаяся цепочка мусульманского образования у татар. Ш.Марджани и Р.Фахреддин подчеркивали, что эти и другие мударрисы внесли немалый вклад в возрождение и становление классического мусульманского образования в Поволжье и Приуралье, особенно в передаче знаний по праву, хадисоведению, ри-

торике, арабскому языку [Мәржани, 1989, с.243–244; Фәхреддин, 2006, с.19, 53–54, 75 и др.].

Обучавшиеся в Бухаре будущие муэдари перенимали не только религиозные образцы и образовательные нововведения, но и формальные стороны бухарского образа жизни. «Исламизация в той или иной степени затронула все стороны жизнедеятельности татар. Ш.Марджани утверждает, что повседневные шариатские нормы в умме укрепились стараниями отдельных выпускников среднеазиатских медресе» [Загидуллин, 2008, с.165]. В частности, с личностью муллы Ибрагима бине Худжаши, более 10 лет набравшегося знаний в Дагестане и учебных центрах Среднего и Ближнего Востока, вернувшегося в родные края в 1783 г. и ставшего в 1793 г. имамом 1-й мечети Казани, Ш.Марджани связывает введение ряда новшеств в повседневную культуру городских мусульман [Мәржани, 1989, с.266–269].

Необходимо отметить и особое влияние бухарской системы обучения с ее схоластикой и догматикой. «Основным достоинством культурного среднеазиатского влияния стало возвращение татар к схоластической исламской традиции. На место народного ислама абызов пришел ислам схоластический. По словам Эрвина Панофского, суть схоластики определяется «постулатом разъяснения ради самого разъяснения». В 1908 г. Р.Фахретдин постулировал, что схоластика ведет к стагнации и гибели использующих ее народов» [Хабутдинов, 2008, с.35].

Определить дату основания и продолжительность существования многих медресе, возникших во второй половине XVIII – начале XIX вв., как и их общее количество, почти невозможно. Это объяснялось не только отсутствием в стране сбора статистических данных, но и тем, что медресе основывались частными лицами (муллами) или приходским обществом как училища при мечетях, нигде не регистрировались и работали автономно. Как правило, медресе носи-

ло имя муллы, а не места, где оно возникло. Продолжительность существования медресе и объем преподавания напрямую зависели от муллы. Если ему суждено было долго жить и работать на одном месте, то и его медресе могло прославить эту местность. Если же ему приходилось скитаться (это на рубеже веков происходило, по разным причинам, довольно часто), а продолжателей его дела на прежнем месте не оставалось, то и медресе там исчезало (правда, оно появлялось на новом месте).

Например, Ибрагим б. Габдулла ан-Нукратый (?–1780), ученик известного муэдари и суфия 1-й половины XVIII в. Муртазы Гали б. Куллугуш ас-Симети, получившего, в свою очередь, образование в Дагестане, преподавал (имел медресе) во многих селах. Ссылаясь на записи в конце книг, переписанных его учениками, Ш.Марджани указывает, что в 1753 г. его медресе находилось в д.Хасаншаех, в 1764 г. – в д.Ташкичу, в 1768 г. – в д.Казаклар, в 1771 г. – в д.Шашы, в 1772 г. – в д.Урбар Казанского у. Ибрагим-хазрат стал знаменит как познаниями в мусульманских науках, так и большим числом учеников (среди них был и дед Ш.Марджани Субхан-хазрат) [Мәржани, 1989, с.241]. Отсутствие других источников не позволяет определить, сохранились ли медресе в оставленных муэдариом селах.

Сбор официальных сведений о мусульманских мечетях и школах начался после образования Министерства народного просвещения (МНП) в начале XIX в., но давался он чиновникам с большим трудом из-за недоверчивости и скрытности татарского населения. Поэтому первые сведения о мусульманских школах России носили случайный характер и не охватывали всей совокупности этих училищ.

Так, в «Известии о татарских училищах Оренбургской губернии» (по данным МНП), опубликованном в № 21 за 1811 г. «Вестника Европы», сообщалось о школах Сеитова посада (Каргалей) под Оренбургом: «При всякой мечети (а их было 7 каменных и 2 деревян-

ных. — М.А.) находится особое татарское училище, частью в покоех внизу мечетей и частью в особливых строениях. Заведение училищ началось за 30 лет до сего. Учащиеся суть ученые ахуны и муллы и отчасти частные люди; а учащиеся кроме тамошних жителей бывают и приезжие из других стран России, и даже из Хивы, Бухарии и других азийских княжеств. В училищах обучаются татарской азбуке, арабскому языку во всем пространстве и персидскому, арифметике, геометрии, основаниям физики, философии по творениям Аристотелевым, священной истории магометанской, чтению и толкованию Алкорана и познанию священных обрядов магометанских». Отмечалось также, что обучение ведется по рукописным книгам, получаемым в основном из Бухары, что в каждом из лучших училищ обучается до 150 человек.

Краткое описание пяти казанских медресе имеется в рапорте старшего учителя Казанского главного народного училища А.Пятова, представленном в училищный комитет Казанского университета 15 мая 1816 г. «Все казанские татарские училища получили начало свое одинаковым образом, — объясняется в нем. — Какой-нибудь богатый татарин из любви к наукам, а чаще по обещанию, отдает под училище свой дом, приходской мулла обыкновенно из усердия принимает на себя добровольно звание учителя, молодые магометане, узнав о сем, изъявляют желание учиться — и таким образом является училище. Оные содержатся добровольными пожертвованиями или иждивением учеников, из коих одни живут в своих домах, а другие, беднейшие, квартируют в самом училищном доме, где исправляют нередко должность сторожей» [НА РТ, ф.977, оп.Совет, д.318, л.9].

А.Пятов также подчеркивал отсутствие в казанских медресе каких-либо правил, установлений, свидетельствующих о систематическом образе обучения. «Все образование в сих училищах заключается в изучении чтению и письму языков турецкого, арабского и

персидского, в познании магометанского закона, а в некоторых училищах преподаются: часть математики, землемерие, астрология, логика, философия, грамматика, риторика, нравоучение и правила произношения Корана, — отмечал он. — Вообще муллы-учителя следуют при обучении старинным своим обыкновениям. Впрочем, возможно ли ожидать от них чего-либо большего? Воспитанные в кругу необразованных своих братий, не имея тесных сношений с россиянами, кроме одной торговли, худо зная российский язык и будучи, следовательно, лишены средств достигнуть надлежащей степени образования, они довольствуются токмо еще в древние времена на их языке вышедшими книгами. Но и они поелику ходят между ними в рукописях, то у редкого можно найти их, кроме одного Корана. Но что магометане имеют ревность заниматься науками, тому служат доказательством добровольно учрежденные ими училища и нередко предпринимаемые ими путешествия в Бухарию и другие места» [Там же, л.9].

Из документа следует, что медресе возникали по инициативе самого татарского населения, чаще всего представителей купечества и духовенства, содержались за его же счет. Никакого разрешения на открытие школы не требовалось, так как по издревле введенным канонам шариата обучение нормам и правилам шариата входило в обязанности муллы. Обучение же велось в том объеме, каким обладал мулла-учитель, и по тем книгам, которые у него имелись (как правило, переписанным им во время своей учебы). Переписывание различных книг, необходимых для дальнейшей работы, было частью обучения и требовало от шакирда большого усердия. В конце таких рукописных книг, как правило, указывалось, когда, кем и в медресе какого мударриса книга была переписана. Этими сведениями широко пользовались Ш.Марджани, Р.Фахредин и другие историки прошлого. Изучение сведений в рукописных книгах, дошедших до

наших дней, при отсутствии официальных статистических данных помогает и современным ученым-исследователям восстанавливать картину существования татарско-мусульманских учебных заведений, имена их создателей, предметы обучения и т.д.

В ведомости за 1831 г. об учебных заведениях Казанской губ., не подведомственных МНП, перечислены 14 магометанских училищ с указанием года открытия, количества учителей и учащихся. Из этих училищ 5 находились в Казани, 7 – в Мамадышском, 2 – в Чистопольском уездах. Шесть училищ были открыты во 2-й половине XVIII в., остальные – в 1-й четверти XIX в. Медресе в Богатых Сабах (40 учеников) существовало на счет крестьянина Биктемира Абдрахимова с 1760 г., в 1-й махалле Казани – на счет населения с 1780 г. (32 ученика), в Малых Сунях с 1780 г. (41 ученик), в Куюках – на счет казанского купца Апанаева – с 1782 г. (76 учеников), в Сатышеве – с 1792 г., во 2-й махалле Старотатарской слободы – на счет казанского купца Габидуллы Рыдина с 1798 г. Во всех училищах преподавались чтение и письмо татарское, арабское и турецкое, Коран, афтиак и сочинение Мухаммеда Пиргули (1538–1573) об исламе и его обрядах «Пиргули китабы» [НА РТ, ф.160, д.33, л.8–41].

В этот список не включены все имевшиеся в то время в Казанской губ. школы. Вывод о наличии большого числа татарских школ можно сделать исходя, например, из рапорта штатного смотрителя Лаишевского уездного училища: «Во вверенном мне уезде никаких учебных заведений не находится, кроме одних только магометанских школ при мечетях в каждом почти селении, где обучаются муллами дети магометан чтению и письму на татарском языке» [НА РТ, ф.160, д.33, л.14]. Из рапорта следует, таким образом, что школы при мечетях официальными лицами даже не воспринимались как учебные заведения.

Исследователь быта и нравов татарского населения первой половины XIX в. Карл Фукс подчеркивал: «Вся-

кому заезжому, без сомнения, странно покажется найти в казанских татарах, говоря вообще, народ более образованный, нежели некоторые, даже европейские. Татарин, не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и, как гражданин, не пользуется уважением других. Посему-то всякий отец старается как можно ранее записать детей своих в училище, где бы они выучились по крайней мере читать, писать и узнали бы начала своей религии. Для споспешествования сему при каждой мечети полагается училище, состоящее под особенным надзором ахуна; мулла мечети здесь учитель, ежедневно занимающийся обучением всем этим предметам. ... Дети поступают в училище на 7-м или 8-м году своего возраста; курс их учения продолжается по меньшей мере 5 лет. Те же, кои посвящают себя наукам, т.е. желают со временем сделаться священнослужителями или учителями, остаются в школе гораздо долее» [Фукс, 2005, с.212–213].

К.Фукс обратил внимание и на образование женщин: «Женский пол у казанских татар получает равным образом известную степень образования, и между татарками мало найдется таких, кои бы не умели надлежащим образом читать и писать. Они учатся у жены муллы...» [Фукс, 2005, с.215]. Ученый не приводит статистические данные о количестве школ, но его сведения свидетельствуют о том, насколько распространена была грамотность у казанских татар, и служат подтверждением того, что система татарско-мусульманского образования полностью восстановилась.

Более полные сведения относятся уже к середине века. Это данные ОМДС, представленные религиозным управлением в департамент духовных дел инославных исповеданий Министерства внутренних дел: в его ведении на 1.01.1856 г. находилось 1729858 жителей обоего пола, 3478 мечетей, 934 медресе и мектебов, 5607 духовных лиц (из них 260 мударрисов) [РГИА, ф.821, оп.8, д.1093, л.1–7].

Ведомость о мечетях, медресе, духовенстве и прихожанах ОМДС к 1 января 1856 г.

Губернии	Мечетей	Медресе	Духовенства		Жителей обоего пола
			всего	из них мударрисов	
Оренбургская	1695	418	3226	90	788585
Казанская	682	125	944	88	365221
Симбирская	129	50	216	21	76233
Вятская	123	33	124	14	64559
Рязанская	10	9	19	—	5189
Астраханская	69	24	121	7	35882
Нижегородская	36	28	95	5	28148
Саратовская	131	49	182	1	55489
Пензенская	84	45	121	3	46560
Тамбовская	22	16	43	8	14880
Пермская	151	38	229	8	63985
Московская	1	1	3	—	180
Костромская	1	1	2	—	283
Тобольская	101	36	122	3	37580
Томская	35	14	33	3	16936
Иркутская	2	—	1	—	517
Самарская	204	47	364	9	129016
Войска Донского	2	—	3	—	589
Итого:	3478	934	5607	260	1729858

Итак, постепенно установившийся к середине XIX в. порядок получения образования у татар во многом копировал бухарскую систему обучения. Принятие казанскими татарами в качестве образца среднеазиатской системы обучения и воспитания, по-видимому, можно объяснить как внутри-, так и внешнеполитическими причинами. Если Кавказская война (1817–1864) закрыла пути для получения образования на Кавказе даже для редких искателей знаний на чужбине, то усиление в конце XVIII – первой половине XIX вв. торгово-экономических и дипломатических связей со среднеазиатскими государствами, в установлении и развитии которых активную роль играли татары-мусульмане, открыло дорогу в Бухару молодежи, стремящейся к знаниям.

Суть этого обучения была такова. Каждый мулла, получивший от общества приговор на вступление в должность, вместе с тем брал на себя и обя-

зательство обучать мальчиков основам ислама. Он занимался с ними или у себя дома, или в отдельном помещении при мечети. Кстати, тогда еще не было четкого разделения татарских школ на мектебы (начальные школы) и медресе (средние и высшие школы), установившегося только на рубеже XIX–XX вв. Школы, независимо от уровня обучения, имели одно название – медресе, что означало «место, где обучаются», хотя слово «мектеб» (место, где пишут) тоже употреблялось [Махмутова, 1982, с.13].

Обучение могло состоять из нескольких этапов. Сначала мальчики (как правило, с 5–8 лет) знакомились с азбукой, обучались чтению, а иногда и письму, овладевали элементарными религиозными навыками. Обучение начиналось с освоения азов сложного арабского алфавита (сложность заключалась, прежде всего, в том, что 29 букв алфавита имели по несколько начерта-

ний, общее число которых доходило до 118, количество гласных было недостаточным, для их обозначения применялись особые знаки; обучение велось на незнакомом языке и т.д.).

Усвоив механизм буквосложения (а на это могло уйти и два-три года, и пять и более лет в зависимости от заинтересованности и способностей ученика и учителя), ученики приступали к чтению религиозно-дидактических произведений типа «Иман шарты» («Условия веры») и «Хафтияк» («Седьмая часть Корана»). Обучение было индивидуальным: «Каждый ученик проходит курс учения совершенно отдельно от других учеников, имея ежедневно свой урок, отличный от урока, заучиваемого учеником, рядом с ним сидящим. Заданные учителем уроки ученики учат вслух, громко, как бы стараясь перекрыть один другого. В школе стоит гул, в котором трудно разобрать отдельные звуки» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.9 об.]. Поскольку такой метод не позволял одновременно работать со всеми учащимися, учитель-мулла назначал себе помощников из старших учеников, которые назывались «хальфа».

Первоначальное обучение было почти обязательным и для муллы, и для родителей мальчиков, каким бы ни было их финансовое положение. Дальнейшее зависело от желания и способностей как мальчиков и их родителей, так и муллы. Если мулла обладал познаниями и желанием иметь учеников (надо сказать, что звание мударриса придавало мулле дополнительный авторитет), то он получал в Духовном управлении свидетельство на звание мударриса и собирал шакирдов, что и значило — открыть медресе. При этом ни особых помещений, ни школьного оборудования, ничего, что означает современное понимание этого шага, не требовалось. Преодолевшие трудности начального обучения и проявившие способности мальчики, если позволяли возможности родителей, продолжали обучение в этом или переходили в близлежащее медресе.

Крупнейшим центром комплексного религиозного образования татар в последней трети XVIII — первой трети XIX вв. стали каргалинские медресе в Оренбуржье. Ш.Марджани и Р.Фахреддин, давая характеристики известным татарам, жившим в то время, также называют около ста медресе, где эти лица получали образование или сами основывали эти училища. Татарские медресе, как правило, возникали в отдаленных от губернских центров торговых селениях, где контроль властей был слабее. Известно, например, о существовании в XVIII в. медресе в селах Адаево, Береске, Буби, Кариле (Карелино), Кшкар, Мачкара, Ор (Ура), Симетбаш, Ташкичу, Тюнтер и других в Заказанье, Овечий Овраг на Нижегородчине, Тайсуганово и Стерлибаш в Закамье и др.

Так, в конце XVIII — первой половине XIX вв. одним из самых знаменитых стало медресе в д.Мачкара Казанской губ., «золотой век» которого был связан с именами мударрисов — Мухаммад-Рахима б. Йусуфа ал-Ашыты (ум. в 1818 г.) и Габдуллы б. Яхья ал-Чиртуши (ум. в 1858 г.), а также купца 1-й гильдии Габдуллы Утямышева (ум. в 1832 г.), материально обеспечившего процветание медресе родной деревни.

М.-Р. ал-Ашыты первоначальное образование получил в медресе своего отца, имама и мударриса Йусуфа бине Габдулкарима, в течение трех лет помогал ему обучать шакирдов. Затем в поисках знаний отправился в Дагестан, где учился десять лет у известных для своего времени ученых. Вернувшегося на родину в начале 1780-х гг. М.-Р. ал-Ашыты пригласили имамом и мударрисом содержатели мечети и медресе в с.Мачкара купцы Утямышевы. Слава о его учености привлекла в Мачкару многих стремившихся к знаниям юношей со всего Волго-Уральского региона. Почти все они впоследствии основали свои медресе и стали известными мударрисами. Его учениками были ученый-реформатор Габденасыр ал-Курсави, имамы и мударрисы медресе Мачкара

Габдулла ал-Чиртуши, медресе Кышкар Якуб б. Яхья ад-Дубьязи, медресе Хусна дед Ш.Марджани Субхан ал-Марджани, основатель династии мударрисов Стерлибашского медресе Нигматулла б. Биктимер Тукаев, основатель рода имамов и мударрисов Амирхановых, прадед писателя Ф.Амирхана Амирхан ат-Талкыши и другие [Мәржани, 1989, с.263–264; Фәхреддин, 2006, с.83–84].

Другой мударрис медресе Мачкара Габдулла б. Яхья ал-Чиртуши, родом из Чистопольского уезда, учился у мударриса М.-Р. ал-Ашыты, затем в Бухаре. Вернувшись в конце 1812 г. в Мачкару, он женился на дочери учителя и в течение шести лет помогал своему учителю и тестю. С 1818 г. руководство приходом и медресе полностью перешло к нему. По словам Ш.Марджани, он более сорока лет проработал в Мачкаре, был самым известным из мударрисов своего времени, имел много учеников, ставших мударрисами. Среди них известны Мухамедкарим ат-Таканыши, Габдували ан-Нурмави, Ярулла ас-Сатыши, Нигматулла Буби и др. [Мәржани, 1989, с.319–321]. Во второй и третьей четверти XIX в. выпускники медресе Мачкара возглавляли ключевые приходы Казани при Апанаевской, Бураевской, Галеевской, Сенной, Розовой мечетях [Хабутдинов, 2009, с.44].

В Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. приобрело известность Стерлибашское медресе, основанное в 1720 г. [Тукаев, 1899, с.5]. Расцвет его связан с деятельностью династии имамов и мударрисов Тукаевых – Нигматуллы-хазрата (1772–1844), его сыновей Хариса (1810–1870) и Харраса (1814–1871), внука Хабибуллы (1856–1897), сына Хариса. Нигматулла б. Биктимер Тукаев ас-Стерлибаши (его дед Тукай б. Урманай перебрался на башкирские земли из д. Салавыч Малмыжского уезда), получив богословское образование в медресе Казани и Мачкары, отправился искать основательных знаний в Бухару. Там он стал учеником и последователем знаменитого суфия Ниязкули-ишана ат-

Туркмани. Получив от него сан шейха, Нигматулла-ишан вернулся на родину, возглавил мечеть и медресе в Стерлибаше. Ш.Марджани отмечал: «Мир его был широк, учеников много. В своем краю приобрел чрезвычайно великую славу. Был защитником взглядов меллы Габдунасыра ал-Курсави и его другом. В своем медресе возбудил интерес к нему» [Мәржани, 1989, с.245–246]. При мударрисе Нигматулле, писал Р.Фохреддин, медресе в Стерлибаше «достигло уровня высшего учебного заведения» [Фәхреддин, 1906, с.78].

Расширению сети мусульманских школ, безусловно, способствовала смена политики правительства. Государственное признание ислама, организация Духовного собрания, широкое строительство мечетей привели к росту спроса на кадры культовых служителей. Это, в свою очередь, благоприятствовало открытию все новых учебных заведений, упорядочению учебного дела. Укреплению мусульманской системы образования и подъему религиозного самосознания татар послужило и расширение книгопечатания на восточных языках. Львиную долю книжной продукции «Азиатской типографии», в 1802 г. переведенной из Петербурга в Казань, составляли Коран и учебные книги, издаваемые по заказу татарских издателей. Так, с 1801 по 1829 г. было издано 93 названия книг с условным общим тиражом в 280 тысяч экземпляров. Коран и его суры были изданы 25 раз (тираж установленных 15 изданий составил 43175 экземпляров), «Афтияк» (седьмая часть Корана) – 17 раз (тираж установленных 8 изданий – 21300 экземпляров), азбука («Иман шарты») – 16 раз (тираж установленных 11 изданий – 52700 экземпляров), «Пиргули китабы» – 8 раз (тираж установленных 4 изданий – 8400 экземпляров) и т.д.

Превращение ислама и его институтов в часть государственной системы основывалось на целом ряде государственных актов. Духовное собрание должно было следить за тем, чтобы школы существовали только при мече-

тях, а руководителями их были «в верности надежные и доброго поведения» муллы, утверждаемые в этом звании местной администрацией [История, 1937, с.348–349]. Государственные органы почти официально передали дело образования мусульман в руки мулл, подчиненных Духовному собранию, намереваясь, таким образом, направлять деятельность учебных заведений в желаемое русло.

Восстановление системы образования и науки привело к неожиданным для правительства результатам: «Интенсивное строительство мечетей и открытие при них мектебов и медресе в конце XVIII – начале XIX вв. татары использовали для создания независимой от официальной идеологии системы народного образования» [Мухаметшин, 2005, с.29].

Превращение институтов ислама в часть государственной системы, деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), направленная на централизацию и контроль над кадровым составом духовенства практически повсюду, где компактно проживали татары-мусульмане, способствовали восстановлению традиционной системы мусульманского образования. Одна из целей организации ОМДС состояла в установлении политического контроля государства над мусульманским населением, в том числе и над его учебными заведениями. С середины XIX в. ОМДС стало доставлять в Министерство внутренних дел сведения о находящихся в его ведомстве духов-

ных учреждениях и духовенстве. В условиях, когда статистика в России только зарождалась, эта информация, хотя не отличавшаяся систематичностью, точностью, регулярностью и полнотой, позволяла составить приблизительную картину о количестве мусульман и их учреждений в стране (табл. 2).

Итак, к середине 60-х гг. XIX в. в России существовало более полутора тысяч медресе, подведомственных ОМДС, которые представляли собой типичные школы ислама. Формы их организации определялись вполне сложившимися к тому времени религиозными традициями, что делало их похожими на аналогичные учебные заведения мусульманского мира. «Еще 25 лет назад, входя в мектеб или медресе в Алжире, Константинополе или Бруссе, я чувствовал себя как бы перенесенным в Приволжские местности: до такой степени общая картина была тождественна», – отмечал в 1913 г. знаток мусульманской школы, чиновник МНП Н.А.Бобровников [Бобровников, 1913, № 6, с.228].

Каждый мулла на практике был правоспособным учителем. При вступлении в должность он давал сельскому сходу обещание не только исполнять религиозные обряды, но и обучать детей арабской грамоте и основам вероучения. Занятия проводились или в специальном помещении при мечети, или дома у муллы-учителя. «Обычно прихожане строго контролировали отношение мулл к школьному делу и в случае халатности, уклонения от деятельности

Таблица 2

Сведения о мечетях, медресе, духовенстве и прихожанах, подведомственных ОМДС¹

Годы	Мечети	Медресе	Духовенство	Прихожане
1859	3559	1034		1800966
1860	4525	1075	6188	1838218
1862	3591	1404	6326	1854909
1863	3591	1404	6326	1854909
1864	3550	1569	6096	2074182
1865	3550	1569	6096	2074182
1868	4052	1396	6513	2104190

по распространению книжного слова сигнализировали в Духовное собрание, даже выносили приговоры об избрании общине другого духовного руководителя» [Фархшатов, 1994, с.55].

Являясь частными или общественными учебными заведениями при мечетях, мектебы и медресе не имели официально утвержденных программ и уставов. За редким исключением в этих школах не было единого определенного курса учения. Каждый мулла-учитель учил тому, что знал сам, и так, как учили его самого. «Время прохождения курса в мектебе не определено, и каких-либо подразделений на классы не существует; периоды же при обучении считаются от времени усвоения одной книги, например «Иман-Шарт» («Условия веры». — А.М.), до перехода к изучению другой, например, «Хафтияк» (седьмая часть Корана. — А.М.) — это равносильно переходу из класса в класс» [РГИА, ф.733, оп.173, д.102, л.225]. Продолжительность учения зависела не только от учителя, но и от успехов и возможностей каждого ученика: «При старании ученики могут пройти весь курс мектеба и медресе в 10 лет, но обыкновенно на это требуется больший срок» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.9 об.].

Государство, а также городские и земские органы не финансировали мусульманские школы. Однако учреждение школы у татар считалось богоугодным делом, поэтому в ее материальном обеспечении участвовали различные социальные силы. Активное участие в содержании ряда медресе принимало купечество. Такие школы, как правило, имели по несколько зданий, жилые и учебные комнаты были отделены друг от друга. Так, например, одно из наиболее успешных в середине XIX в. Стерлибашское медресе в Уфимской губ. помещалось в 25 домах. Во второй половине XIX в. по несколько помещений имели уже медресе Усмания и Марджания в Казани, Хусания в Оренбурге, Буби в Вятской губ., Абдулвагапова в Чистополе и др. [Махмутова, 1982, с.20–21]. Но традиционная форма содержания боль-

шинства мектебов и медресе исключительно за счет приношений прихожан обеспечивала им только скудное существование.

Основная масса школ размещалась в зданиях, не отвечавших санитарно-гигиеническим требованиям. Директор народных училищ Казанской губ. в представлении на имя попечителя Казанского учебного округа от 19 декабря 1891 г. отмечал: «Значительное число мектебов и медресе помещается в домах местных мулл, и только сравнительно немногие из них — в особых общественных домах или наемных квартирах. В этих помещениях очень тесно, поэтому учащиеся умываются и совершают намаз на открытом воздухе и зимой, и летом, в мороз и ветер, отчего в этих школах бывает много больных, которые остаются лежать между здоровыми детьми» [НА РТ, ф.92, оп.1, д.19380, л.34–35].

Дополняли общую картину инспектор народных училищ Астраханской губ.: «Вдобавок ко всему этому мусульманские школы лишены всяких признаков обычной школьной обстановки: нет ни столов какой бы то ни было формы, ни сидений. Все ученики проводят учебное время, стоя на коленях на полу; так они читают, держа книги перед глазами, так пишут, кладя тетрадь, а в большинстве какой-либо лоскут бумаги, на одно колено, у очень редких разве имеется маленький, низкий сундучок» и директор народных училищ Вятской губ.: «Помещаются мектебы главным образом в кухнях местных мулл и иногда в скотных избах (как в деревне Сарсаз) при самых неблагоприятных гигиенических условиях» [НА РТ, ф.92, оп.1, д.19380, л.22, 40 об.].

Однако традиционная форма народной поддержки позволяла иметь школы даже в самых бедных деревнях. В условиях царской России это была единственно возможная форма существования у татар сотен учебных заведений. Как указывал Р.Фахреддин, если во второй половине XIX в. школы первоначального обучения — мектебы — име-

лись практически в каждом приходе, то одно медресе приходилось на 30–40, а иногда и на 100 приходо́в. Руководили ими и обучали шакирдов известные своей ученостью муэдари́сы. Шакирды же собирались отовсюду и жили в тех же зданиях медресе, где и учились [Фәхрединев, 1993, б.239].

Большинство сельских школ были малочисленными. Так, на основе сведений о численности учащихся в 441 мусульманской школе Уфимской и Оренбургской губерний установлено, что «в 1867–1868 гг. наибольшую группу (144 школы, или 30,9 %, в Уфимской губ. и 33,5 % в Оренбургской губ.) составляли школы, имевшие от 11 до 20 учащихся. Свыше 100 учащихся имели всего 10 школ. В среднем на одну школу в Уфимской губ. приходилось 35,4, в Оренбургской – 20,5 учащихся» [Фархшатов, 1994, с.64]. Так обстояло дело не только в сельских, но и в городских медресе. В семи медресе Казани, например, в 1869 г. числилось всего 387 учеников, причем только в одном – Мустакимовском – обучалось 100 мальчиков [Медресе..., 2007, с.23].

Численность учащихся в школах зависела от уровня учености и популярности мулл, которые их возглавляли, а также от материального обеспечения медресе. Поэтому по мере увеличения числа школ и количества учеников в них, наряду со школами, едва насчитывавшими десять учеников, были медресе, где обучалось по несколько сотен шакирдов. Например, в конце XIX в. в казанских медресе – Апанавском (Приозерном), Багаутдиновском (Марджания), Галеевском (Мухаммадия) – обучалось от 150 до 400 шакирдов в каждом [РГИА, ф.733, оп.173, д.102, л.234]. В Стерлибашевском медресе Уфимской губ. в 1860–80-х гг. стабильно обучалось по 500–600 учеников, а в Стерлитамакском – от 200 до 600 [Фархшатов, 1994, с.59, 60]. Возраст учеников в мусульманских училищах также значительно отличался: в мектебах – от 5–6 лет до 16, а в медресе – от 10–11 до 30 лет (иногда и выше) [Махмутова, 1982, л.16].

Учебный год в мусульманских учебных заведениях, как правило, начинался в сентябре-октябре, после окончания осенних уборочных работ, и заканчивался перед весенними полевыми работами в апреле. Но были медресе, где шакирды брали уроки круглый год. Учебный день распределялся следующим образом: «Ученики собираются в школы часов в 7–8 утра, смотря по времени года, и учатся до 2–3 часов дня, с часовым перерывом около 12 часов. Впрочем, в мектебе самые маленькие ученики нередко в 12 часов совсем отпускаются домой, а старшие обязательно продолжают учиться и после перерыва до 2–3 часов дня. Что касается медресе, то в них ученики собираются, кроме того, для занятий и в вечерние часы» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.5].

В основе образования и воспитания татар лежала задача подготовки верного мусульманина, живущего по законам шариата. «Масса татарского населения ...находится еще на той стадии культурного развития, когда религиозное настроение проникает и направляет весь быт народа, когда вопросы веры преобладают над всеми другими, – отмечал в начале XX в. директор народных училищ Казанской губ. М.Н.Пинегин. – ...Учиться и изучать религию у татар сливается в одно понятие и обозначается даже одним словом. И потому смысл учения татарская масса до последнего времени понимала только в обучении религии» [РГИА, ф.821, оп.8, д.801, л.45об.].

В деятельности мусульманских школ, независимо от места их расположения, было много общего, обусловленного традициями. «Во всех мусульманских школах в той или иной степени с небольшими изменениями изучался определенный ряд наук или, по крайней мере, отделы из этих наук» [Коблов, 1916, с.15]. Обучение могло состоять из нескольких этапов. По мере восстановления системы образования и, особенно, с появлением новометодных школ постепенно утвердилось разделение мусульманской школы на

низшую — мектеб и высшую — медресе, хотя эти названия могли употребляться применительно к одному и тому же учебному заведению.

Организация учебно-воспитательной деятельности школы определялась ее целью. Конечная цель мусульманского училища — «научить мусульманских детей чтению и письму, познакомить их с установками ислама, воспитать их в доброй нравственности и указать им путь к достижению благополучия земного и небесного и тем содействовать миру и покою государства» [РГИА, ф.821, оп.133, д.466, л.57]. В соответствии с этой целью учебный курс мектеба предусматривал овладение арабской грамотой (на что уходил год и более), чтение и письмо на языке турки, основы вероучения и начальные сведения по арифметике. Овладев достаточно сложным механизмом буквосложения, мальчики приступали к чтению религиозно-дидактических произведений на языке турки: «Ахыр заман китабы» («Книга о светопреставлении») С.Бакыргани (ум. в 1186 г.), «Кыйсса-и Юсуф» («Сказание о Юсуфе») Кул Гали (конец XII — начало XIII вв.), «Мухаммадия» («Посвящение пророку Мухаммаду») М.Челеби (ум. в 1451 г.), «Рисаля-и Газиза» («Рассказ о Газизе») Т.Ялчыгулова (1768—1838), «Бадавам» («Постоянно повторяй») и «Кисекбаш китабы» («Книга об отсеченной голове») неизвестных авторов и др. [Татар әдәбияты ..., бб.115—157, 273, 282, 443—452].

Изучение этих книг играло важную роль в религиозно-нравственном воспитании учащихся: в форме диалогов, анекдотов, красочно и живо описанных сцен учащимся исподволь внушались идеи и доктрины ислама. В то же время, знакомясь с лучшими образцами мусульманской назидательной литературы, школьники получали некоторые сведения по истории, географии, этике, эстетике, что способствовало их умственному развитию. Чтением нескольких произведений татарской и восточной литературы для большинства детей обучение в мектебе заканчивалось. На-

выки чтения и письма, полученные таким образом, не находя применения в обыденной жизни, после завершения учебы постепенно утрачивались. И хотя фактически первоначальное обучение проходило абсолютное большинство детей, повсеместно взрослое население постепенно переходило в разряд неграмотных.

Лишь немногие мектебы, расположенные в крупных селах и городах, имели второе отделение (как правило, трехгодичное), где преподавались начала арабского языка, мусульманской этики и права. Такие отделения являлись своего рода подготовительными для медресе.

Медресе представляло собой повышенную школу и преследовало цель «подготовить муэдзинов, имамов, хатыпов, факихов, галимов, мугаллимов, мударрисов, казиев и муфтиев, которые были бы вполне знакомы как с требованиями времени, так и с науками веры и жизни, чтобы иметь возможность указать к оным пути и другим» [РГИА, ф.821, оп.133, д.466, л.57 об.], т.е. это были духовные учебные заведения, призванные готовить богословов, знатоков мусульманского права и духовных руководителей мусульман. Правительственные чиновники сравнивали лучшие медресе с русскими духовными семинариями и академиями [РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.5 об.; ф.733, оп.170, д.263, л.303 об.; НА РТ, ф.92, оп.1, д.10464, л.17].

Как и повсеместно у мусульман, комплекс изучаемых в татарских медресе наук традиционно делился на две группы. Первую составляли науки «шаргия», т.е. дисциплины, связанные с изучением шариата, или, иначе, «наклия», т.е. основанные на предании. Вторую группу составляли науки умственные — «гаклия». Они, в свою очередь, делились на «арабия», связанные с изучением арабского языка, и «хикмия» — науки так называемой «человеческой мудрости», т.е. философские [Валидов, 1998, с.35].

Изучение всех этих наук велось по определенной схеме, на базе не-

изменного в течение веков комплекса учебных пособий, по определению Дж.Валиди, «получивших чуть ли не авторитет Корана». Каждый такой учебник «состоял из собрания нескольких книг, но не отдельных, а параллельных или концентрических. Это вытекало из своеобразной, так сказать, средневековой системы составления книг. Дело в том, что какой-нибудь ученый-специалист составлял одну какую-либо книжку, излагая в кратких чертах основные положения своей науки, потом последователи этого ученого, со своей стороны, писали к ней свои комментарии. Первое из этих сочинений называлось по-арабски «матен» (конспект), а второе — «шарх», т.е. комментарий. Комментарий сам по себе не составляет самостоятельной книги, он тесно связан с матеном»[Там же].

Иногда «шарх» имел свой комментарий — «шархи-шарх» либо «хашия» — толкование избранных мест первых двух сочинений. «Таким образом, коротенький матен, состоящий из каких-нибудь десяти страниц, может расширяться со всевозможными комментариями до многотомной книги» [Там же]. Предполагалось, что в стенах медресе шакирды должны изучать, т.е. практически заучивать наизусть, основные сочинения с несколькими главными его комментариями, а остальные толкования осваивать самостоятельно².

Курс обучения в медресе начинался с изучения морфологии, грамматики и лексики арабского языка. Наиболее авторитетными и распространенными в татарских медресе учебными пособиями были «Анмузадж» — грамматико-лексикографическое произведение знаменитого Махмуда Замахшари (1075—1144) и «Кафия» Ибн ал-Хаджиба (ум. 1249 г.) о строении стиха. К ним нужно было изучить примерно десять толкований. Когда шакирды достигали «Кафии», в программу включались книги по мусульманскому праву (*фикх*), стихосложению (*гильм аруз*) и ведению диспутов (*муназара*). Как правило, это был «Мухтасар ал-викая» Губайдуллы

Садр аш-Шария (ум. в 1344 г.) — краткий курс по мусульманскому праву, являвшийся сокращенным вариантом объемного юридического свода. К нему прилагались комментарии «Джами ар-румуз», «Шархи викая» и др.

Следующая ступень — изучение логики (*мантык*). Основные учебники — «Исагуджи» Хасана ал-Кати (ум. в 1358 г.) с комментариями «Шарх-и Исагуджи» Джамалутдина ас-Суюти (ум. в 1505 г.) и «Шамсия» с комментариями «Шархи шамсия», «Хашия-и Кутби». Затем приступали к толкованию догматов ислама (*калам*). Главные пособия — «Гакаид» Нажмеддина Абу Хафса Умара Насафи (1068—1142) с комментариями Сагдуддина Тафтазани (1322—1389) «Шарх гакаид ан-Насафи». Многочисленные толкования к ним изучались шакирдами самостоятельно. Дальнейшее изучение логики осуществлялось по сочинению Тафтазани «Тахзиб» со множеством комментариев, главным из которых был «Шархи Тахзиб» Джалаледдина Даввани (1426—1501). Одновременно продолжалось изучение фикха по «Шарх ал-викая», состоявшего из двух разделов: «Викаят ар-риваят» Махмуда Тадж аш-Шария и комментариев на него Убайдуллы ибн Масгуда Садр аш-Шария (ум. в 1346 г.) «Шархи Викаят ар-риваят».

Затем ученики приступали к изучению «Хикмат ал-гайн» Нажмеддина Умара ал-Катиби (ум. в 1276 г.). Следующим учебником по каламу был «Гакаид ал-Газдия» Гизеддина ал-Иджи (ум. в 1355 г.) с комментариями Джалаледдина Даввани «Мулла Джалал», на который, в свою очередь, имелись толкование Ханакахи и комментарии «Татимма», «Хашияи Калам» и множество других. К этим основным учебникам мог быть добавлен ряд второстепенных книг по предметам, относящимся к «арабия» — риторике, правилам благозвучия слов, построению речи и т.д. После ознакомления с этими книгами наступала очередь третьего большого пособия по фикху — «Хидая» крупного законоведа Бурханеддина Али Марги-

нани (ум. в 1197 г.) с комментариями и толкованиями к нему «Кифая», «Нихая», «Фатх ал-Кадир» и др. Параллельно вводилось изучение основ фикха по книге «Танких ал-усул» Садр аш-Шария с его же толкованием «Таузих ал-усул», ряда комментариев Тафтазани и др.

На последнем этапе вводилось изучение *хадисов* – речений пророка Мухаммада и преданий из его жизни. Основным источником служил «Мишкат аш-шариф», толкование к нему имело название «Миркат». Особое место занимала так называемая наука о разделе наследства – «*Гильме фараиз*», по сути один из разделов фикха, выделенный в самостоятельный предмет. Параллельно изучались правила чтения Корана – «*Гильме кират*», арифметика – «*Гильме хисаб*». Завершался курс медресе изучением толкования Корана по пособию «Тафсир» Байдави Насреддина Абдаллаха ибн Умара (ум. в 1286 г.) со множественством комментариев.

В общей сложности курс мог включать в себя более сотни книг довольно крупных знатоков в самых различных областях исламских наук, живших и творивших в основном в XI–XV вв. Полный курс обучения в медресе не имел какого-либо определенного срока: «Учащиеся живут и учатся в медресе до тех пор, пока учитель или сами они не сочтут себя достаточно усвоившими курс мусульманских наук, десять или более лет» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.13].

Конечно, систематическое изучение этих схоластических наук требовало много времени, и шакирды, как правило, заканчивали учебу и занимали должность муллы в тридцать-тридцать пять лет. Но так долго пребывать в медресе могли себе позволить немногие. Особо необходимым считалось изучение морфологии и синтаксиса арабского языка, логики, калама, законовещения и основ шариата. Поэтому многие шакирды, одолев эти пять-шесть курсов, считали себя вполне готовыми к духовной деятельности. Это подтверждал и Габдулла Буби, в 1870–1880-х гг. обучав-

шийся в медресе своего отца: «...многие шакирды не достигали и половины обучения или даже не продвигались дальше введения» [Бубый, л.18]. Значительное число шакирдов выходили из медресе, проучившись 5–6 лет. Так, в 1896 г. из 200 учащихся медресе первой мечети Стерлитамака 63 (31,5 %) обучались первый год, 32 (16%) – второй, 30 (15%) – третий, 23 (11,5%) – четвертый, 26 (13%) – пятый, 16 (8%) – шестой, 6 (3%) – седьмой и 4 (2%) – свыше 7 лет [Фархшатов, 1994, с.70]. Таким образом, 9 из 10 начавших учиться в медресе шакирдов отсеивались в первые 5 лет.

Традиционно используемый в медресе метод обучения был следующим: «Взяв книгу по какой-либо отрасли наук, составленную несколько столетий тому назад и почти всегда на арабском языке, мударрис перед своей аудиторией, сидящей перед ним полукругом на коленях, переводит арабский текст и приводит всевозможные на текст комментарии, заимствованные из таких же стародавних книг. Ни самостоятельно-го личного взгляда, ни разработки вопросов в ином, чем в комментариях, духе не допускается» [Ахмеров, 1897, с.77].

Дж.Валиди так описывал процесс обучения в медресе: «В каждом медресе имелось по несколько хальф, каждый из которых имел своих учеников, принадлежавших только ему. ... Хальфа давал уроки следующим образом: приглашал к себе в определенное время всех учеников одной ступени, сначала спрашивал он их прежние уроки. ... Потом начиналось преподавание нового урока, и тогда уже должны были присутствовать и ученики старших ступеней, с целью повторения своих предшествующих уроков или в силу их обязанности помогать своим младшим товарищам в заучивании уроков» [Валидов, 1998, с.38].

Мударрис же давал уроки для старших шакирдов. «На его лекциях присутствовали ученики всех хальф; он не спрашивал учеников и редко проверял их. Один из слушателей читал текст книги, через несколько слов (а иногда даже на каждом слове) мударрис пре-

рывал его и начинал чинно объяснять смысл прочитанного и при этом иногда так сильно вдохновлялся, что по поводу одного только слова прочитывал целую лекцию. ... Слушатели имели право прерывать лекцию и возражать против чего-нибудь мударрису; на это возражение должен был отвечать другой слушатель; но возражавший не удовлетворялся его ответом и возражал снова. Таким образом начиналось учебное состязание, в которое вмешивались и другие шакирды, причем никто из них не слушал своего противника, все перебывало с разных сторон друг друга, и в конце концов получался такой хаос... «Но будет вам, — раздавался в это время властный голос мударриса, — будет вам, безумцы, что же вы на самом деле, с ума сошли, что ли», — говорил он, чувствуя при этом полное внутреннее удовлетворение от того, что его шакирды умеют, когда нужно, себя показать» [Валидов, 1998, с.39].

Так шакирды переносились «в сферу высших понятий», и ученик «чувствовал себя способным разрешать вопросы знания и бытия и сознавал, хотя и смутно, значение этих вопросов». Диспуты, хотя и были схоластическими, вырабатывали у шакирдов умение логически мыслить, аргументированно излагать свои мысли, т.е. требовали «полного напряжения умственных способностей». Мелочность же рассуждений схоластической философии «не могла не содействовать развитию силы критического анализа, а богатство всевозможных научно-философских понятий давало возможность более или менее свободно оперировать в области отвлеченной мысли» [Валидов, 1998, с.42]. Диспуты-состязания «*муназара*» устраивались и между шакирдами разных хальф или даже разных медресе.

Если в эпоху возрождения системы образования большинство медресе создавалось татарами, получившими образование в мусульманских странах на чужбине, то в середине и второй половине XIX в. все чаще основателями и

руководителями медресе становились выпускники собственно татарских медресе. При этом объем преподаваемых предметов был примерно одинаков. Известны были медресе под именем своего руководителя-наставника. Если мударрис оказывался способным учителем, умевшим заинтересовать своих учеников учебой, выработать у них стойкое стремление к знаниям, его слава быстро распространялась, что приводило и к росту числа его учеников, которые стекались к нему отовсюду. Так обстояли дела и в сельских, и в городских медресе. Естественно, славились те медресе, чьи руководители — мударрисы серьезно относились к делу обучения юношества.

К числу таких руководителей принадлежал и Шигабуддин Марджани, обучавшийся в Бухаре и создавший в Казани свое медресе. «Марджани обучал очень старательно, придавая большое значение урокам, много времени проводил в медресе», — отмечал его биограф Ш.Шараф [Мәржани, 2010, б.94].

К ним относился и Габдулгаллям Нигматуллин, получивший образование в местных медресе и в 1857 г. воссоздавший медресе в деревне Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губ. «В то время, как шакирды многих медресе вынуждены были довольствоваться одним уроком в два-три дня или даже в неделю, наш отец не лишал шакирдов своих ежедневных уроков, — подчеркивал его сын Габдулла Буби. — Сам ни по какой причине не пропускал пяти-временный намаз в мечети, но никогда не принуждал шакирдов и даже нас (сыновей) посещать мечеть. Занимался уроками с утра с половины девятого до двенадцати, после обеда с двух до пяти, а зимой, когда дни были коротки, заходил в медресе после вечернего намаза и занимался с шакирдами часов до девяти-десяти» [Бубый, л.18].

Сравнение предметов (книг), изучаемых в казанском медресе Ш. Марджани и сельском медресе Габдулгаллям-хазрата, работавших в одно и то же время — в 1850–1880-х гг., выявляет

Программы медресе Буби и Марджани

Названия предметов	Учебники, использовавшиеся в медресе Буби	Учебники, использовавшиеся в медресе Марджани
Араб. морфология	Бидан, Шархе Габдулла	Шархе Мелла
Синтаксис	Кавагид, Гавамил, Анмузадж, Мулла Джами	Кафия
Логика	Исагуджи, Шамсия Мирсаид, Суллям кази	Шамсия, Шархе Тахзиб-ал мангыйк, Суллям-ал голум
Калам	Гакаид, Мулла Джалял, Ахун Юсуф	Мулла Джалял, Тахзиб-ал калам, Шархе Гакаид Насафи
Красноречие	Талхис	Талхис
Законоведение	Мухтасар, Хидая	Мухтасар-ал викая, Хидая
Основы шариата	Зубдат ал-асрар, Таузих, Талвих	Таузих
Этика	Гайн-ул гильм, Тарикаи Мухамадия	Гайн-ул гильм, Тарикаи Мухамадия
Хадис	Мишкат ал-масабих, Сахих ал-Бухари	Мишкат ал-масабих
Древняя философия		Хикмат-ал гайн
Тафсир	Казий Байзави	
Правила наследования	Сиразия	Фараиз
Счет	Холясат ал-хисаб	

схожесть изучаемых предметов в этих медресе [Махмутова, 2003, с.40].

Несмотря на некоторые различия в названиях, можно утверждать, что в обоих медресе использовались одни и те же книги (например, «Шархе Габдулла» и «Шархе Мелла», «Суллям кази» и «Суллям ал-голум» и т.д.). Названия учебников показывают, что в этих медресе использовались достаточно авторитетные и широко распространенные в татарских медресе книги средневековых авторов. Оба хазрата, как это было во всех медресе того времени, придерживались традиционного обучения, которое, бесспорно, носило схоластический характер. Общественное сознание татар, пребывавшее в рамках мусульманских традиций, не допускало покушений на ее основы. Даже хорошо понимавший необходимость преобразования татарских медресе Ш.Марджани не мог преодолеть сопротивление как шакирдов, так и общества. Ш.Шараф с огорчением отмечал: «Почему-то Марджани-хазрат, раскритиковав методы обучения в Бухаре и показав пути их преобразо-

вания, в том числе написав специальные книги об этом, не упорядочил свое медресе и свои уроки» [Мәржани, 2010, б.112–113].

Правда, далее он пояснял: «Марджани-хазрат сам очень беспокоился, что его мысли о необходимости изменений остаются без внимания, что у него очень мало помощников в осуществлении его идей. Сетую иногда: «Стараясь быть как все медресе – Кышкар, буинское, казанские – [шакирды и хальфы. – А.М.] уничтожили мое медресе. Разрушились все планы относительно уроков, обдуманные еще в Бухаре. Проводят жизнь попусту. Не учат необходимое. Но что делать, это время такое. А из этих [схоластических наук. – А.М.] – ничему бы не обучал», – ясно объяснял свое недовольство порядками в обучении. Но как бы ни был недоволен, обучал так, как вынуждало время» [Мәржани, 2010, б.115].

Прогрессивно настроенные мударисы и их помощники-учителя (хальфы и мугаллимы) все яснее осознавали необходимость перемен, не могли при-

мириться с господством схоластики. Особенно прославились в этом отношении самое богатое и благоустроенное Стерлибашевское медресе в Уфимской губ. Для этого медресе были построены новые здания, число которых в середине 60-х гг. достигло 25. Был разбит сад, проведен водопровод, имелась богатая библиотека. Его мударрисы Харис (1810–1870) и Харрас (1814–1871) Биктимировы (Тукаевы), а затем сын Хариса Хабибулла Тукаев (1856–1897) имели основательное богословское образование, владели восточными языками, интересовались поэзией, литературой [Мәржани, 1989, с.254; Тукаев, 1899, с.8–9]. Они не только поддерживали высокий по тем временам стандарт образования, но и вводили в процесс обучения некоторые изменения. Так, уже в 1869 г. Харис-хазрат ввел в учебный курс преподавание русского языка. Он считал, что «знание русского языка, являющегося государственным, для российских мусульман обязательно» [Фәхрединев, 1909, б.506].

Миссионер Н.И.Ильминский, заметив большую популярность среди мусульман Стерлибашевского медресе, сообщал обер-прокурору св. Синода К.П.Победоносцеву: «Стерлибашевское медресе, как сильный подземный корень, дает опору и силу различным магометанским движениям» [Письма..., 1895, с.142]. Посетивший это медресе в начале XX в. будущий академик В.В.Бартольд назвал его «одним из живых центров мусульманской науки в России» [Фархшатов, 1994, с.59].

Тукаевы привлекали к работе в своем медресе талантливых, высокообразованных преподавателей. Здесь успешно работали талантливые поэты Ш.Заки (1825–1865) и Г.Чокрый (1826–1889). Сюда же был приглашен и брат Габделгалляма Нигматуллина Габдулла-хазрат (1838–1884), после получения образования в медресе брата совершенствовавший свои знания в течение семи лет в Стамбуле, Хиджазе, Бейруте, Каире, где уже разворачивалась рефор-

ма системы мусульманского образования. Слушать его лекции собирались не только шакирды, но и все хальфы медресе и даже сыновья Тукаевых. Видимо, к этому времени Габдулла-хазрат уже критически относился к традиционной системе образования у татар и по мере своих возможностей стремился улучшить ее.

Вот что сообщал Г.Буби о взглядах Габдуллы-хазрата и предметах, которые он преподавал в медресе: «В Стерлибаше он старался обучать даже географии, предмету, который тогда среди наших татарских дамелла никто не только не преподавал, но даже и названия этого никогда не слышал. Кроме того, он не стал обучать морфологии и синтаксису арабского языка посредством персидского языка, как это было принято во всех медресе, а *обучал по-татарски*, тем самым сделав большой шаг на пути реформы обучения арабскому языку. Книга дяди Габдуллы по морфологии и синтаксису арабского языка, написанная на татарском, и сейчас лежит передо мной. Правда, она не похожа на книги, написанные ныне. Но какое дело может быть совершенно верным в самом начале? Ни один воспитанный человек никогда не согласится назвать незначительным, не требующим большого мужества делом обучение арабской морфологии и синтаксису по-татарски во время, когда татарские муллы называли географию запретной, письмо по-татарски считали очень большой провинностью, а обучение арабской грамматике по-персидски обязательным для всех. ... Помню дядю Габдуллу: он был крупным, с большой бородой, очень мягкий и с очень терпеливым характером. Когда приезжал к нам в гости, никогда не выпускал из рук книг или карандаша, всегда листал книги, писал» [Бубый, л.6–7]. После себя Габдулла-хазрат оставил и семь написанных, но неизданных книг, среди которых были несколько комментариев к книгам по богословию, полные правила арабской грамматики и араб-

ский синтаксис на татарском языке [Махмутова, 2003, с.42–45].

В целом можно сказать, что не только в Казанской, Оренбургской или Уфимской губерниях, но и в каждом регионе, где компактно проживали татары-мусульмане, были свои знаменитые медресе. Они, как правило, открывались по инициативе подвижников просвещения, наиболее образованных мулл, получавших учено-преподавательское звание мударриса в ОМДС. Возьмем для примера медресе г.Касимова Рязанской губ. Основано оно было в 1808 г. по инициативе имам-хатыба Ханской мечети Абдулвахита Исмагиловича Давликамова (?–1855) при финансовой поддержке богатых прихожан Шакуловых, Максудовых, Давлеткильдеевых и др. Существование медресе было благополучным и долговременным благодаря финансовой поддержке касимовских купцов и деятельности династии имамов и мударрисов Давликамовых, более столетия руководивших этим учебным заведением. Особенно успешно медресе работало при Фазлулле Абдулвахитовиче Давликамове (?–1866), который стал вторым имамом и мударрисом в 1827 г.

В 1847 г. в медресе было три отделения: в первом – тюркском – азбуке, основам веры, Корану и шариату обучалось 27 человек; во втором – арабском – 23 шакирда изучали науки, связанные с арабским языком; в третьем, носившем название «персидское», изучались история ислама, история пророков, толкование Корана, география и другие предметы (здесь было всего 6 учеников). Малочисленность учащихся объяснялась, видимо, и тем, что при первых Давликамовых медресе располагалось в их собственном доме. Тем не менее медресе получило широкую известность не только в Касимове, но и в губерниях Центральной России. Большинство шакирдов составляли выходцы из татарских сел Московской,

Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерний.

В 1860-х гг. попечителем медресе стал купец 2-й гильдии Сайфулла Мурсалимович Кастров, построивший для него специальное здание. И в дальнейшем Кастровы продолжали содержать медресе, взяли на себя все заботы о приходе Ханской мечети. И на рубеже XIX–XX вв. Давликамовы продолжали сохранять верность ортодоксальным традициям касимовской богословской школы, не поддаваясь новым веяниям [Салихов, 2006, с.171–175].

К концу XIX в. мулл, осознавших необходимость перемен, было уже немало. Часть из них объединяло критическое отношение к школьной схоластике, идущей из Бухары, что явилось отражением изменения их мировоззрения под влиянием социально-экономических перемен в пореформенной России, распространения рационалистически-просветительских идей Г.Курсави, Г.Утыз Имяни, Ш.Марджани, К.Насыри, Х.Фаизханова и под воздействием перемен, начавшихся в исламском мире. «Священная» Бухара перестала быть для них символом образованности. Посетивший в 1881 г. Казанскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии сенатор М.Е.Ковалевский отмечал: «Среди здешних мусульман... Бухара утратила свое обаяние, уступив место Константинополю, а в особенности Каиру» [РГИА, ф.821, оп.6, д.785, л.5 об.].

Для последователей татарских просветителей были характерны стремление расширить традиционную учебную программу мусульманских школ, начитанность, любовь к классической восточной литературе, истории и философии. Слава о них не распространялась далеко за пределы их региона, однако они явились предшественниками будущего поколения реформаторов, подготовили почву для их появления, но самое главное, – создали условия для их становления.

Список источников и литературы

- НА РТ, ф.977, оп.Совет, д.318.
 НА РТ, ф.160, д.33.
 НА РТ, ф.92, оп. 1, д.19380, л.22, 34–35, 40 об.
 НА РТ, ф.92, оп. 1, д.10464, л. 17.
 РГИА, ф.733, оп.170, д.263, л.303 об.
 РГИА, ф.733, оп.173, д.102, л.234.
 РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.13.
 РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.9 об.
 РГИА, ф.821, оп.6, д.785, л.5.
 РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.5 об.
 РГИА, ф.821, оп.8, д.801, л.45 об.
 РГИА, ф.821, оп.8, дд.1093, 1101, 1106, 1110, 1115, 1118, 1122, 1132.
- Ахмеров, 1897* – Ахмеров Ш. Казанское мусульманство // Городской и сельский учитель. – Казань, 1897. – Вып. 2.
- Бикколов – Бикколов К. Яңа Тинчәле авылы тарихы* // ОРПК НБ КГУ, т2452.
- Бобровников, 1913* – Бобровников Н. Русско-туземные училища, мектебы и медресе в Средней Азии // ЖМНП. – 1913. – № 6.
- Бубый – Бубый Г. Бубый мәдрәсәсенен кыска тарихы. Бубый-Сарапул-Голжа-Бубый: 1913–1918* // ОРПК НБ К(П)ФУ, № 207 т.
- Валидов, 1998* – Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.). – Казань: Иман, 1998.
- Вестник, 1811* – Вестник Европы, 1811, ноябрь, № 21.
- Загидуллин, 2008* – Загидуллин И.К. Ш.Марджани о некоторых аспектах религиозного уклада татар в Среднем Поволжье // Шигабутдин Марджани: наследие и современность: Сб. статей. – Казань: Алма-лит, 2008. – С.159–169.
- Ислаев, 1999* – Ислаев Ф.Г. Православные миссионеры в Поволжье. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999.
- История, 1937* – История Татарии в материалах и документах. – М.: Соцэкгиз, 1937.
- Коблов, 1916* – Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. – Казань, 1916.
- Махмутова, 1982* – Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар (Борьба вокруг школьного вопроса. 1861–1917). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.
- Махмутова, 2003* – Махмутова А.Х. Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби). – Казань: Магариф, 2003.
- Медресе, 2007* – Медресе г. Казани XIX – нач. XX веков: Сб. документов и материалов. – Казань: Гасыр, 2007.
- Мәрҗани, 1989* – Мәрҗани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989.
- Мәрҗани, 2010* – Мәрҗани: Фәнни-популяр җыентык. – Казан: Жыен, 2010.
- Мухаметшин, 2005* – Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.
- Письма, 1895* – Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору св. Синода Константину Петровичу Победоносцеву. – Казань, 1895.
- Салихов, 2006* – Салихов Р. Из истории мусульманских приходов города Касимова // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Казань, 2006.
- Татар..., 1984* – Татар әдәбияты тарихы: 6 томда. Т.1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984.
- Тукаев, 1899* – Тукаев М.-Ш. Тарихы-Эстәрлебаш. – Казан, 1899.
- Усманов, 1980* – Усманов М. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980.
- Фархшатов, 1994* – Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период в 60–90-е годы XIX века. – М.: Наука, 1994.

- Фәхрәддин, 2006* – Фәхрәддин Р. Асар. Т. 1. – Казан: Рухият, 2006.
Фәхрәддинев, 1909 – Фәхрәддинев Р. Асар. Ж.15. – Оренбург, 1909.
Фәхрәтдинов, 1993 – Фәхрәтдинов Р. Болгар вә Казан төрекләре. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1993.
Фукс, 2005 – Карл Фукс о Казани, Казанском крае: Научно-биографический сборник. – Казань: Жиен, 2005.
Хабутдинов, 2008 – Хабутдинов А.Ю. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.
Хабутдинов, 2009 – Хабутдинов А.Ю. Округ Оренбургского Магометанского Духовного собрания: роль медресе как общенационального института // Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве: Сб. статей. – Н. Новгород; М.: Изд. дом «Медина», 2009. – С.34–60.
Ханыков, 1887 – Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. – СПб., 1887.
Хронологический..., 2000 – Хронологический перечень законодательных актов о татарах Среднего Поволжья и Приуралья второй половины XVI–XVIII веков / Сост. А.Ногманов // Гасырлар авазы – Эхо веков. Казань: 2000. – № 1/2. – С. 315–319.
Шиһабетдин, 1998 – Шиһабетдин Мәржани. – Элмәт: Рухият, 1998.

Список сокращений

- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
 НА РГ – Национальный архив Республики Татарстан.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание.
 ОРРК НБ К(П)ФУ – отдел редких книг и рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Таблица составлена по: РГИА, ф.821, оп.8, д.1101, л.2–5; д.1106, л.2–6; д.1110, л.3–5; д.1115, л.2–5; д.1118, л.2–7; д.1122, л.2–7; д.1132, л.2–4.

² Далее описание предметов и способов обучения в медресе дано по: *Ахмеров Ш.* Казанское мусульманство // Городской и сельский учитель. – Казань, 1897. Вып. 2; *Валидов Дж.* Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.). – Казань: Иман, 1998; *Коблов Я.Д.* Конфессиональные школы казанских татар. – Казань, 1916; *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. – СПб., 1887; Медресе г. Казани XIX – нач. XX веков: Сб. документов и материалов. – Казань: Гасыр, 2007 и др.

Аннотация

В статье рассматриваются предпосылки становления и основные тенденции развития в конце XVIII – начале XX вв. системы конфессионального образования у татар-мусульман в Волго-Уральском регионе, характеризуются основные его институты в лице традиционных мусульманских учебных заведений, мектебе и медресе, мугаллимов и мударрисов, махаллей, дается динамика их численности, анализируются учебные дисциплины, программы обучения, сопоставляются учебные программы медресе Буби и Марджани, освещается деятельность крупнейших медресе – центров подготовки духовенства – и авторитетных заведующих и преподавателей видных преподавателей медресе. Констатируется, что если в эпоху возрождения системы образования большинство медресе создавалось татарами, получившими образование в мусульманских странах на чужбине, то в середине и второй половине XIX в. все чаще основателями и руководителями медресе становились выпускники собственно татарских медресе.

Ключевые слова: традиционные мусульманские учебные заведения Волго-Уральского региона, мектебы и медресе, система образования татар-мусульман, мударрис, мугаллим.

Summary

The article deals with the preconditions of formation and the main tendencies in the development of the system of confessional education among the Tatars-Moslems in the Volga Ural region at the end of the XVIII – the beginning of the XX century. Its main institutions particularly traditional Moslem educational establishments, mektebe, medrese, mugallims, mudarrises, mahallas are characterized and the dynamics of their quantity is given, moreover subjects, programmes of training are analyzed, curricula of Bubi and Marjani medreses are compared, the activity of the largest medreses (centres of clergy training) as well as the activity of authoritative governors and medrese's outstanding teachers is described. It is ascertained that if in the epoch of renaissance of educational system the majority of medreses was created by the Tatars who got education in Moslem countries, then in the middle and in the second half of the XIX century founders and heads of medrese were mainly graduates of Tatar medrese.

Key words: traditional Moslem educational establishments of the Volga Ural region, mektebe, medrese, the system of education of the Tatars-Moslems, mugallim, mudarris.

УДК 37

ШКОЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КРЕЩЕННЫХ ТАТАР В XIX В.*

Р.Р. Исхаков, старший научный сотрудник

*Центра изучения истории и культуры крещеных татар и нагайбаков
Института истории им. Ш. Марджани*

Реформы Александра I начала XIX столетия, приведшие к определенным позитивным изменениям в сфере народного просвещения, в незначительной степени затронули систему образования крещеных татар. Закрытие в 1800 г. новокрещенских школ в Казани [ПСЗ-1, т.26, № 19455], являвшихся единственными учебными заведениями, созданными для обучения представителей крещеных нерусских народов региона, надолго прервало традицию специального конфессионального «инородческого» образования в Волго-Уральском регионе. В соответствии с «Уставом учебных заведений» 1804 г. при одном или двух православных приходах должно было учреждаться, по крайней мере, одно приходское училище, обучение в которых вменялось в обязанность местного православного духовенства, однако организация этих учебных заведений в национальных приходах не получила должного распространения [ПСЗ-1, т.28, № 21501, п.118, 119]. Этому препятствовало отсутствие последовательных шагов со стороны правительства, четкой системы государственного финансирования (содержание училищ возлагалось на жителей прихода), желания самого местного населения к развитию чуждого им по духу образования на непонятном

русском языке, к тому же налагавшего на их сельские общества значительные финансовые затраты [Прокопьев, 1905, с.5–6; Кедров, л.78]. Во многом по этим же причинам не был реализован другой проект Александровской эпохи, выдвинутый в 1822 г. попечителем КУО М.Л.Магницким, – по организации в Поволжье и Сибири ланкастерских подвижных школ взаимного обучения¹, основной целью создания которых, по мысли его автора, должно было стать распространение грамоты и идей христианства среди нерусских народов Восточной России [Примогенов, л.81].

Лишь в годы правления Николая I произошли существенные перемены в школьном просвещении крещеных татар. Первым шагом в развитии государственного начального образования среди многонационального сельского населения Поволжско-Уральского региона стало утверждение 25 октября 1828 г. «Устава сельских училищ в удельных имениях» [ПСЗ-2, т.3, №2377], регламентировавшего порядок открытия школ в селениях Удельного ведомства. На основе опыта работы удельных школ 24 декабря 1830 г. был принят проект о волостных училищах казенных поселян, первоначально распространивший свое действие на Петербургскую и Псковскую губернии [ПСЗ-2, т.6, № 4219 б].

* Исследование поддержано грантом Российского государственного научного фонда (11-11-16006а/В).

В соответствии с этим проектом для государственных крестьян при волостных правлениях должны были учреждаться начальные учебные заведения для подготовки нижних чинов местной сельской администрации (писарей). На должности учителей преимущественно назначались представители приходского православного духовенства — священники, реже дьяконы, получавшие за свои труды небольшое денежное вознаграждение. Содержаться эти училища должны были за счет общественных, земских сборов.

В Среднем Поволжье этот тип начальных учебных заведений стал распространяться в конце 1830 — начале 1840-х гг., что было связано с учреждением МГИ (1837 г.) и реформой управления государственной деревней, проведенной его первым министром П.Д.Киселевым. Указами от 27 июня [ПСЗ-2, т.17, отд.1, № 15794] и 25 ноября [ПСЗ-2, т.17, отд.2, № 16248] 1842 г. все созданные ранее волостные школы были преобразованы в приходские училища, подчиненные МГИ. Вместо подготовки писарей на эти учебные заведения возлагалась обязанность распространения среди государственных крестьян религиозно-нравственных начал и грамотности. Одной из причин упразднения волостных училищ была их крайняя непопулярность среди местного населения. Как отмечал священник С.Нурминский, окончивший курс в одной из таких школ, за период своего существования волостные училища не смогли наладить систему обучения представителей коренных народов края и оставили о себе среди сельских жителей недобрую память, а ее воспитанники, становясь писарями, проявляли худшие качества, характерные для российской бюрократии [Нурминский, 1864, с.220]. Такое положение объяснялось низким уровнем педагогической подготовки учителей, схоластическими методами преподавания и обучения на русском языке, сводившимися к механическому заучиванию текстов из Св. Писания, чтению и письму. Преобразо-

ванием этих училищ руководство МГИ хотело улучшить общую постановку обучения в сельских начальных школах, повысить интерес государственных крестьян к получению начального образования. Особое внимание в ходе реализации этого проекта было уделено развитию конфессионального образования среди крещеных татар. В ходе дискуссии, развернувшейся в правительственных кругах по проблеме массовых «отпадений» «новокрещеных» татар от православия в начале 1840-х гг., Николаем I было высказано мнение о необходимости усиления школьного просвещения крещеных татар как важного условия их прочного утверждения в православии, что привело к открытию сети училищ МГИ в крещено-татарских приходах [РГИА, ф.383, оп.7, д.6190-а, л.1, д.6190-б]³.

Благодаря вниманию со стороны губернских палат государственных имуществ и участию местного православного духовенства, для приходских училищ в крещено-татарских селениях были построены просторные школьные здания, в которых могли обучаться 30–50 учеников, оборудованные хорошей школьной мебелью, библиотеками с учебной и церковной литературой [Ильминский, 1856, л.10–11об.]. Основными предметами в них были: Закон Божий, арифметика, чтение и грамматика, которые преподавались на русском и церковнославянском языках. Контроль за постановкой учебного процесса в школах осуществлялся духовным ведомством (благочинными) и светской администрацией (штатными смотрителями и окружными начальниками).

Несмотря на попытки отказаться от принудительного комплектования приходских училищ, нежелание и боязнь «старокрещен» отдавать своих детей в эти учебные заведения, связанные с отрицательным опытом существования сети начальных сельских школ в предшествующее время, привели к тому, что будущих учеников приходилось буквально отбирать у родителей. При этом местные чиновники довольно час-

то использовали эти действия как способ своего материального обогащения, когда за оставление детей в семье их родители были вынуждены делать волостным старшинам и писарям денежные подношения и подарки [Тимофеев, 1887, с.10–11]. Нежелание крещеных татар отдавать своих детей в эти училища было вполне объяснимо. Обучение в школах было бесплатным, однако родители учеников были вынуждены оплачивать наем жилья и питание, что налагало на крестьянские хозяйства дополнительные, часто непомерные денежные затраты. Кроме того, школы, созданные без учета нужд местного населения, с их «обрусительными методами» воспитания и обучения, не вызывали доверия у крещеных татар. Ученики, поступая в школу, надолго отлучались от семьи и погружались в абсолютно незнакомую им обстановку. Не зная русского языка, они были вынуждены читать «на слух», повторяя за учителем, и не усваивали смысла прочитанного. Учителя, большинство из которых являлись местными священнослужителями, в связи с сильной загруженностью пастырскими обязанностями, не всегда имели возможность вести полноценную преподавательскую деятельность, были вынуждены бывать в школах «набегами» или перепоручать обучение детей нижнему церковному причту [Ильминский, 1856, л.10–12]. Естественно, такие методы педагогической деятельности не приносили заметных результатов. Многие ученики из крещеных татар, после недолгого пребывания в школе, отчислялись «за неспособностью» (или сбегали, забирались родителями), так и не освоив «русской грамоты». Лишь единицы заканчивали полный курс обучения. Вполне понятно, что эти училища, не получившие поддержки со стороны местных сельских обществ, не могли полноценно развиваться. В связи с нехваткой финансовых средств, недостатком учеников во второй половине 1850 – начале 1860-х гг. происходит их постепенное закрытие [Ильминский, 1856, л.11–12].

Несмотря на довольно скромные результаты деятельности училищ и общее неудовлетворительное состояние обучения в них, отмечавшееся большинством дореволюционных исследователей [см.: Ильминский, 1856; Нурминский, 1864; Тимофеев, 1887; Износков, 1909; Рождественский, 1912], необходимо отметить их важную роль в развитии школьного образования среди «старокрещеных» татар. Во многом благодаря этим учебным заведениям среди крещеных татар появились первые «грамотеи», повысившие после обучения свой образовательный, а часто и социальный статус. Именно из среды бывших учеников этих школ вышли первые просветители и миссионеры. Благодаря хотя и довольно ограниченному развитию школьного просвещения в Николаевский период, наряду с социально-экономическими изменениями, произошедшими в средневожской деревне в эпоху Великих реформ, у «старокрещеных» татар повысился интерес к получению образования и понимание необходимости повышения грамотности подрастающего поколения. Приходские училища создали базу, которая позволила в пореформенный период качественно улучшить и расширить систему начального обучения крещеных татар; их опыт, прежде всего отрицательный, был использован просветителями при разработке новых образовательных программ и методик, послуживших основой для религиозно-просветительской системы Н.И.Ильминского.

Становление системы конфессионального образования крещеных татар. Новой страницей в истории просвещения татар-кряшен стал пореформенный период. Изменения школьной политики государства и методов христианского просвещения РПЦ привели в начале 1860-х гг. к кардинальным переменам в системе их начального и среднего образования. Важнейшим фактором в развитии школьного образования «старокрещен» в это время стала деятельность православных миссионеров. В соответствии с новой просветительской

идеологией, разработанной *Николаем Ивановичем Ильминским* (1822—1891), конфессиональные школы должны были стать основными миссионерскими институтами православной церкви в Волго-Уралье, а воспитанное в них в религиозном духе молодое поколение — опорой церкви в регионе, через которое идеи христианства проникали бы в среду старшего поколения. Понимая, что невозможно добиться качественных изменений в восприятии православия и повышении грамотности среди крещеных татар на непонятном им русском языке, миссионеры-реформаторы предложили первоначальное обучение в конфессиональных школах вести на родном для детей языке. В 1862 г. *Н.И.Ильминский* совместно с *Василием Тимофеевичем Тимофеевым* (1836—1893) составили «Букварь для крещеных татар с краткими православными молитвами и статьями вероучительного характера»⁴, в котором впервые был применен алфавит на основе кириллицы для обозначения звуков татарского языка. В дальнейшем на основе нового алфавита авторами были составлены переводы на разговорном татарском языке православных богослужебных книг, ставшие основными учебными пособиями в крещено-татарских школах.

Разработка алфавита и составление на его основе первых учебных пособий позволили *Н.И.Ильминскому* значительно расширить свою деятельность и открыть в 1863 г. в Казани первое специальное учебное заведение для крещеных татар. Большая роль в его становлении сыграл первый кряшенский миссионер и просветитель *В.Т.Тимофеев*. Тимофеев происходил из «старокрещеных» татар д.Никифорово (Чиябаши) Мамадышского уезда Казанской губ. После окончания Тевелевской приходской школы МГИ он уехал в Казань с целью поступить послушником в Иоанновский монастырь. В Казани он познакомился с *Н.И.Ильминским*, который предложил ему сотрудничество в переводе религиозных книг на татарский язык. В 1863 г., по его протекции, *В.Тимофеева*

приняли в КазДА на должность практиканта татарского языка. Получив средства к существованию и сносные жилищные условия, он приступил к реализации своих миссионерских и педагогических идей — в первую же осень поселил в своей квартире троих мальчиков из родной деревни и стал обучать их грамоте и основам христианского вероучения [НА РТ, ф.92, оп.1, д.2340; Ильминский, 1867, с.293].

Для дальнейшего развития школы *Н.И.Ильминский* в августе 1864 г. обратился в МНП с ходатайством о дозволении открыть частную школу, для первоначального обучения детей крещеных татар в Казани во главе с *В.Т.Тимофеевым*. Данное предложение было поддержано попечителем КУО *П.Д.Шестаковым*. В 1864/1865 учебном году школа стала действовать как официально зарегистрированное учебное заведение [Витевский, 1892, с.13].

Созданная как маленький частный пансион, в котором в первом году обучалось всего три мальчика, живших вместе со своим учителем и его семьей в подвальной комнате дома на Арском поле, эта школа вскоре превратилась в довольно крупное учебное заведение. Во втором учебном году здесь обучалось уже 20 детей, а в 1866 г. количество учеников достигло 40. Быстрое увеличение количества учащихся поставило на повестку дня вопрос о правильной организации образовательного процесса и об обеспечении материальной базы школы. Благодаря усилиям *Н.И.Ильминского*, поддержке попечителя КУО *П.Д.Шестакова* и казанского архиепископа *Антония* (Амфитеатров) школа получила в 1867 г. отдельное здание, построенное на Арском поле казанским купцом *Арефьевым* и расширенное в 1870 г. на средства МНП. В 1867/1868 учебном году КЦКТШ была разделена на два самостоятельных отделения — мужское и женское [Горохов, 1941, с.106].

Как первое учебное заведение, взявшее на вооружение систему *Н.И.Ильминского*, КЦКТШ стала свое-

го рода лабораторией для апробации новых педагогических и миссионерских методик, которые разрабатывались Н.И.Ильминским и В.Т.Тимофеевым непосредственно во время работы с учениками. Первоначально у КЦКТШ не было четких учебных планов и штатов, что было связано с позицией ее основателей, считавших, что сам учебный процесс должен подсказать направление педагогической деятельности и необходимые для изучения предметы. Подчеркивая эмпирический характер своей системы, Н.И.Ильминский считал важным не ограничивать преподавательскую деятельность В.Т.Тимофеева, не загонять ее в жесткие рамки утвержденных программ и старался максимально освободить образовательный процесс от лишней бюрократической регламентации. В связи с этим, несмотря на финансовую поддержку государственных структур, КЦКТШ на протяжении всей своей истории оставалась частным учебным заведением, не подчинявшимся напрямую ни МНП, ни училищному совету Синода. Ее дирекция вполне самостоятельно принимала решения по учебным и воспитательным вопросам, что позволяло школе оперативно реагировать на религиозные и образовательные запросы крещеных татар. Существовала лишь некоторая неформальная подчиненность школы и его руководства директору организованной в 1872 г. Казанской учительской (инородческой) семинарии. Но и эта связь основывалась, в первую очередь, на особых доверительных отношениях между ее руководителями — В.Тимофеевым и Н.Ильминским, а после кончины последних — их преемниками Т.Егоровым и Н.Бобровниковым.

Исходя из того, что выпускники в дальнейшем будут заниматься преимущественно христианско-просветительской деятельностью среди соплеменников, приоритет отдавался религиозному образованию. Главными предметами в школе были Закон Божий, православные молитвы, Священная история и краткий катехизис. Обучение осно-

вам православия вводилось с первых дней учебы. Изучив букварь, ученики переходили к чтению «Бытия», книги «Премудрости Иисуса», «Евангелия от Матфея», переведенных на татарский язык [Витевский, 1892, с.14]. С 1871 г., когда при КЦКТШ была построена домовая церковь, присутствие учеников на богослужении, на утренней и вечерней молитвах стало обязательным. Особое внимание уделялось церковному пению, которое, как небезосновательно считал Н.И.Ильминский, оказывало большое эмоциональное воздействие на неукрепленных в православии крещеных татар, способствовало привлечению их на богослужение в церковь. Уже в 1864/1865 учебном году В.Т.Тимофеевым был организован певчий хор из числа учеников. Наряду с религиозными дисциплинами здесь изучались русский язык, основы арифметики (курс ограничивался целыми числами), черчение и география. Первоначальное преподавание велось на родном для учащихся языке. После знакомства с православной литературой, переведенной на татарский язык, обучившись читать и писать на родном языке, ученики приступали к изучению русского. В школе применялся «переводческий» метод, в соответствии с которым знакомство с грамматическими формами русского языка осуществлялось на основе самоучителя русской грамоты для казахов, затем читались «Св. История», составленная священником Н.А.Поповым, и Евангелие на русском языке. Чтение книг сопровождалось устным переводом на родной язык. Первоначальный срок обучения в школе не был четко определен и зависел от успехов и «даровитости учеников» [Спешков, 1904, л.10–10 об.].

Ставя на первое место в учебном процессе не столько обучение, сколько воспитание детей, Н.И.Ильминский и В.Т.Тимофеев стремились создать в школе семейную атмосферу, отказывались от телесных и других наказаний. Для популяризации идей просвещения среди крещеных татар во время летних

каникул В.Т.Тимофеев совершал со своими учениками поездки по крещено-татарским селениям. Благодаря этому школа приобрела широкую известность и популярность. Обучаться здесь стали дети крещеных татар не только Казанской, но и Уфимской, Самарской и Вятской губерний. Наряду с татарами сюда поступали удмурты, марийцы, чувашаи и мордва, знавшие татарский язык. К 1904 г., т.е. за 40 лет существования, в школе получили образование 3394 мальчика и 1472 девочки, из них 696 человек (14,3%) закончили ее со званием учителя народных училищ.

В 1878 г. в КЦКТШ была расширена программа обучения – она стала соответствовать курсу двухклассных сельских училищ МНП, что было связано с общей тенденцией по унификации учебной системы империи, проведением военной реформы. Для предоставления успешно закончившим курс в школе льготы на прохождение воинской службы, возможности замещать должности учителей в системе земских и министерских начальных училищ ее учебные планы должны были соответствовать программам МНП, а выпускники проходить обязательную аттестацию и сдавать выпускные испытания. В соответствии с новой программой был расширен круг изучаемых предметов, увеличен штат учителей, введена должность законоучителя, на которую был назначен В.Т.Тимофеев. В 1883 г. в школе открылся третий, в 1901 г. – четвертый класс с объемом преподавания не ниже второклассной церковно-приходской учительской школы. В соответствии с новой программой в школе было введено изучение русской истории, естествознания, физики и рисования, расширено преподавание русского и церковнославянского языков [Отчет КЦКТШ, 1904, с.1–2].

С момента основания КЦКТШ задумывалась как учебное заведение для подготовки учителей начальных миссионерских школ для крещеных татар. Уже в 1865/1866 учебном году ее первые выпускники открыли школы: жен-

скую – в д. Никифорово, смешанные – в д. Арняш (Мамадышский у.) и с. Апазово (Казанский у.). Эти первые школы напрямую подчинялись КЦКТШ и были, по словам П.Знаменского, ее «маленькими колониями» [Знаменский, 1892, с.196]. Для повышения квалификации воспитанников школы, которые из-за ограниченных рамок научной и педагогической подготовки, недостаточного времени обучения, становясь учителями, не всегда справлялись с возложенными на них профессиональными обязанностями, В.Т.Тимофеевым и Н.И.Ильминским на базе КЦКТШ с 1868 г. стали проводиться ежегодные учебные (педагогические) курсы. Особое внимание на курсах уделялось знакомству учителей с новыми методами обучения, изучению русского языка и «миссионерских наук» [Отчет Братства св. Гурия, 1884, с.11]. С 1890-х гг. сюда стали съезжаться учителя начальных национальных школ со всего Волго-Уральского региона. В частности, в 1895 г. из 78 человек, обучавшихся на курсах, 58 были учителями школ из Казанской, 9 – из Симбирской, 7 – из Вятской, 1 – из Пермской, 1 – из Саратовской и 2 – из Уфимской губ. Из них 26 были крещеными татарами, 25 чувашами, 12 марийцами, 8 удмуртами, 6 русскими и 1 мордвином [Горохов, 1941, с.110].

В соответствии с идеями Н.И. Ильминского КЦКТШ постепенно приобретала характер не только образовательного, но и культурно-религиозного центра: кроме обучения детей и подготовки педагогических кадров, здесь осуществлялись переводы богослужебной и учебной литературы на татарский язык, ее централизованное распространение, популяризировались идеи православия среди основной массы «старокрещен» [Будилович, 1904, л.5]. Благодаря своему особому статусу и роли в координации деятельности местных начальных школ, подготовке учителей и контролю над их деятельностью, КЦКТШ в условиях отсутствия других значимых общекрещенских культурно-религиозных институтов выполняла коммуника-

ционные функции между отдельными, ранее мало связанными между собой группами «старокрещен», способствовала их консолидации и формированию единого культурно-информационного пространства, а ее воспитанники, замещая должности учителей и православных священников, становились основными деятелями школьного просвещения и миссионерства среди соплеменников. Практически все представители кряшенской интеллигенции, сформировавшейся во второй половине XIX – начале XX вв., были воспитанниками КЦКТШ, сохранявшими тесные контакты со школой и ее руководством и после ее окончания.

Развитие системы начального и среднего образования крещеных татар в 1870–1905 гг. Официальное признание системы Н.И.Ильминского основным методом школьной и христианско-просветительской деятельности среди крещеных народов Восточной России, применение в школьной и миссионерской практике новых разработок, законодательно закреплённых в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. [Свод главнейших..., 1882, с.42–45], способствовали совершенствованию системы школьного образования крещеных татар. С целью подготовки квалифицированных педагогических кадров для национальных учебных заведений, работавших по новой системе, в Казани в 1872 г. была учреждена учительская (инородческая) семинария (КУС), директором которой был назначен Н.И.Ильминский [Акт, 1872, с.1]. В нее могли поступать, наряду с русскими, представители коренных народов России, назначавшиеся после окончания КУС учителями в народные училища [НА РТ, ф.93, оп.1, д.4, л.8–9]. В соответствии с «Положением о Казанской учительской семинарии» 1872 г. в круг изучаемых в ней предметов вошли: Закон Божий (12 часов в неделю), русский и церковнославянский языки (19 часов), естествознание (5 часов), арифметика и геометрия (8 часов), русская

история и география (16 часов), основы педагогики и дидактики (11 часов), письмо и черчение (12 часов). В дальнейшем в план занятий были введены совместные уроки по пению, гимнастике и ремесленному производству [НА РТ, ф.93, оп.1, д.4, л.10]. Если КЦКТШ стала центром подготовки крещено-татарских учителей для миссионерских школ, то КУС превратилась в кузницу кадров для земских⁵, министерских (МНП) и церковно-приходских школ [НА РТ, ф.968, оп.1, д.83]. Всего с момента своего основания до 1904 г. в КУС окончили курс 104 крещеных татарина⁶ [32 годовщина..., 1904, с.11].

Благодаря внедрению новых методик просветительской деятельности, созданию системы подготовки национальных педагогических кадров с середины 1860-х гг. начинает формироваться система кряшенского начального конфессионального образования. Большую роль в этом сыграли организованные в конце 1860 – начале 1870-х гг. миссионерские объединения – общества и братства. Наиболее значимым миссионерским институтом может считаться созданное 4 октября 1867 г. в Казани «Церковное братство во имя святителя Гурия при Казанском кафедральном соборе», которое основное внимание уделяло развитию школьного образования среди местных народов в миссионерско-клерикальном духе. До конца 1867 г. братством были открыты 23 школы, из них 7 крещено-татарских, в которые поступило на обучение более 300 человек [Извлечения..., 1869, с.93]. В дальнейшем количество крещено-татарских школ неуклонно увеличивалось. К концу XIX в. в Казанской губ. действовало 60 братских школ, в которых получали образование около 2 тыс. кряшен [см.: Отчет, 1899].

За образец братских школ была взята структура организации КЦКТШ. Назначение и распределение учителей в новые учебные заведения контролировались непосредственно Н.И.Ильминским, их педагогический состав комплектовался исключительно из воспитанников

КЦКТШ. Учителя школ подчинялись приходскому духовенству, которое должно было наблюдать за правильной организацией школьного дела. Братские школы являлись школами грамоты с национальным компонентом с двухгодичным курсом обучения. Лишь в конце 1870-х – начале 1880-х гг. в некоторых из них была введена четырехлетняя программа обучения. В соответствии с «Проектом правил для начальных народных школ церковного братства во имя святителя Гурия», разработанным Н.И.Ильминским, в четырехлетний учебный план этих учебных заведений входили: 1) в первом учебном году – первоначальное обучение детей церковному пению и чтению православных молитв, знакомство со звуками и знаками звуков; упражнения по правильному написанию букв по карточкам; упражнения по счету до 10. За первый год обучения дети должны были научиться называть по-русски элементарные предметы, считать до 20, читать и петь на родном языке православные молитвы; 2) во втором учебном году осуществлялось обучение правильному чтению, устному пересказу прочитанного, арифметическим вычислениям в пределах первой сотни, чистописанию; 3) третий учебный год посвящался переводам с родного на русский язык православных молитв, детальному изучению Библии, пересказу важнейших сюжетов из Священной истории, изучению молитв на русском и церковнославянском языке, арифметическим вычислениям, диктовке отдельных предложений; 4) в завершающем учебном году учащиеся занимались закреплением знания русского языка, изучением церковнославянского языка, чтением и переводом Евангелия с церковнославянского на русский язык, пересказами отдельных предложений на русском языке [НА РТ, ф.968, оп.1, д.16, л.36–38].

Характерной особенностью этих учебных учреждений были предельная простота организации образовательного процесса и ее миссионерская направленность. Школа данного типа

представляла собой небольшое учебное заведение, обычно располагавшееся в простой сельской избе, во главе с учителем-«простецом», таким же крестьянином, что и местные жители, не всегда обладавшим глубокими познаниями, но имевшим искреннюю привязанность к православию и желание учить детей, вести христианско-просветительскую деятельность среди соплеменников. Обучение на родном языке и семейная атмосфера, создававшаяся в школе, способствовали органичному встраиванию этих школ в сельскую обстановку, восприятию их местным населением как своих культурно-национальных институтов, что влияло на рост их популярности. Низкие затраты на содержание (в среднем 60–100 руб. в год) позволяли открывать их повсеместно, делая доступным конфессиональное образование для значительной части крещено-татарского юношества [Коблов, 1915, л.214–219 об.].

Наряду с Казанской губ. вплоть до конца 1870-х гг. Братство св. Гурия распространяло свою деятельность и на соседнюю Уфимскую губ. В 1868 г. им была открыта миссионерская школа для «старокрещеных» татар в с. Мелексы, в 1870 г. – в д.Мазино, в 1871 – в д.Байданкино Мензелинского уезда Уфимской губ. [Спасский, 1900, с.116]. К 1875 г. на территории Уфимской губ. действовало 12 братских школ, в которых обучалось 270 человек [Отчет Братства св. Гурия, 1876, с.11]. С учреждением здесь земских и миссионерских организаций эти школы были переданы в их ведение, при этом они сохранили миссионерскую направленность деятельности и тесные связи с казанскими миссионерскими институтами. К концу XIX в. в Мензелинском и Белебеевском уездах Уфимской губ. функционировали 34 крещено-татарские и смешанные русско-кряшенские школы.

Братство св. Гурия оказывало заметное влияние на другие миссионерские организации региона. Наиболее тесные контакты установились между братством и Вятским комитетом ПМО, ко-

торый стал последовательно внедрять в свою практику разработки казанских просветителей. Вследствие массовых «отпадений» от православия крещеных татар Елабужского и Малмыжского уездов в 1870–1871 гг. совет Вятского комитета ПМО обратился к братству с просьбой о содействии в организации христианско-просветительской деятельности. Для этого из Казани в Вятку были направлены воспитанники КЦКТШ Иван Матвеев и Алексей Григорьев, ставшие основателями первых миссионерских крещено-татарских школ в Вятском крае [Отчет Вятского комитета, 1872, с.20–21]. Для подготовки учителей Вятский комитет начал отправлять наиболее способных учеников своих миссионерских школ в КЦКТШ [Отчет Вятского комитета, 1878, с.9]. К концу 1870-х гг. в Вятской губ. были открыты 4 крещено-татарские школы (103 ученика), а к 1904 г. здесь действовало уже 20 школ, в которых учились 509 мальчиков и 122 девочки [Будилович, 1904, л.61 об.].

По примеру Казанской, Уфимской и Вятской губерний миссионерские школы для крещеных татар стали создаваться и в других регионах Восточной России. С 1870-х гг. такие учебные заведения открываются в Оренбургской губ., в Троицком, Верхнеуральском и Орском уездах, в которых компактно проживала группа «старокрещеных» татар, относившихся к казачьему сословию (нагайбаки). Первой крещено-татарской школой в Оренбуржье, работавшей по системе Н.И.Ильминского, становится открытое в 1871 г. воспитанником КЦКТШ Игнатием Тимофеевым (брат В.Т.Тимофеева) миссионерское училище в станице Фершампенуаз. К 1895 г. здесь существовало 7 крещено-татарских школ, обучение в которых велось на татарском и русском языках [Севастьянов, 1896, с.20]. Значительное расширение сети нагайбацких школ происходит в начале XX в. с учреждением особого благочинного округа и Преображенского миссионерского стана (1901 г.). В 1904 г. в Оренбургской губ. действовало

4 миссионерских, 16 поселковых школ и 1 школа грамоты, где обучались 596 учеников и 432 ученицы из нагайбаков [Будилович, 1904, л.105 об.].

Хотя с 1870-х гг. в крещено-татарских приходах начинают открываться земские и министерские училища, именно миссионерская школа становится основным типом начального учебного заведения среди татар-кряшен. Всего к концу XIX в. миссионерские школы (включая ЦПШ и школы грамоты) составляли 76 % от общего количества крещено-татарских школ, земские — лишь 13%, министерские — 11%. Такое положение было связано с особым значением, которое придавалось светской и духовной администрацией миссионерской направленности школьного дела у крещеных татар. В этой связи вплоть до начала 1890-х гг. начальные школы, подчинявшиеся земским организациям и МНП (в большинстве своем являвшиеся одноклассными народными училищами), хотя формально и не имели целью выполнение миссионерских функций, фактически функционировали в тех же рамках, что и братские школы (это положение было закреплено в утвержденной в 1893 г. «Программе школы для крещеных инородцев Восточной России» [Программа, 1893])⁷. В них также основное внимание уделялось религиозному образованию, педагогический состав комплектовался из воспитанников Н.И.Ильминского и В.Т.Тимофеева, основными учебными пособиями являлась религиозная и миссионерская литература, переведенная на татарский язык на базе КЦКТШ и «Переводческой комиссии ПМО при Братстве св. Гурия». Крещено-татарские школы представляли собой в некотором роде христианский центр «школа-церковь», где прихожане «должны наглядно изучать и усваивать христианскую религию и ее обрядовую обстановку» [Отчет Братства св. Гурия, 1873, с.15]. По образцу КЦКТШ в них из числа учеников повсеместно организовывались церковные певческие хоры, для местных жителей в воскресные и

праздничные дни совершалось церковное богослужение на татарском языке, проводились молебны, пастырские собеседования. Лишь в 1890-е гг. в ряде школ стали вводиться светские дисциплины, такие как основы земледелия и агрономии, ремесленное производство и пр. В 1893 г. была открыта первая специальная «Инородческая сельскохозяйственная школа» в с. Шемуртбаши Лаишевского уезда Казанской губ. [Инородческая..., 1893, с.50].

Система образования, сложившаяся у крещеных татар в пореформенный период и ориентировавшаяся на религиозное просвещение, имела и определенные недостатки, связанные с ограниченными рамками школьного обучения и подготовки детей. Клерикализация образовательного процесса и недостаточное внимание к изучению светских дисциплин, характерные как для начального, так и для среднего образования⁸, заложенные православными миссионерами, ограничивали возможность получения крещеными татарами в дальнейшем светских специальностей и обучения в высших учебных заведениях⁹. Это привело к тому, что вплоть до Первой русской революции 1905 г. у крещеных татар не сформировалась прослойка светской интеллигенции (она была представлена исключительно православным духовенством и учителями-миссионерами). Несмотря на это необходимо подчеркнуть важную роль миссионерских учебных заведений в культурном развитии и школьном просвещении крещеных татар. Широкое распространение школ, работавших по системе Н.И.Ильминского, позволило сделать конфессиональное образование для молодого поколения крещеных татар массовым и общедоступным яв-

лением [Чичерина, 1904, л.1–2]. Чтобы понять масштабы просветительской работы миссионеров среди представителей этой конфессиональной группы татар, достаточно сказать, что в большинстве крупных «старокрещенских» селений, в частности Казанской губ., количество жителей, прошедших через эти учебные заведения, к концу XIX в. составляло 50–60% от общего количества жителей м.п. [см.: Народные училища, 1888; Бобровников, 1899, с.3–21]. Имелись примеры и более высокой грамотности. Так, в сравнительно небольшом селе Никифорово Мамадышского уезда (в 1897 г. здесь проживало 779 чел.) 80% населения м.п. и 30% ж.п. имело начальное образование, при этом более 30 уроженцев этого села в разное время обучались в КЦКТШ, КУС и на Миссионерских курсах в г. Казани [Памфилов, л.30 об.]. В целом к концу XIX – началу XX вв. в процентном отношении по доле получивших элементарное начальное образование крещеные татары несколько опережали другие коренные народы края, уступая лишь татарам-мусульманам, что стало безусловным достижением системы Н.И.Ильминского, применяемой в просветительской и образовательной деятельности среди татар-крещен. Благодаря новой системе образования и просвещения, в пореформенный период у крещеных татар происходят существенные изменения в культурной и религиозной жизни, отмечается постепенный переход от патриархально-родового к буржуазному обществу, что позволило им успешно адаптироваться к новым социально-экономическим и политическим реалиям России начала XX столетия, формируется культурная и религиозная элита.

Список источников и литературы

- НА РТ, ф.92, оп.1, д.2340; ф.93, оп.1, д.4; ф.968, оп.1, д.16, 83.
 РГИА, ф.383, оп.7, д.6190-а, 6190-б; ф.733, оп.170, д.143; ф.797, оп.15, д.5644.
 ПСЗ-1, т.26, №19455 – Июня 16. Синодский, по Высочайше утвержденному докладу. – Об учреждении семинарий в епархиях для священно и церковнослужительских детей // ПСЗ-1, т.26, №19455, с.175–178.

ПСЗ-1, т.28, №21 501 – Ноября 5. Высочайше утвержденный Устав учебных заведений, подведомых университетам // ПСЗ-1, т.28, №21 501, с.626–646.

ПСЗ-2, т.3, №2377 – Октября 25. Высочайше утвержденный Устав сельских училищ в удельных имениях // ПСЗ-2, т.3, №2377, с.940–942.

ПСЗ-2, т.6, №4219 б – Декабря 24. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, объявленное Сенату Министром финансов. – О волостных училищах казенных поселен // ПСЗ-2, т.6, №4219 б, с.58–62.

ПСЗ-2, т.17, отд.1, №15794 – Июня 26. Именной, объявленный министром государственных имуществ. – О устройстве сельских приходских училищ в казенных селениях // ПСЗ-2, т.17, отд.1, №15794, с.701–702.

ПСЗ-2, т.17, отд.2, №16248 – Ноября 25. Именной, данный министру государственных имуществ. – О мерах к приведению в благоустройство сельских приходских училищ в казенных селениях // ПСЗ-2, т.17, отд.2, №16248, с.152–153.

32 годовщина, 1904 – 32 годовщина открытия Казанской учительской семинарии (26 октября 1904 г.). – Казань, 1904.

Акт, 1872 – Акт открытия Казанской учительской семинарии. – Казань, 1872.

Бобровников, 1899 – Бобровников Н.А. Инородческое население Казанской губернии. Вып.1. Татары, вотяки, мордва. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1899.

Будилович, 1904 – Отчет члена училищного совета МНП А.С.Будиловича о поездке по Казанскому, Оренбургскому и Западно-Сибирскому учебным округам в 1904 г. // РГИА, ф.733, оп.173, д.101.

Витевский, 1892 – Витевский Н.И. Н.И.Ильминский. Директор Казанской учительской семинарии. – Казань, 1892.

Горохов, 1941 – Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар в Поволжье. – Казань: Татгосиздат, 1941.

Знаменский, 1892 – Знаменский П.В. На память о Н.И.Ильминском. К двадцатипятилетию братства святителя Гурия. – Казань: Тип. Ильяшенко, 1892.

Извлечения, 1869 – Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1868 год. – СПб., 1869.

Износков, 1909 – Износков И.А. Об образовании инородцев и о миссии в Казанской епархии. Исторический очерк. – М.: Тип. Снегиревой, 1909.

Ильминский, 1856 – Отчет бакалавра Казанской духовной академии Н. Ильминского о путешествии по татарским селениям в августе-сентябре 1856 г. // ОР РНБ, ф.СПбДА, оп.А1, д.232.

Ильминский, 1856 – Отчет бакалавра Казанской духовной академии Н. Ильминского о путешествии по татарским селениям в августе-сентябре 1856 г. // ОР РНБ, ф.СПбДА, оп.А1, д.232.

Инородческая, 1893 – Инородческая сельскохозяйственная школа в крещено-татарском селе Шемуртбашах Казанской губернии// Православный благовестник. – 1893. – № 23. – С.50–51.

Кедров – Кедров К. Школа как средство христианского просвещения инородцев. Рукопись // НА РГ, ф.10, оп.2, д.1119.

Коблов, 1915 – Записка окружного начальника Киевского учебного округа Якова Коблова, поданная на имя министра народного просвещения П.Н. Игнатьева, «Некоторые соображения о постановке образования у восточных инородцев России» (1915 г.) // РГИА, ф.733, оп.182, д.168, л.214–230.

Народные училища, 1888 – Народные училища в Казанской губернии: материалы для истории народного образования. Мамадышский уезд. – Казань, 1888; Свяжский уезд. – 1888; Тетюшский уезд. – 1888.

Нурминский, 1864 – Нурминский С. Инородческие школы // Православное обозрение. – 1864. – Т.2. – 201–226, 273–286.

Отчет Братства св. Гурия, 1873 – Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1871 года по 4 октября 1872 года. – Казань, 1873.

Отчет Братства св. Гурия, 1876 – Отчет о деятельности Совета Братства св. Гурия от 4 октября 1874 года по 4 октября 1875 года. – Казань, 1876.

Отчет Братства св. Гурия, 1884 – Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за семнадцатый учебный год. С 4 октября 1883 года по 4 октября 1884 года. – Казань, 1884.

Отчет Вятского комитета, 1872 – Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1871. – Вятка, 1872.

Отчет Вятского комитета, 1878 – Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1877. – Вятка, 1878.

Отчет КЦКТШ, 1904 – Отчет Казанской центральной крещено-татарской школы за 1903–1904 учебный год. – Казань, 1904.

Памфилов – Памфилов П. Село Никифорово Мамадышского уезда (о причинах отпадения крещеных татар от православия). Рукопись // НА РТ, ф. 967, Оп.1, Д.179.

Примогенов – Примогенов Н. Распространение христианства между русскими инородцами в царствование Александра I. Рукопись // НА РТ, ф.10, Оп.2, д.1119.

Программа, 1893 – Программа школы для крещеных инородцев Восточной России. – Казань, 1893.

Прокопьев, 1905 – Прокопьев К.П. Школьное просвещение инородцев Казанского края в XIX веке до введения просветительской системы Н.И.Ильминского. – Казань. 1905.

Рождественский, 1912 – Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т.1. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912.

Свод главнейших, 1882 – Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях. Часть 1. Законоположения и распоряжения о начальных народных училищах в губерниях в коих введены земские учреждения. – СПб.: Тип. Глазунова, 1882. С.42–45.

Севастьянов, 1896 – Севастьянов С.Н. Народное образование в Оренбургском казачьем войске в XVIII – начале XIX столетия и начало учреждения войсковых школ. – Оренбург, 1896.

Спаский, 1900 – Спаский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Н.И. Ильминский. – Самара: Тип. Самарской духовной консистории, 1900.

Спешков, 1904 – Докладная записка попечителя КУО С.Ф. Спешкова министру народного просвещения В.Г. Глазову с разбором критической статьи С. В. Чичериной «В защиту системы Ильминского» от 27 июня 1904 г. // РГИА, ф.922, оп.1 д.198.

Тимофеев, 1887 – Тимофеев В.Т. Дневник старокрещеного татарина // Казанская центральная крещено-татарская школа. – Казань: Центральная тип., 1887.

Чичерина, 1904 – Письмо С. Чичериной обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву о впечатлениях, вынесенных во время поездки по инородческим селениям Среднего Поволжья (1904 г.) // РГИА, ф.1574, оп.2, д.205.

Список сокращений

- Братство св. Гурия – Братство святителя Гурия
- ИКЕ – Известия по Казанской епархии
- Имп – Императорского
- ЖМНП – Журнал Министерства внутренних дел
- КУС – Казанская учительская (инородческая) семинария
- КУО – Казанский учебный округ
- Кол – Коллекция
- КЦКТШ – Казанская центральная крещено-татарская школа
- м.п. – мужского пола
- ж.п. – женского пола
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- Переводческой комиссии ПМО при Братстве св. Гурия – Переводческая комиссия Православного миссионерского общества при Братстве святителя Гурия
- ПМО – Православное миссионерское общество
- РЭМ – Российский этнографический музей
- уч. г – учебный год
- ЦПШ – церковно-приходская школа

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ланкастерские школы впервые появились в начале XIX в. в Уэльсе. Их основателем был известный английский миссионер-квакер Джозеф Ланкастер. Зародившиеся как низшие школы грамоты для беднейших слоев населения ланкастерские школы вскоре получили широкую популярность в Западной Европе и Северной Америке.

² Первым таким учебным заведением в крещено-татарском (смешанном русско-татарском) селе стало училище в с.Юкачи Мамадышского у. Казанской губ., открытое в 1833 г. местным священником и позже переданное в ведение местной палаты государственных имуществ.

³ Всего к середине 1840-х гг. в Российской империи функционировало 3 719 приходских училищ, в том числе в Казанской губ. 45, из них 6 – в селениях «старокрещены» татар (Абди, Юкачи, Урясь-Учи, Оштормо-Юмь, Чура Мамадышского у., Карабаяны Лаишевского у.). Кроме того, дети крещеных татар обучались в училищах, располагавшихся в приходских русских селах [РГИА, ф.797, оп.15, д.5644, л.18].

⁴ Эта первая работа Н.И.Ильминского в дальнейшем стала основным учебным пособием для кряшенских школ, наиболее популярным книжным изданием для крещеных татар. С 1864 г. по 1910 г. она выдержала 16 изданий общим тиражом 38 тыс. экз. [Хронологический..., 1910, с.17–18].

⁵ Определенную роль в подготовке педагогических кадров для крещено-татарских земских школ в рассматриваемый период сыграла Казанская земская школа народных учительниц (Казанская земская женская учительская школа), открытая казанским земством в 1871 г. С середины 1875 г., в связи с увеличением количества начальных земских школ в национальных селениях, в школе начинает применяться система Н.И.Ильминского, вводится изучение марийского и чувашского языков (в разное время здесь работали такие известные деятели чувашского и марийского просвещения, как А.В.Ракеев, И.Я.Яковлев, Г.И.Комиссаров, Ф.И.Васильев), что привлекло сюда представителей местных нерусских народов, в том числе татар-кряшен. До Первой русской революции это учебное заведение окончили несколько девушек из «старокрещен», впоследствии работавших в структурах земских организаций.

⁶ В это общее количество было включено и несколько крещеных башкир.

⁷ В церковно-приходских школах и школах грамоты программа Н.И.Ильминского была официально введена 12 января 1896 г. [РГИА, ф.796, оп.177, д.876, л.3].

⁸ Наряду с КУС и КЦКТШ с 1889 г. крещеные татары получили возможность поступать на обучение в организованные при КазДА Миссионерские курсы, а с середины 1890-х гг. – в духовные семинарии.

⁹ Одним из немногих кряшенских деятелей, сумевших получить высшее образование, стал Р.Даулей, окончивший в 1903 г. КазДА по миссионерскому противомусульманскому отделению [Даулей, 1903, л.1–4].

Аннотация

В статье освещаются становление и развитие системы образования крещеных татар в XIX – начале XX вв., особенности ее функционирования в условиях социокультурных и экономических изменений. Рассматривается влияние школьного просвещения на развитие грамотности, культуры, конфессиональной (православной) идентичности крещеных татар.

Отмечается, что к концу XIX – началу XX столетия в процентном отношении по доли получивших элементарное начальное образование крещеные татары несколько опережали другие коренные народы края, уступая лишь татарам-мусульманам, что стало безусловным достижением применения системы Н.И.Ильминского в просветительской и образовательной деятельности среди татар-кряшен.

Благодаря новой системе образования и просвещения в пореформенный период, у крещеных татар происходят существенные изменения в культурной и религиозной жизни, отмечается постепенный переход от патриархально-родового к буржуазному обществу, позволивший им успешно адаптироваться к новым социально-экономическим и политическим реалиям России начала XX столетия, формированию интеллектуальной элиты.

Ключевые слова: история образования, культура и просвещение татар-кряшен, национальные учебные заведения Волго-Уральского региона.

Summary

The article deals with the formation and development of the educational system among the christened Tatars in the XIX – the beginning of the XX century, peculiarities of its functioning in conditions of social cultural and economical changes. The influence of school enlightenment on the development of literacy, culture, confessional (Orthodox) identity of christened Tatars is considered.

The author mentions that by the end of the XIX – beginning of the XX century the percentage of christened Tatars who got the elementary, primary education was higher in comparison with other native peoples of the region. They yielded only to the Tatars-Moslems that became the achievement of the application of Ilminsky's system in educational activity among the Tatars-kryashens.

Due to the new system of education and enlightenment in the post-reform period christened Tatars have considerable changes in cultural and religious life. The author points out the transition from patriarchal and patrimonial to the bourgeois society which allowed getting adapted to new social economical and political realities of Russia at the beginning of the XX century and formation of intellectual elite.

Key words: history of education, culture and education the Tatars-kryashens, national educational establishments of the Volga Ural region.

ПАМЯТИ КАМИЛЯ АХМЕТОВИЧА ВАЛИЕВА

15 января 2011 г. исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося ученого — действительно члена Российской академии наук и Академии наук Республики Татарстан, лауреата Ленинской премии, премии Правительства Российской Федерации и Государственной премии Азербайджанской ССР — К.А.Валиева, с чьим именем связаны многие научные открытия, а также создание микроэлектронной промышленности в СССР.

Камиль Ахметович родился 15 января 1931 г. в дер. Верхний Шандер Мамадышского района ТАССР в многодетной крестьянской семье. После окончания средней школы в пос. Горный Саратовской области он поступил в КГУ, где специализировался по теоретической физике у профессора С.А.Альтшулера.

Кандидатская диссертация К.А.Валиева была посвящена теории ядерного магнитного резонанса (ЯМР). В 1958–1959 гг. С.А.Альтшулер и К.А.Валиев выполнили теоретические работы по исследованию электронной спин-решеточной релаксации для комплексообразующих ионов металлов в жидких растворах электролитов. В этих работах они предложили механизм релаксации, который в мировой литературе стал называться «механизмом Альтшулера–Валиева».

После окончания аспирантуры К.А.Валиев был направлен на преподавательскую работу в Казанский государственный педагогический институт. За короткое время здесь возникла новая научная школа, которая как часть казанской научной школы магнитно-резонансных исследований сосредоточилась на изучении проблем жидкого вещества методами магнитного резонанса и оптической спектроскопии.

В казанский период своей деятельности К.А.Валиев выполняет фундаментальные работы в области теории броуновского вращения молекул в жидкостях и ее приложений. Им была построена теория спектроскопических и релаксационных явлений, зависящих от броуновского вращения молекул.

Результаты исследований К.А.Валиева в области теории магниторезонансной и оптической спектроскопии жидких тел составили материал его докторской диссертации, успешно защищенной им в 1963 г. в Институте физики металлов АН СССР в г. Свердловске.

С защитой докторской диссертации К.А.Валиев приобрел известность в широких научных кругах как талантливый физик-теоретик, способный с успехом решать самые разнообразные задачи.

Летом 1964 г. К.А.Валиев был приглашен в Научный центр микроэлектроники (г. Зеленоград) для решения проблемы создания микроэлектронной промышленности в СССР. Вскоре он был назначен директором НИИ молекулярной электроники (НИИМЭ) этого научного центра. К.А.Валиев стал разработчиком научных

основ микроэлектроники, внес огромный вклад в создание сверхпроизводительных вычислительных комплексов типа «Эльбрус», а также аппаратуры специального назначения. За эти достижения К.А.Валиев был удостоен Ленинской премии.

В 1977 г. К.А.Валиев перешел работать в АН СССР – сначала в Институт космических исследований, а затем – в Физический институт. В 1988 г. его назначили директором Физико-технологического института. Тогда же К.А.Валиев становится главным редактором журнала «Микроэлектроника».

В 1998 г. К.А.Валиев обратился к новой области исследований – квантовой информатике, включающей в себя, кроме квантовых компьютеров и вычислений, квантовую связь и метрологию. Опыт исследований в области магнитно-резонансной спектроскопии и микроэлектроники позволил К.А.Валиеву быстро освоиться в новой области научных изысканий. По данной теме К.А.Валиев (совместно с А.А.Кокиным) написал первую отечественную монографию по квантовым компьютерам «Квантовые компьютеры: надежды и реальность»...

Большую часть своей жизни К.А.Валиев прожил в Москве. Однако его научные связи с казанскими коллегами и учениками были постоянны. Любой приезд академика в Казань был праздником для научной интеллигенции, его полезные советы всегда приводили к плодотворным результатам.

Огромная работа была проведена К.А.Валиевым в деле организации Академии наук РТ. Им были определены основные принципы и задачи создаваемой академии, осуществлен тщательный анализ перспектив ее развития. Многие идеи К.А.Валиева реально воплотились в жизнь, несомненно, способствуя прогрессу научной жизни в Республике Татарстан.

Камиль Ахметович Валиев скончался 28 июля 2010 г.

Утрата невозполнима...

Научная общественность хранит добрую память об этом замечательном человеке, талантливом ученом и организаторе производства, прославившем казанскую научную школу и Республику Татарстан во всем мире.

Государственность Республики Татарстан: история и современность: сб. ст. / Ред. коллегия: Р.С. Хакимов, Р.Р. Хайрутдинов, Р.Р. Салихов, А.С. Бушуев, И.Р. Миннуллин. — Казань: Институт истории АН РТ, 2010. — 328 с.

В сборник вошли статьи участников научно-практической конференции «Государственность Республики Татарстан: история и современность», посвященной 90-летию со дня образования Татарской АССР, которая была организована Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ и состоялась 26 мая 2010 г. в г. Казани. В статьях сборника освещается широкий круг вопросов, связанных с историей национального государственного строительства в СССР, развитием государственно-федеративных отношений в современной России, достижениями науки и культуры и социально-экономическим развитием Республики Татарстан. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. Вып. 1. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV–XIX вв.», посвященной 80-летию юбилею доктора исторических наук С.Х.Алишева (г.Казань, 24 марта 2009 г.). — Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. — 428 с.

В сборнике статей представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию юбилею доктора исторических наук С.Х.Алишева (г.Казань, 24 марта 2009 г.). В первом разделе издания «Слово о юбиляре» освещаются жизненный путь известного татарского ученого, его вклад в изучение истории и культуры татарского народа в средние века и Новое время, в публикацию источников и научных трудов историков и краеведов.

В остальных разделах сборника «Историко-этнографическое и историографическое исследование истории народов Среднего Поволжья и Приуралья», «Народы Волго-Камского региона в средние века», «Социально-экономическая история народов Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII – начале XX вв.», «Социокультурное развитие народов Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII – начале XX вв.» представлено 69 научных статей, посвященных различным аспектам историко-этнографического и историографического, их истории и культуре, социально-экономическому

и социокультурному развитию народов, повседневной жизни и праздничной культуре, этнографии народов в новое время. Авторами публикаций являются ученые из Казани, Чебоксар, Ижевска, Йошкар-Олы, Самары, Нижнего Новгорода, Набережных Челнов и ряда городов РТ.

В резолюции конференции участники научного форума предложили сделать регулярным проведение конференций, посвященных исторической судьбе народов Поволжья и Приуралья.

Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции «Историческая география и социокультурное развитие средневековых тюрко-татарских государств (XV – вторая треть XVIII вв.)» (Казань, 16–17 марта 2010 г.) / Ред. коллегия: Р.С. Хакимов, И.К. Загидуллин (сост.), Б.В. Рахимзянов (отв. ред.), Р.Р.Исхаков, А.Г.Ситдиков. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – 348 с.

16–17 марта 2010 г. в Казани на базе Института истории им. Ш.Марджани АН РТ был проведен Второй научный форум, посвященный проблемам тюрко-татарских государств, – научная конференция «Историческая география и социокультурное развитие средневековых тюрко-татарских государств (XV – вторая треть XVIII вв.)», материалы которой представлены в настоящем сборнике.

Круг научных проблем, предлагаемых читателю в виде докладов и статей, весьма широк – начиная от концептуальных вопросов средневековой истории Центральной Евразии и заканчивая практическими моментами репрезентации средневековой татарской истории. Материалы конференции структурированы и состоят из следующих тематических разделов: «Приветственная часть», «Сибирский юрт», «Политико-правовые аспекты жизнедеятельности тюрко-татарских государств», «Казанское царство», «Духовная культура и искусство тюрко-татарских государств», «Общественное и политическое положение тюрко-татарских государств», «Материальная культура тюрко-татарских государств».

В сборнике представлены новые изыскания историков, литературоведов, археологов, нумизматов, текстологов, искусствоведов, архитекторов, музейных работников, освещающих

социально-экономическое развитие, проблемы исторической географии, материальную и духовную культуру, политически строй, международные отношения и другие аспекты жизнедеятель-

ности средневековых тюрко-татарских государств. Наиболее полно освещена, благодаря значительности публикаций, история Казанского ханства и Сибирского юрта.

Татарские мурзы и дворяне: история и современность: сб. ст. Вып. 1 / Ред. коллегия: Р.С.Хакимов, И.К.Загидуллин (сост. и науч. ред.), Ф.Г.Тарханова (отв. ред.), А.Ш.Терегулов, Ф.Я.Уразаев, И.З.Файзрахманов. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. — 376 с.

9 апреля 2010 г. в Академии наук РТ состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Татарские мурзы и дворяне: наследие и современность». Организаторами этого мероприятия стали Институт истории АН РТ, Меджлис татарских мурз РТ и Министерство культуры РТ.

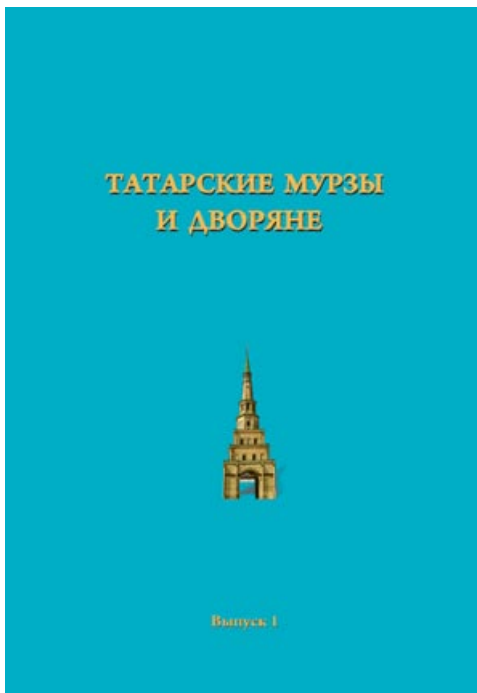
Целью конференции было заявлено изучение и популяризация родословных татарских князей, мурз и дворян, их вклада в становление и укрепление государственности, социокультурного развития татарского народа и России в прошлом и настоящем.

В работе конференции приняли участие ученые, краеведы-исследователи, представители мурзинских родов и татарских дворянских фамилий из разных городов России: Казани, Уфы, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Тобольска, Набережных Челнов, Альметьевска и др.

В сборнике статей наряду с научными работами ученых представлено значительное количество статей, носящих в значительной степени публицистический характер. На первой секции «Исторические вопросы формирования татарского дворянского сословия» многие доклады и выступления были посвящены истории отдельных групп татарских мурз и дворян в XV–XIX вв.». В статьях второй секции «Генеалогия

и этнические связи татарских дворянских родов», посвященной в основном родословному древу отдельных татарских родов, большое внимание уделено анализу источников. На третьей секции «Современные проблемы татарского дворянского сословия» освещаются актуальные вопросы изучения и пропаганды истории татарского дворянства, его роль в развитии татарской и русской культур. На четвертой секции «Краеведческие вопросы истории татарских мурз и дворян» статьи в основном были посвящены исследованию деятельности татарских дворянских родов.

В качестве приложения к материалам конференции опубликовано объемное исследование А.Хайри и Р.Бакирова «Кто такие Утяши, Утяшевы?».

Хамидуллин Лирон. Дэрдменд // Сер. «История татар в лицах». — Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. — 48 с.

Первой книгой в новой серии «История татар в лицах» Татарское книжное издательство выпустило в свет интересное и богатое по содержанию и иллюстративному материалу исследование писателя, заслуженного работника культуры РТ, лауреата премии им. Гаяза Исхаки Л.Х.Хамидуллина «Дэрдменд», посвященное известному общественному деятелю, издателю, классику татарской литературы Мухамметзакиру Мухаммедсадыковичу Рамиеву. Главный герой повествования являлся крупным золотопромышленником и щедрым меценатом, депутатом Государственной Думы Российской империи первого созыва (1906), одаренным поэтом, незадолго «забытым» в советский период истории нашей страны. Совместно со своим братом Шакиром Рамиевым он являлся издателем широко известных в среде тюркоязычных народов России

газеты «Вақыт» («Время», 1906–1918) и общественно-просветительского, литературно-публицистического журнала либерального направления «Шура» («Совет», 1908–1918). В декабре 1908 г. братья Рамиевы организовали в Оренбурге издательский дом «Вақыт» со своей современно оснащенной типографией и издали до февраля 1918 г. более 150 книг и учебников. Закир Рамиев (литературный псевдоним *Дэрдменд*) активно занимался меценатской деятельностью – был членом правления Оренбургского губернского мусульманского благотворительного общества (1906–1918), с 1912 г. возглавлял Общество по оказанию помощи нуждающимся шакирдам и молодым учителям. Со дня основания медресе «Хусаиния» в Оренбурге (1889) был членом его Попечительского совета. В некоторых селениях Оренбуржья строил мечети, содержал школы и библиотеки. Являлся членом Оренбургского бюро Конституционно-демократической партии, в программе которой (единственной в царской России) официально было декларировано равенство всех российских граждан без различия пола, религии и национальности. В 1906 г. Закир Рамиев участвовал в организации партии «Иттифак ал-муслимин» («Союз мусульман», 1905–1907, с 1906 – политическая партия). Летом 1917 г. он принял участие во II Всероссийском съезде мусульман, проходившем в Казани, и был избран членом временного правительства «национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири»...

Книга «Дэрдменд» написана на основе многолетних изысканий автора, с учетом требований серии в научно-популярном, адаптированном для массового читателя стиле. Она содержит более 80 иллюстраций, большая часть которых представляет безусловную научную ценность для литературоведов и историков.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ В ЗДАНИИ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ ТАТАРСТАНА

29 октября в здании Кабинета Министров Татарстана состоялось совместное заседание Совета директоров ОАО «Татнефтехиминвест-холдинг» и Бюро Отделения РАН химии и наук о материалах с участием Президента РТ Рустама Минниханова и вице-президента РАН Сергея Алдошина.

Были рассмотрены текущие вопросы и перспективные направления сотрудничества предприятий Татарстан и научных учреждений Российской академии наук.

Рустам Минниханов, открывая заседание, отметил, что Татарстан был и остается крупным нефтехимическим регионом, и в дальнейшем эта отрасль будет основной экономики республики. Поскольку объем добычи нефти расти не будет, речь идет о необходимости более эффективного использования имеющихся запасов. Одним из направлений здесь является дальнейшее развитие нефтехимии, в том числе дальнейшая реализация проекта «ТАНЕКО», получение новых материалов. Глава Татарстана считает, что республика может быть полигоном для разработки, производства и продвижения новых материалов. Обращаясь к представителям РАН, Рустам Минниханов сказал: «Я рад, что у нас сложился такой тандем и что есть возможность использовать потенциал российской науки на площадке Татарстана».

Сергей Алдошин напомнил, что в апреле 2004 года Кабинет Министров Татарстана и РАН заключили соглашение о научно-техническом сотрудничестве в области химии, нефтехимии и экологии и утвердили соответствующую программу до 2015 года. Целями программы, в частности, являются реализация в Татарстане разработанных РАН технологий и технологических разработок, выполнение организациями РАН на договорной основе фундаментальных исследований. Подписанное соглашение имело огромное значение не только для инновационного развития промышленности Татарстана, но и для самой науки, представителям которой представилась возможность работать не только в сфере фундаментальных исследований, но и активно участвовать в реализации экономических программ. Благодаря «Татнефтехиминвест-холдингу» налажен постоянный обмен информацией.

Академик выразил благодарность Татарстану за то, что здесь ведется реальная работа по внедрению научных разработок. Он предложил совместно инициировать в федеральных органах создание площадок по развитию нефтехимии и созданию композиционных материалов.

О результатах сотрудничества, направлениях развития и проблемах нефтегазохимического комплекса Татарстана рассказал генеральный директор ОАО «Татнефтехиминвест-холдинг» Рафинат Яруллин. Он выделил перспективные направления

совместной работы. Среди важнейших задач обозначены создание инновационного центра в области нефтепереработки на базе комплекса «ТАНЕКО» и ОАО «Нижнекамскнефтехим», применение достижений нанотехнологий, совершенствование образовательных программ.

Докладчик пригласил ученых Российской академии наук к сотрудничеству в рамках создаваемых в республике инновационных центров (Центр инновационных энергосберегающих технологий ОАО «Татнефтехиминвест-холдинг», Центр наноразмерных технологий на базе технопарка «Идея»). С учетом перспективы развития нефтеперерабатывающей отрасли в Татарстане значительное внимание было уделено разработкам в этой области.

Сообщение о новых отечественных разработках в области нефтехимии, переработки нефти и газохимии сделал директор Института нефтехимического синтеза им.А.В.Топчиева РАН Саламбек Хаджиев. Он рассказал о новых катализаторах для процессов глубокой переработки нефти (гидроконверсии), переработки попутного газа в прямогонный или высокооктановый бензины или олефины.

«В Татарстане нам верят, здесь реализуются наши идеи», — этими словами заключил свое выступление Саламбек Хаджиев. Рустам Минниханов, отметив, что для республики очень важен вопрос увеличения производства этилена, подтвердил намерение Татарстана продолжать сотрудничество с институтом.

Директор Института катализа им.Г.К.Борескова Сибирского отделения РАН Валентин Пармон представил научные разработки по наноструктурированным катализаторам. Он подчеркнул, что сбалансированный и эффективный рост химического, нефтехимического и нефтеперерабатывающего комплексов России невозможен без наличия собственной и диверсифицированной катализаторной подотрасли. Академик выделил перспективные направления научно-технического сотрудничества Института катализа и организаций Татарстана, часть из которых уже реализуется предприятиями республики.

Рустам Минниханов рекомендовал по всем предлагаемым направлениям создать рабочие группы с участием «Татнефти», «Нижнекамскнефтехима», «ТАИФ-НК».

О положении российских технологий в современной нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности шла речь в выступлении генерального директора ОАО «ВНИПИнефть» Владимира Капустина. Он дал обзор конкурентоспособных отечественных технологий и катализаторов и призвал к ускорению развития и внедрения в промышленность отечественных разработок.

Пока же при строительстве новых и реконструкции действующих НПЗ применяются главным образом зарубежные технологии и катализаторы. Между тем мировые тенденции таковы, что цена нефти будет снижаться, и поэтому как никогда остро стоит вопрос об углублении переработки нефти в своей стране. НПЗ же с глубиной переработки менее 90 процентов будут убыточными, сказал ученый, заявив, что отечественные технологии, которые будут опробированы в Татарстане, могут тиражироваться по всему миру.

Парваз Берзигияров из Института проблем химической физики РАН сообщил о формировании технологических платформ РАН и включении ее инновационных разработок в группы технологий национальных технологических платформ. Он предложил татарстанским предприятиям участвовать в создании технологической платформы «Процессы и катализаторы для нефтегазопереработки, нефтехимического и органического синтеза».

О разработке, производстве и применении полимерных композиционных материалов как важнейшем элементе промышленной политики государства рассказал генеральный директор ФГУП «ВИАМ» ГНЦ РФ Евгений Каблов.

По итогам совещания предприятиям республики было рекомендовано проработать возможность применения представленных технологий и материалов, а также проведения совместных научно-технических работ в рамках программ сотрудничества.

Представленные материалы предложено принять за основу при формировании тематических планов научных исследований и разработок на период 2011–2014 годов.

УНИКАЛЬНЫЙ АРХИВ

Уникальный архив создан усилиями сотрудников отдела Госпремии и отдела по связям с общественностью и СМИ Академии наук Республики Татарстан. На сайте АН РТ впервые выложен полный список всех, кто был удостоен Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники за все годы существования этой престижной республиканской награды – с 1994 по 2009 гг., а также темы работ лауреатов.

Справка: Государственная премия Республики Татарстан в области науки и техники учреждена Президентом РТ М.Ш.Шаймиевым Указом №УП-206 от 16 апреля 1993 года в целях развития науки и техники РТ, стимулирования научно-технического прогресса и поощрения выдающихся достижений в области науки и техники РТ.

Начиная с 1994 года, а именно тогда состоялось первое вручение премии, по 2009 год всего было премировано 119 работ. Звания лауреата Госпремии РТ в области науки и техники удостоились 657 человек, из них 425 человек имели ученые степени.

Лауреатам Государственной премии вручается диплом, нагрудный знак и денежная премия. Весь список лауреатов Государственной премии РТ в области науки и техники можно посмотреть в рубрике «Госпремия РТ».

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН 11 НОЯБРЯ 2010 г.

11 ноября 2010 года в Академии наук Татарстана состоялось очередное заседание Президиума Академии наук Республики Татарстан, в котором принял участие первый заместитель Премьер-министра Республики Татарстан Р.Ф. Муратов.

Одним из самых интересных вопросов, обсуждаемых на президиуме, стал доклад заместителя директора ГУП РТ «ВНИПИМИ» В.П.Вейнова «Внедрение новых имплантантов для травматологии из субмикроструктурного титана с биоактивным кальций-фосфатным покрытием». В ходе обсуждения доклада развернулась дискуссия.

Главный ученый-секретарь Академии наук РТ Д.Ф. Загидуллина рассказала об утвержденном плане мероприятий, намеченных к проведению под эгидой Академии наук Республики Татарстан в 2011 году. Также на президиуме обсуждалось сообщение начальника отдела по связям с общественностью и СМИ АН РТ Р.В. Даутовой о мероприятиях по освещению в СМИ деятельности Академии наук РТ в связи с 20-летием, которое состоится в 2011 году.

Следующей темой, которая рассматривалась на заседании, был вопрос о подведении итогов на соискание Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники за 2010 год.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ПО ТЕМЕ «ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ Понижения УРОВНЯ ВОДЫ В РЕКЕ ВОЛГЕ»

12 ноября 2010 года в Торгово-промышленной палате Республики Татарстан состоялся круглый стол по теме «Экологические и экономические последствия понижения уровня воды в реке Волге». Организаторы — Торгово-промышленная палата Республики Татарстан, Академия наук Республики Татарстан, Общественная палата Республики Татарстан и Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Обсуждение прошло под руководством заместителя председателя Торгово-промышленной палаты Республики Татарстан В.А. Герасимова и председателя Научного совета по проблемам экологии при президиуме АН РТ В.З. Латыповой. В «круглом столе» приняли участие председатель Торгово-промышленной палаты РТ Ш.Р.Агеев, председатель Общественной Палаты И.К.Хайруллин, декан факультета географии и экологии КФУ, председатель Комиссии по экологической безопасности ТПП РТ О.П. Ермолаев, член Общественной Палаты РТ, председатель Поволжского центра политики и культуры Российской Федерации Е.А. Минакова, директор Института проблем экологии и недропользования АН РТ Р.Р. Шагидуллин, представители бизнес сообщества Республики Татарстан, руководители и специалисты-экологи крупных ведомств и предприятий Республики Татарстан (ОАО «Казанский завод синтетического каучука», ГУП «ПО Завод им. Серго», МУП «Водоканал», ОАО «Татводпроект», Институт независимой экспертизы РТ, Судходная компания «Татфлот», Трасовая компания «Татмелиорация», ЗАО «Таттрансгидромеханизация», ООО «Спецгидрострой», Министерство сельского хозяйства РТ) и др.

В процессе обсуждения были рассмотрены основные экологические требования к режиму использования воды водохранилища, а именно: обеспечение расходов воды, гарантирующих качество водных, биологических ресурсов, бесперебойной работы питьевых водозаборов, благоприятных условий для культурно-бытового водопользования населения, сохранности биоценозов и их способности к поддержанию процессов естественного саморегулирования.

Участники заседания отметили негативное влияние понижения уровня воды в Волге и водохранилище на результаты хозяйственной деятельности и экономической эффективности таких отраслей народного хозяйства, как судоходство, сельское и рыбное хозяйство, водоподготовка, строительство и др. Были сформулированы требования основных компонентов водохозяйственной системы к уровенному режиму Куйбышевского водохранилища.

На встрече было принято обращение к Правительству Республики Татарстан: выйти с законодательной инициативой в Федеральное агентство по водному хозяйству Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации о включении требования компонентов водохозяйственной системы к уровенному режиму Куйбышевского водохранилища (поддержания уровня воды на отметке не ниже 50 м) при плановом пересмотре (корректировке) «Правил использования водных ресурсов Куйбышевского водохранилища» в 2011–2013 гг. Помимо этого, участники круглого стола признали целесообразным восстановить Средневожское бассейновое водное управление Федерального агентства водных ресурсов МПР РФ со всеми полномочиями для оптимального управления водными ресурсами Средней Волги.

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА
ПРОБЛЕМ ЭКОЛОГИИ И НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ АН РТ

17–18 ноября прошло заседание ученого совета Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан. Вела заседание заместитель министра энергетики РТ, член-корреспондент АН РТ, доктор геолого-минералогических наук И.А.Ларочкина. На заседании присутствовали вице-президент АН РТ, член-корреспондент А.Ш.Зиятдинов; советник президиума АН РТ, академик Ф.Г.Хамидуллин; топ-менеджер АН РТ, член-корреспондент И.Ш.Хуснутдинов и другие приглашенные лица.

Концепция научного учреждения изменилась в 2008 году после того, как Институт экологии был реорганизован в Институт проблем экологии и недропользования. В настоящий момент в основе его деятельности – взаимодействие двух направлений: экологии и недропользования.

С отчетом о научной и научно-организационной работе, проделанной лабораториями института в 2010 году по первому направлению, выступил директор ИПЭН АН РТ Р.Р.Шагидуллин. Рифгат Роальдович начал с того, что рассказал о важных событиях последних двух лет, повлиявших на перестройку работы в институте: капитальный ремонт, закупка современного оборудования, аудит научной проблематики всех институтских лабораторий.

В настоящее время в институте проводятся работы по изучению биоразнообразия и биоресурсов наземных экосистем природно-заповедного фонда и хозяйственно освоенных территорий Республики Татарстан. Они приобретают особую актуальность в связи с глобальным изменением климата, засухой, обмелением рек, трансформацией лесного фонда региона. Сотрудниками четырех лабораторий экологического направления деятельности разрабатываются научно-методические принципы оценки качества поверхностных вод Республики Татарстан. Особо можно отметить проведение работ по оценке гидроэкологической ситуации на территории РТ, в частности, инвентаризации сведений по количественным запасам вод основных речных систем, уровня водопотребления, объемов и качества возвратных вод, подготовку базы данных, содержащей информацию по характеристикам речной сети РТ, по водным ресурсам бассейнов рек.

С результатами года по отделу прогнозирования перспектив нефтегазоносности территорий и оперативного управления геологоразведочными работами и отдела геологического моделирования познакомил участников заседания заместитель директора института Р.Р.Ганиев. Проблема восполнения и наращивания ресурсов нефти в Татарстане в условиях поздней стадии освоения недр, когда особенно остро встает вопрос обеспечения прироста запасов, является новой для института. Проводится глубокий анализ особенностей геологического строения западной части республики в сопоставлении с восточной, где нефтеносность недр доказана. В результате открыт ряд нефтяных месторождений и нефте- и битумопроявлений в республике и в приграничных с Татарстаном Ульяновской, Кировской областях и Республике Марий Эл. За работу в этом направлении «Оценка перспектив нефтеносности западной части Республики Татарстан с разработкой комплекса методов при поисках месторождений нефти» группе ученых и руководителей ведомств под руководством И.А.Ларочкиной в 2009 году была присуждена Государственная премия РТ в области науки и техники.

Озвученные на заседании ученого совета итоги работы института были признаны удовлетворительными. Затем последовали доклады заведующих лабораториями: агроэкологических разработок (Б.Р.Григорьян), биомониторинга

(О.В.Аськеев), биогеохимии (Д.В.Иванов), гидрологии (А.Т.Горшкова), гидробиологии (А.А.Ратушняк), эколого-аналитических измерений и мониторинга окружающей среды (О.Ю.Тарасов), экологических биотехнологий (А.М.Петров), экспериментальной экологии (М.Х.Гайнутдинов).

Все доклады содержали конкретные результаты научных исследований ученых Татарстана и отвечали актуальным проблемам экологии республики. По некоторым вопросам (например, изменение климата на территории Татарстана и влияние этого на живые организмы, органическое земледелие и возможность получения высокой урожайности даже при малом количестве осадков, состояние почв в республике и судьба заброшенных полей и т.д.) даже развернулась дискуссия, подтверждающая злободневность вопросов, над которыми в настоящий момент работают сотрудники Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан.

В завершение состоялся обсуждение новой монографии старейшего сотрудника института В.Г.Ивлиева «Пространственно-временная неоднородность населения птиц в обустроенном агроландшафте Республики Татарстан», которую решено было рекомендовать к печати.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ АН РТ

19 ноября 2010 года состоялось Общее собрание Академии наук Республики Татарстан. В его работе приняли участие первый вице-премьер Р.Ф.Муратов, заместитель министра образования и науки А.И.Поминов, руководители министерств и ведомств, представители научной и вузовской общественности Татарстана.

Общее собрание открыл президент Академии наук РТ, академик Ахмет Мазгаров. Он предложил почтить минутой молчания память умерших в 2010 году членов Академии наук РТ. Это: Валиев Камиль Ахметович – действительный член АН РТ, выдающийся ученый-физик, доктор физико-математических наук, академик РАН, лауреат Ленинской премии, лауреат Международной премии имени Е.К.Завойского; Зубаиров Делявер Мирзаабдуллович – действительный член АН РТ, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР, лауреат Государственной премии РФ в области науки, ведущий специалист в области биохимии и физиологии, председатель Комиссии Президиума АН РТ по именованным премиям; Усманов Миркасыйм Абулахатович – действительный член АН РТ, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РТ, крупный специалист в области археографии и истории, советник президиума АН РТ.

Президент АН РТ Ахмет Мазгаров рассказал об основных направлениях и результатах деятельности институтов и научных центров Академии наук Татарстана за 2010 год. Затем слово предоставили почетному академику АН РТ, академику РАН, директору Института проблем управления им.В.А.Трапезникова РАН Станиславу Николаевичу Васильеву (специалисту в области теории управления, математической кибернетики и системного анализа, выпускнику КАИ.) для публичной лекции «Наука об управлении: состояние и перспективы». По традиции Академии наук РТ каждый год один из вновь избранных членов АН РТ выступает перед научной общественностью Татарстана.

Работа собрания продолжилась торжественной церемонией вручения дипломов вновь избранным членам Академии наук РТ. Отметим, что выборы в Академии наук РТ прошли 25 мая 2010 года. В результате 1 человек стал действительным

членом академии, 6 – членами-корреспондентами, 4 – иностранными и 7 – почетными членами.

По Уставу Академии наук РТ иностранными или почетными членами Академии наук РТ избираются выдающиеся ученые, активно содействующие развитию научных исследований в Республике Татарстан. Сегодня в числе почетных и иностранных членов Академии наук РТ – всемирно известный астрофизик Сюняев Рашид Алиевич, директор Института океанологии им. П.П.Ширшова Нигматуллин Роберт Искандерович, профессор Висконсинского университета Юлай Шамильоглу (Соединенные Штаты Америки), профессор университета Мармара Надир Девлет (Турция) и многие другие. Они представляют Татарстан, Академию наук РТ в мировом научном пространстве. Почетное избрание напрямую связано с формированием международного имиджа Татарстана.

Из 7 вновь избранных почетными академиками в 2010 году на Общем собрании были вручены дипломы следующим ученым:

1) Кляшторному Сергею Григорьевичу – главному научному сотруднику, заведующему Отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, профессору.

Сергей Григорьевич Кляшторный – известный в мире исследователь древней и средневековой истории тюркских народов. Основные труды по памятникам древнетюркской письменности и этнокультурной истории Центральной Азии, памятникам рунического письма. Был редактором 1-го тома «Истории татар с древнейших времен». Проект реализуется во многом благодаря его поддержке.

2) Гринбергу Руслану Семеновичу – доктору экономических наук, профессору, члену-корреспонденту РАН, директору Института экономики РАН.

Руслан Семенович Гринберг – известный специалист по проблемам экономической теории, глобализации и регионализации мирового хозяйства, экономике и политике постсоветского пространства, роли государства в современной экономике. Автор более 300 опубликованных работ, в том числе монографии «Россия в условиях мирового кризиса» (М., 2009) и др.

3) Васильеву Станиславу Николаевичу – доктору физико-математических наук, профессору, академику РАН, директору Института проблем управления им. В.А.Трапезникова РАН.

Станислав Николаевич Васильев – специалист в области теории управления, математической кибернетики и системного анализа, выпускник КАИ. Основные научные результаты Станислава Николаевича Васильева связаны с исследованием устойчивости, управляемости, оптимальности и других динамических свойств нелинейных логико-динамических систем. Им разработаны методы редукции в анализе систем, методы многокритериального принятия решений с приложениями к задачам проектирования, регионального развития и другим.

4) Юнусову Файзрахману Салаховичу – доктору технических наук, заслуженному профессору КГТУ им. А.Н.Туполева.

Файзрахман Салахович Юнусов – крупный ученый и педагог, заслуженный изобретатель СССР и РСФСР, заслуженный деятель науки и техники РФ и РТ, лауреат Национальной технологической и Государственной премий РФ и РТ. Достиг значимых результатов в развитии авиационной промышленности и общего машиностроения. Им создана школа «Физико-механических и электрохимических способов формообразований деталей сложнопрофильными поверхностями». Исследования позволили повысить ресурс и надежность авиационных двигателей, сократить сроки выпуска, улучшить эксплуатационные показатели.

Дипломы иностранных членов Академии наук Республики Татарстан на общем собрании получили специально приехавшие в Казань на эту церемонию:

1) Абдулла Аббас – доктор биологических наук, профессор Института биологии и биотехнологий Синьцзянского университета (Китай):

Абдулла Аббас – один из основоположников изучения лишайников в Китае. Основные направления научной деятельности – лекарственные растения, морфология растений, биохимия. Он – член экспертно-консультативного центра Синьцзянского Народного правительства (аналог ВАК) и депутат Всекитайского собрания народных представителей.

2) Томас Штрайль – доктор наук, профессор, президент научно-производственной компании «SARAD» (Германия).

Томас Штрайль – признанный в мире специалист в области радиационной безопасности и приборостроения, участник многих международных исследовательских групп и проектов в области мониторинга состояния окружающей среды. Известен своими работами в ядерной физике и физике твердого тела, радиационной спектрометрии, разработке микросистем и радиодатчиков, геофизических приборов и систем многопараметрических измерений.

Дипломы почетным и иностранным членам вручил первый заместитель премьер-министра РТ Р.Ф. Муратов.

Работа общего собрания закончилась вручением дипломов лауреатам стипендий АН РТ, победителям конкурса студенческих работ. Лауреатами стали:

1) Трондин Альберт Александрович – студент 5 курса Казанского государственного медицинского университета,

2) Мавликеев Михаил Олегович – студент 5 курса Казанского государственного медицинского университета,

3) Ханова Алия Габделфаязовна – студентка 5 курса Казанского государственного технологического университета,

4) Хамидуллин Тимур Ильдусович – магистрант Казанского государственного энергетического университета,

5) Малацион Алексей Сергеевич – магистрант Казанского государственного энергетического университета,

6) Баширова Альбина Булатовна – магистрант Казанского государственного энергетического университета,

7) Хамитова Регина Ивановна – студентка 5 курса Елабужского государственного педагогического университета,

8) Сабирова Лилия Робертовна – студентка 5 курса Альметьевского государственного нефтяного института,

9) Костяева Екатерина Викторовна – студентка 5 курса Альметьевского государственного нефтяного института,

10) Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна – студентка 5 курса Казанского федерального университета,

11) Сафина Алиса Азатовна – студентка 3 курса Казанского государственного архитектурно-строительного университета,

12) Миннегараева Ландыш Сагитовна – студентка 2 курса Казанской государственной академии ветеринарной медицины,

13) Федонина Евгения Владимировна – студентка 3 курса Казанского государственного университета культуры и искусств,

14) Гарипова Регина Радиковна – студентка 5 курса Казанского государственного университета культуры и искусств,

15) Шириязданов Рустэм Рафисович – студент 4 курса Казанского государственного аграрного университета.

Настоящим подарком для собравшихся стало выступление ансамбля «Гармония», лауреата международного конкурса «Париж-Казань-транзит». Руководитель ансамбля – Народная артистка Республики Татарстан Люция Исмагилова.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ III ТОМА КНИГИ «ИСТОРИЯ ТАТАР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН»

23 ноября 2010 года в Академии наук Татарстана состоялась презентация III тома «Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV вв.» книги «История татар с древнейших времен» в 7 томах. На встрече присутствовали президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров, директор Института истории им.Ш.Марджани АН РТ Рафаэль Хакимов, а также другие ученые и общественные деятели.

Презентацию открыл директор Института истории им.Ш.Марджани Р.С. Хакимов. «Долгие годы проблема изучения истории Золотой Орды находилась под запретом. Вследствие чего многие исторические исследования в этой области оказались односторонними, – сказал Рафаэль Сибгатович. – Благодаря кропотливым исследованиям на протяжении последних 20 лет, нам удалось подготовить и издать этот фундаментальный труд мирового уровня. Важно отметить, что над исследованиями данной проблемы трудились не только татарстанские, но и зарубежные ученые».

Президент АН РТ Ахмет Мазгаров подчеркнул, что «издание III тома является важным событием не только в истории Академии наук РТ, но для всего татарского народа».

Научным редактором и организатором третьего тома «Истории татар» был Миркасыйм Абдуллахатович Усманов – доктор исторических наук, профессор, крупный специалист в области археографии и истории, советник президиума АН РТ. «Миркасыйм Усманов жил этим трудом, он ждал этого дня. Изданием этого тома мы достойно почтим память Миркасыйма Усманова», – сказал Р.Хакимов.

«Золотоордынский период – это ключевой этап в истории татарского народа. Исследовать эту тему было непросто. В разработке книги было задействовано более 40 российских и зарубежных авторов, из них 17 – ученые Татарстана. На сегодняшний день это лучшая работа по истории Золотой Орды, – отметил Дамир Исхаков. – Усилиями большого числа ученых мы смогли подняться на новый, более высокий уровень в изучении своей истории».

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ В ГУБЕРНСКОЙ КАЗАНИ»

26 ноября 2010 года в Институте истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан состоялся научно-практический семинар «Образование и просвещение в губернской Казани».

Работа семинара проходила в 2 сессиях: «Институты конфессионального образования в Казани» и «Вопросы развития образования в губернском городе».

Прозвучали доклады «Организаторы татарского женского образования в Казани в начале XX в.» доцента кафедры истории и культуры татарского народа КПФУ А.Х.Махмутовой, «Особенности организации мусульманского конфессионального образования в Казани XIX в.» зав.отделом средневековой истории Института

истории им.Ш.Марджани АН РТ И.К.Загидуллина, «Переводческая деятельность Казанского комитета Российского Библейского общества» профессора кафедры философии, истории и педагогики Чебоксарского кооперативного института Российского университета кооперации Л. А.Таймасова.

Участники семинара познакомились и с результатами научных изысканий доцента кафедры истории, культурологии, архивоведения Казанского государственного энергетического университета Л.М.Хуторовой по теме «Училище и гимназия К.Л. Мануйловой: из истории негосударственных учебных заведений Казани конца XIX – начала XX вв.» и доцента КПФУ С.А. Фроловой по теме «Основатели частных школ и пансионатов России: портреты руководителей (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.)» и др.

29 ноября 2010 года в эфире телеканала «Культура» в проекте «Академия» прозвучала лекция академика РАН и АН РТ Александра Коновалова «Супрамолекулярные системы – мост между неживой и живой материей». Лекцию можно посмотреть на сайте: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=100199>.

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ИМ. Ш.МАРДЖАНИ АН РТ

2 декабря 2010 года в выставочном зале «Манеж» (Казанский кремль) состоялось расширенное заседание ученого совета Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, посвященное 15-летию Национального центра археологических исследований им. А.Х.Халикова.

Национальный центр археологических исследований является ведущей научной структурой в организации изучения памятников археологии на территории современного Татарстана. Он был создан в 1995 г. в соответствии с Постановлением Кабинета министров РТ «Об организации исследований и сохранности памятников археологии на территории Республики Татарстан» на основе Отдела археологии Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН РТ с присвоением ему статуса головной организации в проведении всех археологических исследований на территории республики. После создания в 1996 г. Института истории АН РТ Национальный центр археологических исследований (НЦАИ) вошел в состав нового института и стал одним из его крупных подразделений.

1990-е годы в деятельности НЦАИ отмечены, несмотря на огромные трудности, возникшие в академической науке в переходный период, крупными достижениями. Наиболее весомыми достижениями, получившими широкий общественный резонанс, стали результаты археологических исследований на территории Казанского кремля и в исторической части города. В кремле было изучено более 20 тыс. кв. м, выявлены напластования домонгольского времени и связанные с ним объекты, обнаружены монументальные здания ханского двора (мечеть, дворец, мавзолей), изучена динамика развития застройки. Полученные в ходе раскопок материалы позволили установить время возникновения города Казани, что стало определяющим в подготовке и праздновании 1000-летия города в 2005 году.

С конца 1990-х годов началась реконструкция исторического центра Казани, развернулись охранные работы при строительстве новых зданий и прокладке коммуникаций. Исследования опирались на опыт охранных работ, накопленных в 1920–1980-е годы археологами Казани. За последние годы в городе были проведены подобные работы на десятках объектах строительства.

Значительное место в работе Национального центра занимают охранные исследования на объектах археологии. Крупными зонами разрушения являются Куйбышевское и Нижнекамское водохранилища. Их изучение начиная с периода подготовительных работ до затопления осуществлялось археологами Казани, Москвы и сопредельных территорий. Воды Куйбышевского водохранилища из-за неустойчивости абразионной береговой зоны ежегодно подвергаются разрушению около 900 археологических памятников. Археологами центра ведутся обследования состояния памятников, а на наиболее угрожающих участках осуществляются охранные работы.

В связи с реализацией комплексного проекта «Культурное наследие: древний город Болгар и остров-град Свияжск» 2010 год ознаменован широкомасштабными археологическими исследованиями на территории Болгарского городища и острова Свияжск, в которых сотрудники НЦАИ принимают самое непосредственное участие.

Сотрудники Центра также активно ведут исследования по сохранению памятников истории и культуры и в других регионах Российской Федерации (в Астраханской, Нижегородской, Рязанской областях, в г. Санкт-Петербурге и т.д.).

«ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ НА ПРОСТОРАХ КАМЫ»

3 декабря 2010 года в селе Макаровка Лаишевского муниципального района состоялось торжественное открытие информационных стендов по проекту ученика Ташкирменской школы Эмиля Шарафутдинова «Экологический туризм на просторах Камы». Организаторы мероприятия: Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, региональный организатор Российского национального конкурса водных проектов старшеклассников в РТ.

Проект Эмиля Шарафутдинова стал победителем Российского национального конкурса водных проектов старшеклассников 2010 года и был поддержан партнером конкурса – компанией Кока-Кола ЕйчБиСиЕвразия, а также Институтом консалтинга экологических проектов (Москва) – национальным организатором конкурса.

В рамках церемонии прошла экологическая конференция с участием школьников Казани и Лаишевского муниципального района на базе Ташкирменской школы.

В КАЗАНИ ПРОШЛА XI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАНОТЕХНОЛОГИИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ»

С 7 по 10 декабря 2010 года в рамках программы выставки «Нанотехнологии. Казань-2010» состоялась XI Международная конференция «Нанотехнологии в промышленности». Организаторы конференции – Академия наук Республики Татарстан, Казанский государственный технический университет им. А.Н.Туполева, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский государственный технологический университет им. С.М.Кирова. Также в работе научного мероприятия участвовали ведущие ученые, специалисты органов государственной власти и промышленных предприятий России и зарубежья.

Участники выставки и конференции провели обсуждение проблем и перспектив развития научной и производственной деятельности в области использования полезных особенностей и достоинств объектов наномира.

В рамках научной конференции прошел также полуфинальный тур программы У.М.Н.И.К. по программе Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. Цель программы – выявление молодых ученых, стремящихся самореализоваться через инновационную деятельность, и стимулирование массового участия молодежи в научно-технической и инновационной деятельности путем организационной и финансовой поддержки инновационных проектов.

По результатам выступлений жюри определило участников, прошедших в финальный тур конкурса. Среди студентов различных вузов были и представители Казанского федерального университета:

- Ринат Шагиев «Система контроля и оптимизации энергопотребления на основе технологии Smart Grid»,
- Елена Казакова «Электрокаталитическое окисление щавелевой кислоты на высокоориентированном пирографите, покрытом нафионовой пленкой с включениями наночастиц палладия»,
- Евгения Бурилова «Контрастные агенты для магнитно-резонансной томографии на основе наноразмерных агрегатов комплексов металлов».

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ПРЕЗИДЕНТА РТ РУСТАМА МИННИХАНОВА

8 декабря 2010 года в Академии наук Татарстана состоялся «круглый стол» под председательством Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова по вопросам внедрения инновационных технологий добычи нефти на месторождениях ОАО «Татнефть» и малых нефтяных компаниях Татарстана. Организаторы «круглого стола» – Аппарат президента РТ, Академия наук Татарстана, Совет по научно-технической и инновационной политике, Научный совет по геологии и разработке нефтяных месторождений при президиуме АН РТ.

Сначала Президент РТ Рустам Минниханов познакомился с выставкой-презентацией нефтяного научно-внедренческого кластера РТ, которая была развернута на втором этаже Академии наук РТ. Ученые кратко рассказали о некоторых наиболее интересных актуальных технологиях для разработки нефтяных месторождений.

Открывая «круглый стол», Р.Н.Минниханов отметил важность и необходимость таких встреч и предложил ученым встречаться, как минимум, один раз в год. «Нефтяная отрасль была и будет локомотивом экономики нашей республики. Наука Татарстана должна в первую очередь работать на республику. И здесь мы должны быть лидерами тех технологий и методов, которые позволят республике быть конкурентоспособной», – сказал Президент Татарстана, предоставляя слово докладчикам.

На «круглом столе» прозвучали следующие доклады:

Р.Х. Муслимова (консультанта президента РТ по вопросам разработки нефтяных и нефтегазовых месторождений, академика АН РТ и РАЕН) – «Проблемы модернизации и развития инновационных технологий разработки нефтяных месторождений в связи с существенным изменением ресурсной базы нефтяной отрасли РТ».

Р.Х.Закирова (генерального директора ЗАО НИЦ «Геотехнефтегаз») – «Об инновационном проектировании систем разработки нефтяных месторождений как главном направлении в модернизации нефтяной отрасли Республики Татарстан».

Н.А.Лебедева (генерального директора ОАО «НИИнефтепромхим») — «О системном подходе к применению новейших методов увеличения нефтеотдачи на месторождениях Республики Татарстан и проблемах вовлечения в рентабельную эксплуатацию бездействующих, малодобитных и высокообводненных скважин».

Ф.И.Мифтахова (главного геолога ЗАО «Нефтеконсорциум») — «Об основных подходах к созданию научного полигона и к отбору технологий для рентабельной разработки мелких и мельчайших залежей высоковязкой нефти в карбонатных коллекторах сложного строения».

Г.В.Романова (зав. лаб. химии и геохимии нефти ИОФХ им. А.Е.Арбузова КазНЦ РАН) — «О фундаментальных исследованиях в химии и геологии остаточных нефтей и их значение для будущего нефтяной отрасли Татарстана».

Ю.А.Волкова (директора Центра совершенствования методов разработки нефтяных месторождений при АН РТ, ученого секретаря научного совета при президиуме АН РТ по геологии и разработке нефтяных месторождений) — «Об особенностях инновационного развития нефтяной отрасли Республики Татарстан и необходимости коммерциализации получаемых при этом результатов интеллектуальной деятельности».

Заслушав все выступления, Р.Н.Минниханов отметил, что необходимо объединить усилия ученых и нефтяников по созданию полигонов на базе ОАО «Татнефть» и ЗАО «Нефтеконсорциум», межведомственных центров. Предложенные учеными технологии должны проанализировать эксперты, чтобы отобрать наиболее перспективные из них. Прошли времена лозунгов «дайте нам деньги!». Проектами надо заинтересовать различные инвестиционно-венчурные фонды. Также президент республики выразил пожелание приглашать на такие встречи коллег из Казахстана, знакомиться с опытом зарубежных ученых, работающих в нефтяной отрасли.

11 декабря 2010 года в газете «Республика Татарстан» опубликована статья президента Академии наук РТ А.М.Мазгарова «Вклад в мировую копилку опыта и знаний» по поводу работ, удостоенных Госпремии РТ в 2010 году. Познакомиться со статьей можно в рубрике «Пресс-центр» — «Актуальные публикации».

А.М.МАЗГАРОВ: «РЯД РАБОТ ПРОТИВОРЕЧИТ ЗАКОНАМ ПРИРОДЫ»

14 декабря 2010 года в Кабинете министров РТ прошел брифинг по итогам конкурса «50 инновационных идей для Республики Татарстан». В этом году на конкурс было заявлено полторы тысячи работ. Уже известны имена номинантов конкурса, но они не будут объявляться до церемонии награждения.

147 ПРОЕКТОВ НА 167 МЛН РУБЛЕЙ

«Имена номинантов станут известны сегодня вечером», — сообщил журналистам директор инвестиционно-венчурного фонда РТ Айнура Айдельдинов. Он также проинформировал, по каким номинациям отбирались проекты. Итак, в этом году конкурс проходил по семи номинациям: «Перспектива», «Старт инноваций», «Наноимпульс», «Сотрудничество», «Лучшее изобретение года», «Социально-экономическое развитие РТ», «Инновации в образовании». «В этом году заявки на конкурс подали 1503 автора идей, что в три раза выше, чем в 2005 году, когда конкурс только стартовал, — сказал Айдельдинов.

Заинтересованность участников в проекте понятна: победители получают не только поощрение в виде премии, но и возможность участвовать в грантовых программах, в частности, в инновационном проекте «Идея-1000». Глава ИВФ напомнил, что за четыре года действия проекта было профинансировано 147 проектов на сумму более 167 млн рублей. Айдельдинов также сообщил о наиболее активных участниках конкурса. Так, наибольшее количество заявок поступило от Академии наук РТ, Общества изобретателей и рационализаторов, Министерства образования и науки, Казанского государственного технологического университета, Казанского Государственный аграрного университета. Всего конкурсом предусмотрено 60 премий, дополнительно по 10 полугодовых премий авторы идей получают от партнеров конкурса: ОАО «Ак Барс» Банк, ОАО «Татнефтехиминвестхолдинг» и ОАО «Связьинвестионефтехим». «Кстати, в дальнейшем есть задумки привлечь к партнерству корпорацию “РОСНАНО”», – сообщил Айдельдинов.

КТО НЕ ОСВОИЛ ВУЗОВСКИЙ КУРС, ТОГО ОТСЕЯЛИ

«Посевной стадией инвестиционных проектов» назвал реализуемые программы по поддержке инновационного предпринимательства в республике генеральный директор ОАО «Инновационно-производственный технопарк «Идея» Сергей Юшко. В частности, речь шла о программе «Идея-1000», финансируемой из двух бюджетов: федерального в лице Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и регионального – посредством ИВФ совместно с технопарком «Идея». Юшко отметил, что в 2009 году в данный проект было вложено более 60 млн рублей из расчета 50 на 50. Но участие в данном проекте может позволить себе далеко не каждый предприниматель: программа подразумевает не только ассигнования в инновационные проекты, но и жесткие требования к ее участникам.

Что касается отбора идей. Любопытно, как выяснилось в ходе брифинга, далеко не все проекты могли претендовать не только на звание «лучший», но и на само понятие «инновационный».

Об этом говорит академическая экспертиза присланных на конкурс работ, которую проводили эксперты. «В этом году более 50 процентов экспертизы было проведено силами Академии наук РТ», – сообщил президент Академии Ахмет Мазгаров. И вот что было обнаружено: «Ряд работ противоречат фундаментальным законам природы, – сказал Мазгаров, – авторы идеи, по всей видимости, недостаточно хорошо освоили вузовский курс математики, физики, химии. Такие работы мы отсеивали».

Причиной такого провала, считает академик, в том, что в целом снизился уровень образования в стране. Мазгаров также отметил, что наиболее сильные проекты традиционно заявлены в области нефтехимии и нефтегазопереработки. Наука занимает сильные позиции там, где есть объекты промышленности, потребности производства двигают науку – это аксиома, – резюмировал президент АН РТ.

ХОРОШИХ ИДЕЙ НЕ ТАК УЖЕ И МНОГО

Любая инновационная идея, это, несомненно, прорыв. Только расстояние от ее возникновения до реализации в конечный продукт нередко растягивается на годы.

Корреспондент «Бизнес Online» задал вопрос, касающийся коммерциализации проектов-номинантов: за пять лет, что существует конкурс, имеются ли идеи, получившие реальное воплощение?

— Конечно, есть, — ответил Айдельдинов. — Два года назад набережночелнинская компания, производящая тренажеры, выставлялась на венчурной ярмарке, в результате ею заинтересовалась финская компания. Хотя отмечу, мы работаем с компаниями на ранней стадии развития, однако где-то 20 компаний уже подвели к этому уровню. Порядка 10 компаний у нас имеют готовый конечный продукт, некоторые из них заключили контракты и уже поставляют свою продукцию своим партнерам.

Мазгаров внес, как он выразился, свое академическое дополнение: «Хороших идей не так уже и много. Где-то половина на половину, что касается коммерциализации, то здесь работу необходимо вести параллельно: повышая уровень идей, повышать и их коммерциализацию».

В свою очередь, Юшко выразил свою точку зрения. Бюрократия не всегда является ступором в развитии инноваций, считает он. «И то, что у нас хромает коммерциализация, так и во всем мире. Хороших идей существенно меньше, чем плохих. И дело даже не в идеях, речь идет о новаторе, о человеке, который способен идею реализовать. Мы находимся внутри этой статистики. Но мы хотим быть лучшими, поэтому татарстанские программы немного агрессивнее, причем дающие шанс на реализацию проектов».

Остается добавить, что торжественная церемония награждения победителей конкурса «50 лучших инновационных идей для РТ» состоится 20 декабря. Тогда и станет известными имена тех, кто способен не только создать идею, но и ее реализовать.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «СОЗДАНИЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА»

15 декабря 2010 года в Академии наук Республики Татарстан состоялся межрегиональный научно-практический семинар «Создание интерактивной среды для формирования креативного мышления учащихся в условиях инновационного учебного процесса». Организаторы семинара – Управление образования ИКМО РТ, Академический лицей им.Н.И. Лобачевского, Академия наук РТ, Международная педагогическая академия.

Работа семинара прошла по трем секциям. В первой секции под названием «Естественно-математический цикл» учитель Е.В.Ультриванова рассказала об использовании проблемных ситуаций при формировании креативного мышления на уроках математики. Во второй секции «Английский язык» был показан урок-презентация «Мы едем в США», организован круглый стол «Наша цивилизация: за и против». В третьей секции «Гуманитарный цикл» Т.В.Беспалова рассказала о формировании компетенции публичного выступления на уроках истории.

После окончания семинара организаторами было предложено проведение повторной более расширенной конференции с приглашением коллег из других городов республики.

**В АН РТ ПРОШЛА ВСТРЕЧА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ЦЕНТРА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

20 декабря 2010 года в Академии наук Республики Татарстан прошла встреча с представителями Международного центра сельскохозяйственного образования при Министерстве сельского хозяйства Турецкой Республики. Во встрече приняли участие генеральный директор «Татмелиоводхоз» М. М. Хисматуллин, академик-секретарь отделения сельскохозяйственных наук АН РТ Р.Л.Сахапов, руководитель Международного Центра сельскохозяйственного образования при Министерстве сельского хозяйства Турции Халук Устун, начальник отдела сельскохозяйственных машин Министерства сельского хозяйства Турции Хакан Чагатай Башаран и др.

Главной темой беседы был вопрос о возможности реализации совместного проекта по мелиорации и ирригации сельского хозяйства в Республике Татарстан. Представители турецкой делегации рассказали о своих методах орошения почв, которые помогают получить хорошие всходы зерновых культур и собирать богатый урожай.

М.М.Хисматуллин отметил, что в республике всего 4,5 млн гектар посевных угодий, из них 700 тысяч гектар орошаемы. Но из-за двухлетней засухи вопрос ирригации является актуальным для республики. Халук Устун подчеркнул, что в случае необходимости Центр сельскохозяйственного образования при Минсельхозе Турции может помочь Татарстану в проведении специальных курсов обучения по орошению картофеля и сахарной свеклы, а также курсов по проектированию методов орошения.

В свою очередь, ученые Академии наук РТ выразили свою готовность к сотрудничеству с Турцией в области сельского хозяйства.

**ВРУЧЕНИЕ УДОСТОВЕРЕНИЙ И ДИПЛОМОВ ЛАУРЕАТАМ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ РТ В ОБЛАСТИ НАУКИ
И ТЕХНИКИ ЗА 2010 ГОД**

30 декабря 2010 года в Академии наук Республики Татарстан состоялось вручение удостоверений и дипломов лауреатам Государственных премий Республики Татарстан в области науки и техники за 2010 год. Ученых, удостоенных в 2010 году почетных премий, поздравил президент АН РТ А.М.Мазгаров и все руководство Академии наук РТ.

**РУСТАМ МИННИХАНОВ ВРУЧИЛ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕМИИ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН 2010 ГОДА В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ**

30 декабря 2010 года в Казанском кремле Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов вручал Государственные премии Республики Татарстан 2010 года в области науки и техники. Звания Лауреатов Государственной премии РТ были удостоены 35 татарстанских ученых.

Рустам Минниханов отметил: «Республика Татарстан всегда славилась своим потенциалом – образовательным, научным, производственным, и сегодня, когда мы говорим о конкурентоспособности субъектов федерации, этот потенциал является основным движущим элементом дальнейшего развития. Те процессы модер-

низации, которые сейчас происходят в стране и в которых Татарстан принимает активное участие, невозможны без науки, без усилий ученых. Я особенно рад, что среди представленных работ и проектов есть такие, в которых задействованы и научный потенциал, и интересы бизнеса».

Президент Татарстана подчеркнул, что развитие науки должно быть многогранным: кроме экономики, в республике есть и другие сферы, о развитии которых мы не должны забывать, — это история, язык, традиции, и в этих направлениях тоже ведется большая научная работа.

Итак, Государственную премию Республики Татарстан за работу «Органические производные фуллеренов — «строительные» блоки при создании наноматериалов для электроники и медицины» получил коллектив ученых Института органической и физической химии им. А.Е. Арбузова КазНЦ РАН под руководством И.А.Нуретдинова.

Группа ученых под руководством академика Академии наук РТ, президента Казанского (Приволжского) федерального университета М.Х.Салахова была удостоена Государственной премии РТ за цикл работ «Взаимодействие оптического излучения с веществом: теория, эксперимент, приложения».

«Механизм сопряжения процесса циркуляции калия в растениях и поглощения воды корнем как основа приема повышения устойчивости сельскохозяйственных культур к засухе» — так называлась работа, за которую гл.научному сотруднику Института проблем экологии и недропользования АН РТ А.А.Зяялову и начальнику отдела координации и развития научных исследований Министерства образования и науки РТ И.С.Газизову также была присуждена Государственная премия РТ.

Группа ученых под руководством ведущего научного сотрудника ЗАО «Республиканский научно-производственный центр «Семруг» Т.Г.Ахметова получила Госпремию РТ за цикл работ «Химическая технология неорганических веществ».

Ученые-нефтяники под руководством зав. лаборатории повышения нефтеотдачи заводненных пластов Татарского научно-исследовательского и проектного института нефти (ТатНИПИнефть) М.И.Амерханова отмечены Государственной премией РТ за работу «Исследования и промышленная реализация комплекса технологических решений по повышению надежности промышленного транспорта нефти».

Группе ученых под руководством профессора кафедры химической технологии переработки нефти и газа КГТУ Р.З. Фахрутдинова присудили Госпремию РТ за работу «Инновационные, энергосберегающие технологии интенсивного испарения и электромагнитной активации в процессах добычи и переработки тяжелого нефтяного сырья».

Государственной премии удостоены также член-корреспондент Академии наук РТ, судья Конституционного суда РТ Ф.Н.Багаутдинов за цикл работ «Современные проблемы противодействия преступности и пути их решения» и зав. кафедры истории и политологии Казанского государственного финансово-экономического института Э.Р. Тагиров за цикл работ «История татарского народа в контексте культуры мира с древнейших времен до современности».

АХМЕТ МАЗГАРОВ ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В ПРОГРАММЕ «КИТАП»

12 января 2011 года в программе «Китап» телекомпании «Новый век» в качестве гостя принял участие президент Академии наук Республики Татарстан Ахмет Мазгаров.

Ведущий программы – народный поэт Татарстана Роберт Миннуллин – вместе со своими гостями ведет беседу о разных книгах: от произведений раннего средневековья до современных постмодернистских романов. А.М.Мазгаров поделился воспоминаниями о том, какое место занимали книги в его детстве и студенчестве. Президент Академии наук Татарстана рассказал о наиболее значительных книжных новинках, которые увидели свет благодаря усилиям ученых Татарстана, в частности Академии наук РТ.

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНХС РАН И НАУЧНОГО СОВЕТА РАН

14 января в Институте нефтехимического синтеза РАН состоялось торжественное заседание ученого совета ИНХС РАН и научного совета РАН по химии ископаемого и возобновляемого углеродсодержащего сырья, посвященное 70-летию Саламбека Наибовича Хаджиева, академика РАН, члена Академии наук исламского мира, директора ИНХС, Почетного академика АН РТ. В юбилейных торжествах принимал участие президент Академии наук Татарстана А.М.Мазгаров.

Заседание началось с обстоятельного доклада С.Н.Хаджиева, посвященного главным итогам деятельности и современным проблемам, над которыми работают сотрудники Института нефтехимического синтеза РАН. Затем последовали выступления коллег юбиляра, представителей научных институтов. Президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров вручил Почетному академику АН РТ С.Н.Хаджиеву благодарственное письмо от Президента Республики Татарстан Р.Н.Минниханова, поздравительный адрес от Академии наук Татарстана и памятные подарки. Академика С.Хаджиева также поздравили с 70-летним юбилеем президент РФ Д.А.Медведев, академик РАН и АН РБ, Почетный академик АН РТ, директор Института океанологии им. П. П. Ширшова Р.И.Нигматуллин, государственные и общественные деятели, крупные ученые России, СНГ и зарубежных стран.

Справка: Саламбек Наибович Хаджиев – известный ученый-нефтехимик, признанный специалист в области переработки нефти, превращений высокомолекулярных нефтяных остатков и высокомолекулярных природных нефтей и битумов, нефтехимического синтеза, катализа на цеолитах, синтеза специальных высокоплотных нефтяных топлив; автор свыше 350 научных работ, в том числе 120 авторских свидетельств и патентов.

Работы С.Н.Хаджиева явились научной основой серии высокоэффективных процессов нефтепереработки и нефтехимии, внедренных в РФ и за рубежом.

С.Н.Хаджиевым впервые выдвинут и обоснован новый механизм реакций каталитического крекинга углеводородов на цеолитных катализаторах с участием тетра(пента-) координированных карбониевых ионов, сформулированы новые положения о природе высокой активности и селективности разнообразных промышленных катализаторов на основе цеолитов в превращении углеводородов и их технических смесей. Проведенные С.Н.Хаджиевым исследования промышленно значимых каталитических реакций нефтепереработки привели к созданию оригинального высокоэффективного реактора для осуществления реакции в трехфазной системе с пленочным режимом течения жидкой фазы. Обширные исследования С.Н.Хаджиева по гидродинамике лифт-реакторов и кинетике реакций крекинга углеводородов и нефтяных фракций на цеолитах в нестационарных условиях при временах контакта от 0,1 до 3 сек. завершились разработкой оригинального высокопроизводительного реактора с восходящим потоком микросферического катализатора. Съем целевого продукта с единицы катализатора в новом реакторе

в 10–15 раз выше. На основе технологий, созданных под научным руководством С.Н.Хаджиева, работают в промышленности комплексы каталитического крекинга Г-43-107 мощностью 2,0 млн тонн сырья в год (Москва, Уфа, Грозный, Лисичанск, Баку, Павлодар), комплексы глубокой переработки нефти КТ-1 мощностью 4,0 млн тонн в год по сырью (Омск, Мажейкйяй, Болгария). Им созданы мощные (200 тыс. тонн в год) высокопроизводительные установки алкилирования для получения высокооктанового компонента бензина. Установка построена в Болгарии и на НПЗ в г. Омске. Исследования С.Н. Хаджиева в области цеолитных катализаторов нефтехимии завершились строительством и вводом в эксплуатацию ряда промышленных установок.

Своими работами С.Н. Хаджиев заложил основы для создания не имеющего аналогов высокоэффективного процесса конверсии тяжелых нефтяных остатков и других углеродсодержащих материалов в трехфазной системе с наноразмерными частицами гетерогенного катализатора. Они открывают путь для полностью безотходной переработки нефти. За рубеж проданы общей стоимостью более 5,0 млн долл. США 9 лицензий (США, Германия, Югославия, Болгария) на использованные патенты С.Н. Хаджиева с соавторами.

Работы С.Н.Хаджиева по исследованию термических, термокаталитических и каталитических реакций нефтепереработки, проведенные в последние годы, открыли новые направления решения важнейших технических задач. Под его руководством защищено 23 кандидатские и 4 докторские диссертации. Он автор и соавтор 336 научных работ, в том числе 117 авторских свидетельств и патентов.

С.Н.Хаджиев – председатель научного совета РАН по нефтехимии, главный редактор журнала «Нефтехимия», председатель секции Российского национального комитета по Международным нефтяным конгрессам, член ученого и диссертационного советов ИНХС им. А.В. Топчиева РАН.

С.Н.Хаджиев награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», ему присвоены звания «Почетный нефтехимик СССР», «Почетный работник ТЭК РФ».

ВЫЕЗДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК РТ

4 февраля 2011 года в Институте проблем экологии и недропользования Академии наук РТ состоялось выездное заседание президиума Академии наук РТ, в котором принял участие первый заместитель Премьер-министра РТ Равиль Муратов.

С докладом об опыте Института проблем экологии и недропользования в научном сопровождении решения актуальных экологических проблем в Татарстане выступил директор ИПЭН АН РТ Рифгат Шагидуллин.

Он напомнил, что Институт проблем экологии и недропользования Академии наук РТ был образован 11 сентября 2008 года. В институте работают 10 докторов и 32 кандидата наук. «Мы активно готовим свои научные кадры. В аспирантуре института обучается 11 человек. За истекшие 3 года защищено 3 кандидатские диссертации», – отметил Р.Шагидуллин. Основной целью института является проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в области экологии, геологии, недропользования и охраны окружающей среды, получение теоретических и экспериментальных результатов и их практическое применение.

За 3 года сотрудниками института опубликовано более 400 научных работ, в том числе 10 монографий, 73 статьи в рецензируемых научных журналах, из них 19 – в международных. Получено 7 патентов на изобретения. Выполнены научные ис-

следования в рамках двух грантов Российского гуманитарного научного фонда и трех республиканских молодежных грантов.

«Нами разработан проект концепции создания в Республике Татарстан «Музея реки». Такой музей может быть создан на острове-граде Свяжск (река Свяга) и в городе Казани (река Казанка). В России в настоящее время нет аналогов такого рода музея», — отметил Рифгат Шагидуллин. Планируется также издание иллюстрированного Атласа почв Республики Татарстан — научно-популярного путеводителя по почвам республики для использования в учебном процессе вузов и школ республики.

В рамках заседания президиума АН РТ состоялось подведение итогов конкурса именных премий академии 2010 года и конкурсов «Лучший ученый 2010 года», «Молодой ученый 2010 года». Также был утвержден проект состава и план работы Научного совета при Совете безопасности РТ, подведены итоги конкурса стипендий Академии наук РТ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА И КАЗАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

8 февраля 2011 года в Академии наук Республики Татарстан состоялось торжественное собрание Академии наук Татарстана и Казанского научного центра РАН по случаю празднования Дня российской науки. В мероприятии приняли участие первый вице-премьер РТ Равиль Муратов, президент АН РТ Ахмет Мазгаров, председатель КазНЦ РАН Олег Сияшин, президент Казанского (Приволжского) федерального университета Мякзюм Салахов и другие.

Собрание открыл президент АН РТ Ахмет Мазгарович Мазгаров, который поприветствовал его участников и напомнил, что научные достижения тем значительнее, чем активнее поддерживает науку государство, особо подчеркнул значение сотрудничества Академии наук Татарстана и КазНЦ РАН. «Сегодня открытия ученых Республики Татарстан находят свое применение в самых различных сферах: химии, нефтехимии, физике, строительстве, промышленном и оборонном комплексах, сельском хозяйстве — везде, где внедряются передовые технологии», — подчеркнул он. Ахмет Мазгаров зачитал поздравления от коллег из Башкирии и Якутии.

Затем перед научной общественностью выступил председатель КНЦ РАН Олег Герольдович Сияшин. В своем выступлении он отметил, что национальная безопасность страны определяется ее научным потенциалом, поэтому особенно радует, что в последние годы перспективная молодежь активно потянулась в науку. «Нынешний год, — напомнил Олег Герольдович, — объявлен ООН Годом химии и одно из основных мероприятий, связанных с этим, — Бутлеровский конгресс — пройдет в Казани».

Министр образования и науки РТ Альберт Харисович Гильмутдинов порадовал собравшихся тем, что впервые молодежный фестиваль науки пройдет не только в Москве, но и в Казани. Фестиваль состоится 20–22 апреля 2011 года.

После всех приветственных слов президент Казанского (Приволжского) федерального университета, академик АН РТ Мякзюм Халимулович Салахов выступил с научной лекцией «Нанооптика: достижения и перспективы». Он рассказал об истории и становлении нанооптики, о проблемах, достижениях и перспективах этой научной области. В частности, упомянул о разработке новой технологии изготовления металлических игловок, используемых для зондов, применяемых в

нанооптике, об исследовании биологами КФУ работы нейронных клеток в жидкой среде, о том, как идет подготовка специалистов по нанооптике, и о многом другом.

Затем, по традиции, состоялось чествование научных династий, в этот раз это были известные династии Коноваловых, Сигал и Зиганшиных. Уже четвертый год Академия наук РТ отмечает заслуги представителей славных научных семей перед отечественной наукой. Равиль Фатыхович Муратов отметил, что «это замечательно, когда знания в той или иной области передаются в семьях из поколения в поколение. У нас в республике очень много достойных династий, неординарных людей, из которых вырастают великие ученые». Представителей династий наградили специальными дипломами и памятными подарками.

В рамках торжественного мероприятия состоялось вручение Благодарственных писем Президента РТ и Кабинета Министров РТ. За достойный личный вклад в развитие науки и образования «Благодарственные письма Президента РТ» получили действительный член АН РТ, советник президиума АН РТ Фильза Гарифович Хамидуллин и член-корреспондент АН РТ, вице-президент АН РТ Айрат Лесталевич Абдуллин. За активное содействие в реализации научно-технических программ развития науки и техники в Республике Татарстан Нагрудным знаком «Почетный работник науки и техники Российской Федерации» и дипломом награжден начальник научно-организационного отдела аппарата президиума Академии наук РТ, доктор технических наук Рашит Гарафудинович Яхин. Ведущие ученые учреждений КазНЦ РАН были награждены «Благодарственным письмом Премьер-министра РТ» за высокие личные достижения и в связи с празднованием Дня российской науки.

В этом году впервые в День науки награждались лауреаты X Международного Салона инноваций и инвестиций. Победителям были вручены дипломы и премии.

Также состоялось награждение лауреатов именных премий АН РТ. Премию им.Ш.Марджани в области гуманитарных наук присудили доценту КФУ Альте Хазеевне Махмутовой за работу «Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби)». За цикл работ «Развитие агроэкологического наследия академика ВАСХНИЛ В.П.Мосолова в современных условиях воспроизводства плодородия почв на основе биологизации земледелия и нефтегазового техногенеза» вручили премию им. В.П.Мосолова члену-корреспонденту АН РТ, ученому секретарю ОСХН АН РТ Роберту Гиниятуллину Ильязову, зав.отделом агрохимии и адаптивных технологий возделывания сельскохозяйственных культур ТатНИИСХ Рафилю Сабиновичу Шакирову и начальнику отдела токсикологических, радиологических анализов и охраны окружающей среды «Центра агрохимической службы «Татарский» Азифу Ибрагимовичу Ахтямову. Премии им.В.А.Попова были удостоены зав. лабораторией гидрологии Института проблем экологии и недропользования АН РТ Асия Тихоновна Горшкова, судебно-медицинский эксперт медико-криминалистического отделения республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы МЗ РТ Константин Евгеньевич Санников, научный сотрудник лаборатории гидрологии ГБУ ИПЭН АН РТ Айрат Ренатович Валетдинов за работу «Интерактивная база данных «Диатомовые водоросли» (для целей судмедэкспертизы) и программное обеспечение к ней».

Кроме того, были подведены итоги конкурса «Лучший ученый 2010 года». Победителям вручены сертификаты и премии. Но на этом награждения и поздравления не закончились. Почетные грамоты получили научные сотрудники КазНЦ РАН по итогам 2010 года.

**ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ М.Б. ПИОТРОВСКОГО
В РАМКАХ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ**

9 февраля 2011 года в Академии наук Республики Татарстан в рамках празднования Дня российской науки состоялась публичная лекция члена-корреспондента РАН, действительного члена Российской академии художеств, почетного члена АН РТ, директора Государственного Эрмитажа М.Б.Пиотровского «Кораническая археология».

С приветственным словом перед участниками мероприятия выступил президент АН РТ А.М.Мазгаров. «Становится доброй традицией проведение в Академии наук публичных лекций крупных ученых, политиков и деятелей культуры Российской Федерации и Татарстана. Такие встречи дают нам возможность общения и помогают услышать точку зрения известных деятелей науки и культуры об актуальных темах», — отметил он.

После публичной лекции состоялась церемония вручения диплома М.Б. Пиотровскому в связи с избранием его в почетные члены Академии наук Татарстана. «Поддержка, внимание и забота М.Б.Пиотровского в области сохранения, изучения духовного и материального наследия наших предков достойны благодарности научного сообщества Татарстана. Решение Академии наук РТ об избрании профессора М.Б.Пиотровского почетным членом АН РТ является признанием его заслуг как видного ученого и талантливого организатора науки и культуры. Для нас — это большая честь!» — отметил Ахмет Мазгаров.

Затем состоялось награждение лауреатов конкурса «Лучший молодой ученый — 2010 года», студентов-стипендиатов АН РТ весенне-летнего семестра 2011 года. Пятеро студентов, прибывших из Средней Азии для обучения в вузах Казани, удостоились премией им. Ш.Т.Хабибуллина.

*Хронику событий подготовил отдел
по связям с общественностью и СМИ АН РТ*

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статье профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от технической дора-

ботки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.
- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.
- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.
- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).
- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями
и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

***ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.***

***ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ
С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!***